

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского

Филологические этюды

Сборник научных статей молодых ученых

Выпуск 22

Часть I–III

Саратов

2019

УДК 8(082)
ББК (81+83)я43
Ф54

Ф54 **Филологические этюды:** сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. –
Саратов, 2019. Вып. 22, ч. I–III. – 246 с.

Сборник статей молодых ученых составлен по материалам Всероссийской научной конференции «Филология и журналистика в XXI веке», состоявшейся в апреле 2018 года и посвященной памяти профессора В.Е. Гольдина. Сборник состоит из трех частей: литературоведческой, журналистской и лингвистической.

Для специалистов-филологов, преподавателей и студентов-гуманитариев.

Редакционная коллегия:

Г.М. Алтынбаева (отв. редактор), *Т.А. Волоконская*, *Д.В. Калуженина*, *Р.И. Павленко*,

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор *О.И. Дмитриева*

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

УДК 8(082)
ББК (81+83)я43

Работа издана в авторской редакции

ISSN 1997-3098

© Саратовский университет, 2019

О.Ю. Крючкова

Валентин Евсеевич Гольдин: жизнь – университет – лингвистика

(Из выступления на Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной памяти профессора В.Е. Гольдина. Саратов, СГУ, 25 апреля 2018 г.)

Ровно год назад, в первый день нашей апрельской конференции, во время пленарного, как сегодня, заседания, мне позвонил Валентин Евсеевич и сказал, что, к сожалению, не сможет прийти, как планировал, на конференцию. В тот день Валентин Евсеевич, пропустив, пожалуй, впервые, пленарное (на это время была назначена консультация у врача), собирался все же прийти на секцию. Попытки заранее отговорить его от этого намерения (чувствовал он себя плохо) успеха не имели. И дело было не только в высочайшей ответственности, но прежде всего – в большом, неподдельном интересе к науке, в том числе и той, в которой свои первые шаги делают молодые. Дело было в том, что университет и лингвистика были неотделимы от его жизни. Таким был Валентин Евсеевич. Именно таким мы знали его, безмерно уважали и любили!

Валентин Евсеевич всегда принимал участие в конференциях молодых, внимательно слушал доклады студентов и аспирантов, заинтересованно разбирал их научные опыты, своими вопросами и замечаниями помогал лучше понять или по-новому увидеть обсуждаемую проблему.

В день начала апрельской конференции прошлого года Валентин Евсеевич узнал о неутешительном диагнозе. 9 ноября 2017 г. он ушел из жизни. Это случилось в Израиле.

Незадолго до этого (летом) Валентин Евсеевич прислал мне фрагменты воспоминаний о своей жизни. Сегодня мне хотелось бы донести и до вас хотя бы частичку из того, что было осмыслено и описано им самим. Мы услышим в этом живой голос Валентина Евсеевича, узнаваемую – его – интонацию, его, так хорошо знакомый многим из нас, образ мыслей.

«...я был и остаюсь самым обычным человеком, – предваряет свои воспоминания Валентин Евсеевич, – ни в каком смысле не выдающимся, и жизнь моя – самая обыкновенная. Обычной была и жизнь родителей». В этом самоощущении нет ни тени наигранности (это вообще не было свойственно Валентину Евсеевичу). Именно такое ощущение себя (обычным человеком) было для него естественным и комфортным. Но обычное вовсе не было для него заурядным, ничем не примечательным. «...бывает и так, – пишет Валентин Евсеевич, – что как раз самое обычное представляется интересным и начинает нас особенно занимать».

И все же, даже с этой поправкой, когда думаешь о Валентине Евсеевиче, ум и душа противятся определению «обычный». Валентин Евсеевич был ярко талантлив во всем, чем занимался. Окружающие ждали от него незаурядных

(как теперь говорят – прорывных) идей, предложений, ждали верного решения и спасительного совета в трудных ситуациях. И эти ожидания неизменно оправдывались.

В любых обстоятельствах он оставался настоящим, искренним, неподдельным, а поэтому и глубоко порядочным – качества тоже отнюдь не из разряда совсем уж обыкновенных.

Родители Валентина Евсеевича (Евсей и Ева Гольдины) были медиками: отец – военным врачом, мама работала в клинической лаборатории. По долгу службы отцу приходилось перемещаться вместе с военной частью, поэтому детство и юность Валентина Евсеевича богаты своей географией: Симферополь (где он родился – 12 октября 1935 г.), Липецк, Куйбышевская (ныне Самарская) область, Грозный, Ялта, Энгельс Саратовской области и вновь Крым.

Из детства идет многое из того, что сохранилось навсегда во взрослой жизни: любовь к книге, умение увлекать других, стремление узнавать о мире не только из книг, но и самостоятельно, опытным путем, постижение огромной ценности встреч с хорошими учителями. Вот несколько отрывков из воспоминаний Валентина Евсеевича.

О книгах:

«Грамоте меня научили рано, так что к тому времени, когда надо было поступать в школу, я читал уже бегло и поэтому получал от чтения удовольствие. Это был 1942 год. Мы <...> жили тогда в Серноводске Куйбышевской области.... К вечеру в не очень большой комнате занимаемой нами деревенской избы собиралось за столом целых 10 человек. И почти все читали. Горела сделанная из медной радиаторной трубки коптилка с четырьмя тонкими дырочками, из которых выходили язычки пламени. Так тогда освещались все. <...> Помню толстые большеформатные однотомники Пушкина и Гоголя, басни Крылова, изданные в роскошной серии “Золотая библиотека”, том стихотворений Некрасова. Мне давали “Вечера на хуторе близ Диканьки”, “Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”, и я читал за общим столом». И это в 7-милетнем возрасте!

«В Грозном я продолжал учиться в начальной школе. Когда выяснилось, что могу легко и довольно выразительно читать, учительница стала время от времени давать мне книгу сказок и оставлять за себя в классе, когда ей нужно было куда-нибудь уйти. Я читал эти сказки вслух, и класс спокойно сидел и слушал. Иногда приходили учителя из других классов, которым тоже нужно было на время отлучиться, тогда учительница сдавала меня “на прокат”».

«В четвертом классе настала пора научно-популярной литературы. Помню книгу о Майкле Фарадее. Сильно увлекла замечательная книга А.Е. Ферсмана “Занимательная минералогия”: подбирал, где попадались, кусочки камня, нес их домой и пытался определить минерал. Со школьными товарищами <...> мы образовали кружок, который именовали своим “научным обществом”; собиралось это “общество” <...> дома, и пыталось ставить простейшие химические опыты».

Об учителях:

Уже к 5-му классу «...выяснилось, что учителя не одинаковы: одни способны целиком захватывать наше внимание и приводить в волнение, а другие – нет. На самом первом уроке истории учитель спросил нас: “Знаете, как течет Нил?”. Мы не знали. Тогда он медленно развел руки в стороны и молча стал делать ими плавные волнообразные движения. Мы смотрели, вытянув шеи, и вдруг поняли, как колеблется большая живая вода Нила, поняли, что Нил – это не просто линия на карте! Учитель, оказывается, понимал нас, понимал, как именно надо нам объяснить. Класс был им завоеван.

Нечто похожее, когда мы, школьники, пришли в восторг от того, что учитель, как оказалось, абсолютно понимал нас, случилось позже, в шестом или седьмом классе. <...> Нашу учительницу биологии несколько раз заменял один из научных сотрудников знаменитого Ялтинского Института виноградарства и виноделия <...>, серьезный немолодой мужчина. На одном из уроков он объяснял действие ферментов и привел такой пример: “Допустим, вы на уроке положили в рот кусочек хлеба, а прожевать и проглотить его не можете, потому что учительница смотрит на вас. Вот вы сидите и держите хлеб во рту и вдруг чувствуете, что он становится сладким...”. Мы были поражены. Наверное, половина класса как раз в этот момент сидела с кусочками хлеба во рту, а другая половина тоже отлично знала, как это бывает! Родители давали нам в школу хлеб с чем-нибудь или просто хлеб. Дотерпеть до большой перемены было трудно, и на уроках мы отщипывали по кусочку от хлеба и старались незаметно положить их в рот. Тогда и происходило то, о чем говорил преподаватель. Мы были благодарны ему за то, что он все это знал, а функция ферментов запомнилась нам на всю жизнь».

Валентин Евсеевич позже стал именно таким учителем, умеющим понятно и неожиданно, увлекательно и незабываемо рассказать о сложном. Вот фрагмент из видеолекции Валентина Евсеевича об одном из свойств традиционной культуры – понятии сложном в его строгом научном истолковании:

«Женщина, очень пожилая, рассказывала, как впервые она увидела самолет.

Где-то в 30-е гг. на луг рядом с деревней сел самолет, маленький самолет. И, конечно, вся деревня бросилась к самолету щупать его, смотреть. И это тоже очень важно – именно щупать. Потому что для народного восприятия мира важно то, что мы называем полимодальностью. То есть не через слово, не через ум воспринять, а руками, зрением, языком, если угодно. То есть всеми чувствами воспринять. И вот бросились туда. А женщина эта в это время была тяжело больна, и она была уверена, что умирает. Она не вставала, думала, что ей осталось несколько дней. Но вот ей сказали, что такое диво... Для нее это было очень страшно. Страшно, потому что она верила в предсказания, что настанет такое время, когда опутают землю железные путы и полетят железные птицы, и это будет означать конец мира. Но она попросила, чтобы ей помогли добраться туда, на этот луг. И ей помогли, буквально отнесли ее туда. И тогда она попросила, чтобы летчики (там было два летчика) вышли из самолета, а ее чтоб посадили на

место пилота. Почему вышли? Чтоб не дай Бог не взлететь. И ее посадили. Это было еще страшнее. И когда она осмотрелась, то упала в обморок, потеряла сознание. Ее буквально замертво отвезли домой. (Но она потом поправилась). И я спросил: “Бабушка, если это было так страшно, зачем же Вы туда полезли? Зачем Вы это сделали?”. Она ответила так, как будто я бы должен был и сам понимать. Она говорила: “Вот видите, вот наши отцы-матери – они же этого не видели. А я умру, так я на том свете им расскажу”.

Понимаете? Она совершила подвиг. Это действительно подвиг. Она преодолела свой страх ради знания. Но ради знания чьего? Не детей и не внуков. И понятно – они и так увидят, они летать будут. А ради знания тех, кто уже ушел. Вот тех поколений. Почему это так? Вот что это – странность или это правильно, это соответствует духу народа? На самом деле позже я понял, что это не странно, а так и должно было быть. Дело в том, что есть два типа культур. Одни культуры ориентированы на новое. Это вот наша современная городская культура. Нас пленяет все новое. И мы думаем, что новое – это значит хорошее. На самом деле новое не обязательно должно быть хорошим. Но вот наша культура такая. Мы все стремимся к новому: новый телефон, новая машина, новый костюм. Это все хорошо.

Традиционная крестьянская культура другого типа. Она ориентирована не на новое, а на традицию. Люди той культуры жили так, как жили деды, как жили прадеды. Почему? А они имели опыт. Они жили в течение веков. Они пережили голод, они пережили войны, они пережили многие напасти. И они накопили опыт. Вот как они жили, так и удавалось жить. И надо жить так же. И вот эта культура (а такие культуры называются холодными в антропологии) – это культура предков. Это культура, в которой особое значение имеют обычаи, приметы. Это как раз вот то, что характерно для крестьянской культуры. И отсюда забота о том, чтобы и ушедшие поколения что-то от нас получили. Вот эта связь с ушедшими – она здесь проявилась замечательно. И вот... каждая экспедиция приносила вот такие маленькие черточки. Маленькие, но сильные впечатления, которые постепенно складывались в целое представление о том, что крестьянская речь – это не просто другая речь о том же, о чем мы говорим, горожане, о чем мы думаем, что мы переживаем. Это речь другой культуры. Другой, не худшей, а просто другой, которую надо знать и понимать» [Гольдин].

В 1953 г., когда семья жила в Энгельсе, Валентин Евсеевич поступил в Саратовский педагогический институт на факультет русского языка и литературы, а в 1958 г. закончил уже Крымский пединститут в Симферополе, куда перевелся на последний курс в связи с возвращением семьи в Крым.

После окончания института по распределению Валентин Евсеевич 4 года работал учителем и завучем в сельских школах Крыма. Преподавал русский язык, литературу, историю и даже украинский язык. Из воспоминаний Валентина Евсеевича об этом невероятно трудном в бытовом отношении, но счастливым времени профессионального становления:

«Надо сказать, что работали мы в школе с большим удовольствием, на

уроках все получалось, и мы чувствовали, что в институте нас хорошо подготовили и что преподавание – это профессия, которую мы, безусловно, имеем». При этом сельский учитель – учитель особенный. Это тоже постигал на опыте молодой педагог.

«Учитель сельской школы, – пишет Валентин Евсеевич, – живет и работает в особых условиях. Все, с кем ему приходится иметь дело, – это родители или по крайней мере родственники его учеников <...>. И каждый хочет говорить с ним о своем ребенке, а учитель должен держать в памяти успехи, удачи и неудачи их детей и не отделяться общими фразами. И, конечно, нельзя сказать, как это бывает в городе: “Знаете, он отстает по русскому языку. Я советую нанять ему репетитора”. Надо просто пригласить его придти к тебе за помощью и стараться помогать ему.

Ученики для сельского учителя – это не те, кто определенное время проводит в школе, а потом исчезает неизвестно куда до следующего дня. В селе никто не исчезает, все на виду, и это не чужие дети, а все “наши...”. Все они, умные и не очень, послушные и озорники, правдивые и вруны, трудолюбивые и с ленцой, здоровые и больные – все они наши, обо всех надо в равной мере заботиться и ни от кого из них нельзя отмахнуться.

С другой стороны, в селе и учитель все время на виду. О нем все всем, в том числе ученикам, известно, и за пределами школы он такой же житель села, как остальные. <...> При всем том ни он, ни другие не забывают, что он УЧИТЕЛЬ и представляет в селе науку и культуру. И то и другое село всегда уважало и переносило это отношение на самого учителя. Но соответствовать представлению людей о настоящем учителе, сохранять нужный уровень и не опускаться сельскому учителю, конечно, не просто».

В те первые годы самостоятельной работы проявилась особенная черта Валентина Евсеевича – желание и умение выйти за очерченные установленным распорядком границы привычного, совершить прорыв к новому, к будущему. Вот один из эпизодов учительской биографии Валентина Евсеевича: «Конец 50-х – начало 60-х гг. – время первых больших успехов в освоении космоса, и общий интерес к космосу был огромным. Именно тогда в нашей школе появился свой телескоп. Произошло это так. Каждый год школам выделялись определенные суммы на приобретение наглядных пособий, учебных приборов, химической посуды, реактивов. В Симферополе был специальный склад, где по безналичному расчету можно было все это купить. Учителя заранее говорили, что требуется в первую очередь для преподавания их предметов, колхоз на один день выделял школе грузовик, и мы с водителем отправлялись в Симферополь.

Уже отобрав все, что на этот раз удалось найти из заказанного, и соображая, как распорядиться остатком суммы (она должна была быть потрачена полностью за один раз), я обратил внимание на довольно длинный ящик и спросил, что в нем. Оказалось, что это был хорошо упакованный школьный телескоп, – не игрушечный, не модель, а самый настоящий! <...> Телескоп школы не брали, так как стоил он дорого, а школьный курс

астрономии обходился без ночных занятий. Но телескоп – это мечта всех детей и моя тоже! Я стал считать. Если отказаться от части химической посуды, от самых дорогих реактивов, от некоторых портретов выдающихся ученых, тоже не дешевых, то оставшейся у нас суммы могло хватить...

В школу мы явились с телескопом. Учительница химии устроила мне скандал и, конечно, была права; учитель физики, который вел у нас и астрономию, заявил, что проводить уроки ночью ему не позволяет здоровье, да и что скажут родители об уроках в это время?! По-своему он тоже был прав. Учителям телескоп не был нужен, и получалось, что я напрасно потратил на него деньги.

Но дети! Уже на следующую ночь мы с группой старшеклассников устроились с телескопом во дворе школы и сразу направили его на Луну. По очереди мы смотрели в телескоп и испытывали настоящее потрясение: в телескоп были отлично видны лунные кратеры, четкие тени гор, а главное – было полное впечатление, что Луна совсем близко, что мы смотрим на нее уже не с Земли, а откуда-то из самого космоса. Это было даже немного страшно, но завораживало. В телескопе все звездное небо было другим: глубже и ближе. Телескоп давал нам ощущение космоса! Теперь я убежден, что каждому человеку надо хотя бы однажды посмотреть на небо через окуляр телескопа и почувствовать себя в космосе».

Так в сельской школе появился телескоп – окно в будущее. А через 30 лет на нашем факультете именно стараниями Валентина Евсеевича появился первый компьютер и первый компьютерный класс. Это было в начале компьютерной эры, так же, как телескоп, бывший в начале эры космической.

1962 г. – начало вузовской работы. В этом году Валентин Евсеевич поступил в аспирантуру к Лидии Ивановне Баранниковой. Одновременно работал на кафедре русского языка Саратовского пединститута. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию по русской диалектологии «К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике». Материал для диссертации собирался в том числе и так: «Ходил пешком по Вологодской области, осенью, – вспоминал Валентин Евсеевич. – Примерно месяц я ходил из деревни в деревню и собирал себе научный материал».

С 1968 г. Валентин Евсеевич работает в Саратовском государственном университете. В 1988 г. Лидия Ивановна передает Валентину Евсеевичу заведование кафедрой общего и славяно-русского языкознания. В течение 16 лет – по 2004 г. – Валентин Евсеевич заведовал кафедрой. А научным и духовным лидером кафедры он оставался и в последующие годы. Этим высочайшим ориентиром для нас остается он и сейчас.

Около 50 лет жизнь Валентина Евсеевича была связана с Саратовским университетом. Валентин Евсеевич – почетный профессор университета, заслуженный работник высшей школы РФ.

Валентин Евсеевич был инициатором открытия новой специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» (теперь «Фундаментальная и прикладная лингвистика»), организовал при кафедре лабораторию прикладной

лингвистики, поддерживал и развивал работу кабинета русской диалектологии (ныне – Центр изучения народно-речевой культуры), инициировал издание серии сборников «Жанры речи» и был первым редактором этой серии, выросшей впоследствии в одноименный научный журнал, стоял у истоков экспертной лингвистической деятельности в нашем городе, был вдохновителем и деятельным участником становления известного в городе Центра языка и культуры «Слово».

Под руководством Валентина Евсеевича защищены 20 кандидатских и 2 докторские диссертации. Ученики Валентина Евсеевича работают в вузах нашего города, в других городах и странах.

Валентину Евсеевичу были интересны самые разные стороны жизни языка. В большом перечне дисциплин родной для Валентина Евсеевича кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики совсем немного таких, которые бы не преподавал в разные годы Валентин Евсеевич или, по крайней мере, не участвовал бы в их становлении. Все, что есть в сегодняшнем названии кафедры – теория языка, история языка, прикладная лингвистика, – связано с Валентином Евсеевичем, каждое из этих самостоятельных направлений обогащено оставленным нам опытом, оригинальными идеями, перспективными замыслами Валентина Евсеевича. Он щедро делился с коллегами и учениками всем, что знал, над чем размышлял, что видел в перспективе.

Валентин Евсеевич был очень живым и жизнерадостным человеком, он умел радоваться жизни, видеть в ней прекрасное, любил и хорошо понимал музыку и природу. Все это сохранялось в нем всегда, и в дни тяжелой болезни. Вот несколько строк из последних летне-осенних писем Валентина Евсеевича:

Июль: «Сегодня я слушал в интернете марши Дунаевского, а потом стал слушать любимые арии из “Онегина” в разном исполнении. Добрался до Галины Писаренко – Татьяны! Боже, сколько замечательного, истинно “божественного” создано в этом мире, и какое счастье для узников болезни и разных обстоятельств, что есть Интернет!».

Сентябрь: «21 и 22 сентября отмечается Новый год по еврейскому календарю... Хозяева садилов при домах закупают (к Новому году!) рассаду цветов и уже цветущие растения и высаживают. Наш хозяин поставил к нашему входу большой ящик с цветущим портулаком и бегонией. Так что и мы к празднику готовы».

Таким же живым, увлекающимся был Валентин Евсеевич в науке. Два года назад в интервью для университетской газеты Валентин Евсеевич так оценил ощущение себя в научном творчестве: «У актеров такое бывает: хотел сыграть какого-то персонажа всю жизнь, но не сыграл. Наше положение от актерского отличается в лучшую сторону тем, что, если нам что-то интересно, никто не мешает этим заняться. Актеру мешает – не ставит режиссер этот спектакль, не берет его на эту роль! А мне интересно – я беру и занимаюсь».

Интересно Валентину Евсеевичу было многое. В списке его научных работ мы найдем исследования по русской диалектологии, русской фонетике, истории русского языка, по проблемам общей теории языка, речевой коммуникации,

жанров речи, психолингвистики, прикладной лингвистики. Широкую известность получили монографии «Этикет и речь» (1978), «Речь и этикет» (1983), «Обращение: теоретические проблемы» (1987), неоднократно переиздававшиеся московскими издательствами.

Любой темой занимался Валентин Евсеевич тщательно, досконально. Никогда не позволял себе выступить с докладом или опубликовать научную работу наспех, глубоко не продумав проблему и не изучив всесторонне уже сделанное в данной области. Помню, как он не раз говорил: «Меня беспокоит, что я что-то упустил, чего-то не учел». И снова шел в библиотеку. Это была высочайшая научная честность, позиция настоящего ученого, главным интересом которого была наука, а не свое место в ней. А место – очень значительное – само находило его.

Внимание к разным лингвистическим объектам и проблемам никогда не отодвигало интереса Валентина Евсеевича к народной речи, с изучения которой начался его путь в лингвистику. Диалектологические исследования Валентина Евсеевича, как и его научные интересы в целом, отнюдь не ограничены рамками одной проблематики, они связаны с разными направлениями диалектологии. Первые научные работы Валентина Евсеевича (1960-е–1970-е гг.) и его кандидатская диссертация посвящены вопросам лексико-семантической системности русских говоров. Затем (в 1980-е–1990-е гг.) Валентин Евсеевич изучает общую специфику диалектной речи, ее коммуникативные особенности. Его докторская диссертация «Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии», защищенная в 1997 г. в виде научного доклада, открыла новое научное направление – коммуникативную диалектологию, направление, которое получило широкую поддержку среди диалектологов и сегодня является перспективной областью русской диалектологии. Валентин Евсеевич стоял у истоков нового прикладного направления – корпусной диалектологии. В начале 1990-х гг., когда в нашей стране еще только зарождалась компьютерная лингвистика, Валентин Евсеевич предложил структуру электронного диалектологического текстового корпуса. Эта концепция в 2000-е гг. послужила основой крупного проекта – мультимедийного диалектологического корпуса, разрабатываемого в нашем университете Центром изучения народно-речевой культуры.

Идеи Валентина Евсеевича повлияли на становление корпусной лингвистики в нашей стране. Из письма, полученного от коллектива создателей Национального корпуса русского языка в скорбные дни прощания с Валентином Евсеевичем: «Новаторские для своего времени и ставшие классическими работы Валентина Евсеевича об устной и диалектной речи и способах ее описания, о речевых жанрах и устной речевой культуре во многом повлияли на концепцию представления устных и диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка». Высокая оценка от высоких профессионалов!

Валентин Евсеевич любил коллективную научную работу, он не раз говорил о том, что и студентам надо прививать навык работать в научном коллективе.

Современная наука, считал он, требует такой формы организации научного труда. Валентин Евсеевич умел создавать научные коллективы. У него немало работ, выполненных в соавторстве с коллегами, большинство учебных пособий с его участием – тоже плод коллективного труда.

Экспедиционная работа была одной из важнейших и любимых форм научной работы. Вот как Валентин Евсеевич рассказывает о начале этого пути:

«Моя первая экспедиция состоялась в 1954 г. Я тогда только перешел на второй курс Саратовского пединститута, на отделении русского языка и литературы я учился, и мне очень повезло. В чем повезло? Повезло дважды. Во-первых, в том, что в это время лингвисты занимались реализацией очень крупного, может быть, самого крупного коллективного проекта. Собирались материал, чтобы создать Атлас русской народной речи в Европе. <...> Нужно было обследовать Европейскую территорию России таким образом: разбили ее мысленно на клеточки (10 на 10 каждая клеточка была), и вот в каждой такой клеточке нужно было обследовать речь хотя бы одного села. Вот вы можете представить себе, сколько это надо было обследовать сел. Это более 10 тысяч сел надо было обследовать. Обследовать речь, полностью ее описать. И не просто обследовать – чтобы это потом положить на карты, нужно было бы, чтобы каждый говор описывался точно по одной и той же методике, чтобы эксплораторы (то есть те, кто исследовал) отвечали на одни и те же вопросы, по одной и той же программе работали. Значит сколько нужно было эксплораторов, чтобы это не затянулось на сотни лет? Нужно было очень много. И тогда приняли решение использовать студентов. Обучать их, отправлять их. Студентов много, филологов. И вот я попал в число этих студентов.

И второе везение заключалось в том, что в Саратове этой работой руководил замечательный ученый, в будущем профессор, доктор филологических наук, Лидия Ивановна Баранникова, которую мы считаем основателем Саратовской лингвистической школы. И почти все, кто сегодня работают в Саратове (лингвисты), это либо прямые, либо уже такие “внучатые” ученики Лидии Ивановны Баранниковой. Так вот повезло-то в том, что Лидия Ивановна предложила нам, первокурсникам, готовится к экспедициям. И мы с большим энтузиазмом в течение года изучали транскрипцию, развивали свой лингвистический слух, изучали программу, то есть готовились к этим поездкам. И вот летом как раз состоялась первая диалектологическая экспедиция. И с тех пор я диалектологией и занимаюсь».

В течение нескольких десятилетий Валентин Евсеевич руководил диалектологическими экспедициями, обследовавшими русские народные говоры для Диалектологического атласа русского языка, Общеславянского диалектологического атласа, Атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья.

Экспедиционная работа приносила не только богатый материал для диалектологических атласов, но давала такой жизненный опыт, такие уникальные наблюдения, которыми хотелось поделиться в научно-популярной форме. Родилась идея «написать серию коротких рассказов о реальных ситуациях и

событиях диалектологических экспедиций в жанре «записок диалектолога». Существуют же “Записки врача”, “Записки охотника”, – почему не быть запискам диалектолога?», – пишет в своих воспоминаниях Валентин Евсеевич.

Несколько первых рассказов из этой серии были опубликованы в научно-популярном журнале РАН «Русская речь» (1986, № 1). «Они, – вспоминает Валентин Евсеевич, – прошли без редакторской правки, в том виде, как были мною написаны. Этой публикацией я остался вполне доволен, так как чувствовал, что выразил то, что хотел.

Следующие рассказы <...> оказались сильно испорчены самовольной редакторской правкой. Без согласования с автором текст перекроили и придали ему совершенно не планируемое мною звучание. В частности, в рассказе об одном конкретном старике-крестьянине я показывал, как возрождаются интерес к жизни и ослабевший интеллект человека, которому помогли задуматься о том, какими словами пользуются деревенские жители в разных ситуациях. <...> Старик стал сначала для нас, диалектологов, потом уже для самого себя вспоминать слова, перебирать, собирать их и был поражен, сколько всего, почти забытого, утраченного им и другими, продолжает жить в слове, как много слов есть у человека, был поражен, как я писал, “великим пространством речи”. Редакция вставила уточнение “великим пространством русской речи” и этим исказила смысл: высказывание об удивлении человека перед открывшимся ему значением речи в жизни, речи вообще, оказалось подмененным привычным прославлением собственного языка... Я выразил редакции возмущение не согласованной со мной правкой, и “рассказов диалектолога” больше не публиковал». Вот фрагмент из рассказа Валентина Евсеевича об этом эпизоде диалектологической экспедиции и поймем, что открылось тогда собирателю народной речи, и о чем он хотел рассказать:

«Его [старика-крестьянина] интересовало, что же я пишу: “Ты мне прочти, что ты там пишешь”. Ну я немножко ему прочел. Я сказал, что я записываю слова. “Какие слова?”. “Ну вот же, вот, скажем, “зáполек”, вот это Вы сказали слово, вот это...”. Он понял, что я записываю слова за ним. Тогда его заинтересовало: “А сколько ты записал слов?”. Ну я говорю: “Я не считал, сколько. Ну наверное, тысячу”. И дед стал рассуждать. Понимаете, он ожил. Он говорит: “Вот мы говорили с тобой про подсеки, про нивки. Ну там было много слов. Вот дом, поставить дом – тут сколько слов?! А если пойти в лес, а там в лесу разные деревья, вот там эти бугры, у всего названия есть. Есть лес старый, а есть “ра́мень” – молодой лес и так далее. А там сколько слов! А если даже печку взять – а у нее вот это чело, шесток, печурки, да труба эта и так далее, и там в ней сколько... А хлеб испечь! Одни только горшки, в которых это ставят...”. И вот он стал перечислять, перечислять: “А поехать куда-то – а дорога, а вот эти вóлки (вóлок – это разные участки дороги), их только перечислить...”. И он в конце концов пришел к тому, что сколько же слов использует крестьянин, сколько ему нужно слов! В тысячах он это измерить не мог. Он просто понял, что это невероятно много, и что он этим владеет, а мы нет. И вот мы у него учимся».

С конца 1990-х гг. в сферу научных интересов Валентина Евсеевича прочно входит психолингвистика. С 1998 г. под руководством Валентина Евсеевича началась работа над Ассоциативным словарем школьников Саратова и Саратовской области. Результатом интенсивной работы (совместной с Алевтиной Петровной Сдобновой – женой, единомышленником, соавтором целого ряда научных работ) стала новаторская электронная база данных ассоциативного словаря и изданный в 2011 г. 2-х-томный (в 3-х книгах) «Русский ассоциативный словарь». Словарь содержит уникальные данные о возрастной динамике языкового сознания российских школьников I-XI классов конца XX – начала XXI века.

Весомым вкладом в развитие психолингвистики и ассоциативной лексикографии стали работы Валентина Евсеевича, выполненные в этих направлениях. Последняя работа Валентина Евсеевича связана с этой научной областью. Статья «Проект «Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика», написанная совместно с А.П. Сдобновой, была отправлена в журнал Института языкознания РАН «Вопросы психолингвистики» в начале ноября 2017 г. – за несколько дней до кончины Валентина Евсеевича. Статья была опубликована сразу же – в декабрьском номере 2017 г. В этом же номере помещена и мемориальная статья о Валентине Евсеевиче. Он был членом редколлегии и уважаемым автором этого авторитетного журнала.

В последней научной статье Валентина Евсеевича обобщен опыт работы над созданным Ассоциативным словарем школьников, опыт исследований, проведенных на его материалах, и обоснована необходимость создания нового ассоциативного словаря школьников (версия 2.0), который мог бы стать источником новых динамических исследований языкового сознания молодежи. В этой статье Валентин Евсеевич дает новый импульс для дальнейшего движения науки.

И в деле создания словаря, и в других научных областях это движение становится возможным в том числе благодаря тому, что мы многому научились у Валентина Евсеевича, благодаря тому, что он был с нами, что остается с нами во всем им созданном и в нашей благодарной памяти. Верные слова написали нам сотрудники Института русского языка Российской академии наук: «Пока работают коллеги и ученики Валентина Евсеевича и передают эстафету своим ученикам, он будет с нами, и в спорах и рассуждениях о языке, о русском слове будет звучать и его голос».

Литература

Гольдин В.Е. Рассказы диалектолога [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://rasgovor.ru/interes.php?rasd=goldin>. Загл. с экрана. Дата обращения: 03.03.2019.

А.В. Воздвиженская (*Санкт-Петербург*)

«Выходы» гиперо-гипонимических систем в составе ассоциативного поля

Валентин Евсеевич Гольдин уделял большую часть своей научной деятельности изучению различных психолингвистических феноменов. «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области», который был выпущен им совместно с коллегами, стал подспорьем для исследователей, интересующихся лингвокогнитивными вопросами.

Валентин Евсеевич считал, что, к сожалению, данные, собранные русской ассоциативной лексикографией на данный момент, не изучены в полной мере, хотя и предоставляют собой самый разнообразный языковедческий материал. Так, «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» позволяет изучить ответы респондентов школьного возраста, проследить динамику развития лексикона школьников, изменения в стратегиях и тактиках их реагирования на слова-стимулы. «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Юрия Николаевича Караулова представляет реакции респондентов более старшей возрастной группы – студентов. Сибирский ассоциативный словарь представляет реакции респондентов, объединенных общим географическим признаком.

Электронные версии данных словарей дают возможность составлять выборки данных по разным параметрам – возраст, гендер, место проживания респондентов. Кроме того, ассоциативный материал как результат «овнешнения» ассоциативно-вербальной сети дает возможность устанавливать строение наивных категорий, обнаруживая наиболее устойчивые интервербальные связи, в том числе гиперо-гипонимического типа. Преимущество собранных в ассоциативных словарях данных свободных ассоциативных экспериментов перед другими источниками сведений о гиперо-гипонимических отношениях и системах заключается в предельной независимости этих данных от целенаправленной логической рефлексии испытуемых над материалом [Трещева 2012: 75].

Итак, ассоциативной лексикографией накоплен огромный фактический материал, требующий анализа и разбора. Валентин Евсеевич и его коллеги оставили большое наследие для развития психолингвистической школы в Саратове и России.

Данная статья является результатом изучения ассоциативных данных трех названных словарей. В защищенной мной под руководством Валентина Евсеевича диссертации было введено понятие «гиперо-гипонимических системы» (ГГ система) в составе ассоциативного поля стимула [Воздвиженская 2016].

Под такими системами понимаются устойчивые единства компонентов ментального лексикона на основе отношений гиперо-гипонимии. Анализ порядка 20 000 вербальных реакций на заданные стимулы-существительные, относящиеся к естественным категориям языка (т.е. категории

РОДСТВЕННИКИ, РАСТЕНИЯ, ЖИВОТНЫЕ, ОДЕЖДА и др.), показал, что реакции родо-видового типа встречаются во всех полях слов-стимулов данных категорий. Для одних групп слов более характерны реакции, называющие родовую принадлежность слова (в категории ОДЕЖДА, например, слова-стимулы платье, юбка часто определяются реакцией-гиперонимом *одежда*, в категории ЖИВОТНЫЕ практически все экзотические животные описываются через родовой признак). Для других – более типичны реакции видового типа (чем более высок уровень абстракции слова-стимула, тем больше реакции-гипонимов в его ассоциативном поле).

В целом исследование массива ассоциативных данных показало, что ассоциативные эксперименты дают необходимый материал для вычленения гиперо-гипонимических систем, для изучения их внутреннего строения и внешних связей, а гиперо-гипонимия является одной из основных стратегий реагирования испытуемыми на стимулы-существительные.

Комплексный анализ, примененный в работе, стал продолжением развиваемого Валентином Евсеевичем Гольдиным и Алевтиной Петровной Сдобновой подхода, согласно которому рассмотрение ассоциативного поля как целого опирается на представление о том, что ассоциативное реагирование на стимулы одного ассоциативного класса строится по универсальной для каждого класса стимулов модели с фиксированным составом зон референций реакций. Содержанием ассоциативного поля как целого выступает комплекс знаний, обеспечивающий носителю языка успешную ориентацию в мире [Гольдин, Сдобнова 2016: 34].

Таким образом, гиперо-гипонимическая система является важным структурирующим элементом ментального лексикона человека, а также одним из способов хранения массива знаний в памяти человека.

Под «выходами» ГГ системы понимаются возможности перехода из одной ГГ системы в другую, а также возможность ее взаимодействия с системами других типов. Потенциалом для «выхода» ГГ систем является каждая гиперо-гипонимическая линия ассоциативного поля, так как она включает компоненты, разделяемые ею с какой-либо другой категорией. Так, такие далекие друг от друга слова как, например, *скорпион* и *Бонифаций* находят точку соприкосновения в номинации *лев*, объединяющей в себе гиперо-гипонимические линии «знаки зодиака» и «персонажи».

Можно выделить 3 основных фактора, создающих условия для «выхода» ГГ систем. Рассмотрим эти факторы подробнее.

Наивная и научная категоризация, преследуя одну цель (структурирование получаемого знания), различаются по характеру организации данных. Так, наивная категоризация объектов строится вокруг их чувственных образов, что обуславливает высокую степень прототипичности наивных категорий, сохраняющуюся на протяжении всей жизни человека. Научные категории представляют собой образования, характеризующиеся высокой степенью абстракции и вербализованности.

По мере взросления человека, усвоения им научной картины мира, происходит синтез двух типов знаний, который особенно отчетливо находит свое отражение именно в гиперо-гипонимической системе наивных категорий (например, категории СУЩЕСТВО, ФРУКТЫ, ОВОЩИ, ЖИВОТНЫЕ и др.), ведь именно такой тип связи слов отражает объективные иерархические отношения предметов и явлений в реальности, которые впоследствии становятся предметом научной мысли.

Наиболее наглядно это видно на примере категории НАСЕКОМЫЕ. Реакция *животное* встречается в совокупном ассоциативном поле данной категории дважды – в качестве гиперонима и согипонима. Такое расположение реакций видится корректным в силу специфики самого слова, так как определение понятия **животное** неоднозначно. Толковые словари (например, МАС) определяют «животное» как «всякое живое существо, исключая растения». Валентин Евсеевич же предложил обыденное, психологическое толкование этого слова как «крупные и средние млекопитающие, исключая человека: коровы, овцы, собаки, олени, медведи, слоны, жирафы и под.» [Гольдин 2009: 256] Учитывая два вышеописанных подхода, основанных на разделении научного и обыденного типов знания, компоненты категории НАСЕКОМЫЕ получают «выход» на разные системы ГГ и других видов связей.

Подвижность компонентов внутри вертикальной оси категоризации.

Еще в ходе работы над диссертационным исследованием и подробным изучением категорий ФРУКТЫ и ОВОЩИ нами была замечена следующая особенность: ядерная зона категории ФРУКТЫ включает в себя компоненты яблоко и апельсин, отнесенные к базовому уровню. Ассоциативное поле стимула яблоко, однако, имеет гипонимы – *анис*, *апорт*, в поле стимула апельсин гипонимов не находим, их нет и в совокупном поле категории ФРУКТЫ. Это, вероятно, означает, что внешние, вкусовые различия апельсинов для носителя русского языка оказываются недостаточно существенными, чтобы выделять их в отдельные виды. К тому же тот факт, что апельсины не культивируются на территории России, также важен для различения сортов. Яблоки, с другой стороны, оказываются более знакомыми носителям языка, поэтому имеют ряд гипонимов, репрезентирующих разные сорта. Таким образом, слово *апельсин* является конечной точкой данной гипонимической линии, линия же слова *яблоко* может быть продолжена. Вследствие этого мы можем сделать вывод о том, что значение слова *яблоко* обладает большей генерализацией, следовательно, должно располагаться выше слова *апельсин* на вертикальной оси категоризации. При этом оба слова остаются компонентами базового уровня.

Еще один фактор, делающий межуровневый переход возможным, – это полисемия стимульного слова. Например, совокупное поле многозначного слова *машина*, именующего соответствующую категорию, распадается на две основных линии: «машина как аппарат» (машина > *автомат*, *компьютер*, *ЭВМ*), «машина как средство передвижения» (машина > *жигули*, *мерседес* >

восьмерка). В первом случае слово относится к суперординатному уровню, во втором – к базовому.

Переход слова в соседний, более высокий или более низкий уровень, также возможен при условии соответствующего лексического окружения в рамках гиперо-гипонимической системы. Наиболее типичный пример – слова человек и животное в зависимости от отношений с другими компонентами гиперо-гипонимических групп и линий могут быть причислены к суперординатному или базовому уровням, следовательно будут иметь выходы на совершенно разные ГГ системы (например, человек как биологический вид (*зверь, животное, существо*) и как общественное существо, обладающее разумом и сознанием (*разум, гражданин, невидимка и др.*)

Общие элементы системы с системами других типов (меронимы, оппозиты и т.п.)

«Выходы» ГГ систем на системы других типов частотны и достигаются в основном за счет многозначности стимульного слова. Например, поле стимула орел (РАС) получает выход на отношения меронимического типа т.к. помимо широко представленной гиперо-гипонимической группы реакций имеет несколько ассоциатов вида «часть-целое» (орел – *решка* как две части одного целого – монеты; орел – *герб, эмблема*, где стимул – часть изображения, репрезентированного реакцией).

Оппозиция – другой частотный способ «выхода» на другие системы. В совокупном ассоциативном поле категории НАСЕКОМЫЕ есть реакция-оппозит *человекообразное*, которая, без сомнения, относится к другой категории (ОБЕЗЬЯНЫ). На стимул рыба категории ЖИВОТНЫЕ также появляются разноуровневые оппозиты *пресмыкающиеся* и *флора*.

Гиперо-гипонимические системы не являются жесткими закрытыми структурами. Нестрогость их границ – следствие переплетения в сознании человека обыденного (наивного) и научного знания, лексической многозначности, вхождения одного и того же слова в разные гиперо-гипонимические системы. Эти факторы определяют такое свойство гиперо-гипонимической системы, как ее «выход» на другие системы с разными типами связей, которое в свою очередь способствует целостному и многогранному отражению структуры знаний о мире в ментальном лексиконе человека.

Литература

- Воздвиженская А.В.* Гиперо-гипонимические системы в составе ассоциативных полей: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016.
- Гольдин В.Е.* К проблеме противоречий между данными толковых и ассоциативных словарей // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: материалы III Республиканского научного семинара (18–21 ноября, г. Саратов). Саратов, 2009.
- Гольдин В.Е., Сдобнова А.П.* Проблема содержания ассоциативного словаря // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. СПб., 2016.
- Трещева Е.Г.* Ассоциативные поля имен ситуаций-событий: типология конфигураций: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.

ЧАСТЬ I

Раздел 1

Проблематика и поэтика художественного текста: идеи, мотивы, образы

С.С. Александров (*Саратов*)

Мотив чуда в «Повести о взятии Смоленска Иваном Грозным»

Научный руководитель – доцент Л.Г. Горбунова

Историко-легендарная «Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным» дошла в составе трех летописцев XVII–XVIII вв. неофициального характера в окружении сказочно-исторических повестей: «Сказания об убиении Данила Суздальского и о начале Москвы», «Повести про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоунина», – а также в составе Латухинской степенной книги конца XVII – начала XVIII вв. [Салмина 1998: 101–102].

Повесть сообщает, что царь Иван Васильевич уже третий год стоял под Смоленском. На третий год прибывает к нему посланник архиепископа тверского Евфимия с замком и ключом. Архиепископ благословил царя и повелел ему *«запирать замок и отпирать ключом Смоленск град»* [Памятники Литературы Древней Руси XVII в. Кн. 2 1998: 26. Далее цитируется это издание, страницы указываются в скобках]. Это вызвало у царя гнев, и он велел казнить посланника, но *«божью помощью Смоленска-града в третий день люди посидельцы [осажденные – С.А.] град отворили и здалися царю гладные ради великие нужды. И государевы воеводы во град ехав, град взяли»* [26]. Иван Васильевич простил архиепископа, славя Богоматерь.

Существенным представляется замечание М.А. Салминой о переносе действия повести в эпоху Ивана Грозного, тогда как присоединение Смоленска к русскому государству произошло в 1514 г. при Василии III. Время возникновения произведения, как полагает М. А. Салмина, – 30-е гг. XVII в. – период борьбы за город с польским королем [Салмина 1998: 101–102].

Исследователь выделяет некоторые проблемы изучения этого произведения, такие как изображение героя, вымысел и действительность, жанровое

своеобразии. Об образе Ивана Грозного она пишет: «Героем своего рассказа автор повести сделал не Василия III, настоящего завоевателя Смоленска, а Ивана IV, нарисовав его образ в соответствии со сложившимися уже к этому времени фольклорными и литературными традициями, согласно которым наиболее характерной чертой царя считалась его гневливость» [Салмина 1969: 193]. Еще один фольклорный след, по ее мнению, можно усмотреть в упоминании в тексте повести числа три: «<...> Василию III, чтобы овладеть городом, пришлось предпринять три похода и три приступа. Можно допустить, что упоминание трех лет, проведенных царем и великим князем Иваном Васильевичем “под градом”, является воспоминанием о трех походах Василия III, но возможно видеть здесь лишь фольклорный прием, так как число фигурирует в повести еще раз: Смоленск пал на третий день» [Салмина 1969: 193–194].

Исследователь делает акцент и на моменте сбывшегося пророчества: «В повести можно усматривать тему сбывшегося пророчества: слова архиепископа, которые, на первый взгляд, звучали как насмешка, в конце концов оказываются истиной» [Салмина 1969: 193]. Вопрос о соотношении вымысла и реальности М.А. Салмина связывает с жанровыми особенностями памятника, а именно: перед читателем разворачивается псевдоисторический сюжет, а у автора произведения была задача «не столько воссоздать действительные исторические факты, сколько рассказать занимательную повесть, содержащую некоторые реалии, что придает ей облик исторического предания» [Салмина 1969: 195]. Занимательность проявляется и в стремлении передать душевные волнения царя, ведь он всё не мог понять, как следует брать город: приступом или подкопом. Сложность психологического состояния передает и ритмический рисунок повествования с логическим ударением на действии: «*Под городом уже три года стоял, много крови пролил, много русских воинов потерял и казну истощил, но никак не могли город взять*» [26]. Таким образом, краткое, но выразительное описание осады, обозначенной через детали, позволяет автору передать эмоциональное состояние царя, пытающегося подчинить себе город.

Небольшая по объему «Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным» интересна своими художественными особенностями. Ключевую роль в произведении, думается, играют слова послания архиепископа Евфимия: «*Благославляю тя, царю, запирай тем замком и отпирай Смоленск град*» [26] (будь хозяином города), – поскольку они не только знаменуют собой переход от предыстории к самой истории, но и обозначают символическое действие (запирать город на замок, отпирать), приносящее реальный результат. Чудо проявляется в этом произведении на уровне образов, ведь «союзники» царя – не воины с их ратными качествами, а сакральные предметы – замок и ключ. Их могущество возрастает благодаря благословию тверского архиепископа. Мы имеем основание рассматривать это произведение в ряду воинских повестей с точки зрения некоторых жанровых признаков. Весь текст представляет собой летописную статью, содержит летописный зачин («*В лето 7063 29-го июля*») и

не имеет развернутых описаний. И наконец, повествует об осаде города (на это намекает уже название – «Повесть о взятии»). Однако летописная краткость не исключает изобразительных деталей в повествовании. На наш взгляд, ярче всего они проявляются в описании падения купола возле шатра: *«И из города шло ядро и шишло маковицу у церкви, и пала маковица у царева шатра, и немного царя маковицею не убило»* [26]. Автор не дает никакого ключа к толкованию этого эпизода, но мы осмелимся высказать предположение, что создатель повести предостерегает и одновременно намекает на благоприятное стечение обстоятельств, которое приведет царя к военной удаче.

«Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным» отчетливо свидетельствует, как менялось с течением времени соотношение реальности и вымысла в историческом повествовании XVII в. Доля вымысла возрастает. От исторической основы сохранилось только одно – осада Смоленска. Подробности этой осады и взятия вымышлены. По наблюдениям М.А. Салминой, «остается неясным намек на конфликт Ивана Васильевича с тверским епископом. Может быть, в нем следует видеть лишь отголосок имевших место в прошлом враждебных отношений Твери к Московскому государству и, напротив, дружеских по отношению к Литве? Во всяком случае, ни один тверской владыка не носил имени Евфимия ни при Иване IV, ни при Василии III, но небезынтересно заметить, что архиепископ тверской назывался Евфимием в 1627–1641 гг.» [Салмина 1969: 194], то есть в предполагаемое время создания произведения. Этикетные формулы чудесного (*«божьей помощью»*) наполняются конкретно-бытовым содержанием: осада завершилась взятием не только благодаря божьей помощи, но и из-за голода и нужды, что свидетельствует о правомерности нашего представления о чуде как о сложном явлении, наполненном не только христианско-религиозным, но и художественно-эстетическим смыслом.

Приведем перевод текста на современный русский язык: «Летом 7063 (1555) г., 29-го июля, в день памяти святого мученика Калинника царь и великий князь всея России Иван Васильевич с помощью своих русских воевод взял город Смоленск. Стоял он под городом три года, так как крепким было деревянное ограждение и крепость. И не мог понять, как – приступом или подкопом – город взять. Однажды выстрелили из большой пушки Смоленска, и пушечным ядром сорвало купол церкви Преображения Господня, и упал купол возле шатра царя, так царя в шатре едва куполом не убило. Царь разгневался и повелел в той церкви не служить никогда. На следующий день утром приехал посланник от тверского архиепископа Еуфимия, привез замок и ключ и письмо от архиепископа: “Благославляю тебя, царь, запирай тем замком и отпирай город Смоленск”. Царь распалился, разъярился и повелел того посланника казнить, предать смерти. А за архиепископом тверским тотчас послал беспощадного гонца и повелел архиепископа в оковах привести и злой смерти предать, так как под городом уже три года стоял, много крови пролил, много русских воинов потерял и казну истощил, но никак не могли город взять. “А он,

архиепископ, мне, царю, насмехаясь, велит город запирать на замок”. И вот божьей милостью на третий день осажденные люди Смоленска город отворили и сдались царю из-за голода и великой нужды. И государевы воеводы, въехав в город, город взяли. Царь же простил вину тверскому архиепископу, славя Бога и пречистую его Богоматерь» [перевод О.Ю. Крючковой].

Литература

Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. В 3 кн. Кн. 2. М., 1998.

Салмина М.А. Древнерусская Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // Труды отдела древнерусской литературы. 1969. Т. 24.

Салмина М.А. Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. В 4 ч. Ч. 3. СПб., 1998.

Е.А. Тарасова (*Саратов*)

Раневская

Научный руководитель – профессор В.В. Прозоров

Цель нашей статьи – определить отношения между Любовью Андреевной Раневской и другими персонажами пьесы, чтобы наиболее полно рассмотреть образ Раневской и параллельно с этим услышать знаменитую полифонию «Вишневого сада».

Пьесу пронизывает атмосфера всеобщего неблагополучия, в ней нет счастливых людей. А.П. Скафтымов заключил, что персонажи пьесы, «каждый среди других – один» [Скафтымов 1972: 271], а также отмечал, что «включенность личных и частных порывов в чувство общей неустроенности жизни представлена ясно» [Скафтымов 1958: 341]. Другими словами, все обитатели усадьбы чувствуют себя угнетенными и одинокими. Но как двенадцать человек, связанных родственными, любовными, приятельскими узами, могут быть одинокими? Могут, ибо все персонажи пьесы являются совершенно разными людьми, которые, как бы ни старались, не могут найти общий язык.

Формирование характеров, подобных персонажам пьесы, является следствием «периода глухого безвременья 80-х гг., когда совершался драматический болезненный перелом в мировоззрении русской интеллигенции» [Гармаш 2012: 91]. В пьесе Чехова обозначены социальные роли: Раневская и Гаев – помещики, век которых окончен, Ермолай Лопухин – представитель буржуазного класса, который только начал набирать силу, Петю Трофимова, сына аптекаря, вечного студента, можно отнести к мелкобуржуазной интеллигенции. Этим объясняются некоторые привычки и черты характера героев: хозяйственность и практичный взгляд на вещи Лопухина или смелый взгляд в будущее, свойственный Ане, как и другим потомкам разорившихся помещиков того времени. В пьесе сошлись люди

прошлого, настоящего и будущего. Номинативно их социальные роли существуют, но классовой вражды между ними нет.

Совокупность вербальных (в пьесе – реплики) и невербальных (ремарки) признаков, присущих человеку, может вызывать симпатию или антипатию у его собеседника, заставляет испытывать определенные эмоции. При этом эмоции сиюминутны, быстротечны. Более продолжительным, даже постоянным состоянием являются чувства. Чувства произрастают из определенного набора эмоций и наравне с ними относятся к аффективной сфере, противопоставлены рациональному началу в человеке. Подлинные, глубокие чувства, по Чехову, – дар божий, не каждый на них способен.

В комедии «Вишневый сад» все персонажи без исключения эмоциональны, часто действуют импульсивно под влиянием момента. Так, например, в третьем действии после резкого высказывания Пети о парижском любовнике Раневской («*мелкий негодяй, ничтожество*» [Чехов 1978: 234. Далее цитируется это издание, страницы указываются в скобках]) следует ее моментальная ответная реакция. Мы впервые видим действительно разозленную Раневскую, которая выговаривает Трофимову всю свою обиду, указывая на его неспособность влюбиться и понимать тех, кто любит. «В этих словах внезапно вырвавшаяся безжалостная насмешка, горькое презрение, душевное негодование. И отчаянная самозащита» [Прозоров 2015: 50]. Эта эмоциональная реакция является закономерной, но испытываемые Раневской негативные эмоции затухают так же быстро, как и вспыхивают.

Межличностные отношения можно разделить на несколько типов. Это разделение достаточно условно, и границы между типами часто оказываются стерты. Первым пунктом мы выявили официально-служебные отношения. Эмоции в них проявляются менее всего, так как подобные отношения всегда обременены определенным набором правил и формальностей.

Лакей Фирс, прислуживавший еще отцу Раневской и Гаева, пожелал остаться в этой же должности даже после отмены крепостного права. Он преданно служит семье Раневской и рад возвращению помещицы. В первом действии: «...*Барыня моя приехала! Дождался! Теперь хоть и помереть*» [203]. Глуховатый старик воспринимается как неотъемлемая часть имения, он единственный, кто поддерживает существование господского мира. Он старается выполнять свои обязанности, несмотря на возраст и болезни. Его отношения с Любовью Андреевной – это отношения преданного слуги, любящего свое дело и не умеющего жить иначе, и барыни, снисходительно и с благодарностью относящейся к старику.

Яша, тоже лакей, противопоставляется Фирсу как новый тип слуги. Безнравственный, жестокий человек, он ценит Раневскую за возможность вернуться в Париж. Он знает, что может себе позволить при Раневской, и откровенно этим пользуется. Из разговора Ани с Варей в первом действии мы узнаем, что за обедом он «*требует себе порцию*» [201] того же, что и Раневская, и она не отказывает. В третьем действии он очень деликатно

обращается к Любви Андреевне с просьбой взять его с собой в Париж снова. «Просьбу Яши она оставляет без ответа. Но свою госпожу он хорошо изучил, просьба услышана» [Прозоров 2015: 44].

Меняется формация, меняется и тип отношений. Это хорошо видно на приведенном примере. Несмотря на одинаковое положение Фирса и Яши, у первого безропотное поклонение и почитание прежних хозяев передалось и на Любовь Андреевну, второму свойственно более дерзкое поведение, более продуманное отношение к помещице, которую он знает – и формирует свое будущее на основе этого знания.

Еще один пример – Шарлотта Ивановна. Она тоже находится в услужении семье Раневской, хотя причина ее присутствия в доме не ясна. Аня уже вышла из возраста, когда ей нужна гувернантка, а маленький сын Любви Андреевны давно погиб. Тем не менее Шарлотта чувствует себя довольно спокойно в присутствии помещицы. Когда та в первом действии просит показать фокус, Шарлотта отказывает: «*Не надо. Я спать желаю. (Уходит)*» [211]. Судя по отсутствию реакции, такое поведение гувернантки в порядке вещей.

Следующим пунктом мы определили личные отношения, которые можно условно разделить на такие виды, как приятельские, товарищеские, дружеские и любовные.

Приятельские отношения основаны на симпатии. Основными их критериями являются обоюдное стремление к общению и некая выгода от него. Близкими такие отношения назвать нельзя. К этому виду в комедии мы относим отношения между Раневской и Петей Трофимовым. Их можно считать примером того, как официальные отношения трансформируются в личные под влиянием трагического случая. Петя является для Любви Андреевны не только «*попросту недотепой*» [235], что она не стесняясь высказывает ему в третьем действии, но и напоминанием о ее погибшем сыне. Это горе становится для них объединяющим фактором, очень болезненной темой, в которой они безоговорочно понимают друг друга. В остальном же они совершенно разные люди.

Примеров товарищеских и дружеских отношений между Любовью Андреевной и другими персонажами в пьесе не представлено, поэтому мы переходим к рассмотрению разнообразных любовных отношений. Стоит отметить некоторые нюансы. В пьесе герои проявляют любовь как явно, прямо в глаза, так и скрыто, за глаза. Искренность этих проявлений не до конца понятна.

Это и сердечные семейные отношения, к которым относится братская любовь к Раневской Гаева и дочерняя любовь Ани и Вари. Гаев испытывает к Любви Андреевне настоящие теплые родственные чувства. Как и сестра, он способен на искренность, эмоциональность, некоторую самокритичность, но недостатки Любви Андреевны в нем достигают карикатурных масштабов. Сходные черты их характеров литературовед Д.Н. Овсянико-Куликовский охарактеризовал как легкомыслие и пустоту в психопатологическом смысле, считая, что поведение данных персонажей «несовместимо с понятием нормальной, здоровой психики» [Овсянико-Куликовский 2002: 205].

Гаев неодобрительно высказывается о Раневской за глаза, в разговоре с Варей в первом действии: *«Сестра, во-первых, вышла замуж за присяжного поверенного, не дворянина... вышла за не дворянина и вела себя нельзя сказать чтобы очень добродетельно. Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю, но, как там ни придумывай смягчающие обстоятельства, всё же, надо сознаться, она порочна. Это чувствуется в ее малейшем движении»* [212]. Леонид Андреевич осознает испорченность сестры и не пытается найти оправдания ее поступкам, но в то же время продолжает любить ее. В этом и проявляется его подлинное чувство.

Аня и Варя любят Раневскую как мать, пусть для Вари она и не является родной по крови. Их любовь проявляется как в словах, так и в постоянной ненавязчивой заботе. Дочери не касаются запретной в доме темы парижского романа Любви Андреевны, скорее всего из этических соображений. Тем не менее они обе знают о других ее недостатках, например о расточительности.

«Дачу свою около Ментоны она уже продала, у нее ничего не осталось, ничего. У меня тоже не осталось ни копейки, едва доехали. И мама не понимает! Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое и на чай лакеям дает по рублю» [201], – жалуется Аня сестре в первом действии. Вся реплика – простое повествование, констатация факта, который ничего не меняет в отношении дочери к Любви Андреевне. Привычка матери жить не по средствам стала для Ани обыденностью, плачевные последствия которой она осознает, но ничего не может изменить.

Варя с ее хозяйственностью и домовитостью этот грешок приемной матери воспринимает тяжелее, чем ее сводная сестра, и не может смириться с нежеланием Раневской признать собственное плачевное финансовое положение. Она стыдит приемную мать за золотой, отданный прохожему во втором действии: *«Я уйду... я уйду... Ах, мамочка, дома людям есть нечего, а вы ему отдали золотой»* [226]. Несмотря на недовольство, сестры продолжают любить Раневскую, трепетно оберегая ее и ничего не требуя взамен.

Рассмотрим подробнее романтическую любовь в пьесе. То, что должно приносить положительные эмоции, у Чехова вдруг превращается из дара в проклятие. Это чувство представлено в «Вишневом саде» двумя линиями: безответная любовь Ермолая Лопухина к Раневской и любовь между Раневской и ее парижским любовником.

Роль Лопухина – важнейшая в комедии, о чем мы находим подтверждение в письме А. П. Чехова к О. Л. Книппер: «если она не удастся, то, значит, и пьеса вся провалится» [290]. Следовательно, отношение Ермолая к Любви Андреевне можно считать одним из определяющих моментов в пьесе.

В семинаре В.В. Прозорова у меня обнаружили оппоненты, которые не считают, что Ермолай Лопухин потерпел фиаско в отношениях с Любовью Андреевной. Но мы полагаем, что Раневская к нему равнодушна. Она не только не испытывает ответных чувств, но и намеренно или по рассеянности игнорирует признание Ермолая. Лопухин же влюблен в нее уже давно, о чем

говорит в первом действии: *«Мне сейчас, в пятом часу утра, в Харьков ехать. Такая досада! Хотелось поглядеть на вас, поговорить... Вы всё такая же великолепная... Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядели на меня, как прежде. Боже милосердный! Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл всё и люблю вас, как родную... больше, чем родную»* [204]. Он пытается совместить образ юной Раневской из своего детства с этой повзрослевшей помещицей, но ему это не удается. Его риторическое восклицание в четвертом действии становится апогеем личной драмы. Лопехин осознает, что упустил последнюю возможность объясниться с возлюбленной: *«О, скорей бы всё это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь»* [241]. Неразделенное чувство оказалось болезненным, принесло сильный негативный эмоциональный всплеск.

Раневская рассредоточена. Происходящие события будто бы не касаются ее, она занята своими внутренними тягостными переживаниями. История с обокравшим ее любовником никак не отпускает Любовь Андреевну даже в России, за тысячи километров от Парижа. Она влюблена и с горечью признает это в третьем действии: *«И что ж тут скрывать или молчать, я люблю его, это ясно. Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу»* [234]. Раневская понимает, что ни к чему доброму это чувство не приведет, но бороться с ним выше ее сил. Она находится в постоянном эмоциональном напряжении, и ее мучения являются примером того, что чувства не поддаются логике. *«Весь мир для нее в рассеянии, и есть только он, и тянет к нему неудержимо, тянет вопреки любым разумным доводам»* [Прозоров 2015: 49]. Эта любовь жертвенная, больная, похожая на одержимость.

А что же парижский любовник? Он засыпает ее телеграммами, в которых признается в любви, пытается вызвать жалость рассказом о своей болезни и вынудить Любовь Андреевну вернуться. Любит ли он ее по-настоящему? Способен ли на такое глубокое чувство? Он обобрал Раневскую до нитки. Но иногда и любящие люди совершают ужасные поступки. Он знает, что сейчас взять с нее нечего, но всё равно всеми силами пытается вернуть ее обратно. Возможно, он осознал свои чувства, только поняв, что потерял ее навсегда. С другой стороны, ему может быть просто удобно рядом с ней: принимать ее заботу и слепое обожание, особенно в ситуации, когда его здоровье пошатнулось и за ним некому ухаживать – если он действительно болен, и это не уловка, чтобы вернуть Раневскую.

В четвертом действии Любовь Андреевна выглядит спокойнее, сосредоточеннее. Теперь у нее есть безоговорочное оправдание, чтобы вернуться в Париж. Это событие будто бы вдыхает в нее жизнь.

В одном имении находятся люди, имеющие разные характеры и темпераменты, разное происхождение, но главным движущим чувством для

каждого из них является любовь. Любовь к прошлому, настоящему, будущему, как и любовь друг к другу, проявляется у всех, пусть и в разной степени.

В данной работе мы предприняли попытку рассмотреть Любовь Андреевну глазами других персонажей пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» и пришли к выводу, что мнение о Раневской является многогранным, сложным, с драматическими и лирическими мотивами. Симпатии и антипатии персонажей пьесы не умаляют достоинств и недостатков Любви Андреевны. Все ее отрицательные черты в канве повествования вдруг приобретают некое необъяснимое очарование.

Литература

Гармаш С.А. А.П. Чехов. Комедия «Вишневый сад» (опыт прочтения пьесы) // Вестник Таганрогского института. 2012. № 2.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Этюды о творчестве А.П. Чехова / сост., общая редакция И.Н. Сухих. СПб., 2002.

Прозоров В.В. Молодой лакей в комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. Вып. 1.

Прозоров В.В. Мотив рассеянности и парижская тема в комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. Вып. 2.

Скафтымов А.П. К вопросу о принципах построения пьес Чехова // *Скафтымов А.П.* Статьи о русской литературе. Саратов, 1958.

Скафтымов А.П. О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А.П. Чехова // *Скафтымов А.П.* Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках / сост. Е.И. Покусаева, вступ. ст. Е.И. Покусаева и А.А. Жук. М., 1972.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М., 1978.

А.С. Ковалева (Саратов)

Шарлотта Ивановна как трагифарсовый парадокс чеховской комедии

Научный руководитель – профессор В.В. Прозоров

В письме от 2 сентября 1903 г. А.П. Чехов писал к В.И. Немировичу-Данченко: «Вышла у меня не драма, а комедия...» [Чехов 1949: 130]. Эти слова относились к недавно законченной пьесе «Вишневый сад». Новое произведение во многом казалось парадоксальным в свете существовавшей драматургической традиции.

В пьесе было много неоднозначных, непривычных элементов. Так, в ней не было острого конфликта, который делает драматическое действие динамичным, конфликт оказался трудным для определения. Фоном и главной действующей площадкой стала сама жизнь. Внешний конфликт (продажа усадьбы Раневской) задает лишь повод для развития фабулы. Внутренний (и наиболее важный) конфликт выражен в несоответствии истинных устремлений, желаний человека реалиям равнодушной действительности. Серьезность проблематики в сознании современников плохо соотносилась с жанром комедии.

Непростыми оказались и созданные Чеховым персонажи. Их нельзя четко разделить на главных и второстепенных, положительных и отрицательных. Однако всех героев пьесы объединяет особая двойственность изображения. А.П. Скафтымов писал: «Внутренний мир каждого по-своему значителен, а внешне, для окружающих, имеет свою комическую, в лучшем случае, “странную” сторону. Над всеми тяготеет скучная, безрадостная жизнь. Все носят в себе постоянное чувство неудовлетворенности» [Скафтымов 1972: 359]. В каждом персонаже (кроме разве что Яши) соединились комические и трагические черты.

Самым ярким результатом такого двойственного изображения, на наш взгляд, стала Шарлотта Ивановна. Клоунесса, акробатка, фокусница, чревовещательница, гувернантка – всё это составляющие ее неповторимого, ярко выделяющегося на фоне других персонажей образа. Шарлотта – шут семьи Раневской, терпеливо развлекающий ее своими проделками и отвлекающий от осознания утраты родового имения.

С первых страниц комедии мы замечаем противоречивые составляющие образа Шарлотты. В перечне действующих лиц сказано, что женщина является в семье гувернанткой. Однако в семье Раневской нет детей, которым бы могла понадобиться наставница. Ане уже семнадцать лет, ее младший брат умер в восьмилетнем возрасте. Непонятно, в каком качестве пребывает Шарлотта в семье Раневской, если, по сути, ее педагогические навыки уже не нужны.

Из первого акта мы узнаем о цирковых навыках Шарлотты, непривычных для образа типичной немецкой гувернантки. Реплика Ани сообщает читателю, что Шарлотта умеет показывать фокусы: *«Выехала я на Страстной неделе, тогда было холодно. Шарлотта всю дорогу говорит, представляет фокусы»* [Чехов 1978: 164. Далее цитируется это издание, страницы указываются в скобках]. В первом же действии на всеобщую просьбу развлечь публику трюками Шарлотта отвечает отказом: *«Не надо, я спать желаю»* [166]. Эту реплику можно объяснить простым утомлением от долгого путешествия. Однако истинная мотивировка поступка кроется в другой причине. Шарлотта, как настоящая артистка, не хочет веселить публику, которая по-настоящему в этом не нуждается. Все присутствующие возбуждены приятным впечатлением от долгожданной встречи. Уныния среди них нет – значит, и лишний смех не нужен.

Не стоит забывать, что «Вишневый сад» – прежде всего произведение, предназначенное для постановки на сцене. Поэтому особенно интересно взглянуть на различные режиссерские интерпретации образа. Любопытно, что обычно Шарлотта в первом акте представляется достаточно традиционно. В советском телеспектакле И. Ильинского (1983 г.) образ гувернантки пропитан уверенностью, особой дерзостью. В отказе показывать фокусы звучат настойчивость и беспрекословность. При этом всё поведение проникнуто особым сдержанным комизмом. Совсем другая Шарлотта в версии М. Захарова (2009 г.). Его спектакль выстроен «по мотивам Чехова». Это нетрадиционный «Вишневый сад», здесь режиссеру позволяет вольное обращение с авторским

текстом. Вот и Шарлотта получилась слишком «вольной». В первом акте она появляется в ярко-малиновом наряде немецкой пастушки. Она без стеснения кривляется, танцует странный танец, напоминающий канкан. В какой-то миг своего безумного выступления она даже задирает юбку и показывает белоснежные панталоны. Комизм образа переродился во что-то гротескное, утратилась толика трагизма.

Наиболее ярко артистическое начало клоунессы-гувернантки проявляется в драматичном по своему накалу третьем акте. Клоунесса безукоризненно точно показывает три разных трюка. Сначала Шарлотта демонстрирует фокус с картами. Внезапно в кармане Пищика оказывается задуманная им восьмерка пик. Трофимов верно угадывает верхнюю карту в колоде. Но Шарлотта быстро понимает, что трюки с картами могут скоро наскучить ее зрителям. Артистка начинает номер чревовещания: *«А какая сегодня хорошая погода! Ей отвечает таинственный женский голос, точно из-под пола: “О да, погода великолепная, сударыня”. Вы такой хороший мой идеал... Голос: “Вы сударыня, мне тоже очень понравился”»* [222]. Удовлетворенная восхищенной реакцией начальника станции, Шарлотта неумоимо принимается за новый фокус – исчезновение. По очереди из-под пледа клоунессы непонятно как возникают Аня, а потом Варя. Развеселив публику, артистка исчезает в толпе гостей. Жутко, что озорство и задор, созданные Шарлоттой, на этом неуместном балу напоминают пир во время чумы. Тем не менее позже она снова появится в клетчатых панталонах и в огромном цилиндре. Она до последнего будет развлекать гостей, изо всех сил отгоняя от них предчувствие неизбежности приближающегося конца.

Во втором акте женщина появляется перед читателем в образе охотницы. На ней мужская фуражка, на плече охотничье ружье. Интересна такая резкая смена имиджа, которую можно растолковать двояко. Возможно, это новая роль Шарлотты, ее новое актерское амплуа на время прогулки. А может оказаться, что кто-то в прошлом обучил ее такому необычному для женщины навыку.

Само наличие артистического начала в цирковом проявлении не стандартно для образа гувернантки и вызывает недоумение. Фокусам в строгом пансионе не научат. Нормы этикета и правила хорошего тона были постоянными спутниками иностранок-воспитательниц. О шалостях не было и речи. Однако, воспитав Аню примерной барышней, Шарлотта никогда не теряла своего шутовского начала.

При всем комизме образа остро проявляются и драматические черты натуры гувернантки. Второе действие открывается развернутым пронзительным монологом Шарлотты. В нем женщина повествует невеселую историю своей жизни:

«Шарлотта (в раздумье). У меня нет настоящего паспорта, я не знаю, сколько мне лет, и мне всё кажется, что я молоденькая. Когда я была маленькой девочкой, то мой отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, очень хорошие. А я прыгала salto mortale и разные штучки. И когда папаша и мамаша умерли, меня взяла к себе одна немецкая госпожа и

стала меня учить. Хорошо. Я выросла, потом пошла в гувернантки. А откуда я и кто я – не знаю... Кто мои родители, может, они не венчались... не знаю. (Достаёт из кармана огурец и ест.) Ничего не знаю. (Пауза.) Так хочется поговорить, а не с кем... Никого у меня нет» [215].

К сожалению, эту печальную исповедь никто не слышит. Рядом сидит Епиходов, изливающий свои чувства к Дуняше в нескладном пении. Ему вторит равнодушный ко всему Яша. Шарлотта остается одна, наедине со своими грустными мыслями. Ни один из персонажей столь откровенно не обнажает перед зрителем своей внутренней печали от тотального одиночества. Особую неприкаянность, квинтэссенцию отстраненности всех персонажей, по мнению Скафтымова, и являл собой этот образ: *«Наиболее отчетливо это выражено в роли Шарлотты. Шарлотта развлекается и смешит других, но она всегда остается для всех чужой. Она страдает в своем одиночестве <...>» [Скафтымов 1972: 367].*

Монолог Шарлотты во втором акте является одной из ключевых для раскрытия характера персонажа. Любопытно, что в разных спектаклях манера подачи этого эпизода своя. Для сравнения мы взяли известный телеспектакль Хейфеца (1976 г.), и уже ранее упомянутую версию И. Ильинского. Так, в первом спектакле Шарлотта Ивановна предстает перед зрителем в образе грустного клоуна. Любой собственный порыв души, любое действие и слово она обрамляет в шутовскую рамку. Но в искрометном юморе порой проскальзывает печаль одиночества, которая быстро прячется за новой шуткой. Во время монолога-исповеди во втором акте, где Шарлотта намекает на свое полное одиночество, непонятно, в шутку ли она говорит или всерьез. В версии Ильинского трагизм образа Шарлотты обнажен, но смеется она чаще. В сцене монолога второго акта много иронической подачи, много смеха, который порой кажется искусственным. Создается впечатление, что Шарлотта шутит против воли.

Совсем иначе представлен монолог Шарлотты в интерпретации М. Захарова. Развернутая реплика персонажа напоминает речь женщины в истерическом припадке. Сам юмор героини производит впечатление чего-то нездорового. От шуток такой Шарлотты становится не смешно, а страшно. Так, после слов Епиходова *«никак не могу понять направления, чего мне собственно хочется, жить мне или застрелиться»*, неожиданно раздаётся подстроенный клоунессой выстрел.

Трагизм образа остро проявляется и в последнем акте. У Шарлотты возрастает осознание собственной ненужности в семье Раневской. У женщины нет своего дома, близких людей, детей. Нет никого, кому бы она теперь была по-настоящему нужна. Но шуты всегда плачут тайком, зритель никогда не видит их слез. Вот и Шарлотта скрывает свои переживания за веселой песенкой и сценкой с пантомимой: *«(берет узел, похожий на свернутого ребенка). Мой ребеночек, бай, бай... Слышится плач ребенка: “Уа, уа!..” Замолчи, мой хороший, мой милый мальчик. “Уа!.. уа!..” Мне тебя так жалко!» [244].* Позже играть уже не остается сил, да и ее игра уже никому не нужна. Шарлотта на миг

снимает свою шутовскую маску и становится обычной, уставшей от переживаний женщиной: *«(Бросает узел на место.) Так вы, пожалуйста, найдите мне место. Я не могу так»* [244].

Интересно, как этот эпизод третьего акта воплощается на сцене. Необычную интерпретацию можно увидеть в постановке А. Кончаловского (2016 г.). Шарлотта нервно трясет узелок, ее пантомима передает какое-то особое напряжение. Сама сценка клоунессы выглядит искусственно. Пантомима похожа на хорошо вызубренный урок, который исполняется четко, но без души. Зато последние слова Шарлотты (о том, что в городе ей жить негде) сопровождаются жестом, обнажающим ее незащитность. Обессиленная женщина робко прижимается своей головой к плечу Яши. Шарлотта в интерпретации Кончаловского трогательна в своем шутовстве. В ней нет уверенности или особой дерзости.

Поразительно, как в судьбе одного персонажа причудливо соединились совсем противоположные элементы – веселость и печаль, жажда зрительских восторгов и отстраненность от толпы. Сложно разгадать загадку Шарлотты Ивановны. Многих исследователей интересовал этот парадоксальный чеховский образ. Так, К.М. Захаров в своей статье *«“Шарлотта – знак вопроса”*. Игра и судьба Шарлотты Ивановны» неоднократно подчеркивает значимость этого персонажа. Он считает, что Шарлотта является своеобразным сценическим приемом создания атмосферы пьесы: *«Шарлотта Ивановна – один из сигналов авторской воли, спутник главных героев, подчеркивающий, а иногда предвосхищающий изменения в их эмоциональном состоянии»* [Захаров 2014: 83]. Напротив, Т.Г. Ивлева в своей работе *«Автор в драматургии А.П. Чехова»* воспринимает образ клоунессы как модель авторского видения человека, свободного от социальных условностей, лишённого точных внешних черт, изолированного от окружающего мира: *«Таким образом, перед нами смоделированная Чеховым персонификация ответа на вопрос о том, что такое человек, если последовательно, слой за слоем убрать абсолютно все – и социальные, и даже физиологические – параметры его личности, освободить его от какой бы то ни было детерминированности окружающим миром»* [Ивлева 2001: 56]. С.Я. Сандерович в статье *«“Вишневый сад” – последняя шутка Чехова»* видит в Шарлотте яркого антипода Лопухина. Исследователь предполагает, что это *«воплощение артистического начала, которого лишен Лопухин»* [Сандерович 2007: 87].

Шарлотта Ивановна – противоречивый образ «Вишневого сада». В ней, как ни в ком другом, наиболее ярко переплелись трагическая и комическая сторона. При всём драматизме, в этом персонаже словно заложена программа жить несмотря ни на что. Золотая середина двух половинок натуры образа настолько тонка, что справедливо почти любое прочтение. Комическое – неотъемлемая часть характера, Шарлотта просто не умеет вести себя серьезно, это не в ее духе. На ней словно держится вся комедийная сущность пьесы, между тем трагизм – это прошлое и будущее персонажа, его неприкаянность и

одинокость. Шарлотта – своеобразное трагифарсовое зеркало всех персонажей пьесы. В ее образе собраны воедино самые сильные комедийные и драматические черты всех действующих лиц. В этом парадоксальном симбиозе и кроется разгадка персонажа.

Литература

Захаров К.М. «Шарлотта – знак вопроса». Игра и судьба Шарлотты Ивановны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 1.

Ивлева Т.Г. Автор в драматургии А.П. Чехова. Тверь, 2001.

Сандерович С.Я. «Вишневый сад» – последняя шутка Чехова // Вопр. литературы. 2007. № 1.

Скафтымов А.П. О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А.П. Чехова // *Скафтымов А.П.* Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. М., 1972.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М., 1978.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 20. М., 1949.

Л.В. Джмилъ (*Саратов*)

Поэтическая ономастика повести Л.Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского»

Научный руководитель – доцент Л.В. Зимица

По словам Ю. Тынянова, «в художественном произведении нет неговорящих имен» [Краткая литературная энциклопедия], но ономастическое пространство повести Л.Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» представляется интересным предметом исследования еще и потому, что с первого взгляда в выборе имен для главных героев можно увидеть символическую закономерность: всех мужчин в семье зовут Василиями, женщин – Анастасиями. В этой связи необходимо подробное рассмотрение особой роли образности отдельных поэтонимов, определение их значимой взаимосвязи в контексте этого художественного произведения.

Поэтическая ономастика повести «Жизнь Василия Фивейского» не становилась еще предметом специального исследования, хотя и затрагивалась в статье Ю.И. Гольмана «Значение образа-символа для создания психологизма в повести Л.Н. Андреева “Жизнь Василия Фивейского”». Для нас же принципиально важным предметом исследования стал не столько сам поэтоним как «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения кроме номинативной характеризующую, стилистическую и символическую функции» [Подольская 1978: 108], сколько ономастическое пространство повести, обнаруживающее здесь заметные связи между отдельными поэтонимами.

В фамилии главного героя – Фивейский – можно увидеть отсылки к наименованию святых (Мария Египетская, Серафим Саровский, Ксения Петербургская и др.), которые получили вторую часть своего имени по месту, в котором подвизались. Выбор фамилии, безусловно, подчеркивает сходство

повести и жития и позволяет ставить вопрос об общности личной истории о. Василия и истории Фив с объединяющей для этих сюжетов темой Божьего покровительства/отчуждения.

Кроме того, фамилия эта может быть аллюзией на древнегреческий миф о царе Эдипе, сыне царя Фив. «Сфинкс загадывал каждому проходящему вопрос: “Кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?” И убивал того, кто не способен был ответить» [Гольман 2011: 128], а Василий Фивейский пытается одолеть собственную судьбу ради ответа на вопрос, кто он есть, в чём его предназначение и для чего жизнь преподносит ему столько испытаний.

В день именин главного героя – 11 декабря (28 ноября по старому стилю) – в святцах поминается святой мученик Василий Византийский. В его житии сказано: «При Константине Копрониме многие православные воины, оставив воинское звание, приняли монашество. Многих из них незаконный царь после мучений приказал лишить жизни. Одного, по имени Василия, он сначала ослепил» [Православная энциклопедия «Азбука веры»]. Сила веры Василия Византийского после того, как император-иконоборец приказал ослепить его, только возрастает. Метафорическое же ослепление о. Василия в повести дает сюжету другой поворот, но то, что автор называет в тексте дату именин, становится основанием для проведения параллелей между жизнью Василия Фивейского и житием Василия Византийского.

Рассмотрение этимологии имен также позволяет нам увидеть несомненные связи их значений с судьбами героев.

Василий «от греч. *basileus* – царь» [Петровский 2000: 79] – Василий Фивейский в финале возмнит себя равным Богу. Герой пытается воскресить Семена Мосягина, неоднократно восклицая слова, подобные произнесенным Иисусом Христом в Евангелии:

«Остановился, поднял повелительно правую руку и торопливо сказал разлагающемуся телу:

– Тебе говорю, встань!» [Андреев 1990: 551. Далее цитируется это издание, страницы указываются в скобках].

Бог воскрешал мертвых и по молитвам пророков и праведников, но о. Василий больше верит не в силу своей молитвы, а в свою собственную силу, то есть хочет уподобиться Богу. И здесь значение имени главного героя отсылает нас к тому, что Иисус Христос есть царь, а Василий своими поступками показывает, что он тоже претендует на царство. «В свете этого значение имя героя приобретает оттенок трагической иронии» [Гольман 2011: 128].

Имя «Анастасия» («от греч. *anastas* – воскресший» [Петровский 2000: 51]) также выбрано Л.Н. Андреевым неслучайно. Всю жизнь после гибели сына мать кладет на алтарь мечты о его воскрешении: *«под тягучие звуки упорных речей о погибшем первенце у жены его явилась безумная мысль: родить нового сына, и в нем воскреснет безвременно погибший»* [495].

Но особое ономастическое пространство повести создается автором именно выбором имен детей. Здесь появляется мотив «зеркала», «отражения»:

первый сын Вася похож на отца, о чем упоминается в тексте: «сын о. Василия, тоже Василий и такой же, как он, черненький и тихонький» [489], но и Вася-идиот становится отражением отца с его нарастающим безумием. Стоит заметить, что новый сын рассматривался не как отдельный человек, а как воплощение Васи, существующего в памяти родителей:

*«Тогда она становилась на колени и хрипло молила:
– Пожалей! Отдай мне Васю!»* [495].

«Воскрешение» оказывается неудачным, но связь между сыном и отцом не ослабевает, а к концу повести даже усиливается, когда в семье остаются лишь они одни: «И бок о бок с ним, вечно вдвоем, вечно наедине, то оглушаемый его злым, бесстыдным криком, то преследуемый окаменевшим загадочным взглядом, зажил о. Василий столь же таинственную жизнь духа, отрекшегося от плоти» [533].

Обратим внимание, что человеческое искажается здесь не только в сыне Васе, но и в дочери Насте. Названной так же, как и мать, Насте в семье не достается самостоятельной роли, и она, находясь в тени, сама тенью и становится.

Выбирая одинаковые имена для героев этой повести, Л.Н. Андреев показывает в них разные ипостаси человека, на самом деле составляющие единое целое, некое делящееся во времени и пространстве продолжение одного человека в другом. Так, ожидаемое воскрешение Васи не удается, хотя новый Вася рожден, а о. Василий, исповедуя нищего, который говорил о совершении убийства, произносит фразу: «Я сам убил человека. Девочку. Настя ее зовут» [521] – как будто говорит и о жене, и о дочери, хотя они в это время живы.

Таким образом, и образ с именем «Настя», как и образ «Василия», становится обобщенным, вбирая и проявляя суть всех своих носителей в этой повести.

Литература

Андреев Л.Н. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. М., 1990.

Гольман Ю.И. Значение образа-символа для создания психологизма в повести Л.Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. № 6.

Краткая литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke5/ke5-4413.htm>. Загл. с экрана. Дата обращения: 01.03.2019.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 2000.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/days/sv-vasilij-vizantijskij>. Загл. с экрана. Дата обращения: 01.03.2019.

Г.П. Нестеренко (*Саратов*)

Функции паронимической аттракции в сборнике М. Цветаевой «После России»

Научный руководитель – профессор И.Ю. Иванюшина

Внимание к звуку, звучанию возникает у М. Цветаевой в раннем детстве во время занятий музыкой. Уже в первых сборниках ощущается работа автора над фонетическим обликом текста. Но расцвет экспериментов с фонетикой приходится на зрелую лирику. Наиболее ощутим он в эмигрантском сборнике М. Цветаевой «После России» (1928). Поздние стихотворения поэтессы характеризуются уникальной игрой звуком, столкновением созвучных морфем с целью выявления общего в различном и различного в общем. Благодаря таким столкновениям рождаются новые ассоциации и неожиданно глубокие смыслы.

Прием паронимической аттракции рассматривается нами на материале последнего прижизненного сборника М. Цветаевой «После России».

Этот сборник являет собой вершину творчества автора. В него вошли 160 произведений, созданных в первые три года эмиграции (1922–1925) и опубликованных в 1923 г. за границей, а в 1924 г. – в России. Одобрения со стороны критиков они не получили: было много негативных отзывов о циклах «Федра» и «Гамлет». Поэтессу обвиняли в фальши, нагромождении в стихах странных и непонятных конструкций [см.: Шевеленко 2002: 230]. Это свидетельствует о том, что новая экспериментальная поэтика сборника не была понята многими современниками.

Целиком сборник «После России» был издан в 1928 г. в Париже. Он обладает четкой, продуманной структурой. В нем существует двухуровневая рубрикация: распределение всех стихов сначала между двумя тетрадями, а внутри них по годам – по две даты в каждой тетради. Всего разделов в сборнике шесть, так как в первой тетради сделана дополнительная разбивка на «Берлин» и «Прагу», а во второй без обозначения даты продолжаются стихи 1923 г.

У стихотворений сборника четыре адресата, по два адресата на каждую тетрадь. Часть стихотворений цикла «Берлин» посвящена А.Г. Вишняку, владельцу русского издательства «Геликон», выпустившего предыдущий сборник М. Цветаевой «Ремесло». Вторым и важнейшим адресатом сборника является Б.Л. Пастернак, чья книга «Темы и вариации», присланная им М. Цветаевой из Берлина, послужила толчком к написанию ею стихотворения «Неподражаемо лжет жизнь...» Известие об отъезде Б.Л. Пастернака в Россию и невозможности личной встречи с ним дали новый импульс лирическому потоку. Как отмечает Т.М. Геворкян, «Борис Пастернак стал заочным адресатом почти всей третьей части “После России”, да и в последующих частях – вплоть до замыкающего книгу стихотворения “Русской ржи от меня поклон...” – поэтические обращения к нему будут периодическими, а мысль о “заоблачном брате” – постоянной» [Геворкян 2012: 441]. А.В. Бахраху посвящен цикл «Час души» и еще пять стихотворений. К.Б. Родзевичу

адресованы тринадцать стихотворений за сентябрь и октябрь 1923 г., вошедших в большой цикл «Прага» [см.: Геворкян 2012: 445–446]. Сборник содержит два посвящения: цикл «Деревья» М. Цветаева посвятила Анне Тесковой, а стихотворение «Хвала времени» – Вере Аренской, соученице по гимназии [см.: Геворкян 2012: 449].

Структура, композиция, система адресатов, посвящений, эпитафий сборника «После России» свидетельствуют о том, что это произведение зрелого мастера, полностью овладевшего тайнами ремесла и готового к экспериментам.

Выразительным проявлением поэтического мастерства является, на наш взгляд, предельно изощренный фонетический облик текстов М. Цветаевой этого периода. А одним из излюбленных приемов становится паронимическая аттракция, под которой (в широком смысле) понимают стоящие рядом друг с другом слова, сближающиеся и по звуковой форме, и по смыслу.

Анализ стихотворений сборника «После России», проведенный с опорой на классификацию типов паронимической аттракции, предложенную В.П. Григорьевым, обнаружил, что наиболее частотными типами паронимии в поэзии М. Цветаевой периода эмиграции являются аугментативный (160 примеров) и консонантный (104 примера). Остальные разновидности встречаются не так часто, например, вокалитический – 18 раз, а метатетический – 5 раз.

Самый частотный для М. Цветаевой аугментативный тип рождается в результате добавления к слову нового звука или слога: «*О, мель! О, мелочь!*» [Цветаева 1994: 217–218. Далее цитируется это издание, страницы указываются в скобках]. Поэт осуществляет попытку отыскать общий смысл в созвучных словах. В данном случае это однокоренные слова «мель» и «мелочь», общей семьей которых является что-либо незначительное, неважное, небольшое.

Консонантный тип паронимической аттракции возникает, когда в слове происходит консонантное распадение основы – меняются согласные звуки в основе слова или добавляются новые: «*Здесь матери, дитя застав... / – Мосты, пески, кресты застав!*» [187–189]. Часто он выполняет функцию языковой игры и создает эффект «плетения словес», усложняя фонетическую ткань текста.

Метатетический тип предполагает включение внутрь основы слова еще одного согласного или перестановку звуков. Фонетическое созвучие выполняет в них функции рифмы, аллитерации, по-новому раскрывает привычный образ: «*Тихо склоняю облом лба*» [132–133]. В этом примере слово «облом» при соединении со словом «лба» дает новую характеристику: «место, где что-то обломалось; место разлома». Само слово «лоб» от необычного сочетания приобретает новое значение.

Вокалитический тип паронимии появляется тогда, когда в основе слова меняются гласные звуки: либо заменяются на другие, либо выпадают из основы, образуя другое слово. В основном он используется поэтессой для создания концевых и внутренних рифм: «*Тщета! во мне она! Везде! Закрыв /*

Глаза: без dna она! без дня! И дата...» [175–176]. Внутренняя рифма «без dna» / «без дня», поддерживающая аллитерацию на *d*, придающую стиху четкое, отрывистое звучание, обладает некоторым семантическим наполнением: отсутствие чего-либо или безграничность, бесконечность какого-либо признака.

Эпентетический тип паронимии, возникающий, когда внутри основы слова добавляются дополнительные согласные звуки, встретился в сборнике «После России» 53 раза: «*Материнское – сквозь сон – ухо. / У меня к тебе наклон слуха, / Духа – к страждущему: жжет? да? / У меня к тебе наклон лба*» [213–214]. В данном примере паронимы «ухо» / «слуха» / «духа» находятся в позиции конечной и внутренней рифмы. Если первые два объединены семантикой слуха, то третье – «дух» (душа) вносит в строфу новый смысл – глубинной близости: слышать человека – значит быть ему духовно близким.

Анализ стихотворений сборника «После России» свидетельствует о том, что из всех разновидностей паронимической аттракции М. Цветаева предпочитает паронимы аугментативного и консонантного типа. Меняя и добавляя звуки к основе слова, поэтесса сближает далекие в обыденной речи понятия, вводит в текст элемент языковой игры, обеспечивает фонетическое единство стиха, оживляет стершиеся грамматические рифмы.

Рассматривая отдельные функции паронимии, мы столкнулись с тем, что в реальности текста они никогда не выступают в обособленном виде: переплетаются, взаимодействуют, создавая плотную фонетическую ткань. Поэтому определение функции всегда имеет условный характер.

Прежде всего, паронимы берут на себя функцию точной рифмовки. Столкновение паронимов, находящихся в конце стихотворных строк, усиливает действие рифмы. Диалектичная сама по себе, она как бы удваивается, заставляя пристальнее взглянуть в созвучные слова: «*Стиханье до кипени / Вскипающих волн. – / Песками засыпанный, / Сахара – твой холм*» [207]. Неточная рифма «волн» / «холм» кажется богатой за счет возникающих смысловых связей: нечто округлое, возвышающееся. Ударный *o* фонетически поддерживает эту ассоциацию. Как языковая игра воспринимается переключка однокоренных «кипени» / «вскипающих». «Кипень» в поэзии – белая пена. Метафора «вскипающие волны» объединяет в себе значения кипения, бурного движения воды и белизны морской пены.

Одной из наиболее часто используемых функций паронимии является функция создания внутренней рифмы, при которой сближаются паронимы, находящиеся внутри одной строки стихотворения. Это приводит к усилению аллитерации и придает тексту определенную эмоциональную окраску: «*В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс!*» [169]. Здесь разнокоренные, но построенные по общей словообразовательной модели слова «пляс» и «тряс» объединяются общим значением бурного движения. Аллитерация придает фрагменту плясовой и задорный тон.

Следующая функция паронимов – выявление тонких смысловых и

стилистических различий сопоставляемых слов: сближаемые слова схожи и семантически, и фонетически, но при обращении к словарям можно обнаружить между ними небольшие, однако значимые различия: «*Браки розные есть, разные есть!*» [257] Здесь сопоставляются слова «разные» и «розные». В словаре В.И. Даля сказано: «разный – различный, иной, не один и тот же» [Даль 1880: 37]. Слово «розный» понимается как отдельный, непарный. Сопряжение этих слов в паронимической паре подчеркивает не только общее, но и отличное, концентрируя внимание на коннотации слова.

Наиболее часто встречающаяся в лирических произведениях М. Цветаевой функция паронимии – создание смысловой плотности, напряжённости текста за счет аллитерации: «*Неподражаемо лжёт жизнь: / Сверх ожидания, сверх лжи... / Но по дрожанию всех жил / Можешь узнать: жизнь!*» [132–133] Сплошная аллитерация на *ж*, сопровождающаяся паронимическим сближением слов «неподражаемо» / «дрожанию», а также анаграммой «лжи» / «жил», создает эмоциональное напряжение текста, помогает передать дрожание плоти, которое, по М. Цветаевой, и есть проявление жизни.

Нередко встречается в текстах М. Цветаевой аллитерация, при которой паронимы несут в себе метатезу или анаграмму в корне: «*Здесь страсти поджары и ржавы: / Держав динамит! / Здесь часто бывают пожары...*» [187–189]. В этом примере наблюдается повтор звуков *р*, *ж*, создающих суровую, дисгармоничную атмосферу. Кроме того, в тексте растворены корни «жар» и «ржа». Фонетический повтор использован для изображения пожара, постепенного разгорания огня, передачи цвета пламени. Паронимы объединяются семантикой темно-красного цвета, расположенного ближе к рыжему.

М. Цветаева активно использует в своих произведениях метафоры. Особым случаем является сопоставление метафор, в состав которых входят разнокоренные паронимы. Сближение происходит не только по смысловому, но и по звуковому принципу: «*Где вечностью моею правит / Разминовение минут*» [217–218]. В метафоре «разминовение минут» сближаются слова с общим значением «миновать, обойти, пройти мимо». Они характеризуют лирическую героиню стихотворения, идущую не в ногу со временем. И само время предстает в этих строчках как быстротекущее, находящееся не в ладу с собой, дисгармоничное.

Не так часто в стихотворениях М. Цветаевой паронимы выполняют функцию средства противопоставления: «*Шаль, узнаешь ее? Простудой / Запахнутую, жарче ада / Распахнутую...*» [181–182]. Здесь паронимы имеют одинаковый корень, но приставки с противоположным значением: «запахнуть» – закрыть, задернуть что-либо, «распахнуть» – широко раскрыть что-либо и чаще всего резким движением. Анафорическое расположение этих слов в двух соседних строчках заставляет отрефлексировать это различие, подчеркнуть его.

Одной из частотных функций паронимов можно назвать и функцию

создания параллельных синтаксических конструкций, где сопоставляемые паронимы чаще всего находятся в позиции конца строк, что приводит к созданию рифмы и выявлению общего смысла между разнокоренными словами: «С каждым днем отвечаешь *глуше*, / С каждым днем пропадаешь *глубже*» [201]. В этом примере паронимы «глуше» / «глубже» находятся в конце строк в позиции рифмы и подчеркивают синтаксический параллелизм двух предложений. Исходя из контекста, паронимы приобретают общее значение удаления разных объектов: голоса в первой строке и человека во второй.

Текстом, в котором паронимия выполняет функцию структурообразующего элемента, является, например, стихотворение «Леты слепотекущей всхлип...» [124]. В первом и втором катрене через аллитерацию звуков *л*, *с*, *ш*, *п* передается движение подземной реки Леты, с которой отождествляет себя героиня. Образ реки создается посредством использования «синонимического» ряда: «слепотекущей», «сребротекущих», «сребролетейский», который передает и динамику движения, и серебряный цвет воды. Для большей выразительности поэтесса использует прием паронимической аттракции, создающий фонетическое единство текста: через всё стихотворение проходят сочетания с изменениями внутри корня *-лет-*, *-леп-*, *-лип-*, *-лит-*, что напоминает звук воды, вытекающей по капле. Паронимия используется и при создании образа лирической героини, которая находится на закате своей жизни. Сопоставление контекстных синонимов «сребро-седым плащом» / «сребро-сухим плющом» рождает мотив увядания и старости. Анаграмма «маковый мрак» развивает мотив сна, летейского забвения, смерти. Красный цвет ассоциируется с интенсивной жизнью, любовью, страстью. Но и он старится: «*пурпур сед*». Эта антитеза двух цветов противопоставляет жизнь и смерть.

Проанализированные тексты позволили выделить следующие художественные функции паронимической аттракции:

1. осуществление фонетического единства стихотворения, где звуки создают эмоциональный фон поэтического текста;
2. сопоставление контекстных синонимов и антонимов, которые не являются ими в обычной речи, с помощью чего рождаются новые ассоциации или целые ассоциативные ряды;
3. экономия художественных средств: паронимическая аттракция позволяет реже использовать дополнительные средства выразительности.

Самой частотной из художественных функций является функция осуществления фонетического единства стихотворения, усиливающего эмоциональный фон поэтического текста с помощью звукописи.

Все выделенные художественные функции могут встречаться в одном поэтическом тексте, что свидетельствует о полифункциональности этого приема.

Анализ стихотворений из последнего прижизненного сборника М. Цветаевой показал, что в позднем творчестве поэта паронимическая аттракция встречается довольно часто, она становится важным приемом идиостиля. В ряде произведений этого периода паронимическая аттракция

становится конструктивным принципом. Одно слово подсказывает выбор следующего. Создается паронимическая пара или целая паронимическая цепочка, которая на основе совпадения звуков выявляет общий смысл. Этот общий и незаметный другим смысл позволяет М. Цветаевой насытить текст неожиданными ассоциациями.

Литература

Геворкян Т.М. Еще раз о книге М. Цветаевой «После России» // *Вопр. литературы.* 2012. № 1.

Григорьев В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. М., 1978.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М., 1880.

Цветаева М.И. Собр. соч. В 7 т. Т. 2. М., 1994.

Шевеленко И.Д. Литературный путь Цветаевой: идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М., 2002.

М.Е. Щербинина (*Саратов*)

«Дорога никуда» А.С. Грина: роль случая в структуре романного повествования

Научный руководитель – доцент Т.И. Дронова

«Дорога никуда» (1930) – последний завершённый роман А. Грина, вобравший нравственно-философские и жанровые искания писателя конца 1920-х гг. Исследователи справедливо называют его самым трагическим произведением, в котором отразилось авторское мироощущение этого периода. В работах Е. Прохорова, Л. Михайловой, В. Ковского, Н. Кобзева, Г. Шевцовой и др. наибольшее внимание уделяется системе персонажей и сюжетной организации текста, позволяющим раскрыть противостояние героя-романтика расчетливым и эгоистичным людям. По определению Л. Михайловой, в основе произведения – «конфликт между великими запросами человеческого духа и преградами, которые воздвигает жизнь на пути дерзующего героя» [Михайлова 1980: 198]. В русле воплощения автором высокого романтического идеала рассматривается литературоведами и роль авантюрного сюжета. По мысли Н. Кобзева, писатель переключает авантюрный сюжет из событийной сферы во внутреннюю, он превращает его в «сюжет приключений человеческого духа» [Кобзев 1983: 98].

На наш взгляд, форма сюжетного повествования обусловлена в значительной мере философскими интенциями автора – свидетельствует об особой значимости для него категории случайного. В связи с нашим интересом к проблеме авторского сознания и жанрово-стилевым формам его воплощения в творчестве А. Грина мы ставим перед собой задачу – выявить ключевую роль случая в романе «Дорога никуда», реализующуюся через систему сюжетных мотивов и «слово героев» (М. Бахтин).

В методологическом плане определяющими для нашего исследования являются идеи М. Бахтина (о специфике авантюрного повествования и

способах воплощения случая в его структуре) и Ю. Лотмана (о роли мотива игры в литературном произведении и соотношении закономерного и случайного в историческом процессе).

С точки зрения организации сюжетного повествования «Дорога никуда» является авантюрно-приключенческим романом. Думается, что в обращении к данной структуре проявилась авторская потребность в выражении собственного понимания роли случая в человеческой судьбе. Рассматривая специфику романов данного типа, М. Бахтин отмечал, что «все моменты бесконечного авантюрного времени управляются одной силой – случаем <...> Авантюрное “время случая” есть специфическое время вмешательства иррациональных сил в человеческую жизнь» [Бахтин 1986: 130–131].

Случай пронизывает и организует все действие гриновского романа. Он выступает как сила, постоянно вторгающаяся и меняющая привычный уклад жизни главного героя – Тиррея Давенанта. Судьбоносные изменения, как правило, связаны с неожиданными встречами, которые приводят как к счастливым, так и к печальным последствиям. Внезапный визит сестер Футроз в кафе «Отвращение» становится для героя поворотным, дает шанс вырваться из границ обыденного, заниматься тем, о чем он давно мечтал. Под влиянием этого события жизнь Тиррея начинает стремительно меняться: новые знакомые, новые планы, новый дом.

Однако мотив встречи, реализующийся в романе, получает и трагическое наполнение. Неожиданное появление пропавшего много лет назад без вести отца Тиррея – Франка Давенанта, стремящегося воспользоваться положением сына, приводит к бегству героя из родного города. Фатальной становится и встреча с Георгом Ван-Конетом, которому уже взрослый Давенант (Джемс Гравелот) бросает вызов. Эта встреча, как утверждает сам герой, снова толкает его на «*тропу темной судьбы*» [Грин 1965: 123. Далее цитируется это издание, страницы указываются в скобках].

В романе получает развитие и мотив неустрахи. Например, когда Тиррей ищет Галерана, чтобы получить помощь и совет в ситуации с отцом, тот неожиданно пропадает на некоторое время: не появляется ни дома, ни в кафе. Отчаявшийся герой остается один на один со своей мучительной проблемой. Если бы в этот тяжелый для него момент рядом был тот, на кого можно положиться, вся ситуация могла разрешиться иначе. Таким образом, мотив совпадения/несовпадения во времени также оказывается невероятно значимым.

Даже счастливые случаи в романе часто впоследствии оборачиваются неудачей. Например, знакомый Тиррея узнает о скором полицейском рейде и успевает предупредить героя, но в конечном итоге это не спасает последнего от тюрьмы. Или лавка Стомадора случайно оказывается в удачном расположении для подкупа, но заключенного не удается спасти.

Каждый раз, когда жизнь Тиррея должна наладиться, происходит что-то непредвиденное: возвращение отца в момент, когда герой приближается к исполнению мечты; потеря сознания и, как следствие, невозможность

предупредить Футрозов о замыслах Франка после преодоления немыслимого пути из Покета в Лисс в невероятно короткие сроки; неожиданная засада полиции по возвращении в родной город на судне контрабандистов; обострение последствий ранения и невозможность побега, когда путь к отступлению готов и др. Вся жизнь Тиррея складывается как череда случайностей, которые ненадолго приоткрывают возможность обретения счастья и свободы, но в итоге разрушают мечты и планы героя.

С мотивом встречи связана категория узнавания/неузнавания. Самым ярким примером является встреча Стомадора и жены Ван-Конета – Консуэло. Уговаривая незнакомку прийти в камеру к умирающему заключенному, он рассказывает о несостоявшейся дуэли Давенанта, тем самым открывая ей глаза на злодеяния и сущность супруга. То, что Консуэло – племянница начальника тюрьмы, тоже выясняется не сразу. Именно она добивается освобождения Давенанта.

Все рассмотренные ранее мотивы являются составными элементами центрального мотива дороги, вынесенного в название романа, что свидетельствует о его идейно-художественной значимости. В тексте произведения образ дороги не только воссоздается на уровне сюжетной структуры, но и раскрывается через историю картины «Дорога никуда», висящей в гостиной дома Футрозов. Записка самоубийцы из рассказа заканчивается словами: *«На дороге многое случается и будет случаться. Остерегитесь»* [48]. Тиррей буквально ступает на тропу неизвестности, покидая Покет. Хотя его изначальная цель не оправдалась, он начал новую жизнь.

С одной стороны, мотив дороги позволяет автору динамизировать романное повествование, ввести в него захватывающие приключения, реализовать многочисленные повороты в судьбе центрального персонажа. С другой, ее можно рассматривать как реализацию мотива жизненного пути героя, становления личности и укрепления духа.

На уровне мотивной структуры неоднократно вводится мысль, что Тиррей Давенант не был любим жизнью, что она всегда *«ловила его с оружием в руках»* [124]. Его преследуют одиночество и бесконечные скитания. Но автор показывает, что трагические повороты судьбы обусловлены не только случайными обстоятельствами, но и нравственным выбором героя.

В своем последнем письме Давенант признается другу: *«Чего я хотел? Вероятно, всего лучшего, что может пожелать человек. Я хотел так сильно, как, видимо, опасно желать. <...> я много мог бы сделать, но в такой стране и среди таких людей, каких, может быть, нет!»* [195] Его отчаянная жажда добиться лучшей жизни и в то же время нерушимые понятия о чести, справедливости и достоинстве, от которых Тиррей просто не может отказаться, находятся в диссонансе друг с другом. Как свидетельствует проведенный анализ, случай не делает героя абсолютной игрушкой обстоятельств, автор показывает персонажа, который нередко выступает в роли игрока, бросающего вызов судьбе.

Через мотив игры, многократно реализующийся в романе, также

раскрывается роль случая. Игра вводит в сюжет литературного произведения непредсказуемость, открывает дорогу случаю, как силе способной изменить жизнь человека: привести к немыслимому успеху или краху всех надежд. Практически все герои романа так или иначе связаны с игрой: Франк Давенант и Орт Галеран – заядлые игроки, играют контрабандисты, повар кафе «Отвращение», для Тиррея игрой становится стрельба и т.д. Главный герой приходит в игорный дом, чтобы выиграть крупную сумму и откупиться от отца, но в итоге теряет всё: становится жертвой мошенников. Галеран получает большой выигрыш, часть которого принадлежит Давенанту, но последний узнает об этом только спустя девять лет. Случай и игра неотделимы друг от друга в художественном мире романа.

Концептуальное значение роли случая в романе выводится на поверхность благодаря одноименному мотиву, реализующемуся на уровне речевой структуры. Автор через «слово героев» утверждает мысль о его роли в жизни человека. Галеран первым высказывает идею о важности и органичности случая: *«А что может быть естественнее случайности? <...> Всегда приятно сделать что-нибудь хорошее, не так ли? Вот и всё. Возьмите на себя роль случая»* [11]. Этот герой является одним из основных выразителей авторской мысли в тексте. Элли соглашается с просьбой Галерана и говорит: *«мы – “случайности”»* [11]. Злобная Эмма Губерман в связи с переездом Тиррея признается, что на ее веку еще *«такого случая не бывало»* [28]. Франк упрекает сына: *«Неужели ты не понимаешь, что твой удачный случай послан судьбой для меня, а не для тебя?»* [65] Кроме содержательных монологов и реплик, посвященных случаю, персонажи часто используют в разговоре устойчивые выражения, содержащие слово случай, например *«в таком случае»*.

Самым ярким и концептуально значимым с точки зрения выражения авторского сознания является размышление Гравелота о случайности. На наш взгляд, повествователь передоверяет герою свое видение проблемы: *«Случайностей очень много. Человек случайно знакомится, случайно принимает решения, случайно находит или теряет. Каждый день полон случайностей. <...> Но стоит произойти такой случайности, которая трогает основное человека – будь то инстинкт или сознательное начало, – как начинают происходить важные изменения жизни или остается глубокий след, который непременно даст о себе знать впоследствии»* [93]. Интересно, что данное размышление содержит характерное для современных ученых представление о вариативности событий до принятия решения, в точке бифуркации, и о предопределенности развития событий после осуществленного выбора.

Таким образом, выбор писателем жанровой модели авантюрно-приключенческого романа обусловлен не только ее динамическим характером, придающим увлекательность и непредсказуемость сюжетному действию, но и философским потенциалом категории случая, лежащего в основе произведений данного типа. Являясь концептуально значимой для автора, категория случайного требует дальнейшего анализа и осмысления.

Литература

Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Грин А. Дорога никуда // Грин А. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., 1965.

Кобзев Н. Роман Александра Грина (проблематика, герой, стиль). Кишинев, 1983.

Лотман Ю. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. Избр. статьи. В 3 т. Т. 2. Таллинн, 1992.

Лотман Ю. Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.

Михайлова Л. Александр Грин: жизнь, личность, творчество. М., 1980.

В.Г. Шевцова (*Саратов*)

Приемы диалогизации монологического повествования в романе В.А. Каверина «Открытая книга»

Научный руководитель – доцент Т.И. Дронова

В романе В.А. Каверина «Открытая книга» (1948–1956) воссоздается история «открытия, оказавшего глубокое влияние на развитие медицинской науки» [Каверин 1963: 19] и осмысливается судьба его автора – Татьяны Власенковой. Благодаря форме повествования от первого лица писателю удается глубоко раскрыть внутренний мир героини – как человека и как ученого. Но каким образом ее художественная автобиография обретает черты романного целого?

Цель данной статьи – выявить романную составляющую «Открытой книги» В.А. Каверина, рассмотрев приемы диалогизации повествования от первого лица.

В методологическом плане мы опираемся на идеи М.М. Бахтина о диалогичности слова и диалогичности человека, высказанные ученым в работе «Проблемы поэтики Достоевского».

В авторском послесловии к роману сталкиваются два определения жанра произведения – «записки» и «роман», что подчеркивает жанровую специфику «Открытой книги» – художественное произведение («роман») в форме автобиографических (мемуарных) «записок». И на формальном уровне роман представлен как повествование от первого лица – воспоминания Татьяны Власенковой.

Что дает автору подобная организация структуры текста? Повествование от первого лица имеет значение неполноты, субъективности, актуализации достоверности. В автобиографическом произведении неполнота изображения касается прежде всего мира окружающего, а жизнь героя, с чьей точки зрения ведется повествование, представляется исчерпывающе полной. Однако у В.А. Каверина в «Открытой книге», действие которой охватывает несколько десятилетий, эта полнота нарушается, и происходит это по двум причинам.

Во-первых, это связано с психологией восприятия прошлого, с избирательностью человеческой памяти, что становится предметом рефлексии героини: *«Почему первые годы моей студенческой жизни представляются мне чем-то вроде картины? Отдельные, бессвязные кадры проносятся передо мной, но это кажущаяся бессвязность»* [Каверин 1965: IV, 152–153. Далее цитируется это издание, том и страницы указываются в скобках].

Однако не только воспоминания о юности, но и весь роман представляет собой монтаж «моментальных снимков», а «кажущаяся бессвязность» отступает перед встроенностью каждого эпизода в общую систему событий, о которых можно сказать словами из «Двух капитанов»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Таким образом, речь может идти о полноте особого типа: не преследуя цели поэтапно точного воспроизведения каждого шага героини, Каверин не упускает ничего из того, что значимо для становления ее личности.

Во-вторых, полнота изображения нарушается за счет того, что Власенкова не всегда может разобраться в собственной душе. Метафорический образ пути к тайнам души дан писателем в самом начале книги: *«Да, – продолжала я думать, как будто распутывая в душе какой-то клубочек, в котором была спрятана тайна»* [IV, 83]. Но этот клубочек так и не был распутан до конца. Отношение Татьяны к братьям Львовым – Андрею, который стал ее мужем, и Мите, о котором она вспоминает чаще, чем ей хотелось бы, так и останется тайной для нее самой.

В воспоминаниях о Мите постоянно чувствуется своего рода диалог – героиня как бы вопрошает себе в юности: *«Почему мне почудилось, что именно сегодня <...> между нами возникнут какие-то новые отношения?»* [IV, 233] И отвечает так, как ответила бы в юности: *«Не знаю»* [IV, 233].

Кроме того, скрытый диалог ведется с самим Митей, рассуждающим о том, что он тяготеет собственной холодностью, которая *«в юности часто переходила в душевную слепоту»* [IV, 234]. На это Татьяна мысленно отвечает: *«И не только в юности»* [IV, 234].

Диалогичность проявляется не только тогда, когда в текст включены вопросы и ответы. Гораздо чаще это внутренняя диалогичность: *«Разумеется, это не было исповедью: стал бы он исповедоваться перед девушкой, которую и знал-то, собственно говоря, очень мало!»* [IV, 234]

Здесь желание «новых отношений» и последующее знание о том, что ожидаемого не произошло, формируют структуру фразы: слова Мити сначала воспринимаются героиней как исповедь, но она спорит с собственными ощущениями, стараясь быть равнодушной к человеку, который ее не замечает. С желанием уговорить себя связано и категоричное утверждение «разумеется», и не менее категоричное отрицание, выраженное разговорной конструкцией: «стал бы он».

Этот бесконечный диалог Татьяна ведет сама с собой всю жизнь. С ним связаны и последние в романе слова героини, сказанные Мите в новогодний вечер в кругу «самых близких» и на фоне общего веселья кажущиеся шуткой:

«Ведь я всю жизнь была влюблена в вас...» [V, 225].

Не менее напряженно звучат в романе внутренние диалоги об Андрее. Татьяна убеждает себя: «Конечно, я люблю его. Как же еще назвать ту теплоту в моем сердце, которая принадлежала только Андрею и которую я начинала чувствовать, едва вспомнила о нем?» [IV, 201] Напряженность, драматизм переживаний усиливаются за счет персонификации внутреннего голоса, когда: «<...> два “я” – одно разумное, хладнокровное, а другое порывистое, взволнованное – начинали вести между собой разговор. “Ты знаешь Андрея много лет, – говорило первое, разумное “я”. – Благороднее, добрее, умнее его ты еще никого не встречала”. “Но ведь придет день, – я робко возражала себе, – когда мне придется сказать Андрею, что это лишь полуправда?” “Проходят годы, и полуправда становится правдой. Вы будете идти вперед, поддерживая друг друга, учиться и работать”» [IV, 199].

Но так хорошо начинавшемуся «правильному» диалогу не суждено было дойти до логического конца, он неожиданно обрывается: «“А Митя?” – вдруг подумалось мне» [IV, 199]. Безличное предложение в данном случае предельно точно указывает на то, что внутренний голос «о Мите» неподвластен разуму, а завершение «диалога» – на то, что приведен аргумент, против которого логика бессильна.

Диалогичность иногда обусловлена и прямо противоположными причинами: не только чувства неожиданно вторгаются в сферу логики, но и разумное, оценивающее начало может проникать в область чувств: «Я целовала Андрея и умоляла простить меня, и только раз, может быть, мелькнула в душе горькая мысль, что я уговариваю не только его, но и себя. Но только мелькнула!» [V, 132] В этом высказывании, как и во многих других, вновь проявляется разновременность переживаний – оценки – изображения: Таня ловит себя на неожиданной мысли, а Татьяна Петровна подчеркивает ее мимолетность. Однако в самом описании неожиданных и мимолетных мыслей о Мите, о «полуправде отношений с Андреем» видна точка зрения автора: в том, что «прозрения появляются вновь и вновь», и в том, что Татьяна, как правило, не комментирует их, стараясь скрыть не только от слушателя, но прежде всего от себя, писатель видит постоянный источник драматических переживаний героини.

Иногда внутренние диалоги являются продолжением и развитием внешних – тех, которые не удалось или не хотелось завершить. В Сталинграде Татьяна не ответила на вопрос Володи Лукашевича, счастлива ли она. В «беседе» с собой она на этот вопрос отвечает: «Я счастлива? Да. Обо мне беспокоятся, думают, ждут. Я счастлива? Нет. И довольно об этом» [V, 32].

Итак, «Открытая книга», хотя она и представляет собой монолог главной героини, насквозь пронизана внутренним диалогизмом. Большинство диалогов ведется с участием главной героини, хотя это участие может быть не только непосредственным, но и вестись в двух планах, когда на один вопрос даются два взаимоисключающих ответа: «Я сказала: / – Может быть. / – И подумала: “Ни за что”» [IV, 119].

Иногда в таком диалоге нарушается неполнота изображаемого и «взгляд видящий», характерный для повествования от первого лица, сменяется «взглядом знающим», свойственным повествованию от 3-го лица. Так, спор Крамова с Татьяной Власенковой ведется в двух плоскостях: диалог реальный, «внешний», сопровождается диалогом тайным, скрытым, когда один говорящий комментирует речь второго «про себя» и «для себя»: *«Уж не ждали, что я стану уверять его в обратном? <...> Была крупица правды в том, что он говорил, но только крупица. <...> я продолжала мысленно комментировать всё, что он говорил, подобно тому, как шахматист, изучивший не одну партию своего противника, сопровождает его каждый ход своей объясняющей мыслью»* [IV, 437–438].

А далее Татьяна Власенкова уже просто «читает» мысли Крамова: *«Но если это только предлог, почему она уклонилась от серьезного разговора? <...> А что, если это ловушка?»* [IV, 439–440].

Отношения с Крамовым очень значимы в структуре романа, так как герои воплощают два противоположных полюса отношения к миру. Татьяна Власенкова представлена как борец за истинную науку против лжеученых типа Крамова и его «школы». Собственную безнравственность в борьбе со своими личными противниками Крамов представляет как принципиальность по отношению к «врагам народа», и имя вождя развязывает ему руки. Так, дискуссия на конференции, посвященной проблемам науки, была умело переведена Крамовым в русло политики – к борьбе с «врагами», и расположенная ближе к концу второй части глава «Спор» воспринимается как настоящая дуэль, в которой *«елейный удав», «смесь Талейрана с Иудушкой Головлевым»* [IV, 241] использует запрещенные приемы и исход которой кажется предрешенным. И потому «Спор» воспринимается как своего рода кульминация второй части.

Особую глубину спору придает его соотнесенность со словами старого доктора, о которых вспоминает Татьяна Власенкова и которыми заканчивается предшествующая «Спору» главка «Старая рукопись»: *«Два противоположных закона борются в мире – закон смерти, ежедневно придумывающий новые средства убийства и разрушений, и закон мира и жизни, стремящийся освободить человека от преследующих его бедствий»* [V, 440].

У Павла Петровича, получившего холодный, грубо иронический, уничтожающий отзыв на статью, уже не было сил бороться, и «закон смерти» победил. И кажется, что история может повториться. Но на этот раз «закон мира и жизни» одержал верх, хотя споры, похожие на дуэли, и дуэли, продолжающие споры между Татьяной Власенковой и Крамовым, не прекращаются. Не прекращаются вплоть до «дуэли» между английским и советским препаратами пенициллина – крустозина. И здесь Татьяна, как опытный шахматист, вновь комментирует каждый шаг своего противника и читает его мысли: *«Не удалось захватить в свои руки крустозин, а вместе с ним и новое направление в медицине, – так хоть доказать, что Крамов был прав, советуя правительству*

приобрести английский патент: “Не послушались, пренебрегли, отклонили – ну что же, пеняйте на себя. Уж кто-кто, а мы не виноваты в том, что ваш хваленый крустозин провалился!”» [V, 138–139].

Последующие события показали, что Татьяна в своих рассуждениях всё же была не совсем права. Даже хорошо зная своего противника, она не предполагала в нем таких талантов к мимикрии: Крамов, которому «не удалось захватить в свои руки крустозин», чужую победу пытается приписать себе.

Этот диалог между Власенковой и Крамовым также можно рассматривать как своего рода кульминацию и завершение борьбы истинной науки с ложной. Завершение – потому что на этот раз последнее слово остается за Власенковой, которая саркастически представляет поступок Крамова, потому что наконец оказывается возможным посмотреть на затянувшуюся дуэль со стороны и подвести ее итоги.

Точка зрения «со стороны» принадлежит английскому ученому и выражена она с помощью несобственно-прямой речи: *«Крустозин оказался сильнее – ну, и прекрасно! Зачем же об этом говорить так торжественно, так долго?» [V, 143]*

С репликой англичанина перекликается ответная реплика Татьяны: *«В самом деле, зачем?» [V, 143]*

Диалогичность романа проявляется не только в повествовании о личных переживаниях героини, но и в главах, посвященных ее научной борьбе с Крамовым.

Довольно часто во внутренних диалогах Татьяны вопрос и ответ разделены временем. При этом грамматические формы глагола могут быть различными, например в вопросе: *«На чем было основано это решение?» [IV, 251]* – употреблен глагол в прошедшем времени, а в ответе: *«Не знаю» [IV, 251]* – в настоящем. Вопрос касается прошлого, но ответа на него у героини нет и сейчас.

В начале романа есть страстное обращение «ко всем», в котором семнадцатилетняя героиня, наблюдавшая за развитием отношений Мити и Глашеньки Рыбаковой, пытается отречься от своей любви к Мите, которого она выбрала еще в момент дуэли: *«Слушайте, все люди, мужчины и женщины, те, которые узнали, что на свете бывает любовь, и те, кто поверил этому и кто не поверил, и те, кто в эту ночь, в этот час не знают, что делать со своей душой: никогда я не буду любить!» [IV, 74]*

Интересно, что параллельно этому ощущению в героине растет и долго существует противоположное чувство: *«Как все было прекрасно! Как великолепно было, что наступило утро, и что я вижу солнце и небо, и что никто не знает, как я счастлива, и только я знаю, что буду еще счастливее – счастливее всех людей на земле!» [IV, 98]; «И прежде всего, особенно в Лопяхине, случалось, что на меня находило чувство беспричинного веселья. Это были минуты, когда я была твердо, безусловно уверена, что меня ждет самое лучшее, самое прекрасное в жизни» [V, 240].*

Сравним характер изображения этого предчувствия счастья. Первое, лопахинское, – непосредственное ощущение, выраженное восклицательными предложениями с усилительным «как». Второе – аналитическое описание собственного чувства в сопоставлении с прежним, «лопахинским», что свидетельствует и о взрослении героини, и о сохранении веры в жизнь.

Духовный и душевный рост Тани постоянно становится предметом рефлексии Татьяны Петровны Власенковой: *«События, величие которых переоценить невозможно, происходят в границах этого круга, – что значит в сравнении с этим маленькие события, волнующие маленький город? Но без первых не было бы во-вторых, – я делаю и это открытие!»* [IV, 67]

Особого рода рефлексия сопровождает иногда метатекстовые высказывания – Таня оценивает свое высказывание, Татьяна Петровна – высказывание и реакцию Тани: *«– Пошли вон! / Нужно было сказать: “Пошел вон!” Это было глупо, что я знала его и в то же время обращалась на “вы”»* [IV, 129].

Языковая личность автора «записок» будет неполной, если оставить в стороне способ введения в ее повествование чужой речи. Наряду с глаголами говорения («сказал он», «спросил гимназист», «я закричала», «продолжал Андрей», «повторила Агаша», «диктует старый доктор») или глаголами, которые подразумевают говорение («объяснил он», «заметил чиновник»), для ввода чужой речи используются глаголы, к речи отношения не имеющие. В этих случаях, как правило, слова повествователя воспринимаются как краткие ремарки, которые указывают на характер поведения и речь героев, как в драме: *«Записка выпала, и она подала ее мне. / – Ты не можешь передать ему эту записку?»* [IV, 35]

Но более значимы ремарки, которые называют не действия, а чувства героев: *«Митя изумился: / – Что такое?»* [IV, 206]; *«Он неловко засмеялся: / – Совершенно верно»* [IV, 236].

Не часто давая развернутые описания душевных переживаний главной героини и других действующих лиц, В.А. Каверин при помощи психологических ремарок добивается двух целей: достигает постоянного эмоционального напряжения, уходя от бесстрастного описания обыденности, и изображает свою героиню как человека, чуткого не только к собственным, но и к чужим переживаниям.

Таким образом, выстраивая роман в форме повествования от первого лица, В.А. Каверин создает впечатление полноты и объективности благодаря включению в «Открытую книгу» различных точек зрения на изображаемое, хотя и в рамках монолога главной героини. Подобная организация структуры текста углубляет субъектные и пространственно-временные отношения, создает неповторимую атмосферу переживания жизни самой героиней и позволяет воплотить авторский взгляд на человека и эпоху.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

Каверин В.А. Открытая книга // Каверин В.А. Собр. соч. В 6 т. Т. 4; Т. 5. М., 1965.

Каверин В.А. Очерк работы // Каверин В.А. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1963.

А.А. Романов (*Саратов*)

Пространственно-временной код в лирике Е. Шварц

Научный руководитель – профессор И.Ю. Иванюшина

Языки культуры, или культурные коды, исследователи определяют как «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных 2002: 232]. При всём многообразии культурных кодов среди них выделяют шесть базовых: телесный, пространственный, временной, биоморфный, предметный и духовный [см.: Красных 2002: 233].

Членение пространства «сеткой» культуры происходит в соответствии с «алфавитом» того или иного кода. В случае с пространственным и временным кодами этот алфавит формируется путем индивидуального наполнения автором универсальной базы характеристик пространства и времени. Для пространственного кода преимущественно характерны категории «свой» и «чужой», «верх» и «низ», «право» и «лево», «восток» и «запад», «вперед» и «назад», «север» и «юг», «высота» и «глубина», «внешнее» и «внутреннее», «замкнутое» и «открытое», «устойчивое» и «неустойчивое». Алфавит временного кода строится из характеристик времени: «длительность» и «краткость», «однородность» и «неоднородность», «заполненность» и «незаполненность», «линейность» и «цикличность», «однократность» и «повторяемость», «медлительность» и «скорость».

В поэтическом тексте пространственный и временной коды практически неотделимы друг от друга. Это свойство пространственно-временной организации текста описал М. Бахтин, отметив, что «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [Бахтин 1975: 234]. Время и пространство художественного текста представляют собой единую систему координат, поэтому в статье мы будем говорить о пространственно-временном коде.

Этот код существует на стыке реального представления о пространстве и времени и различных художественных деформаций, своеобразие которых демонстрирует систему индивидуальных авторских выборов, анализ которых позволяет увидеть, как именно пользуется автор данным кодом.

Ярко индивидуальный пример использования пространственно-временного кода представляет собой поэзия Е. Шварц. Время и пространство у автора строятся по особым законам: сжатие и развертывание, бесконечность и ограниченность, вечность и миг – все эти особенности пространственно-временной организации могут гармонично сосуществовать в пределах

стихотворения. Лирика же в целом дает многообразие вариантов индивидуально-авторской реализации этого кода.

Пространственно-временной код у Е. Шварц выполняет несколько художественных функций.

Первая из них – аксиологическая. При помощи пространственно-временного кода Е. Шварц выстраивает определенную систему ценностей:

*Повсюду центр мира – страшный луч
В моем мизинце и в зрачке Сократа,
В трамвае, на Луне, в разрыве мокрых туч
И в животе разодранном солдата.*

*Где в огненной розе поет Нерон
И перед зеркалом строит рожки,
Где в Луну Калигула так влюблен,
Что плачет и просит спуститься на ложе.*

<...>

*Ах, он всех – он даже Петра любил,
Что Россию разрезал вдоль,
Черной икрой мужиков мостовые мостил,
Но душ не поймал их, вертких, как моль.*

*Ах, не он ли и Павлу валерьянку носил,
Просил – не ссылай хоть полками, –
Но тот хрипел и тень поносил
И, как дитя, топтал ногами...*

*Он в комнате пустой – всё унесли,
Его витраж разбили на осколки,
Пометы стерли, вынули иголку,
Что тень скрепляла с пестротой земли.*

*Но больше он любил в архивах находить,
Кого напрочь забыто имя [Шварц 2002: I, 14–15].*

Главный герой произведения, собиратель смыслов – «историк», – находится по отношению к миру истории в надвременном пространстве условного «настоящего», откуда наблюдает все времена и пространства в разрезе единого мига – «страшного луча».

В произведении моделируются два принципиально разных мира и два лирических субъекта. Первый мир – мир историка, условно реальный, второй – мир его сознания. Первый лирический субъект – «историк», второй – автор-повествователь.

Мир в сознании героя-историка представляет собой единое связанное целое – «центр мира», время и пространство в нем легко преодолеваемы, герою ничего не стоит ощутить единство прошлого и будущего (себя и Сократа), низа и верха (трамвая, Луны и туч). Для него не существует географических границ; границы жизни и смерти размыты: живой лирический герой, мертвый Сократ,

находящийся на грани жизни и смерти солдат неразрывно связаны.

Память позволяет историку созерцать мир в его абсолютном единстве. Представленное в произведении историческое время отмечено определенными маркерами. Здесь и прецедентные имена: Сократ, Нерон, Калигула, Павел, Петр, – и определенные исторические процессы и события: внутреннее идеологическое деление на западников и славянофилов – «*Россию разрезал вдоль*», строительство и обустройство Петербурга – «*мостовые мостил*», байка о высылке Павлом I полка в Сибирь – «*не ссылай хоть полками*». Но историческое время полностью подчинено художественной задаче автора, оно необходимо для того, чтобы отразить огромные массивы прошлого в едином миге.

На формальном уровне эта одновременность выражается лексическим параллелизмом: «*в моем мизинце*», «*в зрачке Сократа*», «*в трамвае*», «*в разрыве мокрых туч*», «*в животе разодранном солдата*»; «*где в огненной розе поет Нерон*», «*где в Луну Калигула так влюблен*» и т.д. Повторение синтаксических конструкций создает впечатление, что все наблюдаемое находится в единой плоскости, как детали общей картины.

Особенности художественного пространства проявляются в разделении двух миров: реальный мир, где находится историк, – комната, «архив». Он же является неким порталом в мир истории, наполнителем памяти героя-историка.

Пространство реального мира замкнуто. Весь огромный мир условной реальности сужается до пределов «архива», но через него в сознании героя-историка открывается огромное множество других пространств, которые принадлежат миру памяти. Пространство этого мира разомкнуто географически и исторически: там представлены Греция, Рим, Россия первой четверти XVIII века, Россия рубежа XVIII и XIX веков и т.д.

Каждое из пространств эмоционально окрашено. Мир реальности героя – тусклый, разбитый, а главное – пустой: «*Он в комнате пустой*», «*витраж разбили*», «*пометы стерли*». Мир же истории представлен с налетом романтической дымки, он полон приключений и любви: Нерон в нем поет, Калигула влюблен. Этот мир переполнен, насыщен, интересен.

Е. Шварц переводит исторические события из публичного пространство в интимное. Историк чувствует близость с каждым из персонажей: «*он даже Петра любил*», «*он <...> и Павлу валерьянку носил*» и т.д. Такое индивидуальное осмысление исторических персонажей служит задаче создания гармоничного и прекрасного мира в сознании лирического субъекта, где нет места злу и жестокости.

Время и пространство условного настоящего историка мертвы, в его настоящем ничего не происходит, он как бы застыл в нем. А время и пространство истории, которое, казалось бы, должно восприниматься как прошедшее и утвердившееся, представлено в полноте жизни, там всё совершается «здесь и сейчас», прямо на глазах героя. Внешний реальный мир выглядит беднее и скучнее мира памяти. Внешнее противопоставлено внутреннему.

Так благодаря пространственно-временному коду Е. Шварц выражает

ценностные смыслы, разводит внутреннее и внешнее, публичное и интимное, наполненное и пустое, замкнутое и открытое.

Еще одна функция пространственно-временного кода – эмотивная. Код помогает Е. Шварц передавать эмоциональные состояния. Используя существующие в языке стереотипы, связывающие времена года с определенным настроением, поэт переосмысляет их, выворачивает наизнанку, изменяя в том числе и эмоциональную окраску образов. Так, осень, время увядания, она соотносит с рождением: «*Бабье лето – мертвых весна*» [Шварц 2008: III, 77]. Бабье лето – рубеж перед похолоданием, умиранием природы, но Шварц определяет осень не через смерть живого, а через оксюморон – рождение мертвого. В другом произведении поэт реализует эмотивную функцию через игру слов: «*Как бы перелетовать / Как промаяться бы лето / Лето лютное избыть*» [Шварц 2008: III, 23]. Привычное «перезимовать» заменяется на «перелетовать», но негативная коннотация сохраняется («пережить», «переждать») и закрепляется далее на лексическом уровне словами «промаяться», «лютное», «избыть».

Все проявления пространственно-временного кода у Шварц подчинены единой художественной задаче: благодаря ему поэт пытается выстроить целостную картину мира.

Ю. Лотман, рассуждая о культурных кодах, отмечает, что «поэтический текст живет в пересекающемся поле многих семантических систем, многих “языков”» [Лотман 1972: 107]. В произведениях Шварц именно в пересечении культурных кодов, в соприкосновении различных семантических систем рождаются принципиально важные смыслы.

Так, например, Е. Шварц свойственно физическое ощущение пространства и времени. Она намерено сгущает хронотоп, резко меняя масштабы пространственно-временного континуума: «*На миг перепутала себя со Вселенной*» [Шварц 2002: I, 357]; «*Он знал – начнется Время, / <...> Потом свернется Время*» [Шварц 2002: I, 335]; «*Загустели сумерки / В вечности мы уже умерли*» [Шварц 2002: I, 213].

Но наиболее наглядно густота и физическая ощутимость хронотопа проявляются в синтезе пространственно-временного кода с предметным: «*Звеня, сплетались вилка с ложкой / И понедельник с воскресеньем*» [Шварц 2002: I, 21]; «*Мы все перебираем время / По часику, по месяцу, по зернышку*» [Шварц 2002: II, 158].

Излюбленный прием поэта – физиологические метафоры и сравнения. Физиологичность пространства и времени наиболее ярко выражается в пересечении соматического и пространственно-временного кодов: «*Лицо пространства исказило*» [Шварц 2002: I, 143]; «*горбатый миг*» [Шварц 2002: II, 71]; «*время свой хвост грызет*» [Шварц 2002: I, 391]; «*время <...> словно капля из пореза*» [Шварц 2002: I, 393]; «*Есть у церкви живот, есть и ноги*» [Шварц 2002: II, 102]; «*Россия голову себе снесла*» [Шварц 2002: I, 208]; «*пахучей ночи*» [Шварц 2002: I, 6]; «*запах вечности*» [Шварц 2002: I, 7]; «*зима читает при свече*» [Шварц 2002: I, 244] и т.д.

Соединение пространственно-временного, телесного и духовного кодов позволяет Е. Шварц выразить идею духовного поиска: «*И выстрою в течение долгих зим / Внутригрудной Ерусалим*» [Шварц 2002: I, 79], выявить связи тварного и божественного: «*Молитва / Прорастает сквозь череп / Рогами / И сходится в выси Сводами острого храма / <...> / И надо заново строить зданье, / Пока покаянье / Горло / Живою слезою дерет*» [Шварц 2002: II, 84].

Такая корреляция кодов позволяет Е. Шварц утвердить одну из основных идей своего творчества: весь мир – живой организм, который подобен человеку, а его центр, жизненная сила и главная ценность – дух, божественная природа, сам Бог.

Таким образом, Е. Шварц творит единую картину мира, выстраивает индивидуальную систему ценностей, передает эмоциональные установки, формирует особый взгляд на неразрывную связь человека и времени, человека и пространства.

Литература

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.

Шварц Е.А. Собр. соч. В 5 т. Т. 1–3. СПб., 2002–2008.

Е.Д. Тишина (Самара)

Образ трикстера в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки»

Научный руководитель – доцент И.В. Некрасова

Трикстер представляет собой образ, присутствующий практически на всех этапах человеческой культуры.

В мифологическом словаре Е.М. Мелетинского [Мелетинский 1990: 639], в словаре Н.Д. Тамарченко «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» [Тамарченко 2008: 271–272] и других справочниках трикстер определяется как шут, игрок, обманщик, коварный божок, злая тень положительного героя; это непредсказуемый персонаж, несущий в себе одновременно добро и зло, создающий что-то новое и разрушающий старое.

Слово «трикстер» этимологически восходит к английскому «trick» (трюк). Поэтому в буквальном переводе обозначает – «обманщик, хитрец и ловкач» [Мюллер 2013: 845]. Е.М. Мелетинский называет трикстера «негативным» культурным героем [Мелетинский 1994: 159–167]. В различных мифах культурный герой и трикстер – братья-близнецы, которые помогают друг другу или враждуют между собой, или один из них – негативный вариант – неудачно подражает другому в делах творения и вольно или невольно становится причиной появления всякого рода отрицательных природных объектов и явлений [Мелетинский 1990: 636]. Однако этот герой не является абсолютным злом, так как своими действиями он вносит в мир некие изменения, которые

способствуют его развитию, не допуская застойности.

Д.А. Гаврилов, Ю.В. Чернявская, М.Н. Липовецкий и ряд других ученых расширяют понятие героя-трикстера и выводят его на новый уровень теоретического осмысления. Они исследуют его функциональную роль и развитие от мифологического до современного трикстера. Новый взгляд на трикстера можно найти в статье Ю.В. Чернявской «Трикстер, или Путешествие в Хаос» [Чернявская 2004: 37–52] и в монографии М.Н. Липовецкого «Трикстер и “закрытое” общество» [Липовецкий 2009: 224–245].

Приняв во внимание мнения исследователей, мы можем выявить общие черты и функции героя-трикстера:

1. бессознательность;
2. «животное» и «провокационное начало»;
3. стремление к нарушению табу и границ норм морали;
4. двойственность и возможность пересекать границы миров;
5. умение трикстера создавать из своего тела предметы роднит его с образом демиурга;
6. трикстер «внеморален», его характеризует амбивалентное отношение к категориям добра и зла.

Основная функция трикстера, на наш взгляд, провокационная.

Известная русская писательница Дина Рубина написала роман «Синдром Петрушки» о трикстере в современном мире. Его главный герой – Петя Уксусов – является трикстером не по своей воле. Он обладает признаками этого мифологического архетипа, но Рубина показывает его в развитии.

Взрослый состоявшийся человек (Петр Уксусов) не понимает себя и думает о несправедливости вокруг. Он постоянно вспоминает свое детство, возвращает его крохотные частички в свою настоящую жизнь, перенося характерные черты близких ему людей: отца, матери, Баси и любимой жены Лизы – на сценические образы, куклы и марионетки. Прошлое героя не отпускает его, оно всегда рядом. Оно сублимируется и находит свое отражение в настоящем.

Петр Уксусов – талантливый кукловод, волей судьбы избранный – или обреченный – на кукольное дело. Он посвятил всю жизнь своей профессии и невольно принес других в жертву своего гения. Выбор творческого пути был ему предопределен.

На его судьбу огромное влияние оказало его окружение: мать (закончила прикладное отделение Львовского художественного училища), отец (кукольник, в чьих руках оживала любая вещь), зачарованный и одержимый своим делом Казимир Матвеевич, *«чей нюх натаскан на тусклый чарующий запах инобытия»* [Рубина 2016: 113. Далее цитируется это издание, страницы указываются в скобках].

Овладев всеми необходимыми знаниями, Петр становится создателем оригинальных кукол и марионеток, режиссером театральных представлений с участием своих чудесных детищ. Петр создает разные по уровню спектакли: от детских кукольных постановок известных сказок и придуманных историй до

режиссуры мировой классики – трагедии У. Шекспира «Макбет».

Отдельную сюжетную линию в романе составляет создание Петей куклы Эллис – точного подобия жены Лизы. Однако его жена постепенно проникается ревностью к Эллис. Она видит в ней соперницу, ее раздражает нежное и трепетное отношение мужа к «мертвячке». *«Людам не нужна живая телесная женщина. Им нужна мечта о ней. Ведь безличное так пластично в наших руках, в наших душах и так нам во всём послушно. Я воплотил собственную бестелесную мечту»*, – признается Петя в письме своему другу [342].

С раннего детства Петю привлекало всё кукольное: города, дома, интерьер, люди. Герой из России переезжает в столицу Чехии – Прагу, потому что этот город – самый кукольный из всех им виденных.

Людей Петя делит на два типа: куклы и не куклы. Например, его мать и Лиза (взрослая Лиза) были от макушки до пят обычные люди, а его отец Ромка и Казимир Матвеевич были «куклы». Деление людей на два типа производилось в зависимости от возможности их перевоплощения в разных героях, от наличия или отсутствия артистичности, от способности оживить неживое.

Петя был одержим куклами, в письме другу он признается, что в кукольной игре, *«в своей империи он был могуществен и абсолютно счастлив. Самый счастливый властелин самой счастливой из всех когда-либо существовавших на свете империй. Его несчастье в реальной жизни, его неизбывная, неутоленная любовь к единственной женщине в эти минуты и часы полностью исчезали, едва он вступал под своды своего рая...»* [358].

Его увлечение таинственным кукольным миром доходило до общения с ними после выступления, до выяснения разного рода отношений. Он мог наказывать своих кукол, не оживляя их неделями. Борис, его друг, связывает кукольное помешательство с частичным аутизмом Пети. *«Он с малых лет был дьявольски скрытен, вернее просто герметичен в своих чувствах»* [248]. Катерина, его мама, вспоминала, что в детстве *«язык развязывается у Пети тогда, когда он лепит из пластилина своих человечков...»* [256].

Свойственный ребенку аутизм проявлялся в эмоциональном и поведенческом отторжении от реальности, погружении в себя, молчаливости, нерешительности. Уникальный случай в кукольном театре: маска не скрывает, а раскрывает его истинный облик. Он, от природы невысокого роста, несуразный, с туманным взглядом «волчьих глаз», косноязычный в бытовом разговоре, становился в процессе оживления кукол *«красавцем»* – стройным, высоким, остроумным словотворцем. Лишь *«всучив ему в руки какую-нибудь куклу»* вместо *«отчужденной маски»* можно было увидеть настоящее лицо Петра.

Еще одним трикстером в этом романе является отец Петра Ромка.

Рома Уксусов, отец Пети, обладает всеми признаками трикстера: вспыльчивость, невероятная драчливость и глумливая азартность порождали бесконечные конфликты и проблемы в его жизни. Через драку он лишился хорошей работы и приличного места жительства, получил инвалидность –

потерял правую руку. Несмотря на все его проделки, пьянки и плохое отношение к жене, Петя любил его, и, оставшись на чужбине на некоторое время оторванным от жизни, он вспоминает отца, и его воспоминания счастливые.

Ромка был творческим человеком, артистом и провокатором. Он же и первый «учитель-кукольник» Пети. Он умел оживить любую вещь: платок, носок или куклу. Для него не было принципиальной разницы, какая вещь у него в руках – всё могло стать живым и предельно реалистичным. Именно Ромка сделал для Пети его первые куклы.

Ромка – искусный игрок в бильярд и карты. Рука его была пластичная и невероятно ловкая: из игры он мог сделать *«аттракцион жуткий и впечатляющий»*. *«Играя в бильярд, левой он подбрасывал луковицу, а остатком правой ловил ее где-то под мышкой. А карты, карты! Как он сдавал их, тасовал и разбрасывал – двурукий позавидует! Огрызком правой мог размешивать, подвигать по столу...»* [117]. Таким образом, мы видим, что Ромка – самый настоящий трикстер в романе. Он во многом повлиял на выбор профессии своего сына, обрекая его на служение создателю.

Виртуозный кукловод – обладатель *«таинственной утробной способности»* – дара чрево вещания, обнаруживает в себе демоническое начало, которое замечают и окружающие его люди. Так, Лиза считала его способность чрево вещания бесовской. Повествователь называет его иногда магом и дьяволом: *«Петька хохотал, как дьявол...»* [276].

Вопреки кукольному персонажу герой романа – личность трагическая, и он обречен, как художник, на творчество Высшим Промыслом. Как-то раз Петя сказал, что *«искусство оживления кукол по природе своей может быть только трагикомичным»* [338]. И своей жизнью доказал это. Образ Петрушки, сопровождающий героя на протяжении всей жизни, – комический двойник его трагической личности.

Предопределенность и неотвратимость происходящего в разной степени, так или иначе преследует героев. Петя понимает, что он не мог не быть кукольником. Лиза вопреки всему и несмотря ни на что не может быть ни с кем кроме Пети, объясняя это тем, что он *«создал ее для себя одного»* [198].

Финальный танец Петра с воздухом резюмирует всё, написанное ранее о героях, кратко формулирует основную идею романа: жизнь складывается из случайностей, определяемых кем-то свыше. Комплекс личностно значимых жизненных перипетий формирует человека. *«Он всего лишь Божья кукла, ведомая на бесчисленных нитях добра и зла»* [363].

Главные герои романа чувствуют себя зависимыми от высших сил. Лиза говорит, что у нее забрали душу, что она внутренне несвободна, что ее сознание поработил Петя, что она чувствует себя бедной ведомой марионеткой в руках своего мужа. Она страдает от этого чувства. Петя часто вспоминает строки из древнего манускрипта о маге, создавшего мальчика из воздуха и взявшего его к себе на службу. *«Бывают минуты, когда я чувствую себя именно тем*

мальчиком, созданным из воздуха и “уплотненным в плоть”, чью душу Создатель или Тот, другой – кто-то из них двоих, – взял к себе на службу. А вот к кому из них взят на службу, в чем этой моей службы смысл и, главное, чья я собственность... этого, в отличие от Лизы, не знаю...» [371]. «Назначенным себе служением» кажется Борису любовь Пети к Лизе. И он прав.

Это доказывает последнее размышление кукольника о накопившейся непомерной усталости и желании оборвать все нити, связывающего его с этим миром, но он не может этого сделать: он должен остаться, так как здесь любовь всей его жизни – Лиза.

Литература

Липовецкий М.Н. Трикстер и «закрытое» общество // НЛО. 2009. № 100.

Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и происхождение архетипических сюжетов // Бессознательное: сб. Новочеркасск, 1994.

Мелетинский Е.М. Мифологический словарь. М., 1990.

Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. М., 2013.

Рубина Д. Синдром Петрушки: роман. М., 2016.

Тамарченко И.Д. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.

Чернявская Ю.В. Трикстер, или Путешествие в хаос // Человек. 2004. № 3.

Т.А. Баронина (Саратов)

Перифраза во внутреннем монологе

Научный руководитель – доцент Е.А. Разумовская

В литературном произведении существует несколько возможностей передачи мыслей и речи персонажа: прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Э. Ризель и Е. Шендельс [Riesel, Schendels 1975: 316] выделяют две разновидности несобственно-прямой речи: внутренний диалог и внутренний монолог. Целью нашего исследования стала перифраза во внутреннем монологе. Источником исследования послужил роман Юдит Шалански «Шея жирафа» [Шалански 2013], так как произведение в значительной степени состоит из внутреннего монолога главной героини, учителя биологии Инги Ломарк. С.П. Белокурова определяет внутренний монолог как «художественный прием психологизма: воспроизведение речи действующего лица, обращенной к самому себе и не произнесенной вслух» [Белокурова 2005].

В. Фляйшер и Г. Михель обращают внимание на то, что при введении внутреннего монолога появляется двойная перспектива повествования [Fleischer, Michel 1977: 328]. Не всегда можно точно сказать, где заканчиваются слова автора и начинается внутренний монолог, однако это возможно. О начале внутреннего монолога сигнализирует появление экспрессивной и эмоциональной лексики, свойственных данному персонажу выражений: например, учитель биологии в своем внутреннем монологе использует научные термины. Кроме того, для внутреннего монолога характерна ассоциативность

изложения, в нем «могут отсутствовать логика, смысловая и синтаксическая упорядоченность» [Белокурова 2005]. Для достижения вышеуказанного эффекта используется целый ряд синтаксических средств: вопросительное и восклицательное предложение, эллипсис, парцелляция, повтор, односоставные предложения и т.д.

Речь внутреннего монолога характеризуется высокой эмоциональностью. В своих внутренних размышлениях герой произведения, как и реальный человек, может позволить себе куда больше, чем когда он говорит вслух. Поэтому для внутреннего монолога характерно лексическое и синтаксическое разнообразие. Одной из ведущих стилистических фигур внутреннего монолога главной героини анализируемого романа является перифраза. И.Р. Гальперин определяет перифразу, как «стилистический прием, который в форме свободного словосочетания или целого предложения заменяет название соответствующего предмета или явления» [Гальперин 1958: 462]. Исследователь считает, что автор, употребляя перифразу, подчеркивает определенную черту описываемого предмета. И.Р. Гальперин отмечает особую окраску перифразы, по его мнению, данный прием придает тексту торжественность. Е. Ризель и Е. Шендельс определяют перифразу как дополнительное обозначение денотата. Перифраза, по их мнению, – выделение характерных признаков, занятий, воздействий предмета. Мотивация перифразы обусловлена экстралингвистическими коммуникативными факторами. Исследователи считают, что денотат в перифразе не указывается, а точнее, он не должен указываться, так как смысл высказывания и так ясен. Данный прием придает тексту экспрессивность, может быть использован для эвфемистического описания денотата, для иронии, часто используется в публицистических текстах для обозначения имен или топонимов, характерен для фольклора. Перифраза не часто встречается в художественном тексте в современном немецком языке. Однако некоторые писатели всё же употребляют перифразу, например Эрвин Штриттматтер. В анализируемом романе Юдит Шалански «Шея жирафа» также активно используется данный прием.

Общепринятым является разделение перифразы на логическую и образную или метафорическую и метонимическую. В логической перифразе сохраняется прямое значение образующих ее слов. В основе второго типа перифразы лежит метафора или метонимия. И.Р. Гальперин подчеркивает, что следует различать метафорическую перифразу и метафору, как и метонимическую перифразу и метонимию. Метафора и метонимия состоят из одного слова, а перифраза может являться словосочетанием.

Общеизвестно разделение на оригинальную или индивидуально-авторскую и традиционную или общезыковую перифразу. Традиционными перифразами принято считать те, значение которых не нужно раскрывать для понимания их смысла.

С точки зрения структуры различают простые описания (словосочетания, сложные слова), расширенные (предложения), закрытые (сложносинтаксические

формы). В.П. Москвин [Москвин 2001: 72-78] выделяет двухсловные, трехсловные перифразы и т.п.

Как уже говорилось выше, одной из ведущих стилистических фигур внутреннего монолога главной героини анализируемого романа является перифраза. Рассмотрим виды данного стилистического приема в романе, исходя из предложенной выше классификации.

Инга Ломарк использует образные и логические перифразы. Примером логической перифразы может послужить следующая фраза: «*Das Rind – das älteste und nützlichste Haustier überhaupt*» [Schalansky 2011. Далее цитируется это издание] («Корова – самое старое и самое полезное домашнее животное» [Шалански 2013. Далее цитируется это издание]). Во внутреннем монологе героиня мыслит образами, она «озвучивает» первую ассоциацию, пришедшую ей в голову после слова «*das Rind*». Такое определение коровы не противоречит действительности, не является метафорой, образом, поэтому ее можно отнести к логической перифразе. Следующий пример логической перифразы: «*Der Geburtsvorgang – die hormongesteuerte Trennung von Mutter und Kind*» («Процесс родов – управляемое гормонами разделение матери и ребенка»). Главная героиня романа – учитель биологии, она считает, что всё в жизни строится по биологическим законам. Это накладывает отпечаток на ее мировоззрение, поэтому мысль о родах не ассоциируется у нее с материнством, а рассматривается с научной точки зрения. В романе используется большое количество логических перифраз, таким образом автор формирует характер героини, дает понять читателю, что Инга Ломарк – отнюдь не творческая и мечтательная натура, она логична и холодна.

Образная перифраза представлена в романе в меньшем объеме: «*Die Weisheitszähne – Verkümmerte Organe – nutzlose Merkmale, die wenig Schaden anrichteten und mitgeschleppt wurden – Souvenirs aus der tierischen Vergangenheit*» («Зубы мудрости – рудиментарные органы – бесполезные, но и безвредные признаки – сувениры из общего с животными прошлого»). В данном случае существительное «сувениры» используется не в прямом значении, в основе этой перифразы заложен образ, следовательно, мы можем отнести ее к метафорической перифразе. В следующем примере: «*Kevin – dieser kleine Bulle*» («Кевин – ручной бычок») Инга Ломарк использует образную перифразу, показывая свое ироническое отношение к ученикам.

Поскольку внутренний монолог характеризуется ассоциативностью мышления, простотой синтаксиса (большое количество односоставных предложений), в произведении преобладают оригинальные перифразы. Инга Ломарк употребляет их, чтобы дать оценку, иронизировать или подчеркнуть особое качество предмета, выделить важное для нее: «*Männer – Nicht-Frauen*» («Мужчины – это недоженщины»); «*Straußeneier – Die größten tierischen Zellen überhaupt*» («Страусиные яйца – самые большие животные клетки». Для нее «страусиное яйцо» – это, прежде всего, не еда, а нечто биологическое.

Кроме того, в романе используются и традиционные перифразы, однако

их количество не так велико по сравнению с оригинальными: «*Lebensabend*» («вечер жизни»); «*Zweiter Frühling*» («вторая весна»). Героиня не объясняет данные перифразы, их значение и так ясно читателю.

Выделяются разные виды перифраз по количеству их компонентов. Героиня использует для перифразы, во-первых, сложные слова: «*Annika – Das Zugpferd*» («Анна – упряжная лошадка») – в русском переводе сложное слово «*Zugpferd*» переведено словосочетанием. Во-вторых, словосочетания: «*Haustiere – Kulturgüter – Lebendige Denkmäler*» («Домашние животные – культурные ценности – живые памятники»). В-третьих, предложения: «*Verdunstung und Niederschlag – Der natürliche Kreislauf – Wasser auf dem Weg ins Meer*» («Испарение и осадки – Естественный круговорот – Вода на пути к морю»).

Таким образом, во внутреннем монологе мысли героини представлены без прикрас, лексика и синтаксические приемы – в данном случае перифраза – становятся важнейшим пунктом, по которому можно судить о характере героини. Кроме того, с помощью перифразы (назывных предложений, отражающих ассоциации героини) автор достигает эффекта внутреннего монолога, у читателя создается впечатление, будто он действительно оказался погружен в сознание героини романа.

Литература

Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / unter Mitarbeit von Gläser R., Heinemann W., Kändler U., Starke G. Bibliographisches Institut Leipzig, 1977.

Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau, 1975.

Schalansky J. Der Hals der Giraffe [Электронный ресурс]. Berlin, 2011. URL: https://www.elephant-ads.com/LP_TA/index.cfm?T=438450. Дата обращения: 05.06.2018.

Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://endic.ru/litved/Vnutrenni-monolog-347.html>. Дата обращения: 13.06.2018.

Гальперин И.П. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.

Москвин В.П. О разновидностях перифразы // Русский язык в школе. 2001. № 1.

Шалански Ю. Шея жирафа [Электронный ресурс] / пер. с нем. яз. О. Козонковой. М., 2013. URL: <https://libking.ru/books/foreign-contemporary/508004-yudit-shalanski-sheya-zhirafa.html>. Дата обращения: 05.06.2018.

А.А. Коротина (Саратов)

Жанровый анализ мотива эсхатологической катастрофы

Научный руководитель – доцент Е.В. Киреева

Тема народной эсхатологии является актуальной проблемой в современной фольклористике. В рамках большой исследовательской работы, которую мы сейчас ведем, мы рассматриваем один из ее аспектов, а именно – мотив эсхатологической катастрофы. В данной статье мы попытаемся определить актуальность выбранной нами темы, рассмотреть основные социальные институты с точки зрения представленности в них информации о конце мира, а также попытаемся исследовать жанровую природу эсхатологических текстов.

Народной эсхатологии посвящены многочисленные исследования фольклористов, этнографов, культурологов, философов и религиозных деятелей. Эсхатологические концепции изложены в таких памятниках мифологической и религиозно-философской литературы, как «Эпос о Гильгамеше», «Египетская книга мертвых», «Упанишады», «Индусская книга смерти», «Тибетская книга мертвых», «Прорицания Вельвы» из «Старшей Эдды», «Апокалипсис» (и другие книги Ветхого и Нового Завета), византийско-русские апокрифы, а также в работах многих европейских и восточных философов [см.: Гранин 2014]. В последние десятилетия интерес к теме неуклонно растет, причем как среди исследователей, так и среди людей весьма далеких от гуманитарного знания. Актуальность проблемы обусловлена ее вневременным, общечеловеческим характером.

Человечество на протяжении всей своей истории задумывалось о конце как архетипе [Эдингер 2015: 34], который противопоставлен началу. Мифологические системы всех народов содержат в себе мифы о становлении мира, его существовании и его конце. Человек всегда рассматривает начальные и конечные точки любого процесса. На этом свойстве базируются многочисленные логические построения, связанные с концом человечества, а также смертью отдельных людей.

Отметим, что вопрос частной смерти также рассматривается нами, так как внутри эсхатологического учения часто выделяют коллективную и частную эсхатологию. Несмотря на то, что нас интересует узкий аспект коллективной эсхатологии, сюжет эсхатологической катастрофы в фольклорных текстах, мы будем обращаться и к вопросу частной смерти. Протопресвитер Александр Шмеман в своей книге «Литургия смерти и современная культура» [Шмеман 2013] определяет народную эсхатологию именно через понятие частной смерти. В названной работе автор пытается осознать роль смерти в жизни человека, ее значение, ее глубинный экзистенциальный смысл. Рассуждая о кончине человека, он пишет следующее: «человек знает, что если смерть не имеет смысла, то не имеет смысла и жизнь, и не только сама жизнь, но и ничто в этой жизни» [Шмеман 2013: 26]. Этот тезис во многом объясняет интерес человека к смерти (как частной, так и общей), к его посмертному существованию.

В современном мире проблема «конца света» широко представлена в информационном пространстве, в самых разных формах. Мы попытались определить каналы проявления и фиксации эсхатологических ощущений в социуме. Один из ведущих источников – СМИ. Интернет пестрит заголовками в духе «Патриарх Кирилл рассказал, когда наступит конец света» [РИА новости от 06.01.2018], «Как пережить конец света» [Русская служба ВВС от 09.12.2016], «Конец света: чего стоит бояться на самом деле» [Аргументы и факты от 19.12.2012] и так далее. Подобные заявления часто звучат по радио и телевидению, а также на страницах газет и журналов. Часто это подается в форме сенсационного объявления, иногда публикуют предсказания астрологов и эзотериков (Ванга, Нострадамус, Эдгар Кейси). Отметим, что СМИ являются

в данном случае и фиксаторами настроений, которые царят в обществе, и создателями этих настроений.

Не менее важным источником является массовая культура. Здесь уместно будет вспомнить многочисленные фильмы, демонстрирующие картины апокалипсиса и постапокалипсиса («Мир будущего», «2012», «Я легенда», «Интерстеллар», «Апокалипсис в Лос-Анджелесе», «Апокалипсис»), видеоигры с похожей тематикой («The Last of Us», «Fallout», «The Walking Dead»), выступления рок-музыкантов (песни Элвиса Костелло, U2, The Cure, Powerwolf), перфомансы, а также некоторые общественные движения. Например, возникшее в 1991 г. в Америке экологическое движение под названием «движение за добровольное исчезновение человечества». Представители данного сообщества выдвигают мысль о том, что человечество – это паразит на теле планеты, который должен быть уничтожен. В отличие от огромного количества религиозных сект, которые совершали массовые самоубийства и самосожжения, представители данного сообщества предлагают менее радикальный путь. Отказ от продолжения рода – решение проблемы.

В научной среде также активно осмысливается проблема гибели человечества. Выдвигаются многочисленные гипотезы, фиксируются катастрофы техногенного и природного характера (цунами, ураганы, вулканы и т.д.), осуществляется поиск путей преодоления глобальных катаклизмов и их последствий.

Схожими вопросами, хоть и с несколько иных исходных позиций, занимаются представители церковной среды. Священнослужители произносят проповеди, делятся своими размышлениями на этот счет, публикуют толкования Священного Писания, издают книги по выбранной нами теме. Например, книга А. Шмемана «Литургия смерти и современная культура», работа митрополита Вениамина «О конце мира» [Митрополит Вениамин 2013], а также «Душа после смерти» иеромонаха Серафима Роуза [Роуз 2006]. Эти работы помогают разобраться в христианской доктрине, уяснить многие моменты христианской эсхатологии, углубиться в специфику изучаемой нами темы.

Пожалуй, особняком стоят исследования фольклористов, посвященные проблеме народной эсхатологии. Своеобразие фольклористики заключается в том, что объектом исследования становится фольклорный текст, который может сочетать в себе элементы религиозной, научной и мифологической картины мира. Фольклорист-исследователь должен владеть всеми ими, дабы свободно ориентироваться в материале, с которым он работает. Среди крупных исследователей выделим И.А. Бессонова [Бессонов 2014], А.В. Тарабукину [Тарабукина 2003], Ю.М. Шеваренкову [Шеваренкова 1998].

Такая пестрота сфер бытования выбранной нами темы также свидетельствует об актуальности проблемы, о ее социальной и культурной значимости.

Теперь, когда нами объяснен выбор темы, мы можем приступить к рассмотрению жанровой природы фольклорных текстов о конце света.

Народная эсхатология – одна из ветвей так называемой «Народной

библии» [Белова 2004]. «Народная библия» – система верований, основанных на Священном Писании и представленных в виде фольклорных пересказов, в которых интерпретируются многие религиозные сюжеты. Чаще всего эсхатологические мотивы представляются в следующих жанрах: апокрифы, духовные стихи, легенды, а также слухи и толки. Отметим, что в других фольклорных жанрах коллективная эсхатология не фигурирует. Несмотря на это, в текстах довольно часто встречается мотив частной смерти. Нами был рассмотрен один из авторитетнейших указателей восточнославянского фольклора «Восточнославянская сказка: сравнительный указатель сюжетов» [Бараг, Березовский, Кабашников], где интересующий нас мотив не выделен в отдельную категорию. Максимально приближенным к нашей теме оказался мотив «человек на том свете», однако он раскрывает лишь тему смерти отдельного человека и его переход в царство мертвых.

В целом мы можем сказать, что мотив эсхатологической катастрофы представлен лишь в небольшом количестве текстов. На наш взгляд, это отнюдь не связано с малым интересом к выбранной нами теме. Тема звучит актуально и широко представлена в устном народном творчестве, но в несколько иных жанрах.

Среди исследователей нет единой точки зрения на то, как обозначать жанр повествования, в котором рассказчик делится своими представлениями, чаяниями, пророчествами относительно гибели земли и жизни человечества в будущем. Некоторые исследователи обозначают повествования с данной тематикой термином «легенда». Остановимся на этом подробнее. Словарь литературоведческих терминов дает легенде следующее определение: «жанр несказочной прозы в фольклоре, устный народный рассказ, в основе которого лежит чудо, фантастический образ или представление, воспринимаемые рассказчиком и слушателем как достоверность. По содержанию легенда всегда фантастична, повествует как о прошлом, так и о настоящем и будущем. В русском фольклоре выделяются легенды о происхождении мира, человека, животных, о происхождении народов, а также христианские и религиозно-назидательные, исторические и героические. <...> Со временем легендами стали называть также различные повествования религиозного характера» [Книгин 2006].

И.А. Бессонов в статье «Эсхатологическая легенда: к определению жанра» [Бессонов 2009] предлагает нам несколько точек зрения на данный термин. Первая связана с именами А.Н. Афанасьева, А.Н. Пыпина, В.Я. Проппа. Они рассматривали эсхатологические повествования как часть народной легендарной прозы; легенду же понимали «как жанр, связанный с религиозной, христианской тематикой» [Бессонов 2009]. Схожее понимание жанра и у Ю.М. Шеваренковой, которая также рассматривала эсхатологические тексты «как разновидности классического легендарного повествования» [Бессонов 2009]. Некоторые исследователи предлагали более широкие обобщающие термины, такие как «сверхжанровое единство» (И.С. Брилева) и

«мифологический текст» (Е.Е. Левкиевская) [Бессонов 2009]. Введение их в научный оборот была связано с возрастающим количеством текстов, которые не укладывались в классический жанровый канон и представляли собой синтетический жанр. Эту особенность отмечает и автор статьи, указывая на то, что ни один из существующих терминов не является точным и исчерпывающим. Бессонов останавливается на термине «эсхатологическая легенда», понимая под ней всю совокупность текстов с интересующей нас тематикой: «эсхатологическая легенда понимается нами как устный или рукописный прозаический текст, содержащий эсхатологическую информацию и лишенный авторской атрибуции». [Бессонов 2009]

М.А. Горбатов в статье «Легенды Вавилова Дола Саратовщины и нижегородского края: опыт сравнения» также исследует жанровую природу текстов о «конце мира». Он разделяет термины «эсхатологическая легенда» и «эсхатологический рассказ», указывая на большую свободу и субъективность последнего: «собранный материал представляет собой еще “не отстоявшиеся” повествования. Личность свидетеля, его состояние нередко представлены в драматическом освещении, а сами истории передаются в остро эмоциональной форме. Т.е. называть их собственно “легендами” представляется некорректным. Более уместным, на наш взгляд, являются определения “легендарные рассказы”, “рассказы с легендарными мотивами”, “христианские рассказы”» [Горбатов 2007: 26].

Исходя из того, что тексты, которые нам удалось собрать и рассмотреть, разнообразны по форме и содержанию: например, многие повествования не имеют нарративного компонента, некоторые лишены религиозной составляющей («*например, там, тайфун, там, землетрясение или еще что-то, но в самом проявлении... Конец света... Я не верю*» [Чунослова 2018]; «*первая причина, это извне... инопланетяне и все остальное*» [Кривенцова 2018]; «*ну, что, конец света... Может ли это быть... Конец света, это, когда будет с небес, этот с небес упадет астероид, и будет вам всем конец света*» [Труфанов 2018]), – мы остановимся на термине «эсхатологический рассказ».

Литература

- Белова О.В. Народная библия: восточнославянские этиологические легенды, М., 2004.
- Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М., 2014.
- Бессонов И.А. Эсхатологическая легенда: к определению жанра [Электронный ресурс]. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/119/bessonov_119_206_211.pdf. Дата обращения: 22.03.2018.
- Горбатов М.А. Легенды Вавилова Дола Саратовщины и нижегородского края: опыт сравнения // Краеведение в школе и вузе: сборник статей и методических материалов / под ред. А.А. Демченко. Саратов, 2007.
- Гранин Р.С. Эсхатология в учениях русских религиозных философов второй половины XIX – первой половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://philhist.spbu.ru/index.php/dissertatsii/327-granin-roman-sergeevich-eskhatologiya-v-ucheniayah-russkikh-religioznykh-filosofov-vtoroj-poloviny-xix-pervoj-poloviny-xx-veka>. Дата обращения: 21.04.2018.
- Иеромонах Серафим (Роуз). Душа после смерти. М., 2006.

- Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. URL: http://licey.net/free/16-kritika_proizvedenii_literatury_obschie_voprosy_otnosheniya_k_literature/60-slovar_literaturovedcheskih_terminov/stages/3260-legenda.html. Дата обращения: 21.04.2018.
- Митрополит Вениамин (Федченков). О конце мира. Калуга, 2013.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг [и др.]. [Электронный ресурс]. URL : <http://ruthenia.ru/folklore/sus/>. Дата обращения: 09.04.2018.
- Тарабукина А.В. Фольклор и мифология прихрамовой среды // Современный городской фольклор. М., 2003.
- Шеваренкова Ю.М. Нижегородские христианские легенды. Н. Новгород, 1998.
- Шмеман А. Литургия смерти. М., 2013.
- Эдинггер Э. Архетип Апокалипсиса. М., 2015.

О.Г. Магомедов (*Саратов*)

Даргинские народные варианты сюжета «Чудесные дети» («Поющее дерево и птица-говорунья») по печатным источникам и варианту из личного архива: сопоставительный анализ

Научный руководитель – доцент Е.В. Киреева

Когда проживаешь в месте, которое не является исторической родиной твоей нации, часто возникают мысли о самоидентификации. Что же может помочь в этом вопросе? Что будет отличать, а иногда и сближать один народ с другими? Это язык, менталитет, культура и фольклор.

В фольклоре мы находим представления о мире того или иного этноса. В нем отражается национальный дух, национальный колорит.

Обратимся собственно к теме нашего исследования. Сюжет «Чудесные дети» известен многим по произведению А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

Сюжет «Чудесные дети» широко распространен в фольклоре различных народов мира.

Существует две версии данного сюжета: «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» и «Птица-говорун и поющее дерево». Версия «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» изучена более подробно и широко.

В даргинском фольклоре этот сюжет отражен во второй версии, достаточно редкой. Именно это и привлекло наше внимание.

Вспомним само содержание данной сказки: *«Чудесные дети: царь (царевич) подслушивает разговор трех девушек-сестер; женится на младшей, обещавшей родить прекрасных сыновей; детей, рожденных ею в отсутствие царя, подменяют сестры (ведьмы) щенятами (зверенышами); царь приказывает посадить жену с новорожденными в бочку и бросить в море; бочка приплывает к острову, где сын основывает царство чудес-дикивинок;*

царь едет посмотреть на диковинки и встречается с женой и детьми; клеветницы наказываются. – Реже в восточнославянском материале встречается другая разновидность этого сюжетного типа – о поющем дереве, птице-говорунье и живой воде» [Сравнительный указатель сюжетов].

Устный даргинский вариант был добыт мной экспериментальным методом. Информант, в роли которого выступила моя мать, не смогла вспомнить сюжет полностью, только отдельные его фрагменты. Тогда я зачитал ей два письменных варианта сказки, и мы выясняли, что же, по ее мнению, присутствовало в том варианте, который она услышала от дяди.

Мой дедушка был сказителем. Или «хабарчи», если использовать даргинское обозначение. Мать вспоминает, что к нему по вечерам приходили и взрослые, и дети.

Временным промежутком, в котором был рассказан устный вариант дедушкой, можно считать 1969–1970 гг. От матери я записывал отдельные фрагменты в личный архив, начиная с 2016 г.

Два письменных источника были найдены мною в следующих сборниках: «Сказки народов Северного Кавказа» и во втором томе «Свода памятников фольклора народов Дагестана».

В «Сказках народов Северного Кавказа» сказка озаглавлена «Шах и бедная девушка». Сам сборник сказок можно оценить как популярный, так как он нацелен на школьников среднего и старшего школьного возраста. При прочтении прослеживается желание редакторов придать текстам более литературный характер.

«Свод памятников фольклора народов Дагестана» – более авторитетное издание. В нем присутствуют вступительные статьи, в которых раскрывается содержание каждого тома. Присутствуют комментарии к каждой сказке. Дан алфавитный список персонажей, мест сбора фольклора, указываются информанты. Здесь сказка называется «Арц-Издаг» (Серебряная Издаг).

Если можно говорить об одинаковой сюжетной канве в этих вариантах, то система образов в них различается.

В сказке «Шах и бедная девушка» на свет появляются мальчик с золотыми волосами и девочка с серебряными. Их находит мельник. Герою необходимо добыть волшебное дерево и девушку, живущую за морем, в этом ему помогает волшебный конь. Еще одним персонажем является морской конь. Присутствует ведьма, советующая выполнять эти задания, по наущению первой жены хана, дабы известить юношу. Чтобы заставить девушку стать его женой, герою необходимо избивать его нагайкой.

В сказке «Арц-Издаг» у второй жены рождается мальчик с золотыми волосами. Спасает его персонаж Урха хула аба (Морская бабушка). Данный персонаж можно соотнести с Бабой-Ягой в ее положительной роли. Она дает герою необходимые советы. Герою необходимо привлечь следующие задания: добыть кошку, играющую на зурне, медово-масляное дерево и прекрасную Арц-Издаг. Кошка, играющая на зурне, по нашему мнению, отправляет нас к

Коту Баюну, но при этом в образ вплетаются национальные черты даргинского фольклора. Чтобы Арц-Издаг согласилась выйти замуж за героя, ему необходимо трижды указать на свою небесную красоту. Тех, кто до этого приходил к ней, Арц-Издаг обратила в камень.

Если говорить об устном варианте, то он представляет собой некоторую контаминацию этих сюжетов. На свет появляются мальчик с серебряными зубами и девочка с золотыми волосами. Детей находит мельник. В качестве помощника выступает волшебный конь. Необходимо добыть поющее дерево и девушку, которая способна обратить героя в камень.

Серебряные зубы у мальчика и золотые косы у девочки отличают устный вариант от письменных источников. Возможно, сказитель желал придать своей речи поэтичность, так как «арцлацубардархара» (мальчик с серебряными зубами) и «мурхекачмарурсира» (девочка с золотыми косами) созвучны.

К традиционным верованиям даргинцев относится вера в Мать-Луну и Отца-Солнце. Так как волшебная сказка во многом связана с традициями обрядности, то неудивительно, что юноша с золотыми волосами приходит сватать девушку с серебряными.

Полное представление о светилах, как о богах, не сохранилось в памяти моей матери. Но она вспомнила, что нельзя смотреть на полную луну, потому что она – девушка и может застесняться. Данный факт пусть и не подтверждает веры в божественность луны, но в нем прослеживаются реликты этой самой веры – одушевление небесного тела. Возможно, и в сказке отражаются эти представления, луна и солнце преобразуются в более понятные образы юноши и девушку, но при этом не теряют своего небесного золотого и серебряного свечения.

Если говорить об отражении языческого мировоззрения в сказке, то следует упомянуть форму наказания оклеветавшей первой жены. Ее привязывают к хвосту коня и отпускают его в поле. Жену, якобы обманщицу, зашивают в шкуру буйвола.

На таком небольшом примере можно проследить вариативности сюжетов, которая чаще всего связана с местом проживания сказителя, его личностными качествами, глубиной таланта.

Литература

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т. Т. 2. М., 1986.

Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2009.

Сказки народов Северного Кавказа / сост. В.А. Салахетдиновой, А.З. Саркарова. СПб., 2012.

Свод памятников фольклора народов Дагестана. В 20 т. Т. 2. М., 2011.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг [и др.]. Л., 1979.

Раздел 2

Проблемы литературного диалога

Д.Л. Рясов (*Саратов*)

Н.В. Гоголь и Ф.А. Моллер: история взаимоотношений

Научный руководитель – профессор В.В. Прозоров

Среди знакомых Гоголя встречалось множество незаурядных, талантливых и интересных людей. Одним из таких, без сомнения, был русский художник Ф.А. Моллер, известный, прежде всего, как автор самого знаменитого, можно сказать хрестоматийного, портрета классика. Впоследствии Моллер сумел стать ему настоящим другом, а потому изучение подробностей общения живописца и писателя может в определенной степени дополнить представление о личностях обоих деятелей отечественной культуры.

Начнем с небольшой биографической справки. Федор Антонович Моллер (имя, полученное при рождении, – Отто Фридрих Теодор) происходил из немецкого рода. Отец его служил в военном флоте, позже даже являлся морским министром, однако сын отказался от перспективной военной карьеры и, будучи уже произведенным в чин офицера, все же решил обратиться к изобразительному искусству. Поступив в Императорскую академию художеств, он вскоре стал одним из ближайших учеников К. Брюллова. В 1838 г., по окончании учебного заведения, Моллер на долгое время отправляется в Италию, где внимательно изучает работы мастеров, а также активно взаимодействует со своими коллегами из России, такими как А.А. Иванов и Ф.И. Иордан, с которыми также состоял в дружеских отношениях.

Знакомство художника с Гоголем относится к следующему, 1839 г. Первый отзыв писателя о новом товарище содержится в его письме княжне В.Н. Репниной-Волконской. *«Как я жалею, что я вас не познакомил с моим большим приятелем, который теперь в Риме, Моллером»* [Гоголь 1952: XI, 240], – восклицает писатель. Следующая характеристика представляет живописца в более чем выгодном свете: *«решительно наш первый ныне художник»* [Гоголь 1952: XI, 240]. Далее Гоголь рассказывает Репниной о

жизни Моллера, при этом несколько романтизируя образ офицера, бросившего службу ради служения прекрасному. *«Он весь переселился в природу, и тайны ее, недоступные обыкновенному художнику, ему раскрываются и говорят внятно»* [Гоголь 1952: XI, 240], – подытоживает писатель. Разумеется, нельзя в данном случае исключать и желание Гоголя как можно лучше отрекомендовать знатной корреспондентке новую, еще незнакомую ей персону.

В дальнейшем фамилия Моллера фигурирует во многих посланиях Гоголя, обращенных в первую очередь к художникам (в основном к А. А. Иванову). Нередко он выступает в роли посредника между Гоголем и кем-то другим: передает просьбы, записки, упрощая писателю коммуникацию с людьми, решает проблемы своих товарищей, что говорит о нем как о весьма дипломатичном человеке. А. А. Иванов, например, в декабрьском письме Гоголю от 1841 г. отмечает, что, имея недопонимание с Петром Кривцовым, инспектором русских художников в Риме, *«рассудил обратиться к Моллеру как к единственному человеку, посредством которого можно с Кривцовым разговаривать о делах»* [Гоголь 2009: XI, 365]. *«Доброму»*, как замечает Иванов, Федору Антоновичу удалось убедить сурового чиновника и решить вопрос (на выделение содержания художнику Шаповалову) в самом лучшем виде.

В первом своем письме, отправленном Моллеру 20 октября 1841 г., Гоголь живо интересуется непосредственной работой художника, его творческим процессом: *«мне нужно знать необходимо все ваши планы, и потому, пожалуйста, напишите мне обо всем этом немедленно»* [Гоголь 1952: XI, 350]. Речь в данном случае, согласно комментарию И.А. Виноградова и В.А. Воропаева, идет о масштабном полотне *«Крещение Владимира»*, которое задумал живописец [См.: Гоголь 2009: XI, 465]. Очевидна неподдельная искренность, с которой писатель обращается к своему другу.

Вот еще один яркий пример доверия к Моллеру со стороны Гоголя, относящийся на сей раз к 1847 г. А.А. Иванов, опасавшийся возобновления *«постоянной болезни»*, просит Гоголя узнать о способе лечения у известного в Неаполе того времени врача [См.: Гоголь 2009: XIV, 163]. Разумеется, писатель не мог отказать в помощи своему товарищу.

Любопытнее всего в данном случае то, что Гоголь, судя по переписке, отослал рецепт не только самому Иванову, но еще и Моллеру. При этом рекомендации, данные во втором письме, отличаются несколько большими подробностями, чем те, что были отправлены непосредственно пациенту: например, он уточняет, что вода в лечебной ванне должна быть *«умеренной температуры, то есть от 26 до 27 градусов и никак не выше»* [Гоголь 1952: XIII, 295]. Это может свидетельствовать о том, что для Гоголя Моллер являлся одним из тех людей, на которых можно было смело положиться.

Данную точку зрения подтверждает и письмо Гоголя к Иванову от 28 декабря. Из этого текста выясняется, что Гоголь доверил другу-живописцу довольно солидную сумму денег. *«Скажите Моллеру, чтобы остальные 600 <франков> он хранил у себя до моего свиданья с ним»* [Гоголь 1952:

XIII, 418], – просит распорядиться писатель.

Уже сам факт того, что Ф.А. Моллер являлся автором четырех портретов писателя, говорит о многом. Образы, созданные художником, были, разумеется, одобрены самим «оригиналом» и сегодня являются едва ли не самыми известными его изображениями.

Отметим, что в том же 1847 г. в гоголевской переписке был зафиксирован еще один любопытный факт. В послании к писателю от 7 февраля известный промышленник, искусствовед и славянофил Ф.В. Чижов заводит разговор о собственных взаимоотношениях с Моллером. Становится понятно, что в прошлом, не дошедшем до нас письме Гоголь уже писал этому корреспонденту о товарище, с которым Чижов почему-то не поладил. В своем ответе последний прибегает к пространным объяснениям собственной позиции, занимающим буквально полстраницы: *«Мы с Моллером встречаемся хорошо, – я имею все данные, чтоб чтить его как художника, как доброго человека и, еще очень важное, прошедшего по пути призвания; он не имеет причины презирать меня. Любить он меня не может: он читал мою статью»* [Цит. по: Гоголь 2009: XIV, 84]. Также звучит следующая мысль: *«Поверьте, что я никак в душе не имею против полу-русских, Бог с ними!»* [Цит. по: Гоголь 2009: XIV, 84].

Из приведенных высказываний можно сделать несколько выводов. Во-первых, изначальные претензии Чижова каким-то образом касались немецкого происхождения Моллера, и Гоголю могло не понравиться подобное суждение. Тем не менее достоверно утверждать, что конкретно сказал о художнике Чижов, мы, разумеется, не можем. Во-вторых, как явствует из текста, существовала также некая статья, из-за которой Моллер мог невзлюбить ее автора. Мы можем предположить, что имеется в виду исследование «О работе русских художников в Риме», опубликованное в «Московском литературном и ученом сборнике» за 1846 г.

На первый взгляд, в этом материале нет ничего крамольного, о самом же Моллере автор рассуждает в нейтральном, если даже не в положительном ключе. Однако абзац, посвященный ему, расположен примерно в середине статьи и содержит предельно краткие сведения о том, что Моллер, известный читателям *«двумя картинами, – “Поцелуем” и “Русалкою”*» [Чижов 1846: 100], жил во Флоренции и работал над полотном «Проповедь Иоанна Богослова». *«Я слышал, что эскиз готов, но не видал его»* [Чижов 1846: 100] – вот все рассуждения Чижова о творчестве Моллера, тогда как, например, тому же А.А. Иванову посвящены несколько страниц авторского текста.

Мог портретиста возмутить и следующий отрывок, в котором Чижов излишне предвзято рассуждает о способностях художников родом из немецких земель: *«мне очень мало удавалось видеть у ландшафтных живописцев германского происхождения, какому бы не принадлежали они народу, чтобы им вполне была доступна природа юга»* [Чижов 1846: 91]. Разумеется, нельзя исключать возможности, что чуткая натура живописца могла воспринять данный пассаж и как личное оскорбление. Подытожим, что, судя по ответам

Чижова и его желанию подробно пояснить собственные мотивы, Гоголь был на стороне Моллера и всячески поддерживал его.

Помимо всего сказанного, нельзя также не отметить, что ранее Моллер умудрился попасть в довольно неприятную, даже скандальную историю. В 1842 г. любвеобильный художник завел роман с итальянской натурщицей. Узнав, что она ждет от него ребенка, художник, тем не менее, предпочел покинуть Рим. Как пишет Р. Джулиани, Гоголь в данной ситуации не просто выступает за друга, а становится его наперсником [См.: Джулиани 2009: 240]. Именно он в дальнейшем посоветовал портретисту временно не возвращаться в итальянскую столицу, чтобы страсти вокруг девушки, скончавшейся вскоре после родов, улеглись и Моллера не подстерегала месть со стороны близких его бывшей возлюбленной [См.: Джулиани 2009: 254].

С точки зрения переписки интересен тот факт, что в сохранившихся посланиях Гоголь напрямую не говорил об этом инциденте и не давал ему какую-либо оценку, в отличие, например, от того же А.А. Иванова, который в красках и подробностях расписывал ему все произошедшее. Будучи в курсе событий, писатель, очевидно, старался сохранять некий нейтралитет, однако все равно переживал за своего друга.

В заключение можно отметить, что данная тема весьма обширна и разнообразна. Всевозможные просьбы, оценки творчества и личности Моллера в письмах к Гоголю нуждаются в дополнительном рассмотрении.

Литература

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 11; Т. 13. М., 1952.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем. В 17 т. Т. 11; Т. 14. М., 2009.

Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: материалы и исследования. М., 2009.

Чижов Ф.В. О работе русских художников в Риме // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846.

Раздел 3

Теория. Эстетика. Критика.

Художественная рецепция

А.С. Филина (*Саратов*)

Повесть М.М. Зощенко «Перед восходом солнца» в журнале «Октябрь»: журнальная история 1943–1946 гг.

Научный руководитель – профессор А.И. Ванюков

На сегодняшний день большинство людей знают Михаила Зощенко (1894(5)–1958) благодаря блестящим экранизациям его юмористических рассказов. Многие читатели любят его и за детские произведения. Но мало кто знает о тяжелой судьбе писателя-сатирика: о серьезном расстройстве нервной системы, о гонениях и лишениях в его жизни, о «роковых» и главных произведениях в его творческой биографии, которые определили его место среди классиков отечественной литературы.

Творческая карьера Михаила Зощенко началась стремительно. В начале 20-х гг. XX в. он пишет рассказы, посещает литературную студию при издательстве «Всемирная литература», которой руководил Корней Чуковский. В это время Михаил Зощенко состоит в группе «Серрапионовы братья». В печати писатель дебютировал в 1922 г. С выходом первой книги «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» Зощенко сделался самым прославленным и любимым писателем советского народа, его произведения звучат со всех эстрадных подмостков. Следующие десять лет он работает в сатирико-юмористическом ключе.

В 1930-е гг. Михаил Зощенко создает повести «Возвращенная молодость», «Голубая книга». Именно в это время Зощенко задумывает написание автобиографической повести «Перед восходом солнца», которая стала для писателя роковой.

Повесть Михаила Зощенко «Перед восходом солнца» является малоизвестным для читателей и малоизученным произведением. Над этой книгой он работает около 10 лет.

В задачи писателя входило понять причины и истоки собственных неврозов, ведь во время Первой мировой войны Зощенко был отравлен удушающими газами, последствием чего был сильнейший сердечный приступ. Как писатель, он считает своим долгом проанализировать всё то, что с ним происходит, тем самым не только облегчить свои страдания, но и помочь другим.

В сентябре 1941 г. Зощенко в приказном порядке эвакуируют сначала в Москву, а потом в Алма-Ату, куда он берет черновые тетради с будущей повестью «Перед восходом солнца». Но писатель не спешит заниматься книгой, «выжидает спокойного года». Работает в сценарном отделе «Мосфильма», но его сценарии, к сожалению, не пользовались спросом, и писатель впал в уныние. Именно тогда он решился продолжить начатую работу над повестью.

Зощенко писал с небывалой, не принятой тогда в литературе откровенностью о своей жизни. Еще не закончив труд, он уже мучился вопросом, отдавать ли книгу в печать.

В конце апреля 1943 г. Зощенко вызывают в Москву и предлагают высокую должность главного редактора журнала «Крокодил», от которой писатель отказался, но в редколлегию журнала вошел. Это обстоятельство дает ему возможность остаться в Москве. В этот год, после нашей победы в Сталинграде, общее настроение стало меняться. И именно в это время Зощенко принимает важное решение сдать рукопись своей автобиографической повести в журнал «Октябрь», редактором которого на тот момент был Федор Иванович Панферов.

Зощенко читает готовые главы Николаю Тихонову, Виктору Шкловскому, которые тепло приняли его новую работу.

Михаил Зощенко заручается поддержкой академика А.Д. Сперанского, одного из самых авторитетных патофизиологов. Главы книги вместе с отзывом Сперанского читают в ЦК ВКП(б). Об этом Зощенко пишет Лидии Чаловой в письме от 8 июня 1943 г.: «С книгой моей обстоит дело пока что не только хорошо, но даже великолепно. Я не видел такого волнения, которое я увидел у тех, кто ее читал. Я услышал наивысшие комплименты. И от редакции, и от литераторов. Кстати, скажу. Редакция “Октября” дала книгу на проверку Сперанскому. Тот дал наивысший отзыв. Сказал, что с точки зрения науки это точно. Не сделал никаких поправок. Звонил мне и сказал, что это поразительная книга» [Вспоминая Михаила Зощенко 1990: 323].

На страницах журнала «Октябрь» были опубликованы две первые части «Перед восходом солнца» в сдвоенных номерах 6/7 и 8/9 1943 г.

Повесть имеет разделы. В первый номер журнала вошли: «Пролог», «Я несчастен – и не знаю почему», «Опавшие листья»; во второй – «Страшный мир», «Перед восходом солнца», «Черная вода». Каждый так называемый раздел в свою очередь тоже делится на маленькие главки и, словно самостоятельное произведение, имеет эпиграф, некое введение и заключение.

Первая опубликованная часть открывается предисловием самого автора, в котором он впервые упоминает о значении этой книги в борьбе с фашизмом:

«Ведь мои материалы говорят о торжестве человеческого разума, о науке, о прогрессе сознания! Моя работа опровергает “философию” фашизма, которая говорит, что сознание приносит людям неисчислимые беды, что человеческое счастье – в возврате к варварству, к дикости, в отказе от цивилизации» [Зощенко, 1943: 59. Далее цитируется это издание, страницы указываются в скобках].

За предисловием Зощенко помещает пролог, в котором приводится диалог писателя с А.Д. Сперанским. В этой беседе Зощенко рассказывает историю задуманного произведения и его написания: *«Вкратце – это книга о том, как я избавился от многих ненужных огорчений и стал счастливым»* [59].

Глава, которая называется *«Я несчастен – и не знаю почему»*, рассказывает непосредственно о состоянии писателя, о депрессии, беспричинной тоске. Это название главы взято из письма Эдгара По Кеннеди 1835 г.: *«Я испытываю такую угнетенность духа, какую я раньше еще не испытывал. Я напрасно боролся против влияния этой меланхолии. Я несчастен и не знаю почему...»* [63].

В опубликованных разделах *«Опавшие листья»*, *«Страшный мир»*, *«Перед восходом солнца»* и *«Черная вода»* писатель поместил самые яркие моменты своей жизни, которые произвели сильное впечатление на него. Он вспоминает и юношескую влюбленность, и уход на фронт во время Первой мировой войны, и смерть матери, а также первые шаги на литературном поприще.

Зощенко понимает, что эти воспоминания из его сознательной жизни не помогают ему в поиске источника душевных страданий. Он решается на новый эксперимент – вспомнить что-нибудь из своей жизни до двух лет, но сталкивается с проблемой: эта бессознательная жизнь, которая протекала два года, совершенно ему недоступна.

Зощенко начинает активно изучать труды по медицине и психологии. Раздел *«Перед восходом солнца»* посвящен системе Павлова об условных рефлексах, а в главе *«Черная вода»* Зощенко непосредственно обращается к науке о снах, к работам Зигмунда Фрейда. Ведь именно сны являются средством передвижения в глубинные недра памяти человека.

10 сентября 1943 г. Зощенко пишет Лидии Чаловой: *«Решил положиться на судьбу – втайне надеюсь, что всю книгу не напечатают. Где-то она запнется. Скорее всего, III и IV части цензура не пропустит»* [Вспоминая Михаила Зощенко, 1990: 324].

Предчувствие не обмануло писателя, III и IV части не были допущены к печати. Никто не стал заступаться за Михаила Зощенко. Из редколлегии журнала *«Крокодил»* его исключили, лишили продуктового пайка, выселили из гостиницы *«Москва»*, где он жил по приезду из Алма-Аты.

6 декабря 1943 г. состоялось обсуждение книги на расширенном заседании президиума Союза советских писателей. Зощенко в своем выступлении настаивал на том, что он написал *«антифашистскую»* книгу, но не был понят. Последовали

отрицательные отзывы со стороны писателей, которые изначально поддерживали Зощенко. Николай Тихонов, старый друг «серапион», назвал на этом заседании «Перед восходом солнца» «вредным произведением», а чуть позже в журнале «Большевик» (1944, № 3, март) вышла его статья «Отечественная война и советская литература». Статья создает обзор всей литературы советского периода, немного слов было сказано и о повести Зощенко, но каких слов: «Повесть Зощенко – явление глубоко чуждое духу, характеру советской литературы. В этой повести действительность показана с обывательской точки зрения – уродливо искаженной, опошленной, на первый план выдвинута мелкая возня субъективных чувств» [Тихонов 1944: 35]. Николай Тихонов дал оценку и работе всей редколлегии журнала «Октябрь», члены которой «не удосужились внимательно прочитать эту вещь» [Тихонов 1944: 35].

Месяцем ранее в этом журнале была напечатана статья «Об одной вредной повести», подписанная сразу несколькими авторами (В. Горшков, Г. Ваулин, Л. Рутковская, П. Большаков), где была дана негативная оценка произведению «Перед восходом солнца». Авторы этой статьи с торжеством и гордостью представляют литераторов эпохи Великой Отечественной войны, которые работали для народа и ради народа. На их фоне выделяется лишь Михаил Зощенко со своей «пошлой, антихудожественной повестью» [В. Горшков и др. 1944: 56].

Она «...чужда чувствам и мыслям нашего народа. <...> Зощенко рисует чрезвычайно извращенную картину жизни нашего народа. Психология героев, их поступки носят уродливый характер» [В. Горшков и др. 1944: 56].

Далее в статье комментируется практически каждый кусочек повести. Статья изобилует следующими эпитетами: «пошлый», «грязный», «лишенный морали», «антисоветский», «антихудожественный» и т.д.

Здесь утверждается, что «вся повесть проникнута презрением автора к людям» и «заполнена персоной самого Зощенко» [В. Горшков и др. 1944: 57]. Авторы статьи ставят под сомнение знания писателя в сфере медицины и психологии: «Вся эта гадость сдобрена невежественными, лженаучными рассуждениями об исследовании человеческой психики, причем автор с поражающей наглостью объявляет о тождестве своих “откровений” с учением гениального русского ученого Павлова об условных рефлексах!» [В. Горшков и др. 1944: 57]

«Видимо, автор повести находил время потолкаться по пивным, но не нашел в своей жизни и часа, чтобы побывать на заводах. <...> В Советской стране немного найдется людей, которые в дни борьбы за честь и независимость нашей родины нашли бы время заниматься “психологическим ковырянием”, изучая собственную персону. Советским людям скучать некогда, а рабочим и крестьянам никогда и не были свойственны такие “недуги”, в которых потонул Зощенко» [В. Горшков и др. 1944: 58].

В 1944 г. уже в мартовском номере (№ 6) журнала «Пропагандист» была помещена еще одна статья под названием «Советская литература в дни

Отечественной войны» А. Еголина, в которой наряду со многими литературными произведениями советского периода была упомянута и повесть Зоценко.

А. Еголин поражен откровенностью, с которой Зоценко описывает события своей жизни, а также наглостью самого писателя, который решился печатать это во время войны, когда литературные произведения должны поднимать дух народа, а не развращать его или угнетать: «Много внимания уделяет Зоценко в своей повести сексуальным моментам. Описанию любовных походов автора посвящены 17 из 63 небольших рассказов первой части повести. Вспоминая о своей женитьбе, Зоценко цинично пишет: “Одна женщина, которая меня любила, сказала мне: “Ваша мать умерла. Переезжайте ко мне”. Я пошел в загс с этой женщиной. И мы записались. Теперь она моя жена”» [Еголин 1944: 28].

«На примере Зоценко мы видим, насколько некоторые старые литераторы оказались идеологически не подготовленными к тому, чтобы в столь суровое время правильно разобраться в событиях» [Еголин 1944: 28].

Таких разгромных статей было немного, но этого хватило, чтобы на многие годы Зоценко стал мишенью для писателей, критиков и даже первых лиц государства.

14 августа 1946 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», осуждающее «всякую проповедь безыдейности, аполитичности». А 15 и 16 августа того же года секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов выступил с докладом об этом постановлении. В докладе заключалось обвинение редакции «Звезды» о предоставлении страниц «таким пошлякам и подонкам литературы, как Зоценко». Сам он обвинялся в извращении советской молодежи, в «уродливо карикатурном» изображении общества. С данного постановления началась кампания собраний и статей, клеймящих Зоценко и Ахматову.

Лишь со второй половине 50-х гг. XX столетия критики, писатели, ученые иначе посмотрели на нашумевшую повесть. И отзывы о книге разительно отличались от разгромных статей прошлых лет.

Полностью произведение «Перед восходом солнца» было впервые опубликовано только в 1973 г. в США, а на родине писателя – в 1987 г.

Повесть Зоценко привлекла внимание многих писателей, критиков, специалистов в области медицины, психотерапии, нейрохирургии, а также психологии и философии. До сих пор эта книга вызывает живой интерес публики, дискуссии по поводу повести не прекращаются, ее рассматривают с различных сторон и находят много спорных фактов, которые еще требуют своего объяснения.

Литература

Вспоминая Михаила Зоценко / сост. Ю.Б. Томашевского. Л., 1990.

Горшков В., Ваулин Г., Рутковская Л., Большаков П. Об одной вредной повести // Большевик. 1944. № 2.

Еголин А. Советская литература в дни Отечественной войны // Пропагандист. 1944. № 6.

Зоценко М.М. Перед восходом солнца // Октябрь. 1943. № 6/7, 8/9.

Тихонов Н. Отечественная война и советская литература // Большевик. 1944. № 3.

Е.И. Сягина (Саратов)

Творчество А. И. Солженицына в литературно-критических статьях Андрея Немзера (на материале газеты «Сегодня»)

Научный руководитель – профессор Е.Г. Елина

Научный консультант – ст. преподаватель Р.И. Павленко

В общественно-политической ситуации России 1990-х гг. огромную роль играет А. И. Солженицын. В 1990 г. писатель был восстановлен в советском гражданстве, получил Государственную премию РСФСР за «Архипелаг ГУЛАГ», а его произведения широко печатались в стране. «Литературная газета» и «Комсомольская правда» одновременно опубликовали одну из его значимых статей «Как нам обустроить Россию?», в ней Солженицын размышляет о путях возрождения страны и построении жизни народа и нового государства. В 1994 г. он возвратился на родину. Проехав страну от Дальнего Востока до Москвы, он активно включился в жизнь общества, интересовался его духовным состоянием и решительно критиковал недостатки.

Произведения Солженицына вызывают у Андрея Немзера особый интерес. Об этом свидетельствуют его работы, посвящённые творчеству писателя. Среди них книги «“Красное Колесо” Александра Солженицына. Опыт прочтения», «Проза Александра Солженицына: Опыт прочтения», альманах «Солженицынские тетради: Материалы и исследования», в которых Андрей Немзер выступает в качестве ответственного редактора, а также ряд литературно-критических статей. В интервью «Русскому журналу» Немзер рассказал, что прозу А.И. Солженицына он полюбил с первого взгляда в 1970-х гг. Публиковать статьи о писателе критик начал в 1990 г. в «Литературном обозрении». Как отмечает сам Немзер, ему хотелось, чтобы журнал помог публике вдумчиво прочесть произведения Александра Исаевича. *«Позднее, работая в газетах, я старался писать о Солженицыне всякий раз, когда случался “информационный повод”*», – отмечал критик [Цыкарева, Егорова].

Обратимся к литературно-критическим работам Андрея Немзера, которые были напечатаны в газете «Сегодня». В каждой статье критик не даёт усомниться читателю в том, что А. И. Солженицын – великий писатель, радетель о судьбе родины, а не её предатель. Творчество, неразрывно связанное со свободой, – ключевое понятие, которое, с точки зрения Немзера, неотделимо от судьбы Александра Исаевича. Для критика важно, чтобы читатель входил в творческий мир писателя и понимал его сильную авторскую пульсирующую мысль.

Чередой статей о Солженицыне авторства А. Немзера открывает «Дарование и поручение», опубликованная 11 декабря 1993 г. в честь семидесятилетия А. И. Солженицына. Главным ограничением на пути к широкому изложению личных оценок критика послужило ежедневное издание. Его специфика не позволяла объемным публикациям размещаться на газетной полосе. Уже с первых строк Андрей Немзер открывает перед читателями образ писателя-героя: *«Жизнь Солженицына кажется легендой, а масштаб его*

личности ошеломляет даже многочисленных оппонентов автора “Красного колеса”. Существенно, однако, что судьба и лицо человека, прошедшего войну, лагерь, неизлечимую болезнь и обретшего поражающую воображение внутреннюю силу, открылись нам благодаря его главному делу – писательству» [Немзер 1993: 14]. Такое изложение усиливает пафос высказывания и повышает градус его эмоциональности. Андрей Немзер делает акцент на том, что А. И. Солженицын – писатель, а не политик или историк. В подтверждение этому критик неоднократно упоминает о его восемнадцати томах художественной прозы, которые «на любых весах перетянут два тома публицистики»: «Кто из прозаиков, живших в советское время, <...> написал столько? И это при общеизвестных обстоятельствах жизни Солженицына <...> Это ли не свидетельство о писательской страсти и верности писательской судьбе» [Немзер 1993: 14]. На наш взгляд, литературный критик пытается оставить в тени историю человека, обречённого на политическую борьбу и направить читательское внимание именно на писательский талант Александра Исаевича.

Вместе с тем Андрей Немзер словно предугадывает мысли недоброжелателей и оправдывает писателя: «Точно также нелюбовь Солженицына к интервьюерам (это не значит: неприязнь, скорее – отсутствие приязни) получает простое объяснение: то, что он хотел сказать, не мог не сказать, он проговорил своими книгами»; «Солженицын далеко не единственный художник, испытывающий тревогу при встрече с репортером, когда необходимо “разжевывать” то, что должно дойти до читателя само собой» [Немзер 1993: 14]. Здесь стоит отметить, что критик не только излагает свою позицию, но и подтверждает её цитатой из «Заметок между делом» А. И. Солженицына, где обозначена неразрывная связь между читателем и писателем. По нашему мнению, такой приём усиливает точку зрения автора и является особенностью его аргументации. Литературный критик также пытается вызвать в читательском восприятии чувство изумления и глубокой эмпатии к А. И. Солженицыну: «Достойно удивления как **мало** высказывался по конкретным или, напротив, глобально мировоззренческим вопросам Солженицын <...> буквально принуждаемый обстоятельствами к нелюбимой полемике» [Немзер 1993: 14].

В публикации отсутствуют критические замечания по поводу литературных произведений главного героя статьи, поскольку основная цель Андрея Немзера – доказать, что Александр Исаевич в первую очередь писатель, который верит в своё писательское предназначение. Рассуждения литературного критика можно условно разграничить по смысловым линиям. Если в начале и конце статьи Андрей Немзер рассуждает о писательской судьбе и верности, то в одной из центральных её частей он выдвигает на передний план проблему понимания прозы и публицистики А. И. Солженицына. По его мнению, честный читатель должен взять на себя труд сочувствия и понимания, а не полагаться на информацию, пройденную через множество рук. Эта

проблема поднимается и в публикации «Любовь к истине как писательский стиль», которая вышла в газете «Сегодня» 27 мая 1994 г. Автор подчёркивает, что высказывания писателя по самым насущным проблемам не могут быть прочувствованы и понятны без учёта их историософского контекста. Ключевая же мысль этой статьи – творческая свобода А. И. Солженицына. Литературный критик подходит к этой теме очень аккуратно, настраивая читателя на определённый лад. Он хочет быть услышанным, но при этом проявляет в суждениях сдержанность и не решается на громкие высказывания. Прежде чем заговорить об А. И. Солженицыне Немзер обращается к лирике А. С. Пушкина, в которой главную роль играет тема свободы. Затем критик пишет: «...*Пушкин представлял то защитником самодостаточного искусства, то публицистом и политиком*» [Немзер 1994: 9]. Таким образом, мы можем заметить сопоставление двух писателей при том, что автор не комментирует этого, а провоцирует читателя на мысль о сходстве.

Личная симпатия к писателю прослеживается в рецензии «Имя, ставшее словом», которая вышла 28 октября 1994 г. Публикация обращена к специальному выпуску журнала «Звезда», посвящённому жизни и творчеству А. И. Солженицына. Выход нового номера безусловно является для автора именно информационным поводом, который позволяет Андрею Немзеру в очередной раз рассказать о значимости вклада Александра Исаевича в литературу. В рецензии нет подробного критического разбора статей журнального выпуска. Андрей Немзер заостряет внимание на другом – на писательских именах, которые становятся «словами». Эту тему литературный критик затрагивает в самом начале, говоря об одной из «давних» статей Андрея Битова. Тем самым Немзер показывает читателю, что основывается не только на своём мнении. Отметим, что здесь, как и в статье «Любовь к истине как писательский стиль», автор вновь обращается к личности А. С. Пушкина, рассуждая о том, что обретает имя художника, став «словом»: «*Вероятнее, яснее всего этот эффект ощущается при соприкосновении с Пушкиным, доступность и известность которого могут соперничать лишь с его же многомерностью...*» [Немзер 1994: 10]. На наш взгляд, Андрей Немзер выбирает наиболее «близкого» и «знакомого» для потенциальной аудитории автора, что помогает ему добиться читательского понимания. Главная мысль, обозначенная в заголовке, находит отражение в журнальном выпуске, который становится объектом внимания Немзера: «*Двигаясь по журналу, мы формально все дальше отходим от Солженицына – и остаемся в его пространстве, все время помним о нем. Это и есть действие имени, ставшего словом*» [Немзер 1994: 10]. Литературный критик кратко знакомит с содержанием статей разномыслящих авторов и, отмечая их изъяны, убеждается в том, что история XX века всегда отзывается Солженицыным, несмотря на яростное отрицание его личности. Андрей Немзер словно хочет переубедить ненавистников писателя, а всех равнодушных призывает понять и по-другому взглянуть на его творчество. В заключении автор приходит к мысли, которая пронизывала всю

статью: *«Была права, решившись на солженицынский номер. Твердо, спокойно и ненавязчиво проговорив то, что всем не хочется слышать: в русском языке есть такое слово – Солженицын»*, – пишет Немзер про редакцию «Звезды» [Немзер 1994: 10].

О свободном языке и правильности прочтения Немзер пишет и в статье «Сегодня – и о сегодняшнем» [Немзер 1995: 10]. Публикация вышла в свет 22 ноября 1995 г. Критик говорит о том, что правильно читать публицистику Солженицына может человек, вошедший в его творческий мир и почувствовавший законы его свободного, творящего языка. Мы наблюдаем, как Андрей Немзер оперирует ясными и убедительными выражениями, избегая двусмысленности и недосказанности. Стоит отметить и главное отличие этой статьи от других: именно здесь открыто критикуется действующая власть и восхваляются издания, которые помогли услышать писателя. Насыщенность рассуждений концентрирует внимание читателя на социальных проблемах, а чередующееся с этим понижение эмоциональности позволяет закрепить уже полученную информацию.

Андрею Немзеру присуща ясность выражения мысли, предполагающая понятность речи её адресату. В текстах наблюдается умелое сочетание научного изложения с разговорным стилем. Особое внимание стоит обратить на лексические повторы: *«Реален Иван Денисович, кладущий кирпичи, реален Воротынцев, выводящий солдат и юных офицеров из окружения, реален Столыпин, ведущий осмысленную политику. Реален всякий инженер...»* [Немзер 1993: 14]; *«И никакое яростное отрицание, никакая имитация равнодушия, никакая человеческая несправедливость тут не властны»* [Немзер 1994: 10]; *«Удобно, проигнорировав реальное содержание “повествования в отмеренных сроках”, затевать дискуссии с Солженицыным; удобно оставив без внимания <...> удобно отделившись дежурным комплиментом <...> Удобно, предсказуемо, плоско...»* [Немзер 1993: 9]. Мы считаем, что употребление анафоры в данных случаях создаёт условия для усиленного выражения авторского мнения, что способствует постепенному убеждению читателей.

Анализ литературно-критических статей Андрея Немзера, посвящённых творческой судьбе А. И. Солженицына, позволяет сделать следующие выводы. На фоне общественно-политической ситуации в стране публикации о писателе выделяются своей злободневностью. С 1989 г. произведения А. И. Солженицына вновь стали печатать в СССР, через год после этого писатель получает советское гражданство, а в 1994 г. он возвращается на родину. В этот период А. И. Солженицын находится под пристальным вниманием прессы и телевидения. Андрей Немзер не упускает возможность обозначить свою позицию, ведь именно в это время его статьи будут особо актуальны.

Критик считает Александра Исаевича великим писателем, который всегда осознавал себя в первую очередь художником. Он направляет читательское внимание на писательский талант и поднимает проблему понимания прозы и

публицистики, которая тесно переплетается с творческой свободой Солженицына. Вместе с тем Немзер оправдывает писателя перед недоброжелателями и пытается вызвать в читательском восприятии сопереживание. Меткое использование языковых средств, ясность рассуждений, корректность аргументов, чёткие формулировки способствуют достижению контакта с аудиторией и повышают убедительность письменной речи критика.

Литература

Немзер А. Дарование и поручение // Сегодня. 1993. № 93.

Немзер А. Любовь к истине как писательский стиль // Сегодня. 1994. № 98.

Немзер А. Имя, ставшее словом // Сегодня. 1994. № 207.

Немзер А. Сегодня и о сегодняшнем // Сегодня. 1995. № 221.

Цыкарева Е., Егорова К. Исполняющий обязанности критика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Ispolnyayuschij-obyazannosti-kritika>. Загл. с экрана. Дата обращения 10.02.19.

Э.Ф. Нарбикова (Саратов)

Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы

Научный руководитель – профессор А.Л. Фокеев

В начале XX в., на заре развития гуманитарного образования в Саратовском университете, ученые-филологи проявили пристальный интерес к изучению и собиранию фольклора. В 1920-е гг. профессора Б. М. Соколов, В. В. Буш и А. П. Скафтымов организовывали первые «вылазки» в село Курдюм, в Петровский и Хвалынский уезды. Результаты их работы были опубликованы в этнографических сборниках. Позднее большую собирательскую работу проводила Т. М. Акимова в качестве как научного сотрудника Областного музея краеведения, так и профессора СГУ. В 1970–80-е гг. фольклорные материалы собирались в плановых экспедициях под руководством профессоров В. К. Архангельской и В. А. Бахтиной. Все они хранятся в кабинете фольклора СГУ.

Архив – это «учреждение для хранения документов, документальных материалов» [Ожегов 2000: 167]. В основу фольклорного архива кафедры русской и зарубежной литературы (направление «Педагогическое образование») были положены материалы, собранные еще в 80-е гг. прошлого века студентами дневной и заочной форм обучения Саратовского педагогического института имени К. Федина. Позднее, в связи с интеграцией, пединститут вошел в состав университета, и архив продолжал формироваться уже в Институте филологии и журналистики. Разместили его в 16-м корпусе СГУ в научно-образовательном центре «Культура и речь Саратовского края» по инициативе профессора А. А. Демченко.

На первых порах материалы собирали достаточно спонтанно, но с

приходом в институт профессора А. Л. Фокеева, бессменного организатора фольклорных практик и экспедиций, фольклорный архив стал формироваться согласно плану собирательской работы.

Программа собирания фольклора предусматривает три задания: 1) запись сведений об истории села, местных достопримечательностях, имеющих краеведческое значение; 2) творческая лаборатория носителей фольклора (комплексное обследование одного выдающегося на селе информанта, запись его репертуара); 3) записи жанров устного народного творчества, сохранившихся и поныне: семейно-бытовых обрядов, заговоров, сказок, преданий, легенд, сказов, частушек, пословиц, поговорок и загадок, а также детского, рабочего и современного фольклора.

Большая часть фольклорных материалов собирается в полевых экспедициях. Как отмечает А. Л. Фокеев, «цель экспедиций – комплексное изучение фольклора данной местности с целью сбора сведений о бытовании устного народного творчества в Саратовской области в целом» [Фокеев 2017: 12]. География фольклорных экспедиций охватывает отдельные населенные пункты как на правом берегу Волги, так и в Левобережье: с. Липовка (Базарно-Карабулакский район), с. Калининское (Марксовский район), п. Динамовский (Новобурасский район), с. Новодубровка (Петровский район) и т.д. В каждой экспедиции ведутся записи на диктофон с последующей компьютерной обработкой, осуществляется видеосъемка, кадры которой по возвращению в город после монтажа становятся тематическими фильмами – отчетами о поездках.

В архиве преобладают фольклорные жанры: собрание песен литературного происхождения, городские жестокие романсы, частушки, записи свадебных обрядов, а также рассказы местных жителей об истории села, достопримечательностях и т.д.

В 2017 г. студентам удалось побывать в селе Колокольниковка. Здесь проживают известные в округе исполнители фольклорных произведений – Надежда Николаевна Резникова, Любовь Егоровна Гиевая и Валентина Ивановна Александрова. От них во время экспедиции удалось записать песни и частушки.

Особый пласт материалов фольклорного архива составляют семейно-бытовые обряды. Так, Лидия Ивановна Мачугина рассказала, как проходила свадьба: жених шел свататься к родителям невесты, если родители невесты давали добро, устраивали запой: собирали всех родных и гуляли весь вечер. Через некоторое время играли свадьбу, которая длилась 3 дня. Первый день гуляли у жениха, второй – у невесты, а третий – у сватов. Жених приходил в дом к невесте, подружки и родные невесты его не пускали, требовали выкуп (если жених успел туфлю взять – значит, невеста его). После выкупа все шли в дом жениха, напевая песни. Жениху и невесте дарили подарки: рубашку, платье, предметы для хозяйства, продукты [Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы. Фольклорная экспедиция в с. Колокольниковка: папка № 17].

Также в архиве хранятся тексты различных гадания, поверий, легенд, нередко носящих местный характер. Например, в селе Колокольниковка девушки

гадали на суженого перед Рождеством. Они становились спиной к забору, перекидывали один валенок через плечо так, чтобы он перелетел через забор и упал на дорогу. Затем выходили за забор и выясняли, в какую сторону будет смотреть носок упавшей обуви. Именно с той стороны и придет суженый. Если носок повернут в сторону забора девушки, то в течение следующего года никакой свадьбы ожидать не стоит. В том случае, если передняя часть обуви зарылась в снег, отношения у девушки с ее предметом обожания будут, но только дружеские, без перспективы соединить свои судьбы браком [Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы. Фольклорная экспедиция в с. Колокольниковка: папка № 17].

Таким образом, фольклорный архив направления «Педагогическое образование» ежегодно пополняется.

Литература

Ожегов С.И, Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2000.

Фокеев А.Л. Материалы полевых исследований на аудиторных занятиях со студентами-филологами // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. Вып. 7. Саратов, 2017.

Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы // Фольклорная экспедиция в с. Колокольниковка. Саратов, 2017. Папка № 17.

ЧАСТЬ II

Раздел 1

История, теория и практика журналистики

Т.А. Волоконская (*Саратов*)

Вопросы медиакритики на страницах еженедельника «Пчела»

Журнал «Пчела» – это еженедельное издание, выходившее в Санкт-Петербурге в период с 1875 по 1878 гг. Полное название – «Пчела. Русская иллюстрация. Еженедельный журнал искусств, литературы, политики и общественной жизни». Считается преемником журнала «Сияние». При создании журнала планировалось, что редакторами художественного отдела будут Дмитрий Васильевич Григорович и Николай Александрович Александров, литературного – Яков Петрович Полонский, обещала активное сотрудничество группа художников во главе с Иваном Николаевичем Крамским. Но уже в марте 1875 г. все они покинули редакцию журнала, объяснив это его превращением в коммерческое издание. Редактором художественного отдела и основным сотрудником стал искусствовед Адриан Викторович Прахов [см.: Крамской 1954: 590]. Изначально в состав редакции входили Александр Федорович Базунов (издатель), Александр Степанович Гиероглифов (издатель), Петр Николаевич Полевой (редактор художественного и литературного отделов) [см.: Русская периодическая печать 1959: 563–564].

Несмотря на весьма непродолжительный срок выхода, журнал «Пчела» считался достаточно авторитетным изданием среди еженедельных иллюстрированных журналов. Это подтверждается как составом редакции и постоянных сотрудников, так и, например, тем обстоятельством, что именно на страницах «Пчелы» впервые были опубликованы знаменитые иллюстрации Петра Михайловича Боклевского к «Мертвым душам» [см.: Русская периодическая печать 1959: 564].

Необходимо отметить, что в целом журналистская критика не являлась для «Пчелы» значимым объектом внимания. В издании почти не было специальных текстов, которые можно было бы целиком отнести к разряду

медиакритических. В качестве единственного исключения можно назвать «Слово от редакции», опубликованное в № 1 от 2 января 1877 г. и представлявшее собой своеобразный манифест редакционной политики издания. По всей видимости, появление этого материала было вызвано тем обстоятельством, что за полгода до того у «Пчелы» сменился издатель и главный редактор, которым теперь стал Михаил Осипович Микешин [ЭСБЕ 1898: 864]. В своем обращении редакция издания решительно осудила агрессивный и пристрастный стиль ведения полемики, вошедший у большинства журналов в привычку, и противопоставила себя таким методам: *«На нашем знамени написаны только два слова: красота и правда! И за них мы будем бороться до конца, отстаивая все, что нам дорого и свято. Не лицу или партии станем служить мы. Если мы и рядовые бойцы, зато мы обещаем быть солдатами правого дела и не продаваться могущественному литературному сопернику. Мы стояли особняком в нашей прессе, и мы дорожим этим положением, оно нас спасло от необходимости участвовать в сатурналиях доноса, клеветы и реакции. Всякий делает свое дело, как может!..»* [Пчела 1877, № 1: 2]

В остальном же проблемы журналистской критики освещались на страницах «Пчелы» в виде отдельных полемических реплик или авторских отступлений, помещаемых в контекст обзорных материалов, которые публиковались в рамках рубрик «Журналистика», «Литературное обозрение», «Русская журналистика», «Журнальная хроника», «Журнальные заметки», «Хроники иностранной литературы». Указанные рубрики сменяли друг друга без какой-либо системы или предупреждения для читателей. Все эти материалы печатались в «Пчеле» нерегулярно и в какой-то степени даже формально, поскольку авторы хоть и стремились к равномерному освещению российской прессы того времени, однако же оказывались не способны осуществить свое первоначальное намерение. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что критический отдел не входил в число действительно важных для «Пчелы», эти материалы появлялись только в отсутствие других тем и публикаций, представлявшихся редакции более значимыми.

Круг авторов журнала, составлявших литературные и журнальные обзоры, также весьма неоднороден. Многие материалы публиковались под очень распространенными псевдонимами вроде «Э.», «Омега», «Энь», расшифровке которых слабо способствует даже «Словарь псевдонимов» И.Ф. Масанова. В то же время на страницах издания печатались и серьезные журналисты, такие как Адриан Викторович Прахов, Владимир Викторович Чуйко [см.: Масанов 1956, т. 1: 208] и Петр Исаевич Вейнберг [см.: Масанов 1960, т. 4: 211].

Вероятно, с этим связано и то обстоятельство, что даже в условиях несомненной периферийности медиакритических материалов «Пчела» поднимала знаковые для истории журналистской критики вопросы и

проблемы и предлагала достаточно интересный взгляд на них. Это, например, необходимость для всякого уважающего себя издания соответствовать заявленной им редакционной политике; так, о «Вестнике Европы» сообщается следующее: *«Журнал этот обязан быть верным своему названию. Чтоб быть “Вестником Европы”, он волей-неволей должен стоять лицом к Западу и говорить о своем отечестве настолько, насколько он видит в нем нечто европейское. Но Европа не какая-нибудь партия, в ней борется столько партий и всевозможных направлений, что вся она раскрашена в разные цвета и, так сказать, под наплывом борющихся идей отливает всеми цветами радуги. Нелегко быть Вестником такой Европы. Стоит увлечься одною из действующих партий, чтоб вместо Вестника превратиться в орган того или другого направления, тогда как “Вестник Европы” должен следить за всеми направлениями – и, так сказать, говорить своим читателям: выбирайте сами, которое из них вам больше других по вкусу...»* [Пчела 1875, № 4: 48]. Юная и в силу своей еженедельной периодичности не воспринимаемая как солидное издание «Пчела» здесь отважилась обсуждать один из авторитетнейших «толстых» журналов, указывать на уязвимые места его идеологии и даже давать ему советы и предостережения, острота которых лишь несколько сглажена отстраненным дружелюбием избранного тона. Как и для других еженедельников того времени, для «Пчелы» журналистская критика стала не только откликом на уже имеющееся положение вещей, но и инструментом активной демократизации закрепившейся в печати иерархии, необходимой этим изданиям для оправдания собственного существования.

Вероятно, с той же целью «Пчела» стремилась предложить читателям и собственный взгляд на отличие журнальных изданий от книжных, возникающее из-за склонности журналистики к оперативной работе. Действительно, для еженедельного издания, 16 страниц которого брошюровались вовсе без обложки, объяснение такого несходства было куда более насущным вопросом, чем для литературных «толстяков». В высшей степени неслучайно поэтому, что за подобные разъяснения взялся один из ведущих сотрудников журнала, поэт, переводчик и историк литературы Петр Исаевич Вейнберг в своем первом выступлении в рамках рубрики «Русская журналистика», симптоматично озаглавленном «Вместо введения». Специфика профессиональной деятельности журналиста, полагал Вейнберг, влечет за собой появление типичных и в определенном смысле даже простительных недостатков создаваемых материалов. Самый частый из таких недостатков – *«некоторая поспешность, почти неряшливость, немислимая в книге, за которую читатель принимается совсем не так, как за журнал»* [Пчела 1875, № 43: 416]. Размышления Вейнберга адресованы не только коллегам-журналистам, но и читательской аудитории, которая, что интересно, отнюдь не противопоставляется им читателям книг. Одни и те же люди, по мысли критика, берут в руки сегодня книгу, завтра – журнал; его же цель – ненавязчиво внушить им тонкости культуры журнального чтения, отличного

по своим задачам от чтения книг. Характерно, что обращался Вейнберг именно к читателям русской журналистики (это ограничение намеренно вынесено в заглавие рубрики), которые не должны ждать от отечественной печати художественности, то есть эстетического совершенства, еще и потому, что не она составляет *«исключительный характер, которым русская журналистика резко отличается от иностранной»*. В российской срочной словесности критик наблюдает *«господство так называемых общественных вопросов»*, обусловленное самим течением жизни в империи, господство, которое буквально изгоняет из журналистики *«все, что хоть на один штрих не подходило под рамку этой “общественности”»* [Пчела 1875, № 43: 417]. Отдельно отметим, что уже по самому подбору словесных оборотов (помещение понятия «общественность» в иронические кавычки, образное преувеличение «ни на один штрих») видно, что Вейнберг не одобрял подобной тематической ограниченности современной ему печати. Однако же он уклонился от прямых оценок этого явления, его задача – предъявить читателю уже сложившиеся в отечественной журналистике тенденции.

Другая проблема, которую поднимал в своих обзорах П.И. Вейнберг, – это специфика журнальной полемики, в особенности в том, что касается отношения к авторам уже известным и только начинающим. Вейнберг был вынужден иронизировать по поводу всеобщей привычки *«к отсутствию в современной русской критике <...> известной мягкости, которая несколько не нарушает справедливых отношений к делу, напротив того, к присутствию резкого осуждения quand même [во что бы то ни стало (фр.)], в силу предвзятого желания осуждать и быть недовольным»* [Пчела 1876, № 1: 9]. Обличительный тон критиков, который *«доходит до крайности, принимающей форму даже грубой придирчивости»*, хотя и освобождал, по всей видимости, журнальные издания от *«лицемерного преклонения перед авторитетами»*, однако в то же время допускал их беспрецедентное низвержение [см.: Пчела 1876, № 1: 9]. Резко отрицательно журналист относился к *«тенденциозному затравливанию»* такого крупного писателя, как И. С. Тургенев, *«немыслимому, полагал он, «во всякой мало-мальски порядочной литературе»* [Пчела 1876, № 4: 3]. С другой стороны, сотрудники изучаемого нами издания не одобряли и противоположной крайности, согласно которой внимание журналов к тому или иному произведению напрямую зависело от статуса его автора. Сменивший Вейнберга на поприще медиакритических обзоров Александр Васильевич Круглов, писатель, поэт, мемуарист, работавший в «Пчеле» под псевдонимом «Его» [см.: Масанов 1958, т. 3: 311], назвал такую закономерность доказательством того, что русская журналистика не умеет *«любить своего»*, не хочет поддержать начинающих писателей. *«Мы из-за кружковых и редакционных взглядов не видим таланта и в противнике не хотим признать ничего хорошего и светлого, – рассуждал он. – Мы по рутине хвалим все, что ни выходит из-под пера лиц с именем, и хотя бы в стихах таких лиц не было и тени поэзии – мы*

приходим в великий восторг от стихотворной крошки. <...> Но в то же время нам лень обстоятельно прочесть очерк начинающего: мы вскользь пробегаем его и живо осуждаем: что за важность, если недурную вещь назовем дрянью» [Пчела 1876, № 31: 14]. Своим обещанием дать действенную альтернативу такой недопустимой тенденции журналист «Пчелы» отстаивал право издания на полноценное и равноправное участие в журнальной полемике того времени.

На своих страницах «Пчела» затрагивала даже такие острые и всегда актуальные для медиасферы вопросы, как феномен коммерциализации прессы или поиск журналистом ориентиров для своей профессиональной деятельности. Представляя новую рубрику, «Хроники иностранной литературы», ее автор «Энь» говорил о том, что развитие отечественной журналистики необходимо постоянно сопоставлять с теорией и практикой журналистики иностранной, прежде всего европейской и американской. Речь, впрочем, шла не о простом, механическом сравнении обзорного характера. Журналист пытался найти в деятельности зарубежных коллег примеры и подсказки для совершенствования родной печати. Так, рассказ об издателе *New York Herald* Джеймсе Гордоне Беннете, опубликованный в № 20 «Пчелы» от 15 мая 1877 г., под пером критика превратился в рассуждение о том, каким должен быть издатель качественного журнала – честным, трудолюбивым, целеустремленным: *«Основывая свой “New York Herald”, Бенетт имел всего 500 долларов в кармане, но у него были оригинальные убеждения о том, как нужно действовать журналисту, была твердая воля, и он успел в своем, казалось бы с первого взгляда, несбыточном предприятии. Он понял, что для успеха новой газеты нужно, чтобы она стояла вне мелких интересов той или другой политической партии, чтобы она была исключительно предана национальным интересам своего отечества, нужно, чтобы вместо скучной полемики она отличалась строго фактическим содержанием, необходимо затем сделать ее общедоступной посредством сбавки подписной цены и широкого развития объявлений»* [Пчела 1877, № 20: 305]. Своим обращением к опыту иностранного издателя «Энь» пытался обнаружить компромисс между высоким долгом общественного служения, по-прежнему воспринимаемого как главнейшая обязанность журналиста, и необходимостью выгодным ведением дел обеспечить изданию стабильное существование. В условиях все более укрепляющегося капиталистического характера социально-экономических отношений в Российской империи этот вопрос одновременно приобрел первостепенную важность и предельно проблематизировался. Поэтому попытки его решения, предпринимаемые отечественной и зарубежной журналистикой, также становились предметом размышления медиакритики.

Подводя итоги, повторим: несмотря на то, что журналистская критика не имеет «постоянной прописки» на страницах «Пчелы», обращение к ее ключевым вопросам всякий раз ведется попутно и специальных

медиакритических материалов в издании мы не найдем, «Пчела» все же воспринимала журналистскую критику как действенный инструмент для отстаивания своего места в журнальной иерархии того времени, а также для определения и решения насущных проблем профессии журналиста.

Литература

Крамской И.Н. Переписка с художниками: в 2 т. Т. 2 / под ред. С.Н. Гольштейн. М., 1954.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1956–1960.

Пчела. Русская иллюстрация: еженедельный журнал искусств, литературы, политики и общественной жизни. 1875–1878.

Русская периодическая печать (1702–1894): справочник / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М., 1959.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. Т. XXVA (50). СПб., 1898.

В.В. Шкрёба (*Саратов*)

Трэвел-журналистика Дмитрия Крылова

Научный руководитель – профессор В.В. Прозоров

Научный консультант – доцент А.Н. Болкунов

Сегодня программы о путешествиях занимают значительное место в российском телевизионном эфире. Достаточно вспомнить такие телепередачи, как «Орёл и решка» и «Мир наизнанку» на телеканале «Пятница», «Их нравы» и «Поедем, поедим!» на НТВ, трэвел-проекты Владимира Познера и Ивана Урганта на Первом канале. Одни программы постепенно теряют популярность и прекращают своё существование (например, в 2014 г. закрылись «Их нравы»). Другие находятся на пике популярности, насчитывая несколько сезонов.

«Непутёвые заметки» с Дмитрием Крыловым – культурно-просветительская программа о путешествиях на Первом канале. Она стала одним из первых проектов такого направления на постсоветском телевидении, сразу привлекла внимание зрителей и была очень успешна.

Мы считаем, что «Заметки» стоят неким особняком среди других передач о путешествиях не только из-за их «возраста»; программу отличает образ её автора и ведущего – Дмитрия Крылова.

В программе «Непутёвые заметки» выделяется четыре структурных элемента: заставка, приветственное слово ведущего, основная часть, представляющая собой видеоряд, сопровождаемый начиткой, и прощание Дмитрия Крылова со зрителем. Мы видим ведущего в начале и в конце выпуска, а основное время только слышим его.

Голос, тембр, тон речи Дмитрия Крылова являются одними из важнейших характеристик его экранного образа. Автор программы обладает запоминающимся приятным глубоким тембром. Говорит он негромко и спокойно, но его монолог не монотонный. Текст воспринимается легко, так как

автор расставляет акценты, меняя силу голоса и интонацию, делает паузы, придаёт речи эмоциональную окраску, а её тон можно охарактеризовать как добродушно-вкрадчивый, дружески-озорной, благожелательный.

Доверительные отношения ведущего со зрителем – ещё одна основная характеристика образа Дмитрия Крылова. В выпусках он часто использует формулировки «*мой доверчивый зритель*», «*мы вместе отправимся*». Дмитрий Крылов призывает к путешествию. Зрителю кажется, что он вместе с ведущим открывает для себя новые страны.

Примечательно то, что у автора есть своё фирменное прощание. В конце каждой передачи он говорит: «*Ваш специальный корреспондент*», «*Ваш африканчик*», «*Ваш германовед*». Очень интересным с точки зрения взаимоотношений со зрителем нам показалось определение «*Ваш попутчик по жизни*».

Дмитрий Крылов не играет роль всеведущего автора, не ставит себя выше, а изучает новую местность вместе со зрителем. То есть ведущий – обычный интересующийся и удивляющийся путешественник, которому всё интересно, чей взгляд порой наивен.

В интервью Дмитрию Плынову, главному редактору журнала «Клаузура», ведущий сказал: «И вдруг на фоне тогдашней официальной международной журналистики появился “свой парень” ... Я, говорю о том, что вижу сам. Что удивляет – говорю. Что восхищает – говорю. Что разочаровывает – говорю» [Плынов 2013]. В этом ответе находим ещё одно выражение, определяющее, кем является Дмитрий Крылов для зрителя – «свой парень». Фраза краткая и ёмкая, она очень точно описывает эту доверительно-дружескую связь.

Главная задача программы – это передать атмосферу места. Ведущий не хочет говорить шаблонными фразами из путеводителя. Он рассказывает о том, что его больше всего удивило и впечатлило. Это подтверждают его слова в одном из выпусков: «*Я не буду водить вас по улочкам, площадям и храмам Старого города и говорить: “А это вот Старая площадь – сердце города, её архитектурный ансамбль сложился в эпоху Ренессанса”*. Для этого есть альбомы, буклеты, научно-популярные передачи. Моя задача – передать лишь ощущение от увиденного, как импрессионист» [Непутёвые заметки 2002].

Речь ведущего проста, понятна и лаконична. За 15 минут поведать о стране или городе тем, кто, скорее всего, ни разу там не был, поделиться впечатлениями и одновременно рассказать что-то полезное, – трудная задача. Дмитрий Крылов с ней справляется, он успевает донести до зрителя много информации, и большую роль в этом играет именно понятный и простой язык.

Но в то же время, хоть его речь и проста, она насыщена художественно-образными средствами: эпитетами, сравнениями, метафорами, буквально воспроизведёнными фразеологизмами и перефразированными («*на работу как на праздник*», «*первобытным ребятам, судя по всему, мамонт на ухо не наступал*»).

Кроме того, речь Дмитрия Крылова характеризуется прецедентностью. Ведущий использует прямые цитаты («как говорил управдом Иван Васильевич Бунша: «*“Меня терзают смутные сомнения”*»») и скрытые («*Буря! Скоро грянет буря!*»), не указывающие на персонажа, произносящего эту фразу, или автора произведения. Это характеризует его, как человека эрудированного, высокообразованного и доверяющего своей аудитории.

Не менее значительным нам видится и наличие большой доли юмора в передаче. Юмор, ирония, шутки – неизменные спутники Дмитрия Крылова. Большой объём информации даётся в незатейливой форме. Это в свою очередь и привлекает зрителя, и сближает его с ведущим, и делает передачу живой и интересной.

Достаточно часто ведущий даёт телезрителям советы. Рекомендует, на чём и как сэкономить, на что особенно обратить внимание, изучая новую местность. Автор программы не ограничивается только простыми советами о ценах, еде, транспорте. Он говорит о путешествии, как об одном из способов познания мира и о том, как лучше его познавать.

Отличает программу от остальных трэвел-передач «сидячий» рассказ о своём путешествии. В начале и в конце программы телезритель видит ведущего, который находится у себя дома. Именно там Дмитрий Крылов записывает своё приветственное и заключительное слово. В некоторых выпусках он в кадре не один, а со своими питомцами: кошкой или собаками. Это создаёт домашнюю атмосферу, не присущую ни одной другой программе о путешествиях.

Иногда в выпусках фигурируют его жена и сын. Нередко ведущий рассказывает друзьям-телезрителям о своих хобби, коллекциях, которые он собирает, страхах. Дмитрий Крылов впускает зрителя в свою частную жизнь, делится чем-то личным, и это ещё один приём выстраивания доверительных отношений с аудиторией.

Позитивный взгляд на вещи и умение создать такой же позитивный настрой у телезрителей также являются одними из основных качеств автора и ведущего «Непутёвых заметок». Мнение профессора МГУ, культуролога и путешественника Владимира Елистратова по поводу программы перекликается с нашим доводом: «Передача очень добрая...Добрый голос, правильные послылы» [Эхо Москвы 2009].

Дмитрий Крылов в одном из выпусков сказал: «*Мир бесконечно удивителен и разнообразен. Он прекрасен и ужасен одновременно, он населен умными и дураками, богатыми и бедными, добрыми и злыми. Я показываю Вам в основном красоты этого мира, людей во время отдыха, сытых, счастливых и довольных*» [Непутёвые заметки 2002]. С этим трудно поспорить. Чаще всего в передаче мы видим захватывающие дух пейзажи, красивые места и достопримечательности, уютные улочки и кафе, улыбающихся людей. Ведущий хочет создать положительное впечатление о той или иной стране, показать зрителям самое удивительное и красивое, что есть в мире, и тем

самым вызвать желание путешествовать.

По мнению известного советского и российского учёного П. С. Гуревича, телезрителю всегда интересна «личность, нестандартный человек, индивид, захваченный идеей, человек, обладающий даром общения» [Гуревич 1991: 221]. Особенно применимо это выражение для авторских программ, в которых передача и её создатель неразрывно связаны и представляют собой одно целое. Анализ экранного образа Дмитрия Крылова в его авторских «Непутёвых заметках» позволил нам уловить те личностные индивидуальные характеристики, которые привлекают зрителя и определяют стиль программы:

- 1) Приятный голос, спокойный и добродушно-вкрадчивый тон;
- 2) Принятие роли «попутчика по жизни» для телезрителя;
- 3) Отождествление себя с художником-импрессионистом, главная задача – передать атмосферу;
- 4) Одновременно и простая, и насыщенная художественно-изобразительными средствами речь;
- 5) Юмор, умение посмеяться над собой и своим невежеством в некоторых вопросах;
- 6) Желание поделиться с телезрителями советами не только материального, но и духовного плана;
- 7) Умение создать тёплую и домашнюю атмосферу, располагающую зрителя к просмотру;
- 8) Добрая и неагрессивная подача материала.

Безусловно, каждая из этих составляющих по отдельности может быть применима и по отношению к другим трэвел-журналистам. Но все вместе они представляют собой уникальную совокупность характеристик, присущих только Дмитрию Крылову.

Литература

Гуревич П.С. Приключения имиджа: Типология телевизионного образа и парадоксы его восприятия. М., 1991.

Непутёвые заметки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.1tv.ru/shows/neputevye-zametki/vypuski>. Загл. с экрана. Дата обращения 05.02.2018.

Плынов Д. «СЛОН, литература и Тибет». Интервью с автором и ведущим телепередачи «Непутёвые заметки» Дмитрием Крыловым [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://klauzura.ru/2013/09/dmitrii-plynov-slon-literatura-i-tibet-intervyu-s-avtorom-i-vedushhim-teleperedachi-neputyovye-zametki-dmitriem-krylovym-fotomaterial>. Загл. с экрана. Дата обращения: 17.02.2018.

Эхо Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/korzun/570241-echo>. Загл. с экрана. Дата обращения: 17.02.2018.

Раздел 2

Язык СМИ

А.В. Голубева (*Саратов*)

Обновление лексико-грамматической стороны фразеологического оборота на основе заголовков статей англоязычных новостных агентств

Научный руководитель – доцент И. Г. Вражнова

Фразеология – особый раздел лингвистической науки, отражающий богатство выразительных средств языка. Понимание устойчивых выражений, а также их правильное употребление в речи считаются одним из показателей совершенства речевого мастерства и высокого уровня языковой культуры.

Многие ученые как основной признак выделяют у фразеологических оборотов устойчивость, которая проявляется на разных уровнях языка: лексическом (неизменность состава), морфологическом (нельзя образовать отдельные грамматические формы), синтаксическом (нельзя изменить порядок слов).

В центре внимания при изучении преобразования фразеологизмов чаще всего оказывались изменения семантики и/или структуры фразеологизма, помещенных автором в определенный текст с определенными коммуникативными намерениями.

При использовании в стилистических целях фразеологических оборотов они выступают в авторском тексте как одно из средств, делающих речь более разнообразной и выразительной, а в речи персонажей – как одно из средств их языково-стилистической характеристики. При таком употреблении фразеологизм сохраняет значение и структуру, присущие ему в общенародном употреблении, и не несет никаких дополнительных экспрессивно-стилистических функций. Однако нередко фразеологические обороты употребляются писателями и публицистами в измененном, переоформленном или обновленном виде, с иным значением или структурой. В этих случаях

фразеологизм получает, помимо свойств, заложенных в нем самом (а иногда и вопреки им), новые экспрессивные свойства, а иногда и новое значение. Трансформация фразеологизмов чаще всего используется для создания всякого рода художественно-стилистических эффектов с помощью таких средств, как каламбуров, игры слов и т.п.

Фразеологическими трансформациями называются такие окказиональные изменения в форме и/или значении устойчивых сочетаний слов, которые позволяют сохранить единство фразеологизма, т.е. оставляют его узнаваемым. Такие изменения фразеологических единиц происходят чаще всего в результате окказионального преобразования фразеологизмов [Третьякова 2011: 14].

Материалом для данного исследования послужили публицистика, для которой важнейшей является экспрессивная функция, обуславливающая потребность публицистики в выразительных средствах. Именно в публицистике наиболее часто используются разного рода идиомы как в первоначальном, так и в трансформированном виде. Одним из важнейших элементов периодики являются заголовки статей. Заглавие текста также определяет его эффективность: маркетологи и специалисты по рекламе считают, что около восьмидесяти процентов читателей уделяют внимание только заголовкам.

Таким образом, чтобы заинтриговать и заинтересовать читателя, заголовков необходимо сделать максимально ярким и запоминающимся. В таком качестве часто используются фразеологические обороты, и в частности трансформированные, к ним публицисты прибегают с целью создания наибольшего эмоционального эффекта.

Изменения в структуре и значении фразеологических оборотов, как и образование новых языковых единиц с использованием структурно-семантических моделей уже существующих фразеологизмов или на основе входящих в их состав слов, в настоящее время находится в поле зрения многих исследователей. Одним из первых, кто описал возможные типы фразеологических трансформаций в контексте, был Н.М. Шанский. Он выделяет 9 типов трансформаций, которые он называет «приемами индивидуально-авторской обработки и употребления фразеологических оборотов» и к которым он относит наполнение фразеологического оборота новым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности, использование фразеологического оборота в качестве свободного сочетания слов, что связано с изменением его значения и грамматических слов, употребление фразеологического оборота одновременно и как фразеологизма, и как свободного сочетания слов и т.д. [Шадрин 1991: 174].

Однако в данной статье мы бы хотели остановиться на одном типе фразеологических трансформаций, а именно обновлении лексико-грамматической стороны фразеологического оборота при сохранении его значения и основной структуры. В таких случаях обновление фразеологизма заключается или в замене одного из его компонентов синонимом, или в

расширении его состава. Такой тип фразеологической трансформации был зафиксирован в следующих примерах:

The John Worboys case prompts calls to reform the parole system: Let daylight in on justice (The Economist).

Фразеологизм *let daylight through* со значением *shoot or stab a person, especially fatally* был трансформирован в *let daylight in on justice*. Здесь мы можем наблюдать не только добавление отдельных слов, но полностью изменение структуры фразеологической единицы - замена лексемы *through* на предлог *in* и добавление существительного с предлогом *on justice*. В данном примере благодаря трансформации также создается игра слов, так как в статье идет речь о реформе системы условно-досрочного освобождения.

No-platforming Richard Dawkins: how a US radio station stuck its head in the sand (The Conversation)

Фразеологизм *hide (one's) head in the sand* со значением *to avoid, or try to avoid, a particular situation by pretending that it does not exist* был преобразован в *stuck its head in the sand* заменой лексемы *hide* на *stuck* для указания на категоричность и законченность действия.

No need to cry over spilt ink ... (The Guardian)

Фразеологизм *cry over spilt milk* со значением *to be upset over something that cannot be fixed, often something minor* был трансформирован в *cry over split ink*. Здесь мы можем наблюдать замену лексемы *milk* на *ink*, что опять же является причиной образования игры слов, так как в статье рассказал случай про свадебное белое платье и разлитые на нем чернила.

Let it hang: this is the era of awesome earrings (The Guardian)

В данном примере мы видим трансформацию фразеологической единицы *let it be* со значением *to not interact with or bother someone or interfere with something; to leave someone or something alone* в вариант *let it hang*. Замена лексемы *be* на *hang* создает игру слов, так как в статье речь идет о серьгах.

In the blink of a Hawk-Eye, cricket has changed for ever (The Guardian)

В данном примере мы можем наблюдать трансформацию фразеологической единицы *in the blink of an eye* со значением *so quickly as to seem almost imperceptible* в *in the blink of a Hawk-eye*. *Hawk-Eye* является программно-аппаратным комплексом, моделирующим траекторию игрового снаряда, и таким образом с помощью замены лексемы *eye* на *Hawk-Eye* автор создал игру слов, так как он в статье говорит о новом эре в истории крикета из-за появления данной системы.

Иногда чтобы понять смысл произведенной трансформации необходимо не только знания языка, но и понимание современной политически-экономической ситуации.

At the sharp end: How China's «sharp power» is muting criticism abroad (The Economist)

Во фразеологизме *at a dead end* со значением *at an impasse; at a point where no more progress is possible* произошла замена лексемы *dead* контекстным

синонимом *sharp*, из-за чего происходит игра слов. Новый термин в области политологии *sharp power* («острая сила») означает силу, опирающуюся на «диверсии, запугивание и давление, которые совместно стимулируют самоцензуру», она помогает авторитарным режимам контролировать поведение внутри государства и манипулировать мнением за рубежом. Обычно термины «мягкая сила» и «острая сила» относятся к Китаю и его политическому устройству, о которых идет речь в статье.

Snakes' heads and dragons' tails (The Economist)

Здесь мы можем наблюдать трансформацию фразеологизма *heads or tails* со значением *the face of a coin or the other side of a coin* - в состав данного фразеологизма были добавлены новые лексемы, а именно *snakes* и *dragons*. В статье речь идет о непростой ситуации на Корейском полуострове, так как по утверждению автора, «*it is not easy being a Korean, north or south. But at least southerners are free to redefine their dreams*». Это противопоставление Южной и Северной Кореи автор выносит в заголовок статьи, используя при этом традиционные метафорические номинации этих двух стран. Как известно, Южная Корея относится к ряду экономик (вместе с Сингапуром, Гонконгом и Тайванем), которые в экономической литературе получили название «Четыре азиатских малых дракона», так как они демонстрировали очень высокие темпы экономического роста с начала 60-х до финансового кризиса 90-х гг. прошлого века. Северная Корея же традиционно ассоциируется в англоязычной прессе со змеей. Именно это и отражено в трансформированной идиоме в заголовке данной статьи.

Таким образом, мы видим, что журналисты прибегают к разным способам при трансформации фразеологизмов для достижения разного эмоционального эффекта. Основной целью трансформации является, как правило, собственно смысловое уточнение как таковое для расширения изначального значения фразеологического оборота, привнесения большого количества дополнительных деталей и смысловых пластов и аллюзий. Именно это и приводит также к усилению эмоциональности и экспрессивности и к созданию иронического эффекта.

Литература

- Третьякова И.Ю. Оказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011.
 Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / под ред. Ю.М. Скребнева. Саратов, 1991.

Е.В. Измайлова (Саратов)

Неудачные заголовки в прессе

Научный руководитель – профессор М.А. Кормилицына

Изменения, происходящие в жизни современного общества, в первую очередь находят отражение на страницах газет. В многочисленных

лингвистических работах, посвященных анализу языка и стиля средств массовой информации, исследователи отмечают интерес к использованию ПФ.

Дадим определение понятию прецедентный феномен. ПФ – это текст, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, обращение к которому возобновляется неоднократно [Караулов 1982].

Чаще всего ПФ находятся в заголовке, так как он является «одним из элементов формальной, композиционной, смысловой организацией текста» [Чигирина 1986]. Позиция в заголовке усиливает экспрессивность ПФ и привносит в него дополнительные оттенки смысла.

Многие исследователи (например: [Виноградов 1999, Драпалюк 2010, Уздинская 2007] и др.) называют основные функции заголовка: информативную, графически-выделительную, прагматическую (оказывает экспрессивное и интеллектуальное воздействие на адресата), рекламную и др.

Социальная ситуативность журналистских текстов подталкивает авторов к созданию необычных и в тоже время узнаваемых заголовков [Матвеева 1990]. Иногда авторы статей используют не совсем удачные заголовки, которые впоследствии могут вызвать недоверие к материалу среди читателей и подорвать авторитет журналиста и даже издания.

Изучая речь современных в средствах массовой информации, важно понять, какие типичные недочеты встречаются в заголовках газет. Вслед за исследователем Е.В. Уздинской [Уздинская 2007], мы выделяем основные и самые распространенные группы неудачных заголовков на материале трех электронных газет (250): «Культура» («К»), «Литературная Россия» (ЛР) и «Литературная газета» (ЛГ).

Самыми распространенными оказались **заголовки с ТПФ, не соответствующие содержанию текста**. Примеров подобного рода в газетах много. В статье «*Заводные апельсины*» (К 21.06.16) говорится о премьере спектакля в музыкальном театре «Любовь к трем апельсинам». Автор отсылает нас к роману Энтони Берджеса «Заводной апельсин». На наш взгляд, выбор заголовка, кроме сходства в названии, ничем не мотивирован, так как далее из статьи видно, что сюжет произведения и пьесы абсолютно разные.

Нередко автор в заголовке делает акцент только на одной части статьи, и, как правило, второстепенной. В статье «*Красавица и чудовища*» (К 19.10.17) говорится о международном фестивале современного танца, который показал стартовую серию спектаклей. Одним из них был спектакль, в котором постановщики опираются на сюжет из древней национальной легенды «*о девушках-оборотнях – хранительницах тайн, оберегаемых от окружающих*» (К 19.10.17). Так автор своим заголовком отразил не основную тему статьи (организация фестиваля), а сделал акцент на одном понравившемся ему спектакле. В другой статье «*Когда у стен есть уши*» (К 09.01.17) говорится о том, как в Миассе открыли памятник пельменю возле Дома купца Смирнова, дом отреставрировали и впоследствии сделали в нем

кафе. В ходе восстановления здания горожанами выдвигалось много разных версий, по поводу того, что будет в полузаброшенном доме, но чаще всего они были основаны на слухах. Заголовок подобран неудачно, так как непонятно, на какой информации автор решил сделать акцент в своей статье.

Частое использование ПФ, которые превратились в **штампы и клише** не усиливает, а снижает его выразительность в заголовке. Многочисленные заголовки из распространенного крылатого выражения произведения С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев»: «*Сносить нельзя ремонтировать*» (ЛГ 07.03.17), «*Воздвигнуть нельзя перенести*» (ЛГ 24.06.16), «*Переименовать нельзя оставить*» (ЛГ 28.10.16), «*Копать нельзя бездействовать*» (ЛГ 29.06.16). ПФ из советского фильма «Офицеры»: «*Есть такая профессия – лес охранять*» (К 14.09.17), «*Есть такая профессия – Родину утешать*» (К 15.05.17), «*Нет такой профессии – детей защищать*» (К 20.06.16). ПФ из романа М.Ю. Лермонтова: «*Адеррол или героиня нашего времени*» (ЛР 02.02.18), «*Где вы, герои нашего времени?*» (ЛР 15.12.17) и многие другие известные ПИ и ПВ.

На наш взгляд, использование журналистами известных и растиражированных ПФ в заголовках, говорит о том, что авторы не считают нужным приложить больше усилий и времени на то, чтобы создать необычный и в то же время интересный заголовок для своей статьи.

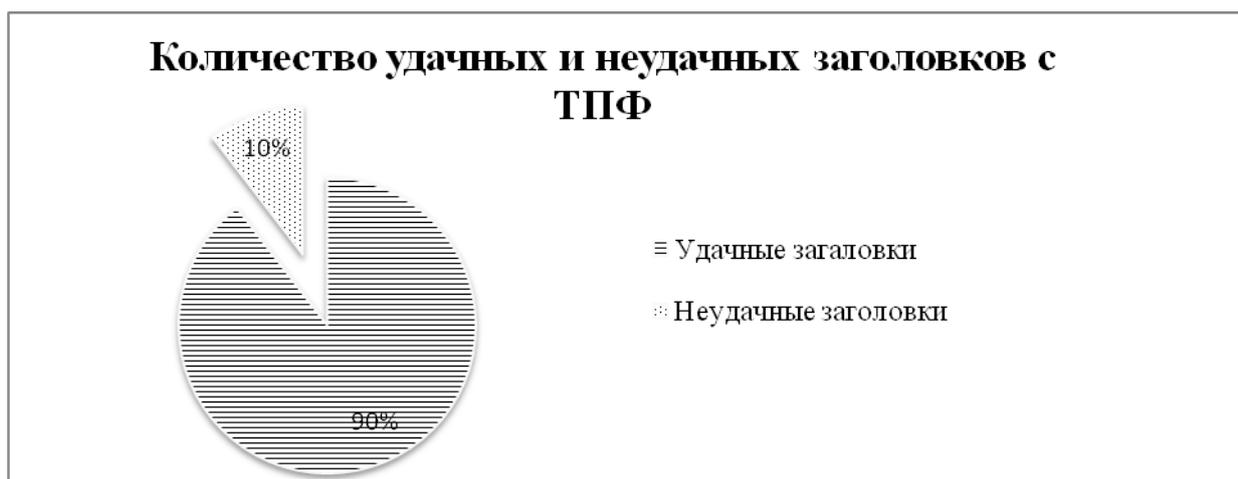
Иногда журналисты, чтобы добавить экспрессии и заинтриговать читателя, трансформируют ПФ в заголовках. Увлекаясь изменением, авторы могут **нарушить этические нормы**. Например, в статье «*Инвалид из Сан-Франциско*» (ЛГ 02.11.16) говорится о случайной встрече с русским человеком за рубежом. В ходе беседы разговор переходит на политическую тему. Но автор не опускает подробность о том, что собеседник неизлечимо болен, хотя к самому разговору и к статье это никак не относится. В другой статье «*Скольжение по мукам*» (К 01.03.18) название отсылает к заглавию романа А. Толстого «*Хождение по мукам*», и адресат ожидает рассказ о тяжелых испытаниях, которые пришлось перенести герою. Однако речь в статье идет о спортивной драме по мотивам биографии двукратного параолимпийского чемпиона, горнолыжника Алексея Мошкина. В заголовке неудачно подобрана лексема «скольжение» (на лыжах катаются или ходят), также автор нарушает этические нормы, оскорбляет параолимпийца.

Нарушение этических норм может произойти через обыгрывание фамилии и имен известных лиц, к примеру, в статье «*По ком бомбит Бом?*» (К 24.06.16). *Независимый американский журналист Майкл Бом живет на российском телевидении. Да, именно такое впечатление складывается, когда наблюдаешь за ним, кочующим из ток-шоу в ток-шоу, видимо, оставляя вне видимости камеры раскладушку, на которой он и ночует где-то в коридорах Останкино* (К 24.06.16). ПТ взят из романа Эрнеста Хемингуэя «*По ком звонит колокол*». Автор статьи с помощью компрессии (в данном случае совпадение фамилии Майкла Бомы и части глагола «бомбит») трансформирует ПТ. Журналист смеется над коллегой и его постоянным присутствием на

телевидении. В другой статье «*Раз Шаинский – будет песенка*» (К 27.12.17) с помощью включения ПИ в ПВ из детской песни композитора автор придал заголовку веселую и шутливую тональность, хотя далее в тексте говорится о том, что на 93-м году скончался Владимир Шаинский, один из самых выдающихся российских композиторов. На его песнях выросло не одно поколение. Журналист неоправданно трансформировал ПВ в надежде заинтриговать читателя, но в данном случае скорее нарушил этические нормы.

Из всего исследуемого материала можно выделить единичные примеры создания неудачных заголовков с нарушением эстетических норм. В них использованы жаргонизмы или даже грубая, бранная лексика. Например, в заголовке «*Наши „Титаник“ прет на айсберг*» (ЛГ 05.07.17) используется лексема «*прет*» – грубая неодобрительная просторечная форма глагола «идти». Включение таких слов в заголовок снижает их воздействие на читателя.

В заголовках с ТПФ нарушаются коммуникативные нормы. ПФ понятны лишь из всего текста статьи. Например, в заголовке статьи «*Унесенные ветром перемен*» (ЛГ 03.08.16) использован ТПФ. Автор рассказывает, как 25 лет назад в советском союзе начались изменения. Автор отсылает нас к песне Виктора Цоя «Мы ждем перемен», так как тема «ожидания перемен в стране» сходна с мотивом из песни. Заголовок подобран неудачно, так как адресат, прочитав его, может мысленно провести отсылку к известному роману Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» и тем самым неправильно интерпретировать текст статьи.

Таким образом, из всего анализированного мной материала 10 % составили неудачные заголовки, поэтому можно говорить о том, что журналисты всех трех газет редко допускают ошибки в создании заголовка с ТПФ. Чаще всего заголовок становится неудачным, когда автор неуместно и бестактно выражает ироническое отношение к героям или событиям, описанным в статье. Авторы могут также сделать в заголовке акцент на второстепенной информации в тексте, опуская главную мысль, так как считают эту часть материала интереснее для прочтения. Такой прием может не привлечь внимание адресата, который ищет определенную информацию в газете. Часто

авторы используют клишированные ПФ и таким образом снижают экспрессивность заголовка.

Неуместное, неправильное употребление ТПФ, а также использование их с целью пустого украшения заголовка может привести не к обогащению, а коммуникативному и стилистическому обеднению статьи. Следовательно, журналист должен тщательно продумывать использование того или иного ТПФ в своем тексте.

Литература

Виноградов С.И. Культура русской речи. М., 1999.

Драпалюк А.С. Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.

Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М., 1986.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.

Уздниская Е.В. Неудачные заголовки в современных печатных изданиях // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2007. Вып. 7.

Е.Ю. Лебединская (Саратов)

Провокация как коммуникативная цель общения в современном медиадискурсе (на материале телепередачи Е. Додолева «Правда 24»)

Научный руководитель – доцент Г.С. Куликова

Феномен речевой провокации становится предметом исследований как лингвистов, так и представителей смежных гуманитарных наук, которые разделяются во взглядах на это явление, наделяя данный термин нейтральным, положительным и негативным смыслом. Так, в широком (нейтральном) смысле – как стремление субъекта передать определенное психологическое состояние собеседнику трактуют провокацию Б.Ю. Норман и В.Н. Степанов [Норман 1994; Степанов 2003]. Как явление положительное и состоящее в конфликте интересов или картин мира рассматривают речевую провокацию Т.Н. Шеметова и А.М. Дружинин [Дружинин 2005; Шеметова 2014]. С точки зрения Е.Н. Зарецкой, речевая провокация приобретает негативный характер только в том случае, если коммуникант не желает сообщать запрашиваемую информацию [Зарецкая 1998].

В данном исследовании мы будем апеллировать к определению О.С. Иссерс, по мнению которой речевая провокация в первую очередь направлена на получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо на дестабилизацию его эмоционального состояния [Иссерс 2009]. Характерные признаки речевой провокации – это преднамеренность, осознанность данного поведения и негативный характер последствий для адресата.

Речевая провокация успешно реализуется в жанре интервью. Целями

интервьюера-провокатора являются намерения изменить коммуникативный план партнера, принудить собеседника к резкому ответу, показать его «истинное лицо», заставить выйти за рамки созданного образа [Иссерс 2009]. По нашему мнению, именно такие коммуникативные цели ставит перед собой ведущий авторской телепрограммы в жанре интервью «Правда 24» Евгений Юрьевич Додолев. Данная телепередача выходит на канале «Москва 24» с 2012 г., транслируется в прямом эфире, её хронометраж составляет 24 минуты. «Правда 24» сочетает в себе характеристики информативного и портретного интервью, т.к. поводом для общения является конкретное событие в жизни знаменитого человека, а целью ведущего – максимально раскрыть личность интервьюируемого [Сахнова 2013]. Кирилл Разлогов, характеризуя программу «Правда 24» как провокационную, замечает, что ведущий «не боится выставить себя и своих гостей в неблагоприятном свете, щадя лишь постоянно присутствующих в студии кошек».

Причины выбора интервьюером речевой провокации как основного журналистского приема, на наш взгляд, кроются в его биографии. Додолев был одним из самых известных журналистов Перестройки: ведущий программы «Взгляд», сотрудник изданий «Совершенно секретно» и «Московский комсомолец». Евгений поднимал в своих материалах темы, которые в то время было не принято затрагивать в массмедиа. Скандальную известность журналист снискал после публикации очерка «Белый танец» о валютной проституции в СССР.

Цель данного исследования – показать, как использование речевой провокации становится специфическим приемом журналиста, способствует наиболее успешному достижению коммуникативных целей интервьюера-провокатора и с какими коммуникативными рисками может быть сопряжено.

Продемонстрируем, как некоторые тактики провокационной речевой стратегии Додолев реализует в телепередаче «Правда 24».

Речевая тактика комплимента использована Додолевым в интервью с Андреем Кончаловским. Ведущий задал режиссёру вопрос: *Для меня стало неожиданностью, почему великий Кончаловский вдруг ушёл из кино в театр?* Кончаловский отвечает довольно резко: *Это для вас вдруг, потому что вы необразованный.* Режиссёр известен своенравным характером, и данная реакция демонстрирует желание гостя проверить ведущего на прочность. Додолев соглашается с условиями начатой гостем игры, что выражено в ответной реплике ведущего: *Так, принимается* и его последующей фразе: *Еще один глупый журналистский вопрос. Почему Италия?*

Примером речевой тактики обвинения чужими устами является провокационный вопрос Додолева, адресованный Леониду Ярмольнику: *Я читал в интервью одного фотографа, что Абдулов и Ярмольник снимались «ню», потому что им не хватало на колбасу.* Тактика была реализована успешно, поскольку актёр откровенно рассказал журналисту об этом нескромном эпизоде из своего прошлого.

Пример использования речевой тактики косвенного обвинения мы находим в интервью Додолева с Виктором Сухоруковым. Ведущий задаёт актёру вопрос: *Вы из себя фонтанирующего, харизматичного оптимиста строите?*, на который Сухоруков уверенно отвечает, что *харизму сыграть нельзя*. На этих словах Додолев не без удовольствия восклицает: *Точно. Правильно. Вот вы молодец. Вот я вас провоцирую. Отлично*. Цель журналиста – завуалированно упрекнуть актёра в неискренности. Последняя реплика демонстрирует, что Додолеву импонирует пронизательность гостя, который сумел распознать его провокационные интенции и эффектно их парировать. При этом интервьюеру не удалось вызвать у актёра раздражение и в этом нестабильном эмоциональном состоянии спровоцировать его на опрометчивую, необдуманную реакцию. Результат реализации данной тактики можно считать коммуникативным поражением ведущего, поскольку Додолев не смог вывести актёра из зоны комфорта и разрушить его образ «оптимиста».

Выделим следующие особенности актуализации Додолевым речевой провокации в рамках телепрограммы «Правда 24».

Во-первых, журналист внимательно подмечает детали вербального и невербального поведения героев передачи и интерпретирует их таким образом, чтобы поставить гостя в затруднительное положение, смутить или сбить с толку. Примером данной особенности служит реплика Додолева, адресованная Вадиму Демчогу: *Вы знаете, конечно, что такое оговорка по Фрейду. А вы считаете, что бывает жестикуляция по Фрейду? Мне просто показалось, что вы мне средний палец сейчас показали*. Актёр, несколько сконфузившись, заулыбался, что поколебало его образ («маску») «ироничного провокатора», которого он неуклонно придерживался весь выпуск.

Во-вторых, программа «Правда 24» активно проводит из выпуска в выпуск благотворительную акцию по пристраиванию среди зрителей бездомных котят из питомников. Ход неоднозначный. В одних случаях это располагает гостя к более искреннему общению, с другой стороны – поведение животного сложно прогнозировать, что может стать отвлекающим и раздражающим фактором.

Провокационная речевая стратегия считается одной из самых рискогенных, т.к. она рассчитана не на взвешенный ответ, а на эмоциональную реакцию, что может приводить к конфликтам. Поэтому важно разграничивать речевую провокацию как коммуникативный сбой, сознательно организованный говорящим, и коммуникативную неудачу как нежелательное для адресанта нарушение процесса общения [Иссерс 2009].

Примером коммуникативной неудачи служит выпуск с Михаилом Идовым. Вероятно, целью Додолева-провокатора в данном интервью было намерение разоблачить Идова как одного из самых непрофессиональных главных редакторов за всю историю журнала «GQ». Интервьюер активно использовал речевую тактику выражения недоверия и насмешки, прямого и косвенного обвинения. Он уличил гостя в отсутствии базовых знаний, необходимых

редактору: Идов не смог назвать тираж своего журнала, заявил, что не имеет понятия, что такое «Gallup Media» и т.д. Данными действиями журналист спровоцировал агрессивную реакцию героя, и, подражая стратегии Додолева, Идов начал использовать те же самые провокационные тактики. В итоге общение дошло до абсурдного: Додолев поинтересовался, каким видом спорта занимается гость, на что Идов ответил: *Это особый спорт, который я изобрёл, он называется «метание штанги»*. Додолев указал гостю на то, что распознал в его словах насмешку: *Сейчас наступил какой-то момент троллинга*. Идов продолжил наступление, реализуя тактику косвенного обвинения, цель которой – ответное уличение в некомпетентности, но уже интервьюера: *Всерьёз сложно воспринимать то, что вы сейчас делаете*. В какой-то момент Додолев попытался спасти хотя бы последние минуты интервью, используя тактику комплимента, но гость не был готов к конструктивному диалогу, и тактика не принесла ожидаемых результатов. В финале выпуска Додолев признал произошедшую коммуникативную неудачу «своей ошибкой».

Используя данный материал, мы продемонстрировали специфику речевой провокации Евгения Додолева в программе «Правда 24»: с помощью каких коммуникативных тактик и приемов она реализуется, к каким результатам может приводить и как её преподносит данный интервьюер. Наши наблюдения подтверждают мысль, что провокационная стратегия является одной из самых сложных и неоднозначных в аспекте реализации, но при этой «эффектной и эффективной», как замечает Иссерс, и способной стать профессиональным приёмом журналиста в успешном достижении коммуникативных целей.

Литература

- Дружинин А.М.* Коммуникативные практики. Философско-методологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.
- Зарецкая Е.Н.* Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М., 1998.
- Иссерс О.С.* Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18).
- Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб., 1994.
- Сахнова Е.Б.* Жанр интервью и его модификации // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 4.
- Степанов В.Н.* Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 6. № 2.
- Шеметова Т.Н.* Провокация как метод в современной журналистике: мысли по поводу // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. Т. 6.

А.И. Нуриева (Саратов)

Прецедентные феномены в речи футбольного комментатора

Научный руководитель – профессор В.В. Дементьев

Спорт всегда являлся неотъемлемой частью нашего общества, из года в год в России проводятся все больше спортивных состязаний и турниров как на

государственном уровне, так и в мировом масштабе. Шквал эмоций и накал страстей, выверенные тактики и стратегии, интрига и непредсказуемость вызывают интерес и любовь зрителей. Футбол – один из самых популярных видов спорта в мире, и в 2018 г. в России прошел Чемпионат Мира. Во время просмотров матчей зрителей всегда сопровождают комментаторы, в чьей речи нередко используется языковая игра, чтобы развеселить и заинтересовать аудиторию, «скрасить» информативный текст. В частности, используются прецедентные феномены, которые играют немаловажную роль в речевом воздействии.

Согласно определению, приведенному в Лингвистическом энциклопедическом словаре (цит. по: [Слышкин 2000: 28]), под прецедентным текстом понимается любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Текст любой длины может являться прецедентным, будь то пословица или же эпос.

Прецедентные тексты делятся на типы по следующим основаниям:

1) Речевая опосредованность – вербальные и вербально-невербальные (Ю.Н. Караулов).

Вербальный: *Такая боль в глазах человека. Какая боль* (Комментатор поет при счете 5:0).

Невербальный: в матче Аргентина – Ямайка комментатор включил песню группы Чайф «Аргентина – Ямайка 5:0».

Очевидно, что вербальные прецедентные тексты являются доминантными в речи комментатора, использование вербально-невербальных ПТ имеет единичный характер.

2) Род прецедента: текст, высказывание, имя, ситуация (Д.Б. Гудков).

- С **текстом** знаком любой среднестатистический член лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу входит инвариант его восприятия, к нему многократно обращаются в процессе коммуникации с помощью символов и высказываний. Например:

В астрономии есть такое явление, когда самые яркие планеты нашей солнечной системы находятся в небольшом секторе небосвода, на небольшом участке. И в этом случае их очень удобно наблюдать с Земли, красиво и эффектно. Астрономы называют такое явление «большим парадом планет». Когда наблюдаешь парад планет» и при наблюдении с Земли диски двух планет сходятся, это так называемое соединение планет. Соединения бывают нечасто, например, соединение самых крупных планет солнечной системы – Юпитера и Сатурна – происходят, ну, раз в 20 лет, а близкие соединения и того реже – с паузой лет в 60. Следующее будет в 2020 г., а потом только в 2080. Это, на самом деле, величайшее событие, и увидеть такое событие своими глазами – большое везение. И то же самое мы будем смотреть сейчас, то же самое мы увидим сегодня. ... В эфире нашего телеканала «большой футбольный парад планет»!

- **Высказывание** является результатом речемыслительной деятельности; законченной и самодостаточной единицей языка; комплексным знаком, где

сумма его значение неэквивалентна смыслу. К прецедентным высказываниям также можно отнести цитаты и пословицы. Например:

Увы и ах, атака на ворота сборной России!;

Ну за лицо-то что, ну по руке ударили(смеется), но схватился за лицо! Уэф, ты когда-нибудь видел, чтобы такой маленький пацак был таким меркантильным кю?;

Болеешь за команду – надо пить до дна чашу;

Ну, бельгийцы пока острее, чего греха таить.

- **Прецедентное имя** понимается как индивидуальное имя, относящееся либо к широко известному тексту, которое, как правило, являющийся прецедентным, либо к прецедентной ситуации, известной носителям языка. Прецедентное имя – лингвокультурологическая единица, обладающая экспрессивной, символической, коннотативной функциями, она способна передавать культурную информацию [Красных 2002: 57]. Например:

Вообще, согласитесь, неплохо, когда ты в стране, известной главным образом природой, известным напитком и пиратами, иметь фамилию Морган. Можно Флинт еще, это круче, Джон Сильвер, Черная Борода;

Пришел домой, попробовал борщ и говоришь: «Ну у тебя сегодня борщ-просто Месси!» или наоборот: «Ну сегодня не очень, в лучшем случае-Игуаин.

- **Ситуация** является прецедентной, если она считается эталонной, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в КБ. Например:

Если бы Сунига не коленями прыгнул, а, не знаю, подбежал и укусил Неймара за ягодичные мышцы, наверное, он бы получил огромную дисквалификацию. А так, ну скорее всего, отделается извинениями в стиле детского сада «я не хотел», «я не специально»;

Поражение от Уругвая, то самое в 50-ом году, известно у бразильцев как Мараканасо. Это в общем трагедия бразильского футбола. Но если бразильцы сейчас не начнут творить чудеса, то мы сегодня увидим, не знаю, Минеаранасу или как это называть?

Используя **фразеологизмы**, устойчивые **сочетания** или же **цитаты/чужие высказывания**, комментатор добавляет эмоциональную окраску и зачастую выражает свое мнение либо отношение к ситуации.

3) В.В. Красных распределяет прецедентные тексты по масштабу принадлежности: универсально-прецедентные, известные любому современному индивиду; социумно-прецедентные, которые известны любому среднему представителю того или иного социума; национально-прецедентные, которые известны любому представителю определенного лингвокультурного сообщества. Следует исключить лишь индивидуальные прецедентные тексты.

Примеры универсально-прецедентных ПТ:

Как говорили в великом американском фильме «Форест Гамп»: «Shit happens». Бывает всякое;

На Кокорина! Тяжеловато опять-таки. Роман Толкиена «Властелин

колец», книга «Две башины» перед Кокориным – Компани и Ван Бейтен.

Примеры национально-прецедентных ПТ:

Поражение от Уругвая, то самое в 50-ом году, известно у бразильцев как Мараканасо. Это в общем трагедия бразильского футбола. Но если бразильцы сейчас не начнут творить чудеса, то мы сегодня увидим, не знаю, Минеаранасу или как это называть?;

Марк Борц ему помогает. Ну... в Борца, в человека с такой фамилией, мы верим, что на фланге он отработает как следует!;

И как говорят сами французы, то ли шутят, то ли всерьез: «зачем проводить турниры, если их не выигрывать.»

Примеры социумно-прецедентных ПТ:

Регги бойз. вы, конечно, в курсе, что так называют сборную Ямайки;

А то, что Куртуа – замечательный голкипер, ну для кого это в принципе новость. А если для вас новость, больше смотрите футбол.

Следует отметить, что частотность используемых Стогниенко ПТ зависит от играющих команд: если это матч сборной России, то характерно использование национально-прецедентных текстов, в матчах иностранных сборных чаще встречаются универсально-прецедентные тексты, а социумно-прецедентные тексты, в свою очередь, встречаются повсеместно независимо от играющих команд, так как чаще всего комментатор обращается к группе людей, смотрящих футбол и разбирающихся в данном виде спорта.

4) Н.А. Кузьмина выделяет также типы ПТ на основе принципа устойчивости, то есть степени закрепленности в языковом сознании: «сильные» и «ключевые для текущего момента».

Сильные: Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. А вместо этого сборная Россия выходит на свой второй матч, который проходит на ЧМ в Бразилии.

Ключевые для текущего момента: Как сейчас пишут молодые люди в интернете: «Я хочу развидеть это просто!»

5) Тип обращения к претексту (упоминание, прямая цитация, квазицитация, аллюзия и продолжение) (Г.Г. Слышкин).

Упоминание: Мне не хочется вспоминать ЭТУ САМУЮ первую игру.

Прямая цитация:

Как говорил МакМерфи в романе пролетая над гнездом кукушки, «я хотя бы попытался (О неудачном отборе мяча игроком сборной России);

Несколько неплохих атак, завершившихся ударами, и пару контр-выпадов. В пассиве бельгийцы лучше. Острее, конечно же. А с Мертенсем не справляемся. Как говорил Остап Бендер в «Васюках»: «бездефицитный баланс

подвести трудно». Но попробуем.

Квазицитация – воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в умышленно измененном виде:

Звали молодого человека Месут Озил. Из всей своей биографии, однако, обыкновенно он сообщал только одно: «Мой папа, – говорил он, – был турецко-подданный;

Помните это, болельщики? Как писал великий Булгаков, «по глазам вижу, что помните;

Прием аллюзии состоит в соотнесении предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, т.е. на содержательном уровне [Слышкин 2000: 41]. Например: *Вы это помните все, конечно, прекрасно помните; Такая боль в глазах человека. Какая боль.*

При продолжении говорящий создает свой собственный текст в придуманном мире, который известен носителям языка и культура по произведениям, фольклору песням:

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. А вместо этого сборная Россия выходит на свой второй матч, который проходит на ЧМ в Бразилии.

Аллюзию Стогниенко применяет меньше всего, так как это самый сложный вид реминисценции. Наиболее часто употребляемыми приемами являются прямая цитация и квазицитация, что о говорит о том, что комментатор перед матчем выписывает данные высказывания и «подстраиает» под определенную ситуацию.

Также был проведен опрос (в опросе принимало участие 50 человек), определяющий отношение аудитории к использованию комментаторами прецедентных текстов. Большая часть людей относится к этому положительно. Опрошенные считают, что это интересно, если не контрастирует с событиями матча и не отвлекает от просмотра игры. Далее был задан вопрос, в котором предлагалось отдать предпочтение одному из комментаторов: В. Стогниенко, К. Геничу, Ю. Розанову. В результате 59 % голосовавших проголосовало за Владимира Стогниенко, объяснив это тем, что данный комментатор умеет интересно преподать информацию, дает дополнительные сведения, его речь насыщена разнообразными культурологическими и историческими отсылками, что говорит о его эрудированности. Комментатор определенно умеет не только заинтересовать зрителя, но и построить определенный контакт с ним, что является одной из важнейших задач.

В результате анализа комментаторской речи Владимира Стогниенко мы

пришли к выводу, что прецедентные тексты не только насыщают текст, но и заинтересовывают читателя, обучают и прививают определенный взгляд на спорт (и не только). Особенностью данного комментатора является также то, что он использует прецедентные тексты, присущие не только русской культуре, но и иностранной. Таким образом, прецедентные тексты в комментаторской речи играют важную роль и являются неотъемлемой частью репортажа.

Литература

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

А.В. Первакова (*Саратов*)

Основные способы перевода фразеологических единиц (на примере перевода статей англоязычных СМИ, представленных на сайтах русскоязычных новостных агентств)

Научный руководитель – доцент И.Г. Вразнова

Английский язык имеет богатую многовековую историю. За время существования в нем зародилось и накопилось большое количество выражений, которые люди нашли удачными, меткими и красивыми. Таким образом и возник особый слой языка – фразеология, совокупность устойчивых выражений, имеющих самостоятельное значение.

Хорошее знание языка, в том числе и английского, невозможно без знания его фразеологии. Знание фразеологии чрезвычайно облегчает чтение как публицистической, так и художественной литературы. Уместное использование фразеологизмов делает речь более образной, эмоциональной и меткой, в какой-то степени даже «оживляет» материал.

Таким образом, объектом данного исследования явилась фразеология английского и русского языков, предметом – особенности перевода фразеологических единиц англоязычной публицистики на русский язык, то есть изучению проблем перевода фразеологических единиц в текстах английских средств массовой информации, исследованию приемов и методов перевода фразеологизмов в текстах современной английской прессы на русский язык.

Фразеологизмы в английской публицистике играют важную роль, выполняя ряд функций воздействия, среди которых можно выделить: волеуправляющую или прагматическую, экспрессивную и эмотивную.

Главная цель перевода – достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности – умело произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключенную в тексте оригинала при

соблюдении соответствующих норм переводящего языка. Для достижения адекватного перевода, по мнению отечественного лингвиста Н.Л. Шадрина, в некоторых случаях необходимо синтетическое воспроизведение идейно-художественных особенностей оригинала в их единой семантико-стилистической функции [Шадрин 1991: 12].

В теории перевода существуют различные приемы и методы, позволяющие добиться полноценности перевода фразеологизмов в текстах английских СМИ.

В статье о переводе фразеологических единиц крупнейший отечественный лингвист Александр Владимирович Кунин делит фразеологизмы на два вида:

- имеющие эквиваленты в русском языке
- без эквивалентные [Кунин 1964: 3].

Фразеологические эквиваленты Александр Владимирович, в свою очередь, делит на три подвида: полные, частичные, кальки [Там же: 7].

Данное теоретическое положение можно проиллюстрировать следующим примером. Возьмем такой часто используемый фразеологизм, как *lost in a book* и рассмотрим три разных случая его перевода на русский язык:

- *It's the type of action that helps readers get lost in a book.*
- *Это тот «экиш», из-за которого читатель погружается в книгу с головой.*

В первом случае, перевод идиомы совершается с помощью частичного фразеологического аналога, близкого оригиналу по своей семантике и внутренней форме.

- *Or, what happens to your brain when you're lost in a book. (the title)*
- *Неврология «Гарри Поттера» или что происходит с вашим мозгом, когда вы увлечены книгой.*

Во втором случае, при переводе аналогичной фразеологической единицы, образность совершенно теряется, так как в языке перевода используется нефразеологическое свободное сочетание слов, сходное по смыслу. Такой способ перевода можно отнести к нефразеологическому или лексическому переводу.

- *As expected, the fearful passages received significantly higher ratings for immersion than the neutral ones—more likely to get readers lost in the book.*
- *Как и ожидалось, страшные отрывки получили значительно более высокие оценки в рейтинге увлекательности, нежели нейтральные. Получается, что у них больше шансов заставить читателя потеряться в книге.*

В последнем примере, образность сохраняется, однако, способ перевода отличается от двух предыдущих. Этот случай является иллюстрацией фразеологической кальки или дословного перевода.

Сделав краткий обзор всех приемов возможного перевода фразеологизмов, мне бы хотелось бы остановиться на одном из них несколько подробнее, а именно на переводе при помощи частичных эквивалентов. Так как на мой взгляд такой способ является наиболее распространенным в

переводческой среде – фразеологическим эквивалентам.

Частичный фразеологический эквивалент представляет собой тип переводческого соответствия, в котором значение фразеологизма на ПЯ адекватно значению фразеологизма ИЯ, но по образной основе, метафоричности отличается от него:

- *He abhorred cruelty and made mincemeat of propaganda.*
- *Он ненавидел жестокость и разносил в пух и прах пропаганду.*

Данный пример может служить отличной иллюстрацией для наглядного представления механизма использования фразеологических аналогов. В русском языке не существует полного эквивалента английскому фразеологизму *to make mincemeat of smth or smbd.* В тоже время наиболее близкими по значению являются фразеологизмы: *превратить кого-л. в котлету; оставить мокрое место от кого-л., разносить в пух и прах, сметь с лица земли, стереть/разнести в пух и прах.* Однако наиболее близкий по внутренней форме фразеологизм превратить кого-л. в котлету мало соответствует нейтральному публицистическому стилю, поэтому выбор переводчиком варианта разносить в пух и прах представляется вполне удачным, так как подходит по всем параметрам, в том числе и слову, к которому он относится – существительному «пропаганда».

- *In my favorite moment, she invokes a cliché: "I really don't want to watch American literature get sold down the river."*

- *Мой любимый момент, это когда она использует клише: «Я не хочу, чтобы американскую литературу с потрохами продавали в рабство».*

В случае использования английской идиомы *to sell smb. down the river* – мы находим следующие определения в словаре: а) *амер. ист. продать на Юг (рабов); продать в рабство; б) сл. предать кого-л.; отдать в руки врагов, продать с потрохами.* В данном случае переводчик соединяет два варианта фразеологического перевода английской идиомы, добавляя тем самым экспрессии и образности высказыванию.

- *To this day, no one has a clear estimate of how many Soviet people fell victim to the massive waves of political purges that rocked the Stalin era, tearing families and whole communities apart, and leaving scars that have not healed.*

- *По сей день нет точных данных о том, сколько советских граждан пали жертвами политических репрессий, которые уничтожали семьи и целые общины, оставляя после себя раны, которые не зажили до сих пор.*

В некоторых случаях, переводчики прибегают к использованию фразеологических аналогов, даже если в языке перевода есть полный фразеологический эквивалент переводимой единицы.

- *The American Dream on Thin Ice.*
- *Американская мечта на краю пропасти.*

В русском языке есть идиома идти по тонкому льду, однако в данном случае предикат идти не может быть употреблен в сочетании с подлежащим американская мечта. Поэтому переводчик предпочел воспользоваться фразеологическим аналогом на краю пропасти, который и по своей семантике, и

по эмоциональной нагрузке соответствует оригиналу.

- *At that point, it looked as if Prime Minister Netanyahu was prepared to escalate his campaign against the Iranian presence on Syrian soil even further—effectively opening a new front in a war that finally shows promise of ending.*

- *В тот момент казалось, что премьер-министр Нетаньяху был готов к дальнейшей эскалации своей кампании против иранского присутствия на сирийской территории – и по сути мог открыть новый фронт в войне, завершение которой, казалось, было не за горами.*

Интересен случай с переводом с английского идиомы *to show promise (of)*, первое значение которой по словарю *подавать надежды, раскрывать перспективы*. Однако, переводчик в данном случае сохраняет образность оригинала, остановив свой выбор на подходящем фразеологическом аналоге (*не за горами*).

Иногда при переводе идиомы фразеологическим аналогом все-таки происходят некоторые потери смысла. Например,

- *Since the 1990s, the country has been playing catch-up, with varying degrees of interest and success.*

- *С 1990-х гг. эта страна с разной степенью заинтересованности и успеха пытается наверстать упущенное.*

В оригинальном тексте используется фразеологизм *to play catch-up*, который определяется в словаре как *to make a special effort to overcome a late start, a liability, or the advantage a competitor has*. В дефиниции содержится указание на особые усилия, которые кто-то предпринимает, - *special effort*. Однако в переводе данная сема интенсивности действия теряется. Более удачным вариантом перевода, на наш взгляд, был бы: *С 1990-х гг эта страна с разной степенью заинтересованности и успеха отчаянно или изо всех сил пытается наверстать упущенное.*

При переводе данной фразеологической единицы обыгрывается ее образное значение, которое не выводится из простой суммы значений ее составляющих компонентов. Переводчик подбирает наиболее приемлемый и подходящий к контексту вариант. Лингвисты С. Влахов и С. Флорин в своей работе «Непереводимое в переводе» утверждают, что каждый фразеологизм требует индивидуального подхода и решения [Влахов, Флорин 1986: 181].

Таким образом, анализ переводческих решений при переводе фразеологизмов в англоязычной прессе показал, что использование фразеологического аналога является наиболее частотным способом перевода фразеологических единиц. Следует отметить, что при этом чаще всего такой способ перевода представляется вполне оправданным, и текст перевода отвечает требованиям адекватности и эквивалентности.

В заключение хотелось бы добавить, что фразеология – достаточно сложное явление, изучение которого требует дальнейшего исследования в области теории, а также постоянного использования каких-либо других наук – от философии и логики, до теории перевода, грамматики, страноведения и

основ межкультурной коммуникации.

Переводу фразеологизмов посвящена не одна теоретическая работа, более того, в любом пособии по переводу, в особенности по переводу художественной, публицистической или общественно-политической литературы, фразеологизмам и способам их перевода уделено немалое внимание, а порой целые разделы или главы, во многих публикациях по теории фразеологии и лингвистике.

Литература

Кунин А.В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре // Тетради переводчика. Вып. 2. М., 1964.

Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / под ред. Ю.М. Скрёбнева. Саратов, 1991.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986.

Е.И. Рогожина (*Саратов*)

Стратегия провокации в речи участников телеинтервью (на материале телевизионных программ «Познер», «Собчак живьем»)

Научный руководитель – доцент Ю.В. Каменская

Стратегия провокации, как правило, используется журналистами в создании особой разновидности портретного интервью – портрета «антигероя», коммуникативной установкой которого – разоблачить собеседника (т.е. показать его «истинное лицо», заставить выйти из заранее подготовленного образа, или вынудить собеседника на резкий ответ). Хотя использование провокации в интервью нарушает принципы кооперативного общения, по мнению А. К. Михальской, оно «допускается только в специальных (и осознанных) целях формирования имиджа или языковой игры» [Михальская 2000: 68]. А. В. Колесниченко же считает, что сочетание непрямых открытых вопросов и провокационных является оптимальной стратегией интервьюера [Колесниченко 2008: 54].

Выбранный для анализа материал – программы «Познер» и «Собчак живьем» не являются портретами «антигероя», многие интервью могут быть вообще лишены провокационных вопросов и иметь только информативный характер. С другой стороны, интервьюеры не стремятся совсем отказаться от использования стратегии провокации, так как она помогает получить информацию от собеседника, которую он не желает сообщать добровольно и вывести к незапланированной откровенности за счет дестабилизации его эмоционального состояния.

Возьмем за основу тактики, выделяемые О. А. Плотниковой [Плотникова 2007] и О. С. Иссерс [Иссерс 2009] и распределяемые на две группы: выведывания информации и эмоционально дестабилизирующие. Провести

между ними грань довольно сложно, поскольку они часто применяются в совокупности.

Стоит заметить, что провокация может исходить не только со стороны журналиста, но и гостя его программы, обычно это психологическая защитная реакция собеседника. В зависимости от перлокуции (т.е. ответа на провокацию) можно судить об успешности использованной стратегии.

Рассмотрим наиболее популярные тактики на конкретных примерах.

Тактика **«Прямое обвинение»** предполагает непосредственную негативную характеристику слов или действий собеседника. Интервью К. Собчак с А. Гордоном было посвящено отношению гостя к политике. Ведущая в форме вопроса выразила мнение, что А. Гордон, автор и ведущий программы «ГорДон Кихот», посредством своей профессиональной деятельности виновен в сложившейся ситуации в стране: *А разве не вы помогали строить эту систему, хотя бы тем, что приглашали в свою программу <...> обыкновенных политических клоунов. Не реальных лидеров общественного мнения, а людей, которых пускают на федеральные каналы?* Вместе с этим К. Собчак обвинила федеральные каналы в лице А. Гордона, что гости их программ не являются реальными представителями общественного мнения. А. Гордон довольно резко отвечает на вопрос: *Стоп, давайте разделять все-таки эти вещи. Я же сейчас не оправдываюсь, я пытаюсь объяснить. Моя задача на телевидении – не сделать жизнь России хорошей, сносной и терпимой всеми, не продвинуть ее по пути исторического развития. Моя задача на телевидении – сделать шоу, – ведущей удалось «раскрыть» гостя, поэтому применение данной тактики можно считать успешным.*

Следующий пример связан с использованием альтернативного вопроса. В интервью обсуждалось принятие «закона Димы Яковлева», запрещающего американским семьям усыновлять русских детей. К. Собчак стремилась убедить бывшего священника И. Охлобыстина в неправоте этого закона, апеллируя к моральным чувствам гостя: *Ты же христианин, или кто ты? Или геополитик? <...> Значит, ты не с Христом, а с Советом Федерации? <...> Подожди, для тебя сложный вопрос, с Христом ты или с Советом Федерации?* На весы ведущая ставила политический закон и закон Божий, однако гость легко вышел из ситуации: *Я с Христом. Но в данном случае Совет Федерации в твоей укладке логической тоже с Христом. Мы вдвоем с ним с Христом*, что позволяет говорить о неудачном применении тактики.

Для В. Познера тактика прямого обвинения весьма не характерна, он не стремится навязать реципиенту свою позицию, а скорее заинтересован его личным мнением, однако, если он замечает, что высказывания гостя носят противоречивый характер или гость не честен с ним и соответственно с телезрителем, он вынужден обратить на это внимание. Так, в интервью с И. Охлобыстиным В. Познер подверг сомнениям серьезность намерений гостя: *А ваши заявления о том, что вы выдвигаете свою кандидатуру в Президенты России. Что это такое? То есть, вы прекрасно понимаете, что из этого ничего*

не получится, что никаким Президентом вы не будете, что никакую партию вы не возглавляете, и пока ее нет, может быть, будет когда-нибудь, не знаю. Интервьюер описывает реакцию на поступок гостя: **Вокруг этого идет некий шум, и через 13 дней <...>вы говорите: «нет» и дальше ссылаетесь на то, что вам это запретила Русская православная церковь.** А затем использует прием контраста: **И вы полагаете, что это можно воспринять всерьез, люди думающие, размышляющие, которым не безразлична судьба страны, кстати говоря. Что они должны думать по этому поводу? Как будто идет какой-то, я не знаю, балаган какой-то даже я бы сказал. Но вы же понимали, что из этого ничего не может получиться?** – у телезрителя создается впечатление, что И. Охлыбыстин устроил балаган, его нельзя воспринимать серьезно людям, думающим и размышляющим, которым не безразлична судьба страны. Гость же в свою очередь объяснил свое поведение тем, что он воспринимает ситуацию в стране как экстремальную: *Более того, я присутствовал при написании социальной доктрины и знал заведомо, что возможность участвовать в политике может произойти только по распоряжению собственно Святейшего либо Священного Синода в экстремальной ситуации, другое дело, что я воспринимаю эту ситуацию, как экстремальную, сейчас общество уже как натянутая струна.* Гость пытается переложить вину на третьих лиц: **Меня предало телевидение, как это обычно и водится..., ищет причины своего поступка: я забыл, в какой-то момент я расслабился, этот параллельный мир..., усталость меня расслабила, и меня подвело телевидение. <...> Я избрал в качестве информационно-организующего звена «Интерфакс», поскольку еще не договорил, а это уже идет в сеть, это бесконтрольно, на ходу, поисковые системы выдают «нагора» сразу фамилию. Как работают наши журналисты, вы уже озвучили.** Он обвиняет телевидение и журналистов, которые, по его мнению, слишком рано придали огласке его решение. В завершении реплики гость пытается смягчить диалог использованием комплимента В. Познеру, подчеркивая его профессионализм: *Вы ознакомились с моей жизнью. Вы приводите какие-то материалы, до которых эти журналисты никогда и не доберутся.* Несмотря на попытки И. Охлыбыстина оправдаться, найти виновников на стороне, В. Познеру удалось раскрыть гостя, поэтому применение тактики можно считать удачным.

Тактика прямого обвинения встречается крайне редко в речи гостей программ, однако наиболее яркий пример можем наблюдать в интервью А. Звягинцева с В. Познером: *Если бы вам проехать с таким же туром, как вы ездили в Америку, по России и просто посмотреть, как живет страна, не в спра-отелях поселяться, а поселиться там, где живет страна, увидеть, как она живет. Тогда разговор был бы совершенно другим. Если вы честный человек, был бы разговор другим. <...> К сожалению, вы не видели фильм «Елена» – мы бы тогда могли бы сейчас развернуть эту дискуссию. К сожалению <...> как-то разговор не клеится, потому что вы не видели ни «Елену», ни те фильмы, о которых я говорю.* В этих примерах

интервьюируемый ставит под сомнение утверждения В. Познера и его компетентность в ведении диалога (незнание фильма гостя), он также пытается снизить его авторитет в глазах зрителя, отмечая, что не знает, как живет страна (так как якобы ездит с турами только по Америке и селиться в сра-отелях). В. Познеру удалось частично отразить провокацию гостя: *Для вашего сведения, за последние 4 года я побывал в 46 городах и весях России. Я много езжу по стране. Видел разное.* Все же интервьюер не ознакомился с творчеством гостя и, возможно, мог судить о нем необъективно.

Не менее активно в интервью используется тактика **«Косвенное обвинение»**, позволяющая интервьюеру снять с себя ответственность за сказанное. Наиболее часто мы можем наблюдать применение этой тактики в программе «Познер», так как составляющим элементом программы долгое время была рубрика voxpop, в которой ведущий задавал вопросы телезрителей с сайта первого канала. Цитирование третьего лица позволяет отграничить интервьюера от автора вопроса и сделать интервьюера в лице телезрителей максимально объективным. В. Познер: А.В. Жданько: *Александр Гарриевич, Вы иногда очень жестко, даже с несколькими издевательствами и насмешкой, которые иногда переходят некую грань дозволенного, задаете вопросы своим приглашенным гостям. Это вы делаете для того, чтобы вывести их из себя или...? А. Гордон: Во-первых, я не очень хорошо понимаю, кто определяет грань дозволенного, господин Жданько или кто-то другой? Если программа авторская, то, я думаю, грань определяет сам автор. Часто сам тон и нацеленность вопроса – это, конечно, инструмент. Этот инструмент, я не скрываю, он у меня один из главных в арсенале, называется он «провокация», потому как мне кажется, что это один из самых верных способов извлечь из человека то, что он очень тщательно в себе скрывает. И это такое небольшое увеличительное стекло для того, чтобы поднести и сказать «Ну как? Покажись!».* Как можно заметить, на А. Гордона подействовала провокация, особенно его задела слова о том, что он в своих программах переходит некую грань дозволенного, поэтому на вопрос он отвечает с иронией, называя телезрителя, задавшего вопрос, **«господином»**, который может определять эту самую грань. За этим следует развернутый ответ на вопрос. Вероятно, целью В. Познера была не столько дестабилизация эмоционального состояния, сколько получение интересного ответа о специфике работы его собеседника, поэтому использование тактики является успешным.

В следующем примере можно увидеть наложение тактик «Косвенное обвинение» и «Наведение темы»: В. Познер сначала констатирует факт: **Вы занимаетесь авторским кино, которое еще у нас называется почему-то арт-хаус и никто не понимает, что это значит <...> Получается – художественный дом...** Реплика А. Звягинцева *Или искусство для дома* дает понять, что у него нет возражений словам интервьюера. Затем В. Познер подводит свой вопрос к словам третьего лица: *У нас есть небезызвестный кинодраматург Володарский Эдуард. Он говорит, что российский арт-хаус – плоть от плоти*

нашего либерализма. И те, и другие готовы **мать родную продать за западные гранты и фестивальныe призы**. Наш арт-хаус **показывает Россию как сборище уродов и скотов**, как землю никчемную, холодную и мрачную, непригодную для жизни свободных людей. А государство выделяет на это деньги налогоплательщиков. **Возражения?** Таким образом, создается впечатление, что все обвинения относятся лично к А. Звягинцеву – **готов мать родную продать...**, **показывает Россию как сборище уродов и скотов**. Гость пытается уйти от провокационного вопроса, иронизирует: **Что же я буду возражать Володарскому, такому уважаемому человеку?** Пусть он делает свое кино. Однако интервьюер эксплицирует иронию собеседника, тем самым, разоблачая его и обвиняя в неискренности: **Не играйте. На самом деле, вы его не уважаете.**

Еще одним примером наложения *тактик* является эпизод из интервью К. Собчак с режиссером П. Лунгиным. Ведущая намеренно говорит о том, что его творчество критикуют их общие друзья и знакомые, представители творческой интеллигенции – т.е. одновременно применяет тактики «Свои – чужие» и «Косвенное обвинение»: **Про вас очень многие наши общие знакомые и друзья (из творческой интеллигенции), говорили о том, что: «Паша Лунгин, даже не могу сказать, он какой-то такой очень неровный режиссер».** И прямо даже за одним застольем **наш с вами общий друг** прям говорит: «один фильм какой-то всегда абсолютный шедевр, а рядом такое кино, скажем так, которому можно задать разного рода вопросы, <...> например, сериал «Родина». Провокация проявляется и в наличии прямого обвинения в «беззубости» режиссера, которую ведущая снова объясняет, как и в случае с передачей А. Гордона, диктовкой федерального канала: **...в этом была такая, вы только не обижайтесь, беззубость.** <...> **Потому что все-таки это диктовка федерального канала, и было понятно, что либо этот сериал будет на федеральном канале, либо он не будет нигде <...> или вы руководствовались чем-то еще?** В ответ на провокацию последовала защитная реакция с применением тактики «Прямого обвинения»: **Вы знаете, сейчас о «Родине» я поговорю, мне просто кажется, что наша творческая интеллигенция проявила слабоумие настоящее, и вы в том числе, Ксения, дорогая, потому что вы не дошли.** Провокация К. Собчак удалась.

Весьма распространенным средством провокации в интервью является тактика «Ирония». Ну, так пламенно критиковать политических осужденных, ярых оппозиционеров – это, конечно, нужно иметь большую смелость, – обращается К. Собчак к А. Гордону, ее высказывание по форме близко к комплименту, но по содержанию является ироническим. А. Гордон: **Про Медведева сказать, что ли?** К. Собчак: **Медведев тоже в опале. Скажите что-нибудь про Путина. Столь же смело.** А. Гордон: **Неужели в опале? Неужели? Ая-яй.** К. Собчак: **Скажите что-нибудь про Путина столь же смело, пользуясь тем, что у нас свободный эфир.** А. Гордон: **Хорошо, скажу. Мне кажется, что Владимир Владимирович за те годы, что находится у власти, успел сделать многое, не допустил развала страны, действительно...** К. Собчак: **Какие у вас сразу мягкие формулировки... И сразу вы о том, что**

он не допустил... Тем не менее, использование тактики ведущей нельзя считать успешным, поскольку гость ее отразил иронично и высказался по поводу государственного лица не так, как планировала К. Собчак.

Использование тактики «Ирония» используется интервьюерами, в том числе и для отражения прямого обвинения со стороны гостя, как в диалоге с А. Смирновой, которая обвинила К. Собчак и ее поколение в любви к деньгам, на что ведущая остроумно ответила: *Очень смешно это слышать от супруги Чубайса*. Ирония детерминирована личными обстоятельствами гостя, и в данном случае применение тактики К. Собчак является удачным.

Таким образом, ведущими тактиками на рассмотренном материале являются прямое и косвенное обвинение и ирония, наряду с ними, применяются «Наведение темы», «Эксплицирование иронии», «Свои – чужие». В речи К. Собчак провокация имеет более эксплицированный характер, поэтому при использовании с известными личностями, профессионалами в области журналистики, такими, например, как А. Гордон, чаще является неудачной. Активное использование этой стратегии в речи ведущей объясняется особенностями ее языковой личности, темпераментом, форматом программы – в большей степени проблемного интервью. В. Познер использует провокацию значительно реже, чаще она представляет собой косвенное обвинение – то есть, цитацию третьих лиц (из рубрики vox pop) или высказывания авторитетных людей. Прямое обвинение в речи В. Познера является вынужденной мерой. Тактика иронии им чаще используется при создании положительной атмосферы, а не в рамках стратегии провокации.

Литература

- Иссерс О.С.* Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18).
- Колесниченко А.В.* Прикладная журналистика. Учебное пособие. М., 2008.
- Михальская А.К.* Политическое интервью как речевой жанр // Риторическая культура в современном обществе. Тезисы IV Международной конференции по риторике. М., 2000.
- Плотникова О.А.* Стратегия провокации в аспекте мониторинга коммуникативного поведения в диалоге (на примере текстов интервью) // Личность Культура Общество. Спец. вып. 2(38). М., 2007.

ЧАСТЬ III

Раздел 1 Лексика и семантика

И.А. Афанасьев (*Саратов*)

Концептуальная оппозиция «свой–чужой» на материале онимов старославянского языка

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

Деление мира на «своих» и «чужих» – одно из самых древних в природе. Вероятно, появилось оно задолго до зарождения разума у человека – вне зависимости от того, когда именно произошло данное событие. Вероятно, с возникновением первой клетки, одинокой в жестком и суровом архейском мире, единственной «своей» в окружении «чужого». Разумное осознание ее вполне могло произойти одновременно с осознанием существования себя, с появлением разума – у кого бы именно из наших предков он не зародился. Более того, сам «процесс восприятия и понимания мира человеком базируется на одной из древнейших и важнейших операций деления универсума на «Свое» и «Чужое»» [Лаптева 2016].

Древность и архетипичность концептуальной оппозиции «свой – чужой» влечет за собой одно значимое следствие: «язык располагает и предлагает говорящему многообразный выбор различных разноуровневых средств – морфемных, лексических, синтаксических – для обозначения оппозиции «свой – чужой», категорий свойственности и чуждости» [Богомазова 2015]. Концептуальная оппозиция «свой – чужой», иначе говоря, требует разностороннего и обширного изучения. Наше исследование будет посвящено только одному из «языковых средств, которые ее объективируют» – номинативному полю, совокупности лексических единиц, через которую определенное когнитивное явление репрезентируется в языке.

В данной работе мы касаемся одной из частей номинативного поля концептуальной оппозиции «свой–чужой» на материале старославянского языка – языка прецедентного текста русской культуры. Этот материал – особая

семантическая группа, онимы, слова, используемые для выделения одного объекта среди других, ему подобных. Они восходят к двум источникам формирования оппозиции «свой – чужой» – дуальности восприятия, с одной стороны, и, с другой, свойственному архаическому сознанию «состоянию собственного имени» [Богомазова 2015]. Все единицы группы – либо имена собственные, либо дериваты от имен собственных.

Основной метод исследования – анализ контекстов. Для них мы вводим следующий принцип: лексема *X*, оним в старославянском языке, выступает репрезентантом концептуальной оппозиции «свой–чужой», если в контексте ее употребления имеются маркеры данной оппозиции, примененные для определения той же сущности реального мира. Пример: *аморши* ‘Амория’ [СС 1994], оним в старославянском языке (название города), выступает репрезентантом концептуальной оппозиции «свой–чужой», поскольку в контексте ее употребления жители города Амория, который она называет, – христиане («свои»), а идет на него войной «злодей» («враг», соответственно, «чужой»).

После применения к лексеме анализа внутрисловной и контекстуальной экспликации соответствующей семантики, делается вывод о том, что «выбранный для идентификации и номинации объект реального или воображаемого мира квалифицируется как «свой» или «чужой» по ряду присущих ему признаков» [Серебренникова 2005] или же нет.

В итоговую выборку на основании данных из контекстов вошло 53 лексемы, принадлежащие строго одному из противочленов оппозиции. Мы допускаем, что в контекстах, не зафиксированных в [СС 1994], отнесение их к «свой» или «чужой» могло варьироваться, однако на нашем материале подобного не зафиксировано. Однако следует заметить, что энантиосемия начинается уже на корневом уровне: *змурна* обозначает город, где на христиан организовывались гонения, а *змурньскъ* – территорию вокруг него, в которой христианство было широко распространено. При этом широкая распространенность на территории (принадлежность к «свой») и гонения (принадлежность к «чужой») – варианты не взаимоисключающие.

По результатам контекстуального анализа единиц выборки была проведена их классификация по ряду оснований.

По непосредственно основанию «свой – чужой» было выделено две главных группы: «свои» и «чужие» (см. табл. 1). В первую группу вошли слова, сочетавшиеся в контекстах со словами, маркирующими принадлежность денотата онима к миру «своего». Ко второй были отнесены слова, встречающиеся в контекстах со словами, маркирующими принадлежность денотата онима к миру «чужого».

Как показывает табл. 1, единиц из группы «свой» (34) почти в два раза больше, чем единиц из группы «чужой» (19). Это может быть связано в первую очередь с тем, что «свой» мир мы различаем лучше, чем «чужой». Однако, с другой стороны, в целом в языке существует тенденция к более частотному маркированию отступлений от нормы. Следовательно, второй причиной такого

количественного различия может являться и то, что в текстах старославянского языка повествуется в большей степени о «своем» мире, чем о «чужом».

Таблица 1

Классификация онимов по признаку «свой – чужой»

Свой	Чужой
<i>херсоньскъ, хананеискъ, ханаановъ, александрьскъ, амасиискъ, амориш, аморѣискъ, анкурьскъ, арменія, далматьскъ, дамасковъ, едемьскъ, змурьньскъ, израилевъ, иконьскъ, италия, иероусалимовъ, кананѣи, кападокиискъ, колониискъ, комана, куврь, кипрьскъ, курѣнинъ, магьдалыни, морава, назареи, нанзианзия, нанзианьскъ, палестинъ, римьскъ, севастииискъ, сикиотъ, соулоуньскъ</i>	<i>хоривъ, фрвгшиискъ, африкия, африкьскъ, галилеѣнинъ, гоморьскъ, гоморяне, егепть, егуптьскъ, егуптьѣнинъ, змурьна, кадискъ, поньтьскъ, самарѣнинъ, содомиш, содомлянинъ, содомьскъ, срацини, тарьсисьскъ</i>

Второе основание классификации онимов – объект номинации. Здесь выделяется пять групп. Наиболее широко представленные группы – церковная территория (в выборке зафиксировано множество епархий); национальность; политический регион. В меньшей степени для репрезентации противопоставленности «своего» и «чужого» была важна локация (географическое место, обитатели которого, не принадлежа непосредственно какой-то нации, являлись «своими» или «чужими»); географическое место, важное в христианской тематике в целом). Наконец, встретилось одно слово с семантикой «религия, которую исповедовали в местности X» (см. табл. 2).

Таблица 2

Классификация онимов по признаку денотативной отнесенности

Группа	Лексемы
Церковная территория	<i>александрьскъ, амасиискъ, анкурьскъ, арменія, далматьскъ, дамасковъ, змурьньскъ, иконьскъ, италия, кападокиискъ, колониискъ, комана, куврь, кипрьскъ, морава, нанзианзия, нанзианьскъ, римьскъ, севастииискъ, соулоуньскъ</i>
Происхождение человека/людей	<i>аморѣискъ, израилевъ, галилеѣнинъ, гоморяне, егуптьѣнинъ, самарѣнинъ, содомлянинъ, срацини, кананѣи, курѣнинъ, магьдалыни,</i>
Политический регион	<i>херсоньскъ, хоривъ, африкия, африкьскъ, гоморьскъ, егепть, егуптьскъ, змурьна, содомиш, содомьскъ, тарьсисьскъ, иероусалимовъ, палестинъ, , назареи, поньтьскъ, сикиотъ</i>
Локация	<i>хананеискъ, ханаановъ, кадискъ, едемьскъ</i>
Религия	<i>фрвгшиискъ</i>

Для следующего основания классификации нам потребуется ввести понятие биграмм-зависимости. Биграмм-зависимость – характеристика контекстуальной встречаемости лексемы X как самостоятельного репрезентанта концептуальной оппозиции «свой–чужой». На данный момент мы определяем три главных типа биграмм-зависимости:

1. *Алеф* – лексема X репрезентирует концептуальную оппозицию «свой–чужой» самостоятельно (и синтаксически может являться главным словом в словосочетании, либо одним из верхних узлов синтаксического дерева).

Примером служит лексема *срацини* ‘сарацины’, которое уже несет в своей семантике значения «враг» и «чужой».

2. *Бет* – если хотя бы в одном контексте слова *X* по отношению к одному и тому же денотату использовано слово, являющееся частью номинативного поля концептуальной оппозиции «свой–чужой», то *X* приобретает в рамках текста возможность репрезентировать семантику «свой–чужой». К таким лексемам следует отнести номинации церковных территорий. Так, Морава упоминается в тексте как территория распространения христианства, она маркируется как «свой» элемент концептуальной оппозиции «свой–чужой» и с этого момента репрезентирует ее в каждом следующем контексте. Помимо этого, лексемы из категории *бет* чаще всего синтаксически несамостоятельны в тех контекстах, в которых встречаются.

3. *Тав* – слово *X* синтаксически полностью несамостоятельно и является составной частью фразеологического единства, прежде всего – имени человека. Будучи упомянутым один раз для именованного кого-то, кто для автора текста является «своим» или «чужим», лексемы группы *тав* не приобретают постоянной на протяжении текстов возможности репрезентировать концептуальную оппозицию «свой–чужой». Они практически не могут быть употреблены отдельно от слова *У*, от которого синтаксически зависят, которое является главным во фразеологическом единстве. К группе *тав* относятся, к примеру, прозвища.

Классификация исследуемой группы по принципу типа биграмм-зависимости представлена в табл. 3.

Таблица 3

Классификация онимов по признаку биграмм-зависимости

Тип биграмм-зависимости	Лексемы
Алеф	<i>издраилевъ, самарѣнинъ, содомлянинъ, срацини, хананеискъ, ханаановъ, едемьскъ</i>
Бет	<i>[арх(ие)п(искоу)пъ] александрьскъ, [еп(искоу)пъ] амасиискъ, [еп(искоу)пъ] анкурьскъ, [архиеп(иско)па великыѧ] арменія, далматьскъ [моностырь], [еп(искоу)пъ] дамасковъ, [еп(искоу)пъ] змурьньскъ, [еп(искоу)пъ] иконьскъ, [еп(искоу)пъ] италия, [ар'х(ие)п(искоу)пъ] кападокиискъ, [епискоупъ] колониискъ, [цркъве... въ] комана, [еп(искоу)пъ] кипрь, [арх(ие)п(искоу)пъ] кипрьскъ, [арх(ие)п(искоу)пъ] морава, [еп(искоу)пъ] нанзианзия, [еп(искоу)пъ] нанзианьскъ, [патриархъ] римьскъ, [митрополитъ] севастиискъ, [епискоупъ] соулоуньскъ, аморѣискъ [възлюбленыи], [грѣингѣше въсѣхъ] галилеѣнинъ, гоморяне (в контексте сравниваются с грешниками), [гоубитель наведе на] егуптьѣнинъ, [да прѣславен ныиѧ] херсоньскъ, [сътворишиѧ въ телець] в хоривъ, африкия [нечѣстивѣѧ], африкьскъ (см. африкия), [земля] гоморьскъ, [иноплеменьниці в] егепть, егуптьскъ (в контексте описываются гонения на христиан в данной местности), змурьна (аналогично контексту для егуптьскъ), содомии (аналогично контексту для гоморяне), содомьскъ (аналогично контексту для</i>

	<i>гоморяне), [сѣкроушитъ корабля] таръсисьскъ, [благаа] иероусалимовъ, [иде на] палестинъ, [сѣтрясатъ господь поустынж] кадискъ</i>
Тав	<i>симонъ кананѣи, симонъ курѣнинъ, мариѣ магдалыни, и(соу)сомъ назареи, поньтъскъ пилатъ, фео(о)ръ сикиотъ</i>

Как показывает таблица, большая часть слов принадлежит типу бет, что отвечает нашим представлениям о номинативном поле концептуальной оппозиции «свой–чужой»: лексемы, составляющие его, сами по себе изначально ему не принадлежат, однако в контексте они способны репрезентировать эту принадлежность.

С квантитативной точки зрения группа делится на три подгруппы (см. табл. 4).

Таблица 4

Частотное распределение слов группы

Частотность	Лексемы
Гапакс	<i>амориш, анкврьскъ, африкия, африкьскъ, далматьскъ, егепть, едемьскъ, иконьскъ, италия, кадискъ, колониискъ, квррь, морава, нанзианзия, палестинъ, севастийскъ, сикиотъ, соулоуньскъ, фругийскъ, ханаановъ, хоривъ</i>
2 – 20 раз	<i>александрьскъ, амасийскъ, аморѣискъ, армения, галилеѣнинъ, гоморьскъ, гоморяне, дамасковъ, егуптьскъ, змурьна, змурьньскъ, кананѣи, кападокиискъ, комана, кипрьскъ, курѣнинъ, нанзианьскъ, назареи, поньтъскъ, римьскъ, содомии, содомьскъ, содомлянинъ, срацини, таръсийскъ, хананейскъ, херсоньскъ</i>
21 – 99 раз	<i>издраилевъ, магдалыни, самарѣнинъ</i>

Ни одно слово из группы не было встречено в текстах более ста раз, треть выборки – гапаксы, встречающиеся один раз на всем объеме текстов, большая часть слов встречается от двух до двадцати раз. На наш взгляд, это связано с очень конкретным значением слов и спецификой текстов в целом. Они представляют собой единое развернутое повествование (за исключением рукописей, написанных значительно позже), путь Иисуса, который нигде надолго не останавливался и очень редко посещал одно и то же место дважды. Во фрагментах Ветхого Завета наименования локаций и народов также в целом не повторяются.

Таким образом, было проведено исследование концептуальной оппозиции «свой – чужой» на материале онимов старославянского языка. Было установлено, что слов, обозначающих «свой» мир в целом больше, чем слов, обозначающих мир «чужой», что свидетельствует об относительно лучшем представлении «своего» мира в текстах. «Свой» мир характеризуется в основном по географическим регионам, «чужой» – по национальному признаку. В целом в старославянских текстах «свои» и «чужие» определяются по отношению к христианству, а не к славянским племенам в частности. «Своими» и «чужими» могут быть отдельные люди, места, территории, религии и народы. «Свой» и «чужой» может быть назван отдельным словом, а может – словосочетанием, в котором одно слово принадлежит группе онимов. Несмотря

на в целом высокое количество слов группы (по сравнению с, например, всего лишь двумя словами с корнем «–штоуждь–»), их частотность низкая, что связано скорее с экстралингвистическими факторами и особенностями текстов старославянского языка, нежели с самими словами.

Литература

Богомазова В.В. Коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015.

Лантева М.Л. «Свое» и «чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики. М.; Астрахань, 2016.

Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости»: Лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: 2005.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893.

СС 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

М.С. Бабенкова (*Саратов*)

Жанр интернет-комментария: реакция пользователей по поводу нарушения языковых норм

Научный руководитель – профессор А.Н. Байкулова

По данным аналитического агентства We Are Social и SMM-платформы Hootsuite, в 2018 г. во всем мире Интернетом стали пользоваться более 4 млрд. человек, т.е. почти каждый второй житель Земли сейчас в режиме онлайн. Наша страна не отстает от глобальных трендов: количество российских интернет-пользователей за прошедший год увеличилось на 5 млн. и на данный момент составляет 90 млн. человек. Это означает, что Интернет стал привычной речевой средой для многих людей, особенно для молодежи.

Изучение новой формы человеческого взаимодействия – интернет-коммуникации – стало одной из актуальных проблем современной лингвистики. Особое место в работах лингвистов занимает исследование языка интернет-общения, а также своеобразных норм и правил сетевого этикета [Компанцева 2008; Лутовинова 2009]. О.Б. Сиротина выделяет ряд факторов, влияющих на изменение реальной речи людей, среди которых появление интернет-порталов, где помимо речи журналистов представлена и речь пользователей в виде комментариев. Анонимность, отсутствие цензуры и ложная свобода в Интернете, по мнению исследователя, влияют на нарушение языковых норм и коммуникативную эффективность речи [Сиротина 2017].

Актуальность данной работы обусловлена изучением речи интернет-пользователей – посетителей регионального незарегистрированного интернет-СМИ – в жанре интернет-комментария, а также вниманием к проблемам культуры общения и речи.

Следует отметить, что в настоящее время наряду с традиционными СМИ существуют интернет-порталы, которые ориентированы на жителей провинции и становятся для них главным источником местных новостей. К таким интернет-порталам мы относим, например, региональный сайт «Балашовер» – незарегистрированное СМИ, ежемесячная аудитория которого (преимущественно жители Балашовского района Саратовской области), по данным «Рейтинг Mail.Ru» на февраль 2018 г., – более 55 тыс. человек, а суточная посещаемость – около 5 тыс. уникальных пользователей.

Читатели «Балашовера» оставляют большое количество комментариев: по словам его главного редактора, за всю историю сайта было написано более 300 тыс. комментариев, причем каждый пятнадцатый из них удаляется модераторами из-за нарушения правил сайта. Специфично то, что через комментарии реализуется форумный характер общения: интернет-пользователи воспринимают этот портал как платформу для объединения в группу по интересам и почти каждый журналистский материал сопровождают критическими замечаниями.

Наше внимание привлекла реакция интернет-пользователей на нарушение языковых норм как в публикациях сайта, так и в комментариях к ним. Всего было отобрано и проанализировано 285 комментариев из 2660 к 55 статьям (с 2015 по 2018 гг.). Анализ комментариев показал, что читатели «Балашовера» постоянно реагируют на нарушения языковых норм и рассуждают о проблемах культуры речи. На наш взгляд, это связано с тем, что в публикациях сайта обнаруживается большое количество ошибок.

Рассуждая об ошибках, интернет-пользователи затрагивают ряд микротем: (орфография и пунктуация в примерах сохранены – М.Б.):

– **проблема обучения русскому языку в школе:** *тебя-то в школе не научили запятые ставить!;*

– **отношение к ГИА и ЕГЭ:** *ЕГЭ на мозг давит сначала надо было проверить наличие мозга;*

– **сопоставление современного образования и советского:** *современные "акаНдемики" рещили, что нужно писать в РтищевЕ и можно писать матраС. Те, кому режет ухо окончание Е в названиях населенных пунктах – просто люди еще с Советским образованием. И это нормально. Про эти идиотские изменения слышил и просто пропускаю мимо ушей, но сам продолжаю писать по-нормальному, по-старому;*

– **грамотность и образованность:** *Стыдно быть неграмотным, а грамотно писать не стыдно;*

– **уровень интеллекта и языковой компетентности интернет-пользователей:** *Судя по Вашему монологу, который написан совершенно безграмотно, вы необразованны и лишены элементарного интеллекта и культуры.*

Отношение к нынешнему образованию проявляется в негативных оценочных высказываниях (*не грамотный провокатор*), в иронии по

отношению к ГИА и ЕГЭ (*жертва егэ*). Современное образование противопоставляется советскому, при этом последнее оценивается выше; можно предположить, что адресантами этих высказываний являются люди среднего возраста.

Анонимность интернет-коммуникации позволяет пользователям в их комментариях свободно выплескивать свои негативные эмоции, односторонне оценивать факты, проявляя некомпетентность и бескультурье, в том числе и в использовании языка. Постоянно нарушается этика общения.

Реагируя на факт нарушения языковых норм, авторы комментариев преследуют разные цели:

– **исправление ошибок в статье:** *Администратор, исправте ошибку. Последнее предложение. Слово САМЫМ напишите правильно;*

– **демонстрация собственной компетентности:** *Тоже был уверен, что найдутся умники, которым не понравится склонение названия города Балаково;*

– **указание на безграмотность журналистов:** *Как всегда грамматика и стилистика написания статей блестят...;*

Пользователи «Балашовера» чаще всего применяют в своих комментариях **деструктивную стратегию**, которая реализуется в **тактиках оскорбления** (*Вот, AZ, ты и позорище сайта!*) и **дискредитации адресата** (*срочно отправить в ликбез*). Реже используются информационная, регулятивная и модальная стратегии и соответствующие им тактики.

Сопоставительный анализ комментариев на двух региональных интернет-порталах – «Балашовер» и «Версия-Саратов» (официально зарегистрированное СМИ, которое за неделю, по данным «Яндекс.Метрика», посещает в среднем около 300-400 тыс. уникальных пользователей) – позволил сделать следующие выводы:

1. У пользователей «Балашовера» большой интерес вызывают проблемы образования и грамотности населения: им посвящено примерно 10% всех комментариев. Пользователи же «Версии-Саратов» больше откликаются на тематику публикаций сайта, связанную с проблемами региона, чем на выявление в них ошибок.

2. Интернет-пользователи исследуемых сайтов прибегают в своих комментариях к одинаковому набору стратегий и тактик, но на сайте «Балашовер» наблюдается приоритет деструктивной стратегии общения. Возможно, это обусловлено уровнем речевой культуры коммуникантов или самими публикациями, содержащими негативный материал и провоцирующими всплеск негативных эмоций у читателей.

3. Сами сторонники грамотной речи часто допускают ошибки, наиболее распространенными из которых являются пунктуационные. Такие ошибки затрудняют понимание текста, однако пользователи не всегда обращают на них внимание. Это характерно не только для пользователей «Балашовера» и «Версии-Саратов», но и для интернет-коммуникации в целом, что может быть связано с фактором неофициальности и анонимности интернет-общения, а

также с техническим фактором: исправление ошибок требует дополнительных усилий, а общение в Интернете происходит нередко синхронно и в довольно быстром темпе, поэтому пользователи не утруждают себя возвратом к написанному для исправления опечаток и ошибок.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие пользователи сайта «Балашовер», обладая невысоким уровнем речевой культуры, проявляют повышенное внимание к проблемам современного образования, рассуждают об уровне грамотности населения и активно борются за соблюдение языковых норм в Интернете.

Литература

- Компанцева Л.Ф.* Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. Луганск, 2008.
- Лутовинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград, 2009.
- Сиротинина О.Б.* Что мешает эффективности современной коммуникации? // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1.

Ш.М.к. Гасанова (*Саратов*)

Общественно-политическая лексика и проблематика ее перевода с немецкого языка на русский

Научный руководитель – доцент Н.Н. Горина

Исследования общественно–политической лексики (в дальнейшем ОПЛ) представляют собой большой лингвистический интерес. В связи с важной ролью политической коммуникации, глобализацией, изменениями в общественном строе стран, в настоящее время возрастает внимание к изучению ОПЛ **в контексте изучения и исследования безэквивалентной лексики** (в дальнейшем БЭЛ).

Совершенно очевидно: чем интенсивнее изменения в политике, тем интенсивнее изменения лексики на каждом этапе ее развития. Именно в сфере политической лексики наблюдаются существенные изменения (заимствованные слова, образование новых номинаций, окказиональные образования), обусловленные общественно-политическими процессами.

Под БЭЛ В.Н. Комиссаров понимает исходные единицы языка, чаще всего отражающие национальную специфику и не имеющие прямых эквивалентов в языке перевода [Комиссаров 1990: 148].

Помимо наименований предметов и явлений традиционного быта, имен собственных, географических и этногеографических реалий в состав БЭЛ входят также и общественно-политические реалии, которые, как правило, вызывают определенные трудности при переводе. Это связано с тем, что то или иное явление может отсутствовать в другой культуре, а, следовательно, не может быть переведено [Там же: 160].

Понятие политической лексики является достаточно широким, поскольку к нему относится вся терминология международных отношений и мировой экономики, реалии внутривнутриполитической и общественной жизни данной страны, все обозначения, связанные с политическим устройством и общественно-политической жизнью других стран.

С семантической точки зрения состав политической лексики своеобразен. Это связано с тем, что за многими словами и выражениями стоит целый ряд политических представлений и понятий, которое слово приобретает в политическом контексте.

В свою очередь свою особую роль играет также и тот факт, что данные слова в большинстве своем являются и сложными словами, и новообразованиями одновременно.

Особенности функционирования немецких сложных слов в языке ставит перед нами вопрос о способах передачи немецких сложных слов на русский язык и о том, каким образом особенности немецких сложных слов и их функционирование влияют на процесс перевода. Особые трудности при переводе ОПЛ возникают в связи с тем, что, во-первых, они относятся к БЭЛ, и не имеют прямых соответствий в ПЯ, а во-вторых, **ОПЛ в данных примерах представляет собой сложную структуру**, которую необходимо правильно передать на другой язык: Например, *Rückkehrprogramm* – «программа для помощи беженцам вернуться на родину».

Традиционными способами перевода БЭЛ являются: транскрипция, транслитерация, калькирование и описательный перевод, который мы видим у следующих исследователей: Л.Э. Найдич и А.В. Павловой, А.Л. Семенова, М.Ю. Семенов, А.Ф. Федорова и И.С. Алексеевой. При транскрипции или транслитерации также часто используется такой переводческий прием, как освоение, который состоит в адаптации иноязычной реалии, т. е. придания ей на основе иноязычного материала обличия родного слова. Так, например, *Resonanzsphäre* - «резонансная сфера», 1) *Bürgerkriegsland* – «страна, в которой происходит гражданская война», 2) *Weihnachtsmarktattentäter* – «преступник, совершивший преступление на рождественской ярмарке». При переводе данных слов я воспользовалась такими способами перевода, как транскрипция (в первом случае) и описательный перевод (во втором случае). При описательном переводе возникает трудность передачи слова с немецкого языка на русский, поскольку у него нет словарного эквивалента.

В.Н. Комиссаров рассматривает такие же способы перевода сложных слов, как А.Ф. Федоров и И.С. Алексеева, но при этом он добавляет к уже известным следующие способы: калькирование, приближенный перевод, нулевой перевод, так, например, БЭЛ получает в переводе «нулевое соответствие», т.е. опускается.

В свою очередь А.В. Павлова и Н.Д. Светозарова отмечают наличие таких способов перевода БЭЛ, как описательный и условный перевод. Так, например, *Ausreisepflichtige* – «это люди, которые обязаны покинуть страну (Германия)».

Сложность при переводе данной лексемы состояла в том, что данное слово является новообразованием, незафиксированным словарем.

Все вышеперечисленные примеры были взяты из немецких онлайн-статей общественно-политической тематики «Spiegel». Важным при отборе являлось то, что данные слова представляют собой сложные новообразования, не имеющими словарных соответствий. Данное условие предопределило сложность их перевода. Значительную часть анализируемых нами единиц ОПЛ составляют сложные слова, выраженных, в большинстве случаев, именем существительным. Так, например, *Solidaritätsprojekt* – «проект, получивший одобрение», *Wanderungsüberschuss* – «избыток мигрантов», *Auftrittsrecht* – «право въезда в другую страну» (Германия), *Einreisedikret* – «постановление / указ о въезде».

Значение сложных существительных в обогащении словарного состава немецкого языка весьма велико. Это объясняется, по мнению Н.Л. Гильченко, прежде всего тем, что новые понятия, появление которых связано с прогрессом и изменениями во всех областях знания, обозначаются чаще всего сложными существительными [Гильченко 2005: 148].

При переводе всегда следует учитывать и контекст. Не всегда возможен один способ перевода, иногда используются несколько способов одновременно, чаще всего, такими инструментами являются комментарии или описательный перевод.

Так, при переводе следующих сложных слов-новообразований был использован такой прием, как описательный перевод, например, *Flüchtlingsnachzug* – «следование беженцев на новое место жительства», *Wohnkostenhilfe* – «материальная помощь для оплаты за проживание», *Kriegswaffenkontrollgesetz* – «закон о контроле над оборотом оружия, использовавшегося на войне», *Asylbewerberzahlen* – «количество беженцев, подавших заявление на убежища», *Bürgerkriegsflüchtlinge* – «беженцы, сбежавшие из своей страны из-за гражданской войны».

Состав политического словаря определяется, по мнению Е.В. Розен, двумя тенденциями, а именно:

- 1) тенденцией к точности и однозначности, требующей полного наименования тех фактов, явлений, учреждений, о которых идет речь;
- 2) тенденцией к нетерминологичной образности, яркости, экспрессивности слова, эмоциональной оценочности [Розен 1976: 98].

Вопросы, касающиеся перевода ОПЛ, объединяются в особую группу благодаря ряду общих черт, характеризующих ОПЛ. Эти черты в первую очередь связаны с пропагандистской либо агитационной установкой переводимого материала и выражаются в сочетании особенностей научного стиля. Например, *Entrechtungsstrategie* – «стратегия лишения прав», *Weihnachtsmarktanschlag* – «покушение на рождественской ярмарке». Данные лексемы были переведены с помощью такого переводческого приема, как описание, так как данные слова не имеют словарных соответствий в русском языке.

Общественно-политические тексты, как и другие научные тексты, включают в себя в том или ином количестве термины, требующие от переводчика точности и однозначности при переводе. Своеобразие данной задачи заключается в воспроизведении не только всего смыслового содержания, в частности, словесных средств, играющих терминологическую роль, но и экспрессивной стороны подлинника. [Федоров 1983: 150]: *Abschiebehaft* – «арест с целью депортации из страны», *Schutzberechtigte* – «лица, имеющие право на защиту». Данные слова переведены с использованием приема описательного перевода. Трудность при переводе возникла в данном случае из-за того, что у данных слов нет словарных соответствий, а лексемы обозначают реалии общественно-политической жизни Германии, которые должны быть отражены в переводе.

Таким образом, трудности перевода ОПЛ заключается в том, что данная лексика в современных общественно-политических текстах часто представлена в виде сложных многокомпонентных лексем и не зафиксирована словарями, компоненты данных лексем обладают многозначностью и при переводе (транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод) данных сложных слов необходимо обращать внимание также как на контекст всего текста в целом, так и учитывать процессы и явления, происходящие в общественно-политической жизни современной Германии.

Литература

- Гильченко Н.Л. Практикум по переводу с немецкого языка на русский. СПб., 2005.
Комиссаров В.Н. Теория перевода. М., 1990.
Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. М., 1976.
Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие. М., 1983.

Е.В. Гераничева (Саратов)

Особенности речи врача-педиатра

Научный руководитель – доцент Г.С. Куликова

Любой хороший специалист в современных условиях должен владеть системой норм русского языка: ортологических, коммуникативных, этических, ведь уровень коммуникативной компетентности во многом определяет компетентность профессиональную. Среди профессий есть такие, в которых умение общаться особенно значимо. Так, врачи издревле использовали слово в качестве инструмента для улучшения состояния больного, с этим связана и этимология самого слова «врач».

Медицинский дискурс входит в сферу научного интереса многих исследователей. Рассмотрением различных аспектов данной области занимаются многие лингвисты ([Бейлинсон 2001; Мушников 2009; Коммуникационная... 2010; Маджаева 2009; Жилаева 2009; Жура, Рудова

2016]), среди которых следует выделить саратовских исследователей: М.И. Барсукову [Барсукова 2007, 2009, 2010 2011, 2014, 2016] и Е.В. Наумову [Наумова 2010, 2011, 2013]. Но речь врача-педиатра до сих пор не становилась объектом лингвистического описания, чем во многом определяется актуальность темы моей работы. Эта тема интересна мне также и потому, что моя мама – детский врач, что определяет доступность материала исследования. Цель данной работы – выявить своеобразие речи врача-педиатра, специфику его коммуникативного поведения. Материал составляют расшифровки записей поликлинического приема (около 6,5 часов диктофонной записи) трех информантов, различающихся по возрасту, полу и общему опыту работы.

Медицинский дискурс – очень важный компонент процесса оказания квалифицированной помощи заболевшему человеку. С этой целью связана его реализация в трех основных стратегиях: диагностирующей, лечущей и рекомендующей. Их специфика показана в работах саратовских исследователей М.И. Барсуковой и Е.В. Наумовой. В центре нашего исследования – анализ диалогов врача и пациентов во время поликлинического приема, где наблюдается реализация всех перечисленных стратегий. Диагностирующая состоит в том, что врач запрашивает информацию о состоянии здоровья пациента. Когда врач реализует лечущую стратегию, он делает какое-то назначение, рассказывает о ходе дальнейшего лечения. Рекомендующая стратегия предполагает, что педиатр создает алгоритм дальнейших действий пациента, необходимых для выздоровления.

Речь любого врача во многом зависит от адресата. На прием к педиатру чаще всего приходит сразу несколько персон: «маленький» пациент – сам ребенок и родитель (или даже несколько родственников). Особенностью речи детского врача является ее двунаправленность. При реальной коммуникации педиатр учитывает своеобразие сразу двух (или более) пациентов. Они различаются по возрасту, полу и уровню общей культуры, а в случае со «старшим» может учитываться и его образование. Параллельное общение с двумя пациентами определяет специфику интонации, выбора фонетических и лексико-грамматических средств, доступности содержания, а также различие в коммуникативном поведении.

Диалог врача и пациента (или пациентов в нашем случае) состоит из нескольких этапов. И выбор стратегий и конкретных тактик во многом зависит от того, на каком этапе общения врача и пациента они используются.

Этот диалог начинается с организационного момента, которому соответствует выяснение личности пациента, которое обычно, но не всегда сопровождается приветствием. Например, *Вы у нас кто?* или *карточка есть?* Следом врач спрашивается об общем состоянии здоровья ребенка, причине посещения поликлиники: *Так/ рассказывайте/ что с Вами?* С этого момента наблюдается реализация диагностирующей стратегии. При этом в зависимости от возраста ребенка врач может адресовать вопрос только взрослому или обоим «пациентам»: «маленькому» и сопровождающему его родственнику.

Осведомляется о здоровье ребенка в настоящий момент времени с помощью вопросов (*Так/ сейчас что? Как?//* или *То есть сейчас как бы жалобы.../ есть? нет?//*).

В основной части диалога врача и пациентов реализуется ряд тактик, характерных для общения любого врача с пациентом, о чем свидетельствуют исследования М.И. Барсуковой. Тактики речевого поведения были описаны исследователями речи врачей, пациентами которых были взрослые люди. В своем материале мы находим подтверждение их использования. При этом нет жесткой закреплённости определенных тактик за каждой из этих трех стратегий: диагностирующей, лечащей и рекомендующей. Часто в речи педиатра встречается реализация **тактики разъяснения**. Это делается для получения от пациентов более достоверной информации, необходимой для того, чтобы правильно поставить диагноз, а также сделать процесс лечения максимально понятным для родителей. И, кроме того, – успокоить их, снять лишнее психологическое напряжение.

Участники следующего диалога: опытный врач-педиатр, ребенок 4 лет и его старшая сестра. Врач пытается выяснить вид кашля: *Так/ кашель какой?//*

Сестра девочки отвечает: *Ну, сухой*

Врач пытается разъяснить: *Ну/ сухой вот.../ сухой - это грубый/ лающий/ вот это сухой/ а бывает влажный/ который там где-то булькает.../* Благодаря объяснению врача сестра сообщает необходимую информацию: *Ну/ наверно скорее у нее влажный//*

Повторы как одно из средств реализации тактики разъяснения/объяснения выделяет в речи врача Е.В. Наумова [Наумова 2011: 153]. Они используются как средство усиления выразительности речи, что связано со стремлением врача объяснить, убедить, донести наиболее важную информацию до пациента. Например, на приеме у педиатра родители очень переживали, что с ребенком что-то не так, находились в постоянном напряжении, и врач на протяжении всего приема повторял: *У меня никаких претензий к ребенку нет//* или *Никаких претензий к ребенку нет* или *Так/ у меня к Марии никаких претензий нет/ абсолютно нормальный ребенок* или *...вообще нормальный ребенок у вас/ как раз вот последние десять минут стоим/ вот я смотрю/ абсолютно нормальный ребенок/ вот просто нормальнее не придумаешь даже//*

В речи врач использует тактику сотрудничества и тактику предписания, о которых пишет М.И. Барсукова. Тактика сотрудничества может присутствовать в арсенале любой стратегии, реализуется в использовании местоимения «мы» (т.н. «мы-совместное»: врач и пациент), подчеркивается общность решаемых задач, пациент приобщается к процессу лечения (в нашем случае это чаще всего относится к «старшему» пациенту). Чтобы выстроить алгоритм дальнейших действий, необходимых для реализации рекомендуемой стратегии, при тактике предписания используются формы глаголов 1 лица множественного числа. Часто реализация этих тактик присутствует в речи одновременно.

Врач: *Так/ значит делаем мы следующим образом/ в садик мы пока не идем/ раз зеленые сопли есть// лечим горло и нос// в нос что капали?//»* или *«...значит перед этим/ «Аквалор»/ нос промываем/ высмаркиваем//*

Но чаще всего в функции предписания врач использует формы глаголов 2 лица множественного числа настоящего времени.

Врач: *Если/ дня два/ и как бы сопли на том же уровне остаются/ к ЛОРу тогда приходите// чтобы нос посмотрели/ мало ли/ вдруг что-то/ если пока сейчас сильно нет/ «Амбробене» продолжите// так/ так что пока лежите//*

При общении с ребенком используются деминутивы, т.е. слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые необходимы для интимизации речи, чтобы успокоить «маленького» пациента и настроить его на оптимистический лад (*Поднимай маечку// Угу/ спинкой/ ротиком подыши//; Горлышко показывай (ребенку)//*).

Даже в тех случаях, когда педиатр не может получить никакой информации от ребенка в силу его возраста, он все равно пытается общаться с ним, привлекая собственный родительский опыт или опыт домашнего общения. Пример: Врачу необходимо осмотреть ребенка, а девочка (3 года) не хочет подходить, тогда мама предлагает дочери показать врачу куклу по имени Маша, чтобы врач проверил, здорова ли она. Девочка подходит к педиатру, чтобы тот послушал куклу с помощью фонендоскопа. Врач поддерживает эту игру и параллельно осматривает ребенка.

Врач: (ребенку) *Давай/ давай я послушаю Машу/ давай/ вот/ давай/ угу (одобрительно)/ вот/ слушаю Машу/ угу// Ну ты держи Машу/ а как ты я буду ее слушать/ а если она упадет?//*

Хотя нашей целью является выявление специфики речи врача-педиатра как представителя этой специальности, мы, безусловно, будем учитывать и индивидуальные особенности конкретных информантов: пол, возраст, уровень речевой культуры (так, например, один из врачей употребляет в значении «почесать» диалектное «почухать», когда у ребенка прорезаются зубы, также в его речи отмечены единичные отступления от норм: «с Москвы»). С возрастом врачей связаны предпочтения в выборе лексических средств. Так молодой педиатр неоднократно использует заимствованное «окей». Есть различия и в рамке диалога. Молодой врач включил в завершение беседы фразу «Берегите себя», характерную для западной культуры и перекочевавшую в наши телепередачи, а специалист зрелого возраста обращается к традиционному: «До свидания».

Некоторые врачи имеют склонность к определенной трансформации произношения, попросту сюсюканию, в разговоре с маленьким пациентом. Например, врач говорит ребенку (6 месяцев): *Да/ человек?// Ты целовеек?/ Целовееек// Халеший//* Уместность этого вызывает сомнения, подобные искажения слов, скажем, не рекомендуются в работе воспитателя детей ясельного и детсадовского возраста. Существенно и то, что подобным образом (в нашем материале) ведет себя более молодой и менее опытный врач.

Специфику речи педиатра составляет не только выбор речевых средств, но и ее тематические особенности: в ней преобладают темы, тесно связанные с этапами роста и развития ребенка, изменениями в его физиологии и поведении. Существенную часть разговора с родителями составляет обсуждение мельчайших деталей этого процесса. Дополнительной целью речи вдумчивого и ответственного врача является обучение родителей, особенно молодых, умению отмечать в развитии их ребенка изменения, которые соответствуют возрасту и наоборот – являются отклонением от нормы.

Таким образом, можно выделить черты, которые сближают речь врачей и, скажем, учителей, тех, кто использует тактики разъяснения и предписания. Причем в речи педиатров следующие черты отмечаются последовательно. Это «мы-совместное», использование некоторых форм глагола в значении предписания, повторы наиболее важных слов, словосочетаний, целых фрагментов собственной речи для лучшего понимания и усвоения адресатом. Есть и черты, включая, разумеется, перечисленные, которые являются общими для речи разных врачей, ведущих прием пациентов: узких специалистов и терапевтов. Это, например, повторение слов пациента врачом для осмысления формулировки вопроса или рекомендаций. Но есть особенности речи педиатра, которые удалось выявить при анализе нашего материала. Пока наиболее существенными мы считаем тематическое своеобразие, внимание к мельчайшим деталям в состоянии и развитии ребенка, чем обусловлено большое количество вопросов на эту тему. Другая группа отличий связана с двунаправленностью речи педиатра. Это, прежде всего, проявляется в выборе лексических средств (деминутивы). Мы заметили и особенности, связанные с синтаксисом, например, некоторую упрощенность предложений. В этой области нам еще только предстоит работать.

Дополнительной целью речи вдумчивого и ответственного врача является обучение родителей, особенно молодых, умению отмечать в развитии их ребенка изменения, которые соответствуют возрасту и наоборот – являются отклонением от нормы. Хороших врачей отличает открытость, терпение, готовность отвечать на многочисленные вопросы пациента, приветливость, доброжелательность интонации. Все эти черты важны для любого врача, тем более для педиатра.

Литература

- Барсукова М.И.* Коммуникативная компетенция врача как фактор предупреждения рисков в общении с пациентом // Проблемы речевой коммуникации. 2014. Вып.14.
- Барсукова М.И.* Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача. Саратов, 2007.
- Барсукова М.И.* Проблема коммуникации по линии «врач – пациент» // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т.6. №1.
- Барсукова М.И.* Рекомендующая стратегия в речевом поведении врача и тактики ее реализации // Проблемы речевой коммуникации. 2010. Вып.10.
- Барсукова М.И.* Речевой этикет современного врача // Проблемы речевой коммуникации. 2011. Вып.11.

Барсукова М.И., Кочеткова Т.В. Слово в работе врача (Культура речи врача) // Чтобы Вас понимали: Культура русской речи и речевая культура человека / под. ред. О.Б. Сиротининой. М., 2009.

Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

Жилыева О.А. Языковая культура как фактор успешности профессиональной деятельности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 93.

Жура В.В., Рудова Ю.В. Коммуникативно-речевая культура врача // Вестник ЮУрГУ. 2016. Т. 13. № 1.

Коммуникационная культура медицинских учреждений и пациентов как фактор обеспечения эффективности медицинской помощи / *Д.Л. Мушников* [и др.] // Вестник РУДН, серия Медицина. 2010. № 4.

Маджаева С.И. Лакуны в подъязыке медицины «Диабет» / *С.И. Маджаева* // Журнал фундаментальных и прикладных исследований «Гуманитарные исследования. 2009. № 4 (32).

Мушников Д.Л. Филологическая культура медицинского персонала, как фактор обеспечения качества медицинских услуг / *Д.Л. Мушников, Е.В. Орлова, О.Д. Гареева* // Здоровье и образование в XXI веке. 2009. Т. 11. № 1.

Наумова Е.В. Некоторые особенности речевого портрета современного врача // Проблемы речевой коммуникации. 2010. Вып.10.

Наумова Е.В. Проявление высокого уровня коммуникативной компетентности в речи врача // Проблемы речевой коммуникации. 2013. Вып.13.

Наумова Е.В. Речь врача в официальной обстановке // Проблемы речевой коммуникации. 2011. Вып.11.

А.В. Дегальцева (Саратов)

Словообразовательные особенности наречий образа действия в разговорной речи

Научный консультант – профессор М.А. Кормилицына

Исследование разговорной речи (далее – РР) в рамках Саратовской лингвистической школы наиболее полно отражается в трудах О.Б. Сиротининой. Ученый рассматривает РР в качестве разновидности русского литературного языка: как его отдельную коммуникативную систему со своими нормами [Сиротинина 2012]. При этом РР чаще всего представлена устной непринужденной коммуникацией в неофициальной обстановке [Там же]. Доминанта РР – «минимум заботы о форме выражения» [Сиротинина 1993: 137]. РР характеризуется устностью, неофициальностью, непосредственностью, персональностью и политематичностью, спонтанностью и ситуативностью общения [Сиротинина 2012; Земская и др. 1981].

В данной работе рассмотрим словообразовательные особенности наиболее обширной и многообразной группы наречий – наречий образа действия – на примере РР. Устная форма обиходно-бытовой речи изучается на материале данных Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [<http://www.ruscorpora.ru/>], сборника «Мозаика разговорной речи» (далее – МРР)

[Харченко 2013], расшифровок видеоблогов различной тематики, представленных на платформе Youtube (далее – Y) [<https://www.youtube.com/>]. Письменная форма анализируется на основе сетевых дневников, расположенных на сервисе «Живой Журнал» (далее – ЖЖ) [<https://www.livejournal.com/>], текстовых описаний к видеоблогам и комментариев под видео разнообразной тематики, представленных на сайте Youtube, а также записей общения на форумах (далее – Ф) [<http://www.aspirantura.spb.ru/forum>, <https://psycheforum.ru/forum4.html>]. В примерах сохранены авторские орфография и пунктуация. Общий объем проанализированного материала составляет 25000 предикативных единиц.

Согласно проанализированным данным, в обиходно-бытовой сфере коммуникации преобладают наречия, образованные от качественных (*вкусно, интересно, полезно*) и относительных (*бесплатно, заочно, материально*) прилагательных, а также местоимений (*как, так, по-своему*). Поскольку РР свойственна оценочность и конкретность, в ней чаще всего употребляются наречия образа действия, производящей базой которых являются качественные прилагательные: *Он че-то так радостно ел это прям пюре*// [НКРЯ]; *И/ торговал хозяин весело/ иногда по вечерам даже / играл на своей тальянке*// [НКРЯ].

В обиходно-бытовой речи широко распространены конфиксальные наречия. Это связано с тем, что приставочно-суффиксальные лексемы являются широко употребительными в современном русском языке, в том числе, в РР [Земская и др. 1981; Ножкина 2008]: *Да вы знаете/ я один раз был в Ленинграде осенью/ ну как осенью/ по-ленинградски осенью/ в ноябре-декабре месяце*// [НКРЯ]. Среди них преобладают адвербиальные лексемы, образованные от прилагательных или местоимений с помощью конфиксов *по-...-ому/-ему, по-...-и*. Некоторые из таких лексем «стоят на границе разговорной речи и просторечия» [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981: 109]: *Может одеваться как-то надо по-особенному/ или что?//* [НКРЯ]; *Или раб не может думать не по-рабски?* [Ф].

Помимо наречий, образованных с помощью конфиксов *по-...-ому/-ему* и *по-...-и*, РР свойственны лексемы, производящей базой которых являются глаголы, а формантами – конфикс *в-...-ку*: [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981]: *Мне лично нравится несладкий чай и вприкуску сгущенка*// [НКРЯ]; *Battlefield 4 – Идем впритирку* [Y]; *Их употребляют внарезку, в составе салатов, супов и других блюд* [Y].

Формы сравнительной степени наречий образа действия в современной РР нередко образуются с добавлением префикса *по-* к аффиксу *-ее/-ей*: *Я горбушу беру, иногда – форель, а то и что подемократичнее* [МРР]; *Давайте что-нибудь повеселее* [Y].

Следует отметить, что в РР отпричастные наречия встречаются нечасто, поскольку в ней редко употребляются причастия и деепричастия [Сиротинина 1969]: *Он смотрел на меня прям так/ угрожающе/ я скажу/ смотрел*// [КФ]; *The Talos Principle – поражающе красивый квест от первого лица* [Y]; *Наверно, поэтому он так удивленно смотрит* [Y].

Поскольку для РР характерны диминутивы [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981], нам встретились наречия образа действия, образованные с помощью суффиксов *-оньк-*, *-еньк-*, *-ушк-*, *-юшк-*: *А так все чистенько/ уютненько*// [НКРЯ]; *Откройте окно: прохладнушко будет!* [МРР].

Еще одной словообразовательной особенностью, присущей РР, является редупликация [Земская и др. 1981]. Проявляется она и в словообразовательной структуре наречий образа действия: *Правильно-правильно/ что я пересчитал*// [МРР]; *Хорошо-хорошо/ согласен!*// [НКРЯ]; *Больно-ребольно было*// [НКРЯ].

На появление некоторых слов (*встояночку*, *леденючее*, *по-нашенски*, *ржачно* и др.) оказывает влияние просторечный тип речевой культуры.

РР, несмотря на ее шаблонность и стандартизованность, не чуждо и словотворчество [Земская и др. 1981; Харченко 2013]. Однако, как отмечает В.К. Харченко, талант носителей языка к повседневному словотворчеству редок и почти уникален [Харченко 2013]. Приведем некоторые примеры: *Вот/ мы начали одеваться вялотякуще*// [НКРЯ]; *Есть еще вариант типа «Ошибка недопустима!», хотя звучит как-то по кино-геройски* [Ф]; *Прикольные кошки. Очень уморно!* [У]; *Да я хоть всстояночку*// (поеду в маршрутном такси стоя) [МРР]; *Ты вспотел/ а мороженое леденючее*// [НКРЯ]. Окказиональные наречия нередко могут образовываться от заимствованных лексем: «*День сурка*» *по-геймерски*» [У]; *Если ты выбрал эмо/ то будь добр одеваться по-эмовски*// [НКРЯ]; *Хранить авто во дворе вообще не феншуйно* [ЖЖ]; *Кто захочет обзавестись в Омске моей литературой, свяжитесь с Аней интернетно* [ЖЖ]. Как отмечает В.В. Химик, многие окказиональные единицы содержат в себе «помимо сигнификативного значения, передающего базовый смысл номинации, еще и коннотативные семы образности, эмоциональности, оценочности» [Химик 2015: 465].

В некоторых случаях словообразовательной базой окказиональных наречий выступают междометия: *Как по мне – так шлюпку* (девушку легкого поведения) *в сауну заказывать куда более фу-фу-фушно* [Ф]; *АХАХ приколы хахахашно!!!* [У]. В лексемах присутствует редупликация, выражающая высокую степень проявлений эмоций говорящего: в первом случае она выражает отвращение, во втором – положительные эмоции, вызванные комичной ситуацией.

Конечно, словотворчество зависит от возраста, уровня образования адресанта, тематики и условий общения. Так, анализируя данные форумов ученых и аспирантов, материалы НКРЯ и МРР, мы отметили, что доценты и аспиранты, общаясь с коллегами, используют в своей устной и письменной речи яркие, образные наречия образа действия, свидетельствующие о довольно высоком уровне владения русской речью: *Да, купили в отдел еще Samsung NC10 – у него батарея вообще отличная, до 8 часов держит в экономе (реально, не рекламно)* [Ф]; *Этот вопрос можно решить внутривузовски* [Ф]. При анализе общения молодежи и людей средних лет на платформе Youtube, психологическом форуме, а также сервисе онлайн-дневников «Живой Журнал»

нам встретился довольно обширный пласт индивидуально-авторских наречий, производящие базы которых связаны преимущественно с областью «телесного низа» или названиями физиологических отправления. Употребление таких слов объясняется полной свободой Интернет-общения, его неформальностью, повышенной экспрессивностью, сниженностью, фамильярностью, а также не слишком высоким уровнем речевой культуры пишущих (о последнем факторе свидетельствуют орфографические и пунктуационные ошибки). Приведем некоторые примеры: *И он получился как всегда **рукожонно!*** [У]; *Ну вот, вышло уныло, разбито, **блевно**, но все же родил)))* (о музыкальной композиции); *P.S. Я знаю, что звук записан **какашечно** и что моя ава сделана в инста-сторис))* [У]. Как видим, такие окказиональные наречия используются для нетривиального, более экспрессивного выражения отрицательной оценки. По-видимому, пишущим не хватает стандартных адвербиальных средств выражения негативных чувств и эмоций. Подобные наречия могут характеризовать разнообразные действия и состояния адресанта, объекты и явления, характер человека, его профессиональные качества, состояние окружающей среды, социально-экономическую обстановку в стране и т. д. Такая широкая представленность данной окказиональной адвербиальной лексики не вызывает удивления, поскольку номинации объектов, явлений и действий, связанных со сферой «телесного низа» хорошо разработаны в русской речи. Об этом свидетельствуют не только повседневные речевые практики носителей русского языка, но и обширные словарные статьи в словарях РР [см.: Химик 2004].

Таким образом, производящей базой наречий образа действия чаще всего являются прилагательные, реже – местоимения и междометия. Наречия образа действия нередко образуются с помощью продуктивных в РР конфиксов. Характер же окказиональных наречий зависит от уровня речевой культуры говорящих или пишущих, их умения пользоваться богатствами русского языка. Окказиональные адвербиальные единицы часто могут быть мотивированы заимствованиями.

Литература

- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.И. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Семантика. М., 1981.
- Сиротинина О.Б. Разговорная речь (Определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- Ножкина Э.М. Наречие // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. О.Б. Сиротинина. М., 2008.
- Сиротинина О.Б. Разговорная речь // Функциональные стили и формы речи. Саратов, 1993.
- Сиротинина О.Б. Разговорная речь // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2012.
- Харченко В.К. Мозаика разговорной речи (+CD-ROM). М., 2013.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Химик В.В. Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии // XLIII Междунар. филол. конференция, СПб., 11-16.03.2014 г. Избранные труды. СПб., 2015.

Л.С. Ефремова (Саратов)

IT-терминология как основа формирования особенностей жанра «киберпанк»

(на материале романов В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам»
и Н. Стивенсона «Вирус “Reamde”»)

Научный руководитель – доцент Г.В. Лашкова

Стремительные темпы развития научно-технического прогресса оказывают колоссальное влияние на все сферы человеческой деятельности: политическую, экономическую, научную, художественную и др. Данный процесс повсеместного проникновения информационных технологий, безусловно, вызывает интерес у многих философов и ученых разных областей. Так, согласно мнению всемирно известного социолога Мануэля Кастельса, Интернет стал неотъемлемой частью, своеобразной основой всех современных обществ [Кастельс 2004: 6]. Жан Бодрийяр выражает свои опасения по этому поводу, поскольку неизвестно: освободят ли нас высокие технологии или же приведут к глобальной катастрофе [Бодрийяр 2006: 21].

Этот феномен привлекает внимание и современных писателей, что приводит к активному проникновению объектов и явлений IT в литературу и, как следствие, возникновению на стыке двух указанных областей новых жанров, одним из которых является киберпанк. Впервые этот термин употребил американский писатель-фантаст Брюс Бетке, опубликовавший одноименный роман в 1983 г. [Зезюлько 2012: 144]. Характерной сюжетобразующей чертой произведений этого жанра является противостояние хакеров – людей, живущих «виртуально», – крупнейшим корпорациям и другим структурам, в подчинении которым находятся все государства. Для конструирования художественного мира авторами используются различные лексические единицы из сферы информационных технологий такие, как термины, номенклатурные названия, жаргонизмы и сленгизмы.

В рамках данного фрагмента исследования особое внимание поэтому уделяется лексической составляющей следующих анализируемых романов: «Любовь к трем цукербринам» В. Пелевина и «Вирус “Reamde”» Н. Стивенсона, – которые относятся к жанру киберпанк (далее цитируются издания [Пелевин 2014; Стивенсон 2014] с указанием номеров страниц в квадратных скобках).

Один из центральных персонажей произведения В. Пелевина – молодой человек по имени Кеша, занимающий должность системного администратора в информационном агентстве, в свободное время является активным пользователем социальных сетей. В связи с этим в посвященных ему эпизодах используются как различная терминологическая лексика IT-сферы, так и разного рода сленгизмы (профессиональный и молодежный сленг), регулярно используемые при общении на различных сетевых ресурсах. В ходе исследования было необходимым рассмотреть тематические группы, которые

являются наиболее распространенными в данных произведениях, а также изучить их структуру и функционирование в тексте. Вследствие того, что изучаемый материал представлен заимствованиями из английского языка, было также необходимым изучить их степень ассимиляции в русском языке. В результате анализа исследуемый материал был расклассифицирован следующим образом.

Первая группа лексических единиц представлена различными названиями: информационного агентства («*Contra.ru*», «*Контра*»), сайта («*башорг*»), компьютерных игр («*Angry Birds*», «*GTA*», «*World of Tanks*»), сочетание клавиш для выполнения команды (нажал «*LB*»). В тексте представлены два варианта названия места работы главного персонажа: официальное («*Contra.ru*») и неформальное («*Контра*»), причем последнее прошло ассимиляцию на фонетико-орфографическом и морфолого-грамматическом уровнях, о чем свидетельствует употребление этой единицы в форме косвенного падежа: *В редакцию «Контры» пришел входящий в моду поэт Гугин, бочкообразный лысый мужчина с треугольной рыжей бородой («бегемот апокалипсиса», как он сам себя называл – но темно-багровый цвет его лица наводил скорее на мысль об аполексии)* [6]; *Кеша работал в «Контре» чем-то вроде сисадмина, но подрабатывал и журналистикой* [60] и др. Подобного рода процесс имеет место в названии другого сайта – «башорг», официальному названию которого соответствует www.bashorg.org: *И сразу вспомнилась хохма с «башорга»...* [55]. Названия указанных компьютерных игр, как правило, представляют собой иноязычные вкрапления, как и в исследуемом художественном произведении. Сочетание клавиш – «*LB*» – также является иноязычным вкраплением, так как компьютерная игра, в которой применяется данная команда, была разработана специалистами из США, соответственно ее рабочим языком является английский.

Другую группу анализируемых единиц составляют ассимилированные на фонетико-орфографическом и морфолого-грамматическом уровнях заимствования-существительные из английского языка, свидетельством чего является их употребление в соответствующих падежах, например, в следующих предложениях: *Соответственно, информационный продукт родного сайта Кеша называл про себя словом «шабесгон» (даже бормотал во время дедлайнов мечтательную мантру-стишок «мой шабесгон, мой шабесгон – как много дум наводит он»)* [6]; *Щас допьем, потусим в фейсбуке и спать* [58]; *На столе тренькнул айфончик* [57]; *Особенно мне запомнился один из его комментов в украинской ветке, где Кеша иногда просиживал днями...* [61] и др. Особого внимания заслуживает единица *фейсбуке* в предложении: *Щас допьем, потусим в фейсбуке и спать*, – которая не выделяется автором в тексте графическим образом несмотря на то, что является названием сайта одной из социальных сетей. Видимо, на это оказали влияние регулярность и широкая распространенность использования, в результате чего данная единица уже не воспринимается как нечто иноязычное. Кроме этого, в тексте встречаются две

формы одной и той же лексической единицы – **комментарий** (*Как написал в комментариях один возмущенный «ветеран труда, войны и опять труда» (на самом деле просто тролль, а еще конкретнее – придуривающийся Кеша) [60]*) и **коммент** (*Особенно мне запомнился один из его комментов в украинской ветке, где Кеша иногда просиживал днями... [61]*), причем второй вариант представляет собой либо ассимилированное заимствование от английского слова *to comment* и его формы *Comment*, часто встречающейся на англоязычных сайтах, либо сокращенной формой слова *комментарий*, образованной путем усечения (*коммент[арий]*), которая считается в настоящее время сленгизмом. Можно предположить, что русское усечение **коммент** появилось под влиянием английского *Comment*, так как они полностью совпадают по форме и значению.

Наряду с ассимилированными существительными в тексте были обнаружены и другие части речи, образованные от английских заимствований. Так, при помощи аффиксов русского языка от уже ассимилированной единицы *логин* были образованы глагол *перелогинился* (*Кеша перелогинился на левый ник, закрыл глаза и представил себе, как превращается в огромного, каменного, обросшего мхом и ракушками тролля [52]*; *Кеша опять перелогинился, перепрыгнул на другую ветку и с удовольствием потроллил сперва ватных... [54]*) и деепричастие *перелогинившись* (*Перелогинившись еще раз, Кеша выплюнул в ту же ветку вторую заготовленную фотожabu – рекламу шампанского «Вдова Кличко» [53]*; *Перелогинившись, Кеша увенчал свое выступление... [55]*).

В ходе исследования была выделена следующая подгруппа единиц, которая представлена гибридными образованиями, появившимися в результате интерференции двух языков, например, *френд+лента* в предложении: *Сначала он проглядел френдленту [52]* и *кат+сцена* в предложении: *Проще всего объяснить мирное сосуществование свободной воли и предопределения на примере консольной игры: весь ее сюжет, все катсцены и заключительная анимация уже прописаны на установочном диске [66]*. В данном случае в тексте была употреблена сленговая единица, используемая игроками компьютерных игр. У единицы «катсцена» в русском языке существуют другие варианты названия, а именно вырезанная сцена и внутриигровое видео (в компьютерной игре). В английском языке им соответствует словосочетание *cut scene*.

Еще одна группа лексических единиц входит в состав словосочетаний, которые создают тот или иной стилистический эффект. Так, в предложении *Это была амбициозная попытка отразить в стихах все наиболее яркие события недавнего прошлого: составить, как изящно выразилась одна из трех журналистов, «Гугл Мэп Эпохи» [6]* словосочетание «Гугл Мэп Эпохи» является одновременно аллюзией и метафорой, и из контекста читателю становится понятно, что речь идет о некой карте эпохи. Поскольку целью информационного текста разных форм является привлечение и удержание внимания аудитории, то журналистом было использовано актуальное на тот период времени номенклатурное название, известное для активных

пользователей интернета. Наряду с этим была обнаружена метафора в выражениях *ныряет по блогосфере* (*Картинка на экране делалась на это время совершенно пристойной и функциональной: любой медийный работник сегодня полдня ныряет по блогосфере* [5]), что может означать активный характер использования данной области интернета; *ассемблер чужой души* (*Просто ассемблер чужой души при близком рассмотрении редко выглядит привлекательно* [6]), где под ассемблером подразумевается язык программирования низкого уровня, описания на котором часто сложны для понимания, соответственно и «язык» человеческой души представляет собой нечто запутанное и т.п. В тексте также были обнаружены примеры использования такого стилистического приема, как ирония: *Может, и мы сами – такая же компьютерная симуляция, которая есть только до тех пор, пока какой-то компьютерный хулиган держит нас в кадре* [57]; *Управляют хипстером главным образом информационные запахи и ветры* [60]; *Иногда к нему в гости заезжал один видный русский интернет-философ на маленьком юрком танчике девятого уровня* [60] и др.

Вторым проанализированным текстом в данном фрагменте исследования был роман Н. Стивенсона «Вирус “Reamde”», изданный в 2011 г. Выбор данного произведения был обусловлен его принадлежностью к жанру киберпанк, а также тем, что этот роман был переведен на русский язык в 2014 г., что представляло особый интерес с точки зрения перевода терминологической лексики с английского языка.

В центре сюжета находится легальная и нелегальная деятельность разработчиков компьютерной игры.

В результате анализа текста романа были обнаружены различные группы лексических единиц изучаемой терминологической области.

Во-первых, это иноязычные вкрапления, которые выделяются в тексте при помощи кавычек, например, *Заставка «Г’Эрры» была целиком содрана с заставки «Google Earth»* [25]. При этом переводчики поясняют значение этого понятия с помощью сноски, предоставляя перевод на русском языке, – «Гугл – Земля».

Во-вторых, номенклатурные названия, при употреблении которых также используются кавычки, однако они уже прошли ассимиляцию на фонетико-орфографическом уровне и поэтому написаны по-русски. Например: *Он подозревал, что они уже запостили сообщения в «Твиттер» и «Фейсбук»* [10]; *Ричард на мгновение пожалел о своих словах: вдруг Питер постит их разговор в «Твиттер»* [35] и др.

Третья группа представлена номенклатурными названиями, ассимилированными и на морфолого-грамматическом уровне: *В частности, он подсел на «Варкрафт: орки и люди» и продолжения, со временем переросшие в многопользовательскую ролевою онлайн-игру «Мир Варкрафта»* [22]; *Для начала они запустили схему, по которой Ричард на североамериканском конце цепочки получал пейпаловские платежи от фанатов «Варкрафта» в Канаде и США...* [23]; *Его компьютер, работающий под «Линуксом»,*

определил, что на ней виндовская файловая система, что как раз и требовалось, поскольку на компьютере Уоллеса тоже стояла «**Виндоуз**» [43].

Также были обнаружены номенклатурные названия, использованные без кавычек: Зула сказала ему, что случилось с ее приемной матерью. Может, Питер даже залез в **Гугл** и проверил [10]. Последнее свидетельствует о том, что данное название уже вошло в словарь русского языка.

Кроме этого, при анализе текста художественного произведения была выделена группа слов, также прошедших ассимиляцию на морфолого-грамматическом уровне: Ричард ожидал найти разве что почту и парк, поэтому чуть не вздрогнул, когда на экран выскочила **крупнопиксельная** иконка... [20]; Для начала они запустили схему, по которой Ричард на североамериканском конце цепочки получал **нейпаловские** платежи от фанатов «Варкрафта» в Канаде и США... [23]; Набирая номер, Ричард проверил **айпишник** Wi-Fi-роутера «Хай-Ви» [30]; Ричард на мгновение пожалел о своих словах: вдруг Питер **постит** их разговор в «Твиттер» [35]; Как хорошо видно на **гуглокартах**, из этой части Британской Колумбии невозможно напрямик проехать в Сиэтл, да и вообще никуда: все горные хребты перпендикулярны векторам движения [49] и др. Все указанные примеры приобрели необходимые аффиксы и окончания, характерные для грамматической системы русского языка.

В ходе исследования были выделены примеры гибридных образований, которые состоят из аббревиатуры на английском языке и слова на русском языке, объединенных при помощи дефиса. Например: Затем включил бортовой **GPS-навигатор** и начал копаться в меню [20]; Набирая номер, Ричард проверил **айпишник** **Wi-Fi-роутера** «Хай-Ви» [30]; Мы выяснили, что некая часть их сайта уязвима для **SQL-атаки** [49] и т.п.

В результате анализа романов В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» и Н. Стивенсона «Вирус “Reamde”» были выявлены следующие общие черты: употребление иноязычных вкраплений, а также ассимилированных на фонетико-орфографическом и морфолого-грамматическом уровнях единиц. Однако в произведении В. Пелевина было отмечено использование различных стилистических приемов – метафоры и иронии, которые образованы на основе терминологической лексики, формирующей необходимую для данной тематики атмосферу и образы персонажей.

Таким образом, материал исследования показал, что лексические единицы IT-терминологии активно используются писателями при создании художественных произведений в жанре киберпанк, который пользуется вниманием современной читательской публики, так как современная действительность переходит на новый виртуальный уровень, а информационные технологии прочно вошли в быт и речь пользователей разного возраста и социального статуса, представляющих многие страны и народы.

Литература

Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006.

- Зезюлько А. В. «Киберпанк» как феномен духовной жизни // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4.
Кастельс М. Галактика интернет. Екатеринбург, 2004.
Пелевин В.О. Любовь к трем цукербринам. М., 2014.
Стивенсон Н. Вирус «Reamde». М., 2014.

В.М. Канаева (Саратов)

Средства суггестии в стоматологическом дискурсе

Научный руководитель – профессор В.В. Дементьев

Суггестивность в медицинском дискурсе представляет собой сознательно осуществляемое врачом по отношению к пациенту внушение, направленное на установление доверия к врачу со стороны пациента, касающееся важнейших ценностей пациента, основанное на авторитете врача и воспринимаемое пациентом без критической оценки [Гончаренко 2007: 5]. В медицине, в частности, в стоматологии, слово является мощным «оружием», посредством которого врач контролирует пациента, управляет его чувствами и эмоциями, преследуя конечную цель: излечить пациента [Там же: 66]. Речевое суггестивное воздействие – неотъемлемая часть акта коммуникации в стоматологическом дискурсе, которая проявляется в воздействии на эмоции и подсознание пациента. Однако суггестивность проявляется в совокупности с рациональным, логическим общением, что подтверждается наличием информативных стратегий в стоматологическом дискурсе.

В ходе нашего исследования было выяснено, что суггестивность в стоматологическом дискурсе проявляется в наборе вербальных средств, характеризующихся:

- 1) прагматическими особенностями,
- 2) лексическими особенностями,
- 3) стилистическими особенностями.

На материале проанализированных записей были выявлены две группы стратегий (по Н.В. Гончаренко), используемых в стоматологическом дискурсе:

1) **Фатическая** (направлена на установление и поддержание контакта с пациентом). Данная стратегия реализуется в речевых жанрах: приветствие, обращение, совет, одобрение, прощание, шутка. Проиллюстрируем это на конкретных примерах:

- Жанр обращения: *Мой хороший/ Леночка/ Лена/ Умничка моя*. Жанр обращения призван сформировать аттракцию, выразить доброе отношение к пациенту, продемонстрировать заинтересованность врача в личности пациента, вызвать положительные эмоции у собеседника.

- Жанр шутки: *Ну что, пациент уже готов! (в шуточной манере)/ В.: Вы же у нас ничего не боитесь? П.: Я... (смеется). В.: (шутливо) Я боюсь, я боюсь вас. П.: Ну как сказать... В.: Ну как сказать (цитирует). Чтобы не обидеть нас. / В.: Да-да, а здесь вот 46. Мне кто-то тоже сказал: «Неужели у меня 46*

зубов?» П.: (смеется). В.: Да нет, к сожалению, нет (улыбается). / П.: Ну вы справитесь? (смеется). В.: Обижаете! (смеется). Куда ж я денусь! Конечно, справлюсь. Жанр шутки является хотя и не вполне характерным для стоматологического дискурса, но одним из регулярно используемых средств суггестии, так как прием у врача зачастую для пациента сопровождается негативными эмоциями и стрессом, определенной напряженностью, которая может послужить препятствием для дальнейшей диагностики и лечения. Юмор оказывает положительное воздействие на пациента, давая возможность расслабиться и отвлечься.

- Жанр совета: *Лен, я вам назначу обезболивающее длительного действия, которое облегчит вам жизнь./ В домашних условиях лучше пастой пользуетесь с антисептиком, никаких миромистингов, ничего этого не нужно. Лишние вот эти вот совершать телодвижения, не нужно абсолютно.* В данном случае маркером суггестии, по нашему мнению, является использование повтора (*не нужно*), который закрепляет в памяти пациента данное врачом назначение. Совет является важной составляющей стоматологического дискурса, представляющей инструктивное разъяснение, благодаря которому пациент четко осознает необходимость лечения и алгоритм действий, необходимый для полного выздоровления.

- Жанр одобрения: В.: *Да нормально, вы у нас после операции уезжали, вон самостоятельно все там сделали.* П.: Да. В.: *Очень хорошо причем.* Одобрение мотивирует пациента, внушает веру в эффективность дальнейшего лечения и призывает соблюдать данные врачом рекомендации для поддержания результатов лечения.

- Жанр прощания: *До свидания!! Счастливо!! Всего доброго!* Жанр прощания логически завершает врачебный прием, является маркером вежливости и уважительного отношения врача к пациенту. Этикетная рамка врачебной беседы (адресованные приветствие и прощание) – важное условие фатического общения.

Конфликтные фатические речевые жанры не были обнаружены в проанализированных записях.

Таким образом, фатическое общение необходимо для создания и поддержания контакта с пациентом, установления доверительных отношений, которые крайне необходимы для облегчения процессов лечения и диагностики.

2) **Информативная** (диагностирующая, лечащая и рекомендующая стратегии).

При постановке диагноза и непосредственном лечении активно используются патонимы (*На снимке мы посмотрим как расположен зуб мудрости, где локализован воспалительный процесс, какое лечение нам планировать. / Это амбулаторная операция, процесс небыстрый, нам придется повозиться. / Сейчас я буду делать вам анестезию*). Однако у терминологии есть и фатическая цель, а именно: врач демонстрирует свою компетентность в вопросах медицины, внушая тем самым доверие пациенту.

Суггестивность информативных стратегий проявляется через установление психологического контакта для получения информации, умение врача слушать пациента, понимание сущности того, что в данный момент более всего беспокоит пациента.

Во время хирургической операции характерно использование директивов (повелительного наклонения), которые исключают возможность выбора и принимаются пациентом некритично. (*Теперь скажите «а». Я посмотрю горло./ Откройте рот. Чем шире, тем лучше./Ложитесь./ Приоткройте немножко рот*). Жанр рекомендации также сопровождается использованием инфинитивных конструкций (*Все назначения продолжать. Антибиотики принимать в течение семи дней, а обезболивающие по мере необходимости./ После операции два часа не принимать пищу. Если занимаетесь спортом. Отменяем дней на десять занятия, походы в сауну тоже, вообще все согревающие процедуры*). Было зафиксировано использование некоторых смягчающих средств, например, слова с уменьшительным суффиксом и уменьшительно-ласкательные обращения (*Широко ротик откройте, чуть-чуть подколю. / Вы не бойтесь, вдыхаем, мой хороший*). Также было отмечено использование мужского рода в обращении к женщине («мой хороший»), что является отхождением от литературной нормы. Использование уменьшительно-ласкательных обращений создает более доброжелательную обстановку, успокаивает пациента, особенно если он/она склонен к приступам паники и страха. Во время как самого оперативного вмешательства, так и в послеоперационный период врач зачастую использует похвалу как средство приободрения, мотивации пациента (*Все, умничка, молодец. /Мой хороший, вы умница. Все делаете правильно*).

Как отметил врач, дававший интервью, похвала и комплимент крайне важны в стоматологическом дискурсе: *«Пациента это стимулирует. Это обязательно нужно делать. Ровно также как и «упрекнуть» вежливо и культурно в случае невыполнения назначений. Однако далеко не со всеми пациентами такой подход был бы верным. Все пациенты разные и к каждому нужно найти свой ключ, с одним нужно разговаривать, используя уменьшительно-ласкательные суффиксы, а с другим более официально, с кем-то без медицинской терминологии, а кому-то можно что-то объяснять с применением медицинских терминов (есть люди, которые доверяют врачу только в том случае, если он подкрепляет свое объяснение терминами). Разговаривать нужно спокойно, размеренно, смотреть человеку в глаза, не употреблять слова-паразиты, никаких там «ну, это». Понятно, лаконично, доступно – вот тот самый принцип. Однако когда ты человеку можешь сделать неприятно, использовать «мой хороший» допустимо, его нужно поддерживать, пациент чувствует это и становится ближе, отвлекается и расслабляется».*

Исходя из количественных данных, полученных в результате исследования, самыми частотными средствами воздействия на пациента являются повелительное наклонение, терминология и уменьшительные аффиксы.

Таким образом, эпизоды общения могут быть распределены по следующим речевым жанрам: приветствия, обращения, шутки, совета, одобрения, прощания, постановки диагноза, рекомендации и т.д. В результате проанализированных записей диалогов зубоврачебной практики и интервью с врачом-хирургом мы пришли к выводу, что стоматологический дискурс имеет свою специфику, которая проявляется в наборе вербальных средств, а именно: многократное использование повелительного наклонения и терминов как средств воздействия на пациента. Оперативные вмешательства в стоматологии проводятся под местным обезболиванием и зачастую длятся продолжительный период времени, что вызывает у пациента неприятные ощущения. Врачу в данной ситуации необходимо направить пациента и внушить ему чувство спокойствия и уверенности в успехе дальнейшего лечения. Успешность профессиональной деятельности врача напрямую зависит от лингвистических характеристик его речи. Выработанный врачом определенный стиль коммуникативного поведения, предполагающий важность как вербальной, так и невербальной составляющей профессионального диалога с больным, способствует формированию более точного и глубокого представления о личности пациента и о проблемах, связанных с его здоровьем. Речевое мастерство врача дает возможность установить контакт с различными больными, в результате – провести правильную диагностику и оказать необходимую квалифицированную помощь, предполагающую содействие в осознании пациентом сложившейся ситуации и нацеливании его на необходимый курс лечения.

Литература

Гончаренко Н.В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

С.А. Лебеда (*Саратов*)

Влияние композиционного построения и элементов сильной позиции на создание сюжетной напряженности в романе Дж.Дивера «The Bone Collector»

Научный руководитель – доцент А.Е. Овсянникова

Действие напряженности в структуре текста основано на понимании темы и ремы как главных организаторов связности текста [Овсянникова, Лебеда 2017; Овсянникова 2017].

Тема литературно-художественного произведения может быть представлена как заголовком, так и сюжетным зачином в рамках одного предложения, абзаца или первой главы. Следует отметить, что тему актуального членения и тему литературного произведения как картину мира, изображаемую художником, объединяет не только название. Элемент

актуального членения является составной частью общей тематической структуры текста – композиции.

В основном сюжетная напряженность представлена элементами композиции, которые находятся в сильной позиции текста.

Чтобы задержать внимание читателя на важных по смыслу моментах и комбинаторных приращениях смысла, наиболее эффективно поместить их в сильную позицию – на психологически особенно заметное место в тексте. Такими сильными позициями являются начало или конец текста, или его формально выделенные части (главы, строфы и т.д.).

Многие исследователи подразделяют начало на название произведения, факультативные эпиграф и пролог, и первые строки или первые абзацы. В некоторых произведениях интерес читателя может быть частично удовлетворен, поскольку в произведении не всегда присутствует развязка, свидетельствующая о снятии напряжения и устранении конфликта, поэтому автор предоставляет читателю возможность самому представить тот или иной исход событий. Такой тип напряженности часто называют неразрешенной напряженностью или частично разрешенной сюжетной напряженностью [Юдина 2001: 155].

Большое значение для правильного восприятия художественного произведения читателем имеет эпиграф. Он, наряду с пограничными сносками, цитатами, а также предисловием и послесловием автора может являться компонентом внетекстовых авторских отступлений или комментариев. Своеобразие эпиграфа как коммуникативно-прагматической речевой единицы, сопровождающей литературный текст, заключается в «перепорученном» вторичном характере осуществляемой им коммуникации между автором и читателем, так как автор использует для собственных целей уже кем-то сказанное либо в реальной коммуникации другого текста, либо в реальной коммуникации, не изображенной в литературном тексте.

Прагматическое назначение подобных эпиграфов состоит в том, чтобы у читателя возник нужный ассоциативный фон, который необходим для понимания особенностей изображенных исторических событий и характеров, а также национального колорита, который так важен в композиции этого романа.

«Эпиграф – выразитель концепта, предшествующий его текстовому формированию». В отношении композиции эпиграф автономен: это текст в тексте, имеющий собственного автора, свою сферу функционирования и свою исходную коммуникативную ситуацию. Графически эпиграф отчужден от текста – он открывается первым абзацем.

Но главную свою функцию он выполняет именно в предтексте. Для этого он и отчуждается от собственного текста, изымается из своей действительности обозначения. В таком изолированном виде он выступает как общереферентное обобщение, универсальная истина, приложенная к целому ряду самых разнообразных ситуаций.

Эти последние качества активизируют творческую деятельность читателей

и привлекают его личный тезаурус и широкий жизненный опыт. В силу своих обобщающих качеств эпиграф выступает в качестве модели, которая может быть заполнена целым рядом конкретных иллюстрирующих его текстов.

Исследователи давно установили, что начало и конец любой деятельности важны для выполняющего ее человека по разным причинам, в том числе и психологически. В свое время М.М. Бахтин заметил, что начало и конец произведения для каждого автора важны по-своему.

Начальная позиция текста художественного произведения важна не только для автора, но и для читателя. Для автора она символизирует вступление в новую деятельность, такую как творение художественного мира. Читателю же начало дает систему координат того мира, который будет разворачиваться перед ним.

Ответы на такие вопросы, как «кто?», «где?», «когда?» открываются читателю именно в начале текста. Читательские ориентиры закладываются в начале книги. Эта первостепенная важность и для автора, и для читателя и обеспечивает началу статус сильной позиции.

Одной из важнейших функций начальной позиции является «интригующая функция» – функция привлечения читателя. Другими не менее важными функциями начала художественного текста считаются:

1) координирующая (моделирующая) функция. Эта функция представляет собой введение координат изображаемого мира (времени, места действия, его участников);

2) сигнализирующая (делимитирующая) функция. Она оповещает о переходе к изображаемой действительности и переключает внимание читателя на особый вид коммуникации;

3) «эстетически настраивающая» функция [Столярова 2014: 164].

Конец художественного произведения так же, как и начало, относится к элементам сильной позиции. Мотивы его выдвижения отличаются от тех, что дают право началу на статус сильной позиции.

Конец важен прежде всего тем, что именно он актуализирует категорию завершенности, целостности. Он закрывает художественную систему, можно сказать, «запечатывает» ее. Так же, как и начало, конец произведения отмечает смену деятельности и для автора, и для читателя. Для автора конец текста всегда носит интенционный, индивидуальный характер. Интенционность завершения проистекает из авторского предположения (убеждения), что концепт сформирован и адекватно представлен в своем развитии читателю.

Таким образом, завершенность произведения обусловлена прежде всего тем, что определенный аспект концепта освещен. В тот момент, когда автор посчитал свою основную идею воплощенной, текст «закрывается», завершается.

Однако, для читателя однозначность авторского завершения отнюдь не очевидна. Чем больше самостоятельности разрешает автор читателю, реализуя свою прагматическую установку воздействия на него, тем выше вероятность, что читатель не воспримет конец текста как завершение произведения. С читательской позиции, текстовые концовки можно классифицировать как

открытые и закрытые. Последние эксплицитны, они закрывают максимум сюжетных линий, доводят своих главных персонажей до конца их жизни или до достижения цели [Столярова 2014: 168].

Авторский стиль Дж. Дивера интересен с точки зрения наличия или использования сюжетно-композиционных средств. При лингвистическом анализе, направленном на выявление напряженности в тексте, прежде всего необходимо обратить внимание на сюжетно-композиционный уровень рассказа. Именно на этом уровне проявляется особый тип напряженности, определяемый В.Г. Адмони как «сюжетная».

Данный роман отличается отсутствием экспозиции. Автор намеренно избегает данного элемента композиции с целью создания нужного уровня напряженности и осуществления толчка к ее дальнейшему развитию. Первым, на что направлено внимание читателя после ознакомления с заглавием рассказа, является его начало, т.е. завязка – первый смысловой абзац, заключающей в себе идею и сюжетную направленность романа. Дивер намеренно усложняет процесс прочтения произведения, избегая описания места и времени действия, которые могли бы постепенно ввести читателя в текст и сюжет, ознакомить с характерами и жизненным опытом главных героев. Вместо этого автор помещает читателя в определенный временной промежуток. Отсутствие экспозиции также позволяет погрузить читателя непосредственно сразу в действие, что, в свою очередь, наделяет текст большей напряженностью.

Писатель с первого предложения «*She wanted only to sleep*» начинает динамичное повествование и позволяет читателям почувствовать психологически напряженную обстановку, в которой прилетевшую в Нью-Йорк героиню настораживает все, начиная от нескончаемой вереницы машин и заканчивая билбордом. У девушки возникают нехорошие предчувствия. Читатель, впервые взявший в руки произведение, еще не знает о том, что, сев в такси, девушка и ее спутник могут не добраться до места назначения.

В начале каждой части романа после эпиграфа автор указывает точное время происходящих событий. Дивер намеренно помещает дату и время в сильную позицию, чтобы оказать психологическое воздействие на читателей и подчеркнуть острую нехватку времени у детективов.

1. *Friday, 10:30 p.m., to Saturday, 3:30 p.m.*
2. *Saturday, 4:00 p.m., to Saturday, 10:15 p.m.*
3. *Saturday, 10:15 p.m., to Sunday, 5:30 a.m.*
4. *Sunday, 5:45 a.m., to Monday, 7:00 p.m.*
5. *Monday, 7:15 p.m., to Monday, 10:00 p.m.*

Действие романа занимает всего три дня, но в этот промежуток времени происходит огромное количество событий. Дивер уточняет время до минут, и это свидетельствует о том, что у главных героев слишком мало времени на расследование преступлений. Убийца должен быть пойман, пока еще не поздно. Он оставляет полиции подсказки, и, если они вовремя не разгадают их,

они не смогут спасти очередную жертву маньяка. Именно такое воздействие оказывается на читателя время в сильной позиции.

Кульминацией данного романа является драка детектива Райма и Стентона. Это самый напряженный и динамический момент. Зло наказано, убийца повержен. Детектив Райм становится героем. Это победитель, человек, который в неравном, на первый взгляд, бою сумел одолеть противника. Данной главой было бы логично завершить произведение – враг повержен, добро победило, город спасен от кровожадного маньяка. Но Дивер намеренно этого не делает. Для того, чтобы еще больше привлечь внимание читателей, автор романа продолжает произведение.

После этой главы Дивер дает еще одну, в которой он описывает открытый финал. Но даже в этой главе, которая занимает всего несколько страниц, писатель мастерски создает напряжение путем кольцевой композиции. Кольцевая композиция служит одним из средств создания напряженности, при котором создается завершение основной мысли и усиливается впечатление от произведения. Кольцевая композиция также является своеобразной рамкой, позволяющей ограничить сюжетно-временное пространство произведения, т.е. отрывок, выбранный автором для описания.

Автор начинает произведение с описания состояния, мыслей и чувств главного героя - Линкольна Райма. Ему опостылела жизнь, и он просит доктора Бергера помочь ему покончить жизнь самоубийством. Линкольн считает себя ни на что не способным инвалидом, у которого функционирует только мизинец. Поначалу Бергер сомневается, пытается отговорить главного героя от срочного принятия решения и отложить организацию всего необходимого для этого.

Этой же темой и заканчивается роман. Несмотря на раскрытое преступление, успех которого целиком принадлежит детективу, он не склонен менять свое решение. И даже знакомство с обворожительной Амелией Сакс не может его остановить от намеренного самоубийства. Попытка девушки применить действенный на ее взгляд способ не увенчалась успехом. Линкольн твердо решил свести счеты с жизнью. Спасает его лишь просьба Селлитто помочь полиции разобраться в очередном деле. Райм не может ответить отказом и снова готов работать.

Соответственно, отсутствие экспозиции сразу привлекает внимание читателей и погружает их в напряженную атмосферу убийств и расследований. Кольцевая композиция создает особый художественный смысл, помогая автору подчеркнуть главную мысль и четко сформулировать позицию главного героя: он готов помогать полиции в борьбе со злом в Нью-Йорке, несмотря на полное нежелание жить. Завершение романа в момент кульминации и открытый финал создают именно тот фон, который необходим для проявления сюжетной напряженности.

Литература

Овсянникова А.Е., Лебеда С.А. Заглавие как средство создания сюжетной напряженности в романе Дж. Дивера «The Bone Collector» // Романо-германская филология: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. К 100-летию гуманитарного образования в Саратовском государственном

университете им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2017.

Овсянникова А.Е. Роль сильной позиции в реализации напряженности (на материале романов Дж. Дивера) // Личность – Язык – Культура: Материалы VI Межд. научно-практ. конф. Саратов, 22-24 ноября 2017 г. Саратов, 2017.

Столярова И.В. Многозначность «сильных позиций» текста (на материале рассказов Т. Толстой) // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2014. № 3.

Юдина Т.В. Напряженность как энергодинамическое свойство текста и предложения // Проблемы теории европейских языков. СПб., 2001.

А.А. Лукьянова (Саратов)

Развитие семантики слова *троллить* в современном русском языке

Научный руководитель – профессор А.Н. Байкулова

В русском языке полисемия, или многозначность, развивается как у слов исконно русского происхождения (*земля, поле, дом, волк* и др.), так и у слов заимствованных, например таких, как *цифра, зона, юбка, кафедра* и др. Полисемия заимствованных слов является результатом их актуальности и ассимиляции в языке-реципиенте. Например, хорошо известное всем слово *лидер*, образованное от глагола *лидировать* (англ. *leader < to lead* – «вести», «побуждать», «руководить»), в русском языке приобрело ряд новых значений: 1.0. «Глава, руководитель политической партии»; 1.1. «человек, способный руководить другими»; 2.0. «Спортсмен или спортивная команда, к-рые идут первыми в каком-л. состязании»; 2.1. «О том, кто или что занимает ведущее место в каком-л. процессе [см.: БУС 2016: 494]. Отметим, что *лидер* вошло в БУС 2016 как одно из слов, составляющих ядро современного русского литературного языка.

Особый интерес для нас представляет то, как происходит развитие семантики чужого слова в принимающем языке. Актуальность таких исследований определяется тем, что одной из самых ярких черт, отражающих состояние современного русского языка, исследователи называют заимствования из английского, сравнивая этот процесс с французским наводнением XVIII века [см.: Костомаров 1999: 110].

Одним из новых слов, появившихся в начале XXI в., является глагол *троллить*: его можно встретить в интернет-коммуникации, в устной речи медийных личностей, в общении молодежи. Поэтому, на наш взгляд, рассмотрение семантики этого слова и его «судьбы» в русском языке интересно для многих носителей языка, в том числе и для лингвистов.

Чтобы установить значение слова *троллить*, мы обратились к таким лексикографическим источникам, как: ТСРЯ 2006, ТСРЯ 2007, ССИС 2012. Ни в одном из этих словарей его не оказалось, но в БТС 2002 представлена дефиниция слова *тролли*: «в скандинавской мифологии: сверхъестественные существа,

обычно враждебные людям (чаще великаны, обитающие в горах и охраняющие от людей сокровища)» [БТС 2002: 1347]. Очевидно, отсутствие слова *троллить* в словарях связано с тем, что оно появилось в нашем языке относительно недавно и пока не успело войти в пласт общеупотребительной лексики.

Однако толкование неологизма представлено в Викисловаре: «*троллить* – неол., интернет. размещать в Интернете (на форумах, в дискуссионных группах, в вики-проектах, ЖЖ и др.) провокационные сообщения с целью вызвать конфликты между субъектами, взаимные оскорбления и т.п.» (см. <https://ru.wiktionary.org/wiki/троллить>; дата обращения: 02.03.2018).

Однокоренными к *троллить* являются слова *троллинг* и *тролль*². По данным Викисловаря, *троллинг* – «1. неол., рыбол. ловля рыбы на блесну; блеснение. 2. неол. размещение в Интернете <...> провокационных сообщений с целью вызвать конфликты между субъектами, взаимные оскорбления и т. п.», а *тролль*² – «комп. жарг. человек, который размещает грубые или провокационные сообщения в Интернете».

Обратим внимание на то, что лексемы *троллить* и *тролль*² представлены как однозначные (*тролль*² – омоним к *тролль*¹), а *троллинг* дается как многозначное: у него два лексико-семантических варианта. Но *тролль*² в силу своего совпадения с написанием лексемы *тролль*¹ стал активно отождествляться у носителей русского языка с существом скандинавского фольклора, обычно злым и уродливым. Отсюда такая устойчивая характеристика обеих лексем омонимичной пары – «злой тролль».

Аналогичные толкования слов *троллить*, *троллинг* и *тролль*² находим и в таких словарях, как СНТС 2011, СМС 2015, СЯИ 2016 (часть из них специализированные). Однако в СМС 2014 *троллить* – это уже не только рассылать в Интернете сообщения, разжигающие конфликты, но и «высмеивать кого-л., смеяться над кем-л., отпускать злые шутки в чей-то адрес, издеваться»; *троллинг* толкуется как «осмеяние кого-л., насмешка, оскорбление, унижение, сарказм в чей-л. адрес», а *тролль* – как «шутник, человек, который высмеивает кого-л. (иногда это могут быть злые шутки)» [см.: СМС 2014: 104].

Для того чтобы выявить, в каких значениях эти слова используют в своей речи студенты, нами был проведен опрос 50 информантов – юношей и девушек 18–25 лет. В результате опроса было выявлено, что 40% респондентов определили *троллить* через глагол *провоцировать* (соотношение юношей и девушек одинаково); 28% – через *издеваться* (среди них преимущественно девушки); 20% – через *подкалывать*, *подшучивать* (только юноши), *стебаться* / *стеб* (только девушки); 12% – через *шутить* (в основном юноши). В большинстве своем информанты отмечали у *троллить* оттенки иронии или сарказма. Никто из опрошенных не связал значение слова с процессом ловли рыбы или рассылкой электронных сообщений.

Проведенный опрос показал, что в сознании молодежи палитра значения слова *троллить* велика: от веселой шутки, иронии, сарказма, до речевой агрессии. Кроме того, наблюдается явный отход от связи явления троллинга

исключительно с интернет-средой: оно переносится в реальное коммуникативное пространство. Например: (из устной речи) «*А все потому, что не надо тут троллить корги!*»; «*Серьезный мужчина, а троллит своих зрителей*»; «*Наверняка они попытаются троллить наши действия*».

Таким образом, функционируя в речи, лексема *троллить* (так же, как и слова *троль* и *троллинг*), начала приобретать новые значения. Рискнем предложить ее новую словарную дефиницию: **ТРОЛЛИТЬ**, -ю, -ишь; *несов. кого (что)* **1.** интернет. Размещение в Интернете провокационных сообщений с целью вызвать конфликт между участниками дискуссии. «*Она троллит местную власть на городских сайтах*». **2.** разг. Проявлять речевую агрессию (провоцировать, высмеивать, оскорблять кого-л). «*В итоге, когда я рядом сажусь, они меня начинают троллить*». **3.** разг. Шутить. «*Ты сейчас серьезно или троллишь?*».

Активное распространение слова можно связать с тем, что оно новое, образное (влияние значения слова *троль*) и емкое: вместило в себя целую палитру смыслов, отражающих разные отношения между коммуникантами.

Литература

- БТС 2002 – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2002.
БУС 2016 – Морковкин Н. М., Богачева В. В., Луцкая Г. Ф. Большой универсальный словарь русского языка. М., 2016.
Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.
СМС 2014 – Захарова Л.А., Шуваева А.В. Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета). Томск, 2014.
СМС 2015 – Словарь молодежного сленга / под ред. М. Кордонского [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://teenslang.su>. Дата обращения: 16.03.2018.
СНТС 2011 – Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов / Е.Н. Шагалова. М., 2011.
ССИС 2012 – Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М., 2012.
СЯИ 2016 – Словарь языка интернета.ru / под. ред. М.А. Кронгауза. М., 2016.
ТСРЯ 2006 – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М., 2006.
ТСРЯ 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

О.С. Незнаева (Саратов)

Структура прецедентного имени в русском языковом сознании студентов (на примере ПИ из вселенной «Гарри Поттер»)

Научный руководитель – профессор М.А. Кормилицына

В процессе коммуникации люди часто прибегают к использованию прецедентных феноменов. Они хранят в себе культурную память и являются

значимыми для представителей одного лингвокультурного сообщества [Караулов 2007]. Ученые выделяют среди ПФ разные виды: прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентный текст (ПТ) и прецедентную ситуацию (ПС).

Прецедентные феномены содержатся в когнитивной базе человека. В нее входят как характерные для всех носителей данной культуры инварианты представлений о прецедентном феномене, так и индивидуальное восприятие человеком каждой культурно значимой реалии [Гудков 1999].

Данная статья посвящена анализу функционирования прецедентных феноменов в разговорной речи студентов СГУ имени Н.Г. Чернышевского. В ходе исследования было выявлено, что существуют однозначные и многозначные ПФ. Первые употребляются в сходных ситуациях и выражают одно и то же значение. К примеру, ПВ *Аннушка уже разлила маслице* чаще всего используется, когда говорящий хочет сказать, что произошло что-то необратимое и уже ничего нельзя сделать. За многозначными ПФ закреплено много смыслов. Отчасти это можно объяснить тем, что ПФ имеют разное строение и способ выражения в языке. В частности, ПТ и ПС хранятся только в нашем сознании, апелляция к ним происходит посредством ПВ и ПИ. ПВ прочно связано в сознании носителей языка с определенной ситуацией или личностью, поэтому зачастую употребляется в похожих случаях. ПИ, напротив, имеет особую структуру, состоящую из дифференциальных признаков (основных характеристик) и атрибутов (необязательных признаков), каждый из которых может стать ведущим при определении смысла ПИ в конкретной речевой ситуации [Багаева и др. 1997]. С этой точки зрения ПИ являются более сложными по структуре, чем ПВ. В связи с этим в данной статье основное внимание будет уделено анализу ПИ.

Л.С. Выготский считает, что любой человек употребляет различные слова на основании ассоциаций, «связи реакций, при которой наступление одной из них непременно влечет за собой появление и другой» [Выготский 2000: 174]. В этом случае можно говорить, что ПФ «распадается» в сознании человека на ряд ассоциаций, каждая из которых может стать толчком для употребления ПФ в определенной ситуации общения. Исходя из этого, можно предположить, что узнав состав реакций на определенный стимул-ПИ, мы можем выявить структуру отдельного прецедентного феномена, хранящегося в сознании представителей одного лингвокультурного сообщества. Целью данной статьи является анализ реакций, полученных в результате ассоциативного эксперимента, и построение структуры ПИ.

В ходе свободного ассоциативного эксперимента было опрошено 102 испытуемых в возрасте от 17 до 23 лет (студенты 1-4 курсов, магистранты 1-2 курсов СГУ). Эксперимент проходил в устной форме: испытуемым назывались слова-стимулы (100 ПИ), на каждое из которых они должны были сказать ассоциацию. В эксперименте не было ограничений по частеречной принадлежности реакций. Стимулами в данном случае выступили

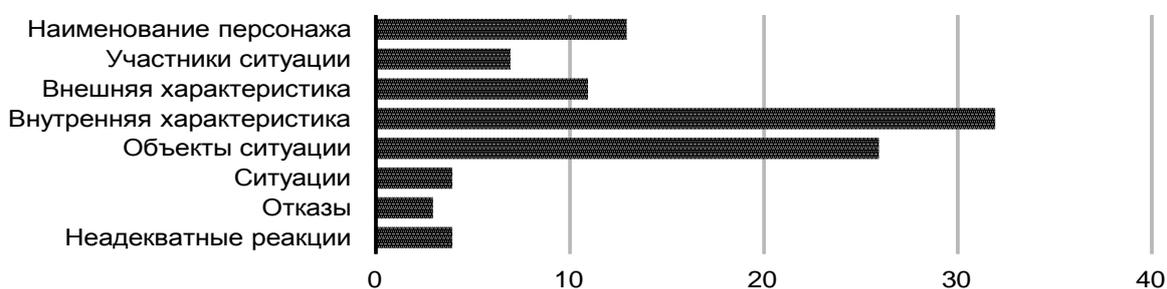
прецедентные имена, употребляемые в речи студентов разных факультетов (в их число вошли как те имена, которые частотны в студенческой речи, так и те, которые встретились в исследуемом материале лишь несколько раз).

В цели данной статьи не входит описание результатов всего эксперимента. В данном случае был выбран один стимул (*Добби*), источником которого является популярная в молодежной среде серия книг и фильмов о Гарри Поттере. «Гарри Поттер» – роман (и его экранизации) о приключениях мальчика-волшебника английской писательницы Дж. К. Роулинг. Первая часть этого романа была опубликована в 1997 г., последняя – в 2016 г. Мало кто из современной молодежи ничего не знает об этой вселенной. Доказательством этому являются единичные случаи отказов при проведении эксперимента (3 из 102). Добби – это персонаж, который не входит в число главных героев и появляется не во всех частях серии. Однако, несмотря на это, он является узнаваемым для большинства опрошенных студентов благодаря своей необычной внешности и неординарным поступкам.

Для анализа полученные экспериментальные данные были разделены на группы, ранжированные по общей частоте реакций (см. диаграмму).

Рассмотрим ассоциации в каждой из этих групп подробнее.

Группа «Наименование персонажа» является одной из самых больших и включает в себя такие реакции, как *сказочный персонаж*, *непонятный зверь*, *эльф*, *домовик*, *домовой эльф*, *раб*. Первые две реакции являются наиболее общими и говорят только о сказочном происхождении героя и о сложности его отнесения к какому-либо существу. По книгам о Гарри Поттере, Добби и другие персонажи, похожие на него, являются домовыми эльфами (эльфами-домовиками). Эти существа живут, как правило, в семьях родовитых

волшебников и обязаны выполнять всю работу по дому. Наименования *эльф*, *домовой эльф*, *домовик* – гиперонимы, они являются наиболее частотными реакциями в рассматриваемой группе (8 из 12). Таким образом, в сознании испытуемых этот персонаж – один из представителей определенного биологического вида. Реакция *раб* отражает то тяжелое положение, которое такие существа занимают в семье волшебников: они не имеют прав и должны делать все, что от них требуют. С этим же значением связана ассоциация *хозяин*, которая входит в **группу «Участники ситуации»**. Отношения раб – хозяин являются, по замыслу писателя, основными при описании эльфов-

домовиков и чистокровных волшебников.

Группа «Участники ситуации» представлена еще двумя членами: *Гарри Поттер* и *Волан-де-Морт*. Гарри Поттер – друг Добби, герои остаются близки на протяжении всего произведения. Волан-де-Морт – главный злодей. Добби пытается помочь Гарри избежать гибели от руки темного лорда. Согласно произведению, с Добби были связаны и другие герои книги, однако в сознании студентов выделяются только три компонента, входящих в эту группу. Они отражают отношение этого существа к окружающим: существуют 1. друзья, подобные Гарри Поттеру, не причиняющие Добби зла, 2. темные волшебники, подобные Волан-де-Морту, 3. хозяин, до определенного времени неизвестный человек, который полностью подчиняет себе домашнего эльфа.

В группу **«Внешняя характеристика»** входят ассоциации, отражающие внешность данного персонажа (*карлик, уши, большие глаза, милые глаза и уши, жалостливые глазки, в простыне*). У Добби, согласно описанию, маленький рост, огромные глаза, похожие на блюдца, и большие уши. Так как домовые эльфы не являются свободными, то они не имеют право на одежду и носят только наволочку или простыню как платье. Эти характеристики даны в книге, но, возможно, полученные ассоциации в большей мере вызваны именно кинематографическим изображением Добби: зритель, видя его в разных сценах фильмов, запоминает отличительные детали внешности этого персонажа. Вероятно, именно благодаря экранизации Добби стал настолько узнаваемым героем.

Самой большой по количеству реакций является **группа «Внутренняя характеристика»**, которая отражает черты характера персонажа (*невинность, ловкость, друг, тупой, свободен*). По произведению, Добби всегда хотел сделать для Гарри Поттера что-то полезное, спасти его, принести пользу, однако это не всегда хорошо отражалось на судьбе Гарри. Особенно много проблем Добби, не подозревая об этом, доставил Гарри в первых книгах серии. При этом он мог совершать свои поступки незаметно для остальных. В связи с этим, вероятно, в сознании испытуемых возникли реакция *тупой, друг, невинность и ловкость*. Однако эти ассоциации являются одиночными, самой частотной среди этой группы является реакция *свободен* (25). Мне кажется, что это связано с тем, что данная ассоциация представляет собой часть прецедентного высказывания *Добби свободен*, которое является популярным в студенческой среде. Оно восходит к эпизоду книги о Гарри Поттере, в котором главный герой освобождает Добби от рабства. Согласно авторской идее, домовый эльф может стать свободным только в том случае, если хозяин подарит ему какой-то предмет одежды. Добби живет в семье темных волшебников, которых не любит Гарри Поттер. Однажды мальчик увидел, как хозяин бил и унижал Добби, и решил помочь домовику: он снял носок и положил в книгу, которую отдал волшебнику. Хозяин Добби не стал рассматривать ее и бросил эльфа. В результате Домовик открыл книгу и обнаружил в ней носок: он стал свободным, так как получил одежду от хозяина. ПВ *Добби свободен* чаще всего употребляется студентами в том случае, когда они хотят подчеркнуть, что завершилось то, что им не нравилось, и теперь они могут

делать все, что захотят. Этот ПФ стал настолько популярен, что используется даже среди тех студентов, которые ничего не знают о книгах и фильмах про Гарри Поттера (в ходе эксперимента было выявлено 3 человека). Таким образом, самая большая группа реакций включает в себя часть ПВ, которое в процессе коммуникации употребляется в одном обобщенном значении.

Среди реакций, полученных в результате эксперимента, можно выделить еще несколько ассоциаций, связанных с описанной сценой: *носок* (составляет группу «**Объект ситуации**») и *получил носок* (группа «**Ситуации**»). Ассоциация *носок* является самой частотной в эксперименте (26). Таким образом, более половины всех испытуемых в качестве реакции на стимул *Добби* назвали ассоциации, связанные с одной и той же сценой произведения. Следовательно, в сознании студентов содержится обобщенное представление об одной ПС, которая, актуализируясь через имя персонажа, атрибуты или ПВ, употребляется в коммуникации. Анализ прецедентных феноменов в студенческой речи подтверждает данный вывод: 90% всех примеров, связанных с прецедентным именем *Добби*, также восходят к этой ситуации.

Остальные группы реакций являются небольшими и содержат в основном единичные ассоциации.

В частности, в группу «**Ситуации**», кроме уже указанной, входят еще несколько ассоциаций: *сцена с тортом, умер*. Первая из них восходит к эпизоду, в котором *Добби* с помощью волшебства опрокинул торт на голову тети Гарри, для того чтобы родственники не пустили его в школу. Эта сцена знакомит читателя с *Добби* и хорошо запоминается в памяти. Вторая ассоциация связана со сценой смерти домового эльфа, которая происходит в последней части серии. Она, в отличие от остальных эпизодов, связанных с эльфом, является самой грустной.

Последняя группа «**Неадекватные реакции**» представляет собой семантически необоснованные реакции и может говорить о том, что испытуемым плохо знаком данный персонаж (*кольцо, собака, комикс*).

Проанализировав все реакции, полученные на стимул *Добби*, можно сделать несколько выводов:

1. Данное имя является прецедентным для студенческой аудитории, о чём свидетельствует небольшое количество отказов и неадекватных реакций.

2. С помощью свободного ассоциативного эксперимента можно определить структуру ПИ, ее объем будет зависеть от знания конкретного ПИ среди испытуемых (чем известнее ПИ, чем больше компонентов будет входить в его структуру).

3. Самые частотные ассоциации представляют собой те дифференциальные признаки, которые чаще других актуализируются в процессе коммуникации.

Литература

Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 1997. Вып. 1.

Выготский Л.С. Психология. М., 2000.

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007.

Д.Г. Орлова (*Саратов*)

Динамика неологизации подсистемы русских суффиксальных глаголов

Научный руководитель – профессор О.И. Дмитриева

Ярчайшим свидетельством динамики языка является процесс возникновения новых слов, поскольку человеческое общество всегда стремится найти новые средства для номинации обозначаемого. Почти каждое десятилетие язык пополняется новыми словами. Однако для истории языка характерны «неологические взрывы», когда язык пополняется большим количеством неологизмов. Такое явление происходит тогда, когда в различных сферах жизни общества происходят значительные изменения, которые оказывают влияние на язык. Мы будем рассматривать два периода, связанных с «неологическими взрывами»: 1) к. XVII – XVIII вв. – время, когда формировался русский литературный язык; 2) рубеж XX – XXI веков, когда на рубеже тысячелетий, происходили значимые события в разных сферах жизни общества.

Разным аспектам проблемы неологизации посвящены отдельные исследования, хотя динамика этого процесса изучена в меньшей степени [Мальцева 1975; Маринова 2008; Дмитриева 2013; Тарасова 2009].

Цель, которая ставится в статье, – изучение особенностей динамики суффиксальных глагольных неологизмов.

Для исследования был использован лексикографический материал: выпуски Словаря русского языка XVIII века, из которых было отобрано около 200 суффиксальных глагольных неологизмов, «Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения» (под ред. Г.Н. Складчиковой), из которого методом сплошной выборки выделено около 70 суффиксальных глагольных новообразований.

В XVIII веке в России происходили крупные социальные преобразования, значительные события в общественно-политической, социально-экономической, научной, культурной жизни народа. Все эти экстралингвистические факторы оказали существенное влияние на словарный состав языка. Язык пополнился в это время большим количеством неологизмов, значительную часть которых составляют слова, образованные с помощью словообразовательных средств русского языка. Расширение словопроизводственной базы письменного языка происходило за счет вовлечения в словопроизводство производящих основ, функционирование которых до этого ограничивалось сферой разговорной речи. Существенной

причиной активизации словопроизводства явились специфические обстоятельства развития языка XVIII в. в условиях многосторонних языковых контактов и проникновения в русский язык большого количества заимствований [Мальцева 1975: 3-4].

В русском языке XVIII века все лексико-грамматические классы слов – существительные, прилагательные, глаголы – пополнялись словами-неологизмами.

В сфере нашего внимания – глагольные неологизмы. Основная часть глагольных новообразований представлена отыменными производными: *водолаз-нича-ть*, *базар-и-ть*, *критик-ова-ть*, *анализ-ирова-ть*, *мастер-и-ть*.

Среди отыменных глагольных неологизмов можно выделить две группы новообразований:

1) неологизмы, которые появились в связи с необходимостью выразить новые понятия, то есть собственно неологизмы, слова которых раньше не было в языке (*критиковать*, *домоседничать*);

2) неологизмы, появившиеся в связи с необходимостью заменить старые по форме слова новыми, которые соответствовали бы более системным словообразовательным отношениям в языке, то есть слова, являющиеся новыми лишь по форме (потому что им предшествуют исторически однозначные слова, от которых они отличаются иным оформлением: *проказничать* и *проказить*; *царить* и *царствовать*).

Отыменные глаголы образовывались с помощью русских продуктивных суффиксов -а- (*бечев-а-ть*), -и- (*мастер-и-ть*, *бодр-и-ть*), -е- (*глуп-е-ть*), -нича- (*бочар-нича-ть*), -ова- (*аккредит-ова-ть*, *адрес-ова-ть*), а также новых иноязычных суффиксов -ирова- и -изирова- (*аванс-ирова-ть*, *адрес-ирова-ть*, *анализ-ирова-ть*).

Особый интерес представляют глагольные неологизмы, образованные с помощью иноязычных суффиксов -ирова- и -изирова-. В русском языке XVIII века под влиянием немецких суффиксов -igen, -isieren появились два составных варианта суффикса -ова-: -изирова- и -ирова-. Процесс неологизации обусловлен экстралингвистическими факторами, отражающими культурно-исторические запросы времени. Новообразования с суффиксами -ирова- и -изирова- можно разделить на тематические группы: 1) военная лексика: *абордировать*, *блокировать*, *бомбардировать*; 2) политическая лексика: *авансировать*, *баллотировать*, *визировать*; 3) научно-терминологическая лексика: *анатомировать*, *бальзамировать*, *ботанизировать* [Дмитриева 2013: 372].

Многие глагольные неологизмы с суффиксами -ирова- и -изирова- имели словообразовательные варианты, которые одновременно возникли вместе с этими глагольными новообразованиями. Такие словообразовательные варианты образовывали парные и трехкомпонентные ряды -ова-/-ирова-, -ева-/-ирова-: *абордировать* – *абордовать*, *адресировать* – *адресовать*, *анфилировать* – *анфиловать*, *апеллировать* – *апелловать*, *баллотировать* – *балотовать*, *бальзамировать* – *бальзамовать*, *блокировать* – *блоковать*, *бомбардировать* –

бомбардовать – *бомбардировать*. В дальнейшем в истории языка наблюдаются конкурирование глагольных вариантов, в результате которого один вариант вытесняет другой, к примеру, из пары *апеллировать* – *апелловать* в русском языке остается вариант *апеллировать*, из ряда *бомбардировать* – *бомбардовать* – *бомбадировать* остается *бомбардировать*. Стоит сказать, что в XVIII веке суффиксы *-ирова-/-изирова-* были менее продуктивны, чем остальные суффиксы. В основном, эти суффиксы обнаруживаются в заимствованных словах. Однако в истории языка суффикс *-ирова-* закрепляется как один из наиболее продуктивных суффиксов [Тарасова 2009: 183].

В XVIII веке появилось много глагольных неологизмов, соотносимых с существительными – названиями лица по профессии, ремеслу, роду занятий. Такие глаголы имели общее значение «делать, выполнять работу такого лица»: *баשמачничать* «шить башмаки», то есть делать то, что положено делать башмачнику. Отыменные глагольные неологизмы со значением «делать, выполнять работу определенного лица» образовывались прибавлением глагольных суффиксов к основе существительного со значением «название лица по профессии». Такими глагольными суффиксами были:

- 1) суффикс *-и-*: *мастер-и-ть*, *нянч-и-ть*;
- 2) суффикс *-а-*: *барышнич-а-ть*, *баשמачнич-а-ть*;
- 3) суффикс *-нича-*: *бочар-нича-ть*, *водолаз-нича-ть*, *водовоз-нича-ть*;
- 4) суффикс *-ова-*: *мастер-ова-ть*, *критик-ова-ть*.

Как и новообразования с суффиксами *-ирова-/-изирова-*, эти глагольные неологизмы часто могли иметь словообразовательные варианты: *хозяйничать* – *хозяйствовать*, *materить* – *мастеровать*, *рыболовствовать* – *рыбачить*.

Отдельную группу новообразований составляют отыменные глагольные неологизмы, соотносимые с существительными, обозначающими лицо по его поступкам, характеризующим лицо со стороны поведения. Такие глаголы имеют общее значение «проявлять себя как лицо, совершающее данное действие», например *домоседничать* «сидеть дома, со двора не сходить, не отлучаться от дому». Эти глаголы образовывались при помощи суффиксов:

- 1) *-и-*: *балагур-и-ть*, *буян-и-ть*, *дурач-и-ть*;
- 2) *-а-*: *греховоднич-а-ть*, *мошеннич-а-ть*, *криводушнич-а-ть*;
- 3) *-нича-*: *бродяж-нича-ть*, *домосед-нича-ть*, *невеж-нича-ть*.

Глаголы, имеющие значение «делать то, что обозначено основой глагола», образовывались с помощью суффикса *-и-*, прибавляемого к основе существительного: *борозд-и-ть*, *бугр-и-ть*, *гран-и-ть*.

Начиная с середины 80-х гг. XX века в русском языке на переломе общественной жизни, в период экономических, социальных, политических и психологических катаклизмов происходили значительные перемены, связанные со словообразованием, неконтролируемым потоком заимствований, вторжением жаргона в общий язык, уходом в пассив целых пластов лексики эпохи социализма.

Некоторые словообразовательные модели русских глаголов, которые

появились в период формирования национального русского языка, продолжают функционировать и в языке рубежа XX – XXI веков. Словообразовательная модель *существительное + суффикс -ирова-/изирова-* становится одной из наиболее продуктивных. И если в XVIII веке новообразования с этими суффиксами можно было, как указывалось выше, разделить на три основные тематические группы, то на рубеже XX – XXI веков новообразования более широко дифференцируются по семантике: сфера услуг: *банкетировать, лифтинговать*; информационная сфера: *сканировать, компьютеризировать, лицензировать*; экономическая сфера: *акционировать, спонсировать, конвертировать, приватизировать* и др. Кроме того, что данная модель закрепилась в языке и стала довольно продуктивной, в ней произошли некоторые изменения. Большинство неологизмов с суффиксом *-ирова-/изирова-* образуются от существительных, которые в русском языке уже не являются неологизмами и активно используются носителями языка: *продюсер – продюсировать, компьютер – компьютеризировать, банкет – банкетировать*. Однако продолжается и образование слов от существительных и глаголов других языков, которые не только не воспринимаются носителями языка в качестве неологизмов, но отсутствуют в русском языке, например:

- *дактилировать* (общаться при помощи тактильных ощущений от прикосновений пальцами) образовано от греч. *daktylos* (палец) + суффикс *-ирова-*;
- *мелировать* (осветлять концы волос или отдельные пряди) образовано от нем. *melieren* (крапать) + суффикс *-ирова-*;
- *инвестировать* (вкладывать (вложить) деньги в какое-либо предприятие с целью получения прибыли) образовано от англ. *to invest* (вкладывать) + суффикс *-ирова-*;
- *микшировать* (производить смешение нескольких звуковых сигналов) образовано от англ. *to mix* (смешивать) + суффикс *-ирова-*;
- *сканировать* (просматривать последовательно (таблицы, файл, диск в поисках вирусов); вводить изображение в компьютер при помощи сканера) образовано от англ. *to scan* (сканировать) + *-ирова-*.

Отыменные глагольные неологизмы, соотносимые с существительными – названиями лица по его поступкам, характеризующим лицо со стороны поведения, на рубеже XX – XX веков образуются с помощью следующих суффиксов:

- 1) суффикса *-и-*: *комбайнер-и-ть, лихач-и-ть, вампир-и-ть, ведьмач-и-ть, челноч-и-ть, банкрот-и-ть, дидже-и-ть*;
- 2) суффиксов *-ова-/ева-*: *хипп-ова-ть, бомж-ева-ть, панк-ова-ть*;
- 3) суффикса *-ствова-*: *клоун-ствова-ть, дисседен-ствова-ть, люмпен-ствова-ть, диджей-ствова-ть*.

Глаголы, имеющие значение «делать то, что обозначено основой глагола», образуются при помощи суффиксов:

- ова-: *кастинг-ова-ть, пирсинг-ова-ть, шоппинг-ова-ть, прессинг-ова-ть, рейтинг-ова-ть, факс-ова-ть*;
- и-: *ксер-и-ть, пиар-и-ть, спам-и-ть*.

На рубеже XX – XXI веков глагольные неологизмы часто образуются от глаголов иностранного языка при помощи русских суффиксов, например:

1) суффикса -и-: *апгрейдить* (обновить содержимое компьютера) образовано от англ. to upgrade (обновить) + суффикс -и-; *серфить* (посещать различные сайты в сети Интернет), перемещаясь по гиперссылкам) образовано от англ. to surf (заниматься серфингом) + суффикс -и-.

2) суффикса -а-: *юзать* (использовать, применять) образовано от англ. to use (использовать) + суффикс -а-; *кликать* (нажимать клавишу «мыши») образовано от англ. to click (щелкать) + суффикс -а-; *аскать* (просить) образовано от англ. to ask (спрашивать) + суффикс -а-;

3) суффикса -ова-: *принтовать* (печатать) образовано от англ. to print (печатать) + суффикс -ова-; *миксовать* (сводить несколько звуковых (обычно музыкальных) отрывков в один); *соединять, сочетать* образован от англ. to mix (смешивать) + суффикс -ова-.

Такие глагольные неологизмы вливаются в систему русского языка, «растворяясь» в среде глаголов с иноязычной основой, значительная часть которых является русскими производными от заимствованных существительных (*спонсировать, продюсировать, пиарить, банкротить, диджействовать* и др.) [Маринова 2008: 259].

Таким образом, можно обозначить некоторые особенности динамики суффиксальных глагольных неологизмов:

1) расширение тематических групп неологизмов, образованных по модели существительное + суффикс -ирова-: если в XVIII веке данные неологизмы были представлены военной, политической, научной лексикой, то на рубеже XX – XXI веков неологизмы на -ирова- относятся к экономической, информационной лексике, лексике сферы услуг и др.;

2) интересным процессом становится процесс образования глагольных неологизмов от иноязычных основ с помощью суффиксов русского языка (*миксировать, сканировать, юзать*);

3) глагольные неологизмы, возникшие на рубеже XX – XXI веков, часто характеризуются разговорной окрашенностью, в особенности та лексика, которая относится к информационной сфере (*кликать, миксовать*).

Литература

Дмитриева О.И. Динамика неологизации русской глагольной лексики // Предложение и Слово: Сб. науч. тр. Саратов, 2013.

Мальцева И.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л., 1975.

Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.

Словарь русского языка XVIII века. Л./СПб., 1984–2004.

Тарасова Е.Н. Вариативность словообразовательных моделей глагольных неологизмов в русском языке XVIII в. // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республ. научн. сем. (18-21 ноября, г. Саратов). Саратов, 2009.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Спб., 1998.

К.В. Пантеева (*Саратов*)

Косвенная оценка как часть непрямой коммуникации: проблема интерпретации

Научный руководитель – профессор Е. Ю. Викторова

Любое исследование, занимающийся изучением косвенной оценки, рано или поздно сталкивается с проблемой ее интерпретации. Поскольку косвенное оценочное высказывание никогда не дает однозначной характеристики объекту оценки, задача адресата – максимально точно интерпретировать оценочные смыслы, заложенные адресантом. Причем, всегда существует вероятность, что оценка будет интерпретирована неверно. Неоднозначность интерпретации косвенных оценочных высказываний прежде всего связана с тем, что косвенная оценка является частью непрямой, т.е. содержательно осложненной, коммуникации, в которой «понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев 2006: 4].

Несмотря на несомненное превалирование непрямой коммуникации в дискурсивном пространстве, на протяжении долгого времени данная категория оставалась малоизученной. Смена лингвистической парадигмы привела к тому, что исследователи обратили внимание на те явления, которые непосредственно связаны с человеческим фактором, в том числе, и на проблемы непрямой коммуникации. Среди многих работ, посвященных данному вопросу, необходимо особо выделить монографию В.В. Дементьева, как одно из наиболее подробных описаний непрямой коммуникации. Косвенная оценка, как ни странно, довольно редко анализируется с точки зрения непрямой коммуникации. Проблема интерпретации непрямой оценки также недостаточно освещена в соответствующей литературе. Таким образом, целью данного исследования является анализ особенностей косвенной оценки с точки зрения теории непрямой коммуникации и анализ проблемы интерпретации косвенных оценочных смыслов. Материалом для исследования послужили видеозаписи международных соревнований по фигурному катанию с комментариями британских журналистов, работающих на канале «Eurosport».

В теории дискурса существует три основные модели коммуникации:

- 1) информационно-кодовая модель, согласно которой коммуникация – прежде всего целенаправленный обмен информацией [Shannon, Weaver 1949];
- 2) инференционная модель [Grice 1971], где под коммуникацией понимается обмен смыслами, т.е. участники коммуникации стремятся не столько передать информацию, сколько сделать свои интенции понятными;
- 3) интеракционная модель [Schiffirin 1994], в рамках которой коммуникация рассматривается как «демонстрация смыслов» [Макаров 2003: 27].

В данном исследовании мы опираемся на интеракционную модель коммуникации, поскольку данный подход наиболее полно отражает субъективный характер коммуникации и ее ситуативную обусловленность.

Именно интеракционная модель коммуникации допускает неосознанную передачу смыслов, не предназначенных для интерпретации, но тем не менее интерпретируемых реципиентом.

Таким образом, интерпретация смыслов приобретает ключевое значение в не прямой коммуникации. Так, реципиент вынужден интерпретировать смыслы, которые не эксплицируются адресантом [Дементьев 2006]. Косвенная оценка, являющаяся частью не прямой коммуникации, также базируется на интерпретативной деятельности адресата. Рассмотрим один из комментариев, сделанных во время прямой трансляции произвольной программы танцевальных пар на Чемпионате мира по фигурному катанию 2008 г.: *Oh, goodness me! What a beautiful skate! Wow! These are the cats among the pigeons!* Первая часть комментария эксплицитно выражает положительную оценку канадского дуэта (Тесса Вирчу и Скотт Мойр), вторая часть, напротив – яркий пример не прямой оценки: смысл всего высказывания не может быть выведен исключительно из значения его компонентов. Фраза *These are cats among the pigeons!* отсылает нас к британской идиоме *to throw / put / set the cat among the pigeons*. Кембриджский словарь английского языка дает следующее определение данному выражению: *to say or do something that causes trouble or makes a lot of people very angry* [Cambridge Dictionary Online]. Согласно словарному определению эта идиома имеет скорее отрицательный оценочный потенциал, но реализуется ли он в приведенном выше комментарии? Видимо, нет, так как положительная оценка явно эксплицируется через восклицания *oh, goodness me; what a beautiful skate; wow*. Только в контексте всего комментария возможно интерпретировать сравнение фигуристов с кошками на голубятне как положительную характеристику их спортивных качеств: комментатор подчеркивает, что уровень танцевальной пары настолько высок, что их соперников, скорее всего, ждет сокрушительное поражение. Как мы видим, адекватная интерпретация косвенного оценочного высказывания невозможна без учета ситуативного контекста. Более того, степень уверенности в правильности интерпретации того или иного оценочного высказывания прямо пропорциональна объему фоновых знаний реципиента. Так, если учесть не только ситуативный, но и более широкий контекст (баллы ранее выступивших пар, спортивные достижения оцениваемого дуэта, качество тренировок, уровень подготовки к спортивному сезону в целом и пр.), скорость и точность интерпретации косвенного оценочного высказывания значительно повышается.

Рассмотрим еще один пример: *This is the moment of truth for Alina Zagitova. Everything's come up roses in her career, suddenly a setback in the short program which means she starts the free in the fifth place, a real shot at a medal, of course.* Данный комментарий (этап серии Гран-при по фигурному катанию 2017 г., произвольная программа у женщин) также может интерпретироваться неоднозначно. С одной стороны, комментатор излагает объективные факты: Алина Загитова не совсем удачно откатала короткую программу, перед произвольным танцем занимает промежуточное пятое место, что для нее

нехарактерно, так как прежде она редко терпела поражения. Однако использование крылатого выражения *the moment of truth*, идиомы *to come up roses*, модального дискурсива *of course* указывают на наличие оценочного значения [Кошман 2015]. При анализе данного высказывания вне контекста может возникнуть ощущение двойственности в оценке. Так, существует минимум два варианта интерпретации оценки комментатора: 1. Комментатор преимущественно негативно оценивает фигуристку из-за неудачи в короткой программе, подразумевая, что успешная серия прервана, и теперь для Алины Загитовой наступает «момент истины». Комментатор подчеркивает, что пятое место – неудачное для старта в произвольной программе, хотя шансы на призовое место сохраняются. 2. Комментатор преимущественно положительно оценивает фигуристку, отмечая ее предыдущие достижения. Неудачное пятое место было большой неожиданностью, поэтому теперь для Алины Загитовой наступает «момент истины», ведь фигуристка по-прежнему претендует на медаль. Одной из причин неоднозначности комментария является тот факт, что данная реплика предваряет выступление спортсменки. Однако последующие комментарии проясняют ситуацию: *She's the most talented female skater in the world, very possibly even now at the age of fifteen!* Таким образом, корректная интерпретация данного оценочного высказывания также напрямую зависит от контекста.

Итак, мы рассмотрели косвенную оценку с точки зрения категории непрямой коммуникации, и проанализированный материал показал, что основной характеристикой непрямой оценки является необходимость интерпретации оценочных смыслов со стороны реципиента, причем смысл, выводимый адресатом, может значительно отличаться от того, который в него вкладывал адресант. Проблемы интерпретации непрямой оценки вызваны ситуативным и субъективным характером непрямой коммуникации, что также согласуется с интеракционной моделью коммуникации. Интерпретативная неоднозначность косвенных оценочных высказываний повышает роль контекста в процессе их осмысления. На основании проанализированных комментариев спортивных комментаторов можно заключить, что ситуативный и широкий контекст – главные факторы адекватной интерпретации непрямой оценки.

Литература

Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/put-set-the-cat-among-the-pigeons>. Дата обращения: 11.01.2018.

Grice H.P. Meaning // Readings in the Philosophy of Language. 1971.

Schiffirin D. Approaches to Discourse. Oxford, 1994.

Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, 1949.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006.

Кошман Ю.И. Прагматическое содержание прямых и косвенных оценочных высказываний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

К.С. Пономарева (Саратов)

Наименование лиц в детской речи: словообразовательный аспект

Научный руководитель – доцент Н.В. Свешникова

Дети выстраивают *индивидуальную* языковую систему, базируя ее на речевых образцах, которые слышат от окружающих взрослых [Цейтлин 2000]. Они сочиняют слова по особому рода аналогии, комбинируя усвоенные модели, создают не только внешне, но и внутренне похожие на услышанные модели собственные словообразовательные цепочки. Ярче всего детские словообразовательные процессы проявляются в период от 2 до 5 лет.

Функционирование образцов, по которым осуществляется словообразование в детской речи, имеет свои закономерности, как отличающиеся от литературного языка, так и схожие с ним. Дети используют уже готовые и хорошо усвоенные модели, однако часто дают им «новую жизнь», задействуя в словообразовании другие, не привычные взрослому носителю языка производящие основы. Также детскому словотворчеству свойственна *экономия языковых средств* [Там же] и освоение словообразовательных моделей путем *генерализации отношений* (схожие явления действительности называются схожим образом, без поправки на сочетаемость морфемной структуры слова и его семантику) [Шахнарович 1991]. В нормативном языке одно и то же содержание может быть выражено различными формами, тогда как ребенок стремится к максимальной *мотивированности*, создавая четкое совпадение содержания и выражающей его формы.

В данной работе на примере материала, взятого методом сплошной выборки из словаря Детских словообразовательных инноваций [Цейтлин 2001], а также собранного нами из устной разговорной речи детей (всего 312 номинаций), рассматриваются основные модели, способы и средства, используемые при создании наименований лиц в речи детей в возрасте от 2 до 7 лет.

Анализируемые номинации лиц, можно условно разделить на следующие группы:

- слова, образованные суффиксальным способом с помощью форманта с семантикой лица,
- сложные слова, образованные с помощью сложения нескольких основ с интерфиксом О и аффиксом, обладающим семантикой лица,
- слова, образованные с помощью нулевой суффиксации,
- слова, образованные с использованием десуффиксации.

В детском словообразовании участвуют наиболее продуктивные суффиксы с семантикой лица, которые чаще всего встречаются у взрослых носителей языка при образовании наименований лиц. Суффиксы как **-ТЕЛЬ**, **-НИК**, **-НИЦ/ИЦ**, **-УН/ЮН-** и **-К** являются одними из самых употребительных и активно используются детьми при создании производных слов.

Аффикс –ТЕЛЬ встречается в моделях, где в качестве генератива, как и в

литературном языке, берется за основу глагол несовершенного вида (*варить, делать, красить, лечить, не знать*). От него с помощью суффикса -ТЕЛЬ происходит образование номинации лица по виду его деятельности (*вариТЕЛЬ* – тот, кто варит; *делаТЕЛЬ* – тот, кто делает что-либо; *красиТЕЛЬ* – тот, кто красит, занимается окраской; *лечиТЕЛЬ* – тот, кто лечит, то же, что врач; *незнаТЕЛЬ* (в литературном языке – *незнайка*) – тот, кто что-либо не знает). Соответствие такой модели можно найти в нормативной речи: *преподаваТЕЛЬ, писаТЕЛЬ, слушаТЕЛЬ*.

Наш материал также показывает, что детская речь отражает и многозначность семантики производящей основы в языке (*водиТЕЛЬ* – тот, кто водит экскурсии; то же, что экскурсовод; и *водиТЕЛЬ* – тот, кто водит, т. е. выполняет особые обязанности в подвижных играх). В обоих случаях осмысление производящей основы отходит от нормы, так как в общем употреблении дериватом «*водиТЕЛЬ*» называется человек, который водит автомобиль.

В литературном языке **суффикс -НИК** участвует в образовании лиц мужского рода по их профессии или виду деятельности: *дачНИК, лесНИК, любовНИК*. В детской речи присутствует несколько вариаций словообразовательных моделей с формантом –НИК, дающих наименование лицу не только по профессии и роду занятий, но и по вкусовым предпочтениям или, например, обладанию каким-либо качеством:

- «*имя существительное + -НИК*» (*конфета – конфетНИК* – тот, кто любит конфеты; *колокол – колокольНИК* – тот, кто звонит в колокол; то же, что звонарь; *удача – удачНИК* – тот, кому сопутствует удача);

- реже – «*имя прилагательное + -НИК*» (*военный – военНИК* – военнослужащий);

- «*глагол + -НИК*» (*встречать – встречНИК* – тот, кто встречается; *ездить – ездНИК* – тот, кто ездит; *строить – стройНИК* – тот, кто строит).

Обращают на себя внимание производные слова, образованные по аналогии с моделью в нормативном языке: *ДОклассНИК* – то же, что дошкольник (по аналогии с *ДОшкольНИК*); *босоножНИК* – тот, кто чинит босоножки (по аналогии с *сапожНИК*). Ситуация, в которой употребляется «*босоножНИК*» («*Давай отнесем мои босоножки на починку к сапожнику. – Он не сможет, нужно к босоножНИКу*»), иллюстрирует, что слова, образованные по чистой аналогии, отражают стремление ребенка достигнуть *максимальной мотивировки производящей основы* в процессе создания новых слов.

Модель с использованием **суффикса -НИЦ/ИЦ** в основном строится следующим образом: «*имя существительное мужского рода + -НИЦ/ИЦ*» (для создания дериватов женского лица от мужского) – *доктор – доктрИЦа* – женский к «доктор»; *книжник – книжНИЦа* – женский к «книжник». С аффиксом -НИЦ также работает модель «*имя существительное + -НИЦ*» (для образования лиц женского пола по роду их занятия) – *газ – газНИЦа* – та, которая имеет отношение к газу; *институт – институтНИЦа* (по аналогии с нормативным «*школьНИЦа*») – та, которая учится в институте; то же, что

студентка. В литературной речи такого типа модели соответствует, например, словообразовательная пара *ключ - ключНИЦа*.

Помимо этого есть случаи с расширением генеративов для данной словообразовательной модели (в нормативном языке им соответствует название лица на *-ТЕЛЬ*: *учительНИЦа, руководительНИЦа*) - *бандит + -НИЦ* – *бандитНИЦа* – женский к «бандит»; *герой + -НИЦ* – *геройНИЦа* – женский к «герой»; то же, что героиня; *друг + НИЦ* – *другНИЦа* – женский к «друг»; то же, что подруга.

Довольно часто встречаются модели, в которых в процессе создания словообразовательных инноваций участвует **формант -К**. При образовании лиц женского пола от мужского рода работает модель типа «*имя существительное мужского рода + -К*» (*джентльмен – джентльменКа* – женский к «джентльмен»; *Адам – АдамКа* – женский к «Адам»; *капитан – капитанКа* – женский к «капитан»), чему в литературном языке соответствуют *пионерКа, пенсионерКа, славянофилКа*.

Номинации лиц женского пола с этим суффиксом могут быть образованы и от глагольных основ: *дойКа* (от *дойть*) – то же, что доярка; *стройКа* (от *строить*) – та, которая строит что-либо.

Можно отметить, что в речи детей также присутствуют сложные инновации, образованные *синтетическим способом – сложением основ с помощью интерфикса* и какого-либо *аффикса*, в частности, *суффиксов – НИЦ, -ТЕЛЬ, -К*: *куклОдельНИЦа* – та, которая делает кукол, (*кукла + о + делать + -НИЦ*); *музОигрательНИЦа* – та, которая играет на музыкальном инструменте (*музыка + о + игратель + -НИЦ*); *вертишейКа* (*вертеть + и + шея + -К*) – тот (та), кто вертит шейей; *вертиножКа* (*вертеть + и + нож + -К*) – тот (та), кто вертит ножками. Можно предположить, что подобные слова созданы детьми по аналогии с имеющимися в языке существительными «*рукОдельНИЦа*», «*вертИхвостКа*».

При создании номинаций лица у детей активно задействованы и суффиксы **-УН/ЮН**, присоединяемые к глагольным основам: *бежУН* – тот, кто бежит, занимается бегом; *кашлЮН* – тот, кто кашляет; *обзУН* – тот, кто обзывается; *плакУН* – тот, кто часто плачет; то же, что плакса; *смеЮН* – тот, кто часто смеется. Т.е. в данном случае словообразовательный процесс отвечает модели «*глагол несовершенного вида + -УН/ЮН*», а номинация дается по характерному действию, совершаемому лицом. В нормативном русском языке таким отглагольным существительным соответствуют слова *болтУН, прыгУН, драчУН*.

Особый характер имеют номинации лиц мужского и женского пола, образованные детьми с помощью *десуффиксации, нулевой суффиксации*. Эти способы отличаются низкой продуктивностью в литературном языке, однако в детской речи с их помощью образуется немало слов.

Производные, созданные с использованием *десуффиксации*, как правило, в речи детей являются обратными для нормированного языка словообразовательными моделями: от *истерИЧка – истерик* – тот, кто страдает

истерией; от *кокетКа* – *кокет* – мужской к «кокетка»; от *девОЧКа* – *дев* – мужской к «девочка»; то же, что мальчик.

С помощью **нулевого суффикса** созданы такие новообразования, как *биолога* (от *биолог*) – женский к «биолог»; *брата* (от *брат*) – женский к «брат»; то же, что сестра; *дурака* (от *дурак*) – женский к «дурак»; то же, что дура; *друга* (от *друг*) – женский к «друг».

Помимо вышеперечисленных словообразовательных моделей, в детском словообразовании часто встречаются слова, образованные с помощью **отбрасывания отрицательного префикса**, слова, образованные в результате неверного морфемного членения слова, слова, образованные на базе словосочетаний, и сложные слова, предполагающие дефисное написание слов, с использованием форманта **-ТЕЛЬ**.

С помощью **отбрасывания выделенного отрицательного префикса** детьми создаются **номинации-антонимы**, такие как *гритенок* (от *НЕгритенок*) – значение неясно, *вежа* (от *НЕвежа*) – т.е. вежливый человек, *видимка* (от *НЕвидимка*) – тот (та), кого видно, *годяй* (от *НЕгодяй*) – антоним к «негодяй»; являющийся положительным в осмыслении, *нависник* (от *НЕнависник*) – тот, кто нравится. Неправильное выделение приставки говорит о том, что у детей уже на раннем этапе овладения языковой системой присутствует **языковое чутье**, и они чувствуют семантику отрицательного префикса *НЕ-*. В основе таких детских речений лежит существующая в языке пара *друг* – *НЕдруг*.

Номинации, созданные в результате неверного морфемного членения **производящего слова**, носят преимущественно **индивидуальный** характер употребления, указывая на большую роль творческой составляющей словообразовательного процесса у детей, например: *КубЕЕЦ* (*Куба* + *-ЕЕЦ*, по аналогии с *Корея* – *кореЕЦ* (лицо по месту жительства)) – житель Кубы; то же, что кубинец; *детЕЙСТВО* (*дети* + *-ЕЙСТВ*, неправильное членение слова «семейство») – собирательное к дети.

Редко встречаются и сложные **образования лиц, созданные на базе словосочетаний** (*никуда не пускаТЕЛЬ* (*никуда не пускать* + *-ТЕЛЬ*) – тот, кто куда не пускает; *вседелаТЕЛЬ* (*все делать* + *-ТЕЛЬ*) – тот, кто много чего делает), что явно указывает на **экономия языковых средств**, и **сложные слова, предполагающие дефисное написание двух слов с использованием форманта -ТЕЛЬ** (*дождь* – *мочиТЕЛЬ* (*имя существительное «дождь»* + *глагол «мочить»* + *-ТЕЛЬ*) – характеристика дождя, *медленно* – *рисоваТЕЛЬ* (*наречие «медленно»* + *глагол «рисовать»* + *-ТЕЛЬ*)- тот (та), кто медленно рисует. Образцы, по которым были созданы такие детские неологизмы, скорее всего, восходят к литературным номинациям лица на **-ТЕЛЬ**. В нормативном языке номинации лиц чаще всего имеют дефисное написание при образовании сложных существительных с заимствованными элементами (*обер-прокурор*, *штабс-капитан*) или же сложных существительных, первый элемент которых имеет оценочный характер (*чудо-богатырь*, *бой-баба*, *паинька-девочка*).

Таким образом, анализ собранного материала показал, что создаваемые

детьми в результате речевой деятельности номинации лица в большинстве случаев не столько нарушают правила словообразования литературного языка, сколько расширяют круг производящих основ для существующих в нормативном языке моделей. Поэтому детское словотворчество наряду с диалектами и иностранными заимствованиями вполне может способствовать обогащению русского литературного языка.

Литература

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.

Цейтлин С. Н. Детские речевые инновации: опыт анализа// Исследования по языкознанию К 70-летию чл. кор. РАН А. В. Бондарко / отв. ред. С. А. Шубик. СПб., 2001.

Шахнарович А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.

Е.Н. Сидорова (*Саратов*)

Пожелание как один из жанров дружеской интернет-коммуникации

Научный руководитель – профессор А.Н. Байкулова

Этикетные высказывания в большей или меньшей степени функционируют практически во всех ситуациях общения. Можно сказать, что они выполняют две функции: во-первых, относятся к числу конвенциональных и регламентируют поведение человека, а во-вторых, направлены на выражение доброжелательного отношения к людям [Формановская 2005], поэтому от соблюдения норм речевого этикета в процессе коммуникации во многом зависит ее успешность.

Речевой этикет может быть основой различных речевых жанров, которые получили название этикетных. М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова к этикетным диалогическим речевым жанрам относят *приветствие / прощание, просьбу, комплимент* и др., а к монологическим – *поздравление, пожелание, соболезнование* [Китайгородская, Розанова 1999].

Исследование речевых жанров – одна из актуальных задач современной лингвистики. Однако жанр пожелания исследуется явно недостаточно: ему посвящены лишь отдельные работы [см.: Гловинская 1993; Ранних 1994; Вдовина 2007].

Пожелание обычно включается в структуру риторического праздноречевого жанра поздравления. Риторический жанр предполагает работу адресанта над текстом: «адресант сознательно или неосознанно, но всегда строит свою речь так, чтобы речевой жанр был воспринят адресатом правильно...» [Сиротинина 1999: 27-28]. При поздравлении выражается радость по поводу знаменательного события [Трофимова 2008] и говорящий, как правило, старается строить свою речь, опираясь на собственную

риторическую компетентность, осуществляя выбор слов и синтаксических конструкций в соответствии с целью и тематикой поздравления. Следует отметить, что пожелания вариативны в зависимости от социальных признаков говорящих (возраста, пола, образования), от типа общения (официальное / неофициальное, формальное / неформальное) (о типах и видах общения см.: [Байкулова 2014]), от обстановки общения и других факторов.

Реализуя стратегию выражения личного доброжелательного отношения к адресату, адресант в своих пожеланиях применяет различные тактики. Цель нашего исследования – выявить эти тактики. Материалом для анализа послужили дружеские пожелания студентов и школьников в опосредованном общении, интернет-коммуникации (300 текстов; согласие авторов текстов на использование материала в научных целях получено).

В нашем материале можно выделить стереотипные (традиционные) пожелания и нестереотипные, индивидуализированные. Последние адресуются, как правило, хорошо знакомым людям, друзьям, родным. Ситуативная привязанность пожеланий обуславливается внешними событиями. В нашем материале это официальные и неофициальные праздники (дни рождения, свадьбы и др.). Много пожеланий-напутствий (*Тебе удачи завтра! Не паникуй! Все будет отлично!*) или пожеланий выздоровления, пожеланий, связанных с семейным «хронотопом»: *Спокойной ночи!*; *Приятного аппетита!* и т.п. Анализ материала позволил выявить социальную специфику использования жанра пожелания в молодежной среде: в текстах находят отражение актуальные события школьной и студенческой жизни коммуникантов: *Желаю сдать ЕГЭ на потрясающие баллы; Желаю одолеть сессию на «отлично»* и др.

Структура пожелания может быть разнообразной, но наиболее распространенная модель: *(Я) желаю (тебе) + существительное в Р.п. / инфинитив: Желаю тебе исполнения заветных желаний, тепла и поддержки близких и друзей.* Нередко эта модель включает придаточное изъяснительное: *(Я) желаю, чтобы... : Желаю, чтобы ты добилась больших высот в этой жизни!** В нашем материале из 300 текстов 135 пожеланий (45 %) начинаются традиционным глаголом *желать* в форме 1 лица единственного числа и распространяются сущ. в Р.п. и / или инфинитивом. 93 пожелания (31 %) не имеют в начале перформативного глагола, а включают перечень пожеланий (*Здоровья крепкого, счастья человеческого, друзей верных, денег шуршащих*))). 72 текста (24 %) имеют инициальное *пусть*: *пусть радость и успех тебя посещают каждый день.*

Итак, реализуя пожелание, адресант строит свою речь, прибегая к различным тактикам. Одна из тактик связана с **гиперболизированной оценкой действий адресата в будущем**, которое в пожеланиях обычно идеализируется. Например, если желают **успехов**, то *во всех делах; во всем; во всех начинаниях.*

Встречаются пожелания, в которых адресант предлагает адресату самостоятельно определить круг желаемого. Так адресант реализует **тактику приоритета мнения друга / подруги**: *желаю всего того, что сама себе*

пожелаешь; А все то, что ты захочешь, все, о чем ты пожелаешь – пусть сбывается!. Такое «практичное» пожелание можно сравнить с не менее распространенными сегодня денежными подарками, когда даритель предлагает партнеру самому приобрести себе желаемый предмет [Трофимова 2008].

Ряд пожеланий в нашем материале отражает реализацию **тактики, нацеленной на создание радостной, романтической и даже сказочной атмосферы**. Эта тактика характерна для пожеланий студенток-филологов. В их текстах наблюдается повышенная степень образности, эмоциональности и оценочности: *желаю поймать и удержать этот весенний, солнечный лучик радости и сохранить его, жить с ним долго и счастливо, пока сессия не разлучит вас!*; *Дамы, пусть вас задаривают цветами и конфетами! Пусть все прохожие сегодня (и всю эту весну, и всю эту жизнь) оборачиваются вам вслед, провожая восхищенным взглядом, пусть каждый ваш день наполняется теплом и светом, а главное - смыслом!*; *Цветите и радуйте близких отличным настроением, смехом, красотой, воодушевлением, неповторимой женственностью и восхитительной улыбкой*. Выразительность достигается использованием тропов, среди которых особую роль играют эпитеты: **восхищенным** взглядом, **неповторимой** женственностью, **восхитительной** улыбкой. Встречаются метафорические высказывания: *пока сессия не разлучит вас; лучик радости*. Эмоциональность текстам придают ряды однородных членов, градация (*...сегодня, и всю эту весну, и всю эту жизнь*), прием синтаксического параллелизма (*пусть все прохожие..., пусть каждый ваш день...*); восклицательные предложения. Употребление обращения *Дамы!* в одном из предложений также играет особую роль – создает колорит высокого стиля.

Обязательным элементом студенческих пожеланий и пожеланий школьников являются высказывания, отражающие принадлежность к своему социальному кругу – **тактика единения, идентификации, очерчивания круга своих**. Например, в пожеланиях филологов явно прослеживаются темы, связанные со спецификой обучения и социальным составом группы, где преобладают девушки: слова *сессия, стипендия (стипуха), филологический, книги, автомат* и др. Например: *Успехов! А главное, чтобы мы все закрыли первую сессию; с праздником нас всех! Всем стипухи, добра, найти свое филологическое счастье и тд); Желаю всяческих побед во всех начинаниях, и чтобы нужные книги сами просились вам в руки; С праздником вас, девчат!; Пусть у вас получится все, чего хотите, не болейте, закрывайте сессию только успешно и – главное – адекватных мужиков вам*. Нередко в пожеланиях звучит ирония по поводу социальной однородности коллектива: *Книг, винишка и мужиков (ну кому мужиков не достанется, тому очень милых котиков)*.

Большое место в дружеском общении занимает юмор [Байкулова 2010]. Это отражается и в пожеланиях. Для создания веселой атмосферы адресант может использовать **тактику переключения адресата на смеховую тональность**: (пожелание учащегося 11 класса однокласснице) *Будь всегда такой же веселой, доброй, и почаще давай друзьям математику)* (списывать –

Е.С.); (из переписки подруг-студенток) *С праздничком! Котиков-преподов тебе и «пулеметов» на сессии.*

В особую группу мы выделили пожелания, основанные на пародии. Например, пародируется речь молодых людей с низким уровнем речевой культуры. Пренебрежение нормами орфографии; использование жаргонизмов, сокращений, свойственных интернет-коммуникации: (учащийся 11 класса своей подруге) *С др крч))) Эт самое...будь большой и не будь латшой, ну как ролтон! щастья и любовь тебе большой!*. Создавая такой текст, адресант, по всей вероятности, преследовал цель не только рассмешить адресата, но и показать свою креативность. В дружеской коммуникации говорящие / пишущие не боятся упасть в глазах адресата: нередко наблюдается намеренная игра на понижение собственного статуса.

Встретились пожелания в форме молитвы: *Да прибудет с тобой сила! Да не лохонешься ты завтра на сочинении! Аминь.*

Тактика подчеркивания личных достоинств адресата может реализовываться через комплимент, который, предваряя пожелание, создает положительный эмоциональный фон, а завершая – усиливает степень эмоциональности и экспрессивности текста: (из пожеланий подруг-студенток) *Моя дорогая, будь счастлива! Я всегда восхищалась тобой, твоей волей, твоему стремлению, ты прям вдохновляешь! Я уверена, ты многого добьешься, только захоти! Оставайся такой же улыбчивой, рыженькой и просто потрясающей девушкой!*; (из пожелания студентки подруге по команде) *...я тебя уважаю, и всегда буду о тебе лучшего мнения, ты солнышко, всегда свети, этот свет очень нужен!*; (пожелание школьницы другу-студенту) *Пусть все всегда у тебя будет очень круто! Ты самый классный из парней, с которыми я когда-либо общалась*). Комплиментарность в большей степени характерна для женского дружеского общения [Байкулова 2010]. Встретились тексты, где используется ненормативная лексика: (из пожелания старшеклассницы партнеру по команде) *Ты самый ах...ный* (мат – Е. С.) *игрок!:) Всего тебе самого клевого, баблосиков, поршика*))). В дружеском общении коммуниканты позволяют себе использовать любые лексические пласты языка, в том числе жаргон и мат. Речевую раскрепощенность можно считать характерной чертой молодежной коммуникации.

Наши наблюдения показывают, что в пожеланиях активно используются императивные высказывания *оставайся / будь таким (такой) же: оставайся всегда такой энергичной и жизнерадостной!!!; будь модняшей, няшей и просто офигенной девчонкой, что у тебя ооочень неплохо получается*). Здесь пожелание и косвенно выраженный комплимент функционируют как единое целое. Нередко в пожеланиях наблюдается языковая игра: например, преобразование прилагательных *модная, няшная, милая* в существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *будь модняшей, няшей, милашкой*.

Большую роль в реализации пожеланий играет **тактика личного расположения адресанта, «коммуникативного поглаживания»**, которая

наблюдается на уровне лексики и словообразования. Материал показал, что в пожеланиях регулярны употребления имен с всевозможными ласкательными суффиксами: *Катюш, Алечка, Лерок*; усеченные разговорные имена: *Ленк, Саик, Даренк*; ласковые обращения без имени: *моя родная девочка, мой любимый хомяк, красота, котик*. Часто встречается редупликация гласных, но все же в большей степени это характерно для девушек (*будь счааастлива*). В пожеланиях молодежи часты признания в любви: *Желаю тебе удачи на экзаменах!.*.* люблю тебя, красавица моя!*. Важную роль в интернет-коммуникации играет графическая составляющая: смайлики, стикеры, восклицательные знаки, смена регистра букв со строчных на прописные.

Зачастую адресант старается продемонстрировать заботу об адресате, тогда при пожелании реализуются **тактики совета, рекомендации и наставления**: (из переписки лучших подруг – студенток разных специальностей) *А тебе я желаю удааачи. А что выбрать? Прислушайся к душевному шепоту* – совет близкого друга, обличенный в метафорическую форму. **Тактика наставления** чаще всего свидетельствует о лидерстве в дружеских отношениях. Иногда адресант, стремясь показать себя заботливым и мудрым, превращает пожелание в поток наставлений, за которыми скрывается чувство превосходства: *кушай много, следи за здоровьем, оно на вес золота*).

В ряде пожеланий актуализируется **тактика призыва к активным действиям**: (из переписки подруг-студенток) *Единственное, что хочется сказать – порвите всех!!!; Пора вершить историю! Рвите! Только там и сейчас!* Адресанты активно используют глаголы в форме императива (*порвите; рвите!*). Призывы – короткие, резкие, безапелляционные (частицы *только, так*) фразы: *Только там и сейчас!; Помогайте им проиграть! У филологов есть характер!!!!; Так, филологини, рвите всех! ВВ! должны победить!!!*. Эмоции выражаются с помощью дублирования восклицательных знаков (в данных фрагментах пожеланий – до четырех). Выбор тактики призыва к активным действиям обусловлен желанием адресанта показать свою причастность к делам адресата и единство устремлений.

Дружба основана на взаимопомощи и психологической поддержке. Это отражается и в реализации **тактики истинно дружеского отношения и психологической поддержки**: (из переписки студентов) *Ни пуха ни пера! ЕГЭ пережили и сессию переживем!; Главное, будь здорова! А все остальное намутим!* Глаголы в форме 1 лица множественного числа (*переживем; намутим*) являются демонстрацией единства; фраза *главное, будь здорова* подчеркивает внимание адресанта к состоянию здоровья адресата. Иногда пожелания включают уговоры: *Ну не унывай, пожалуйста, все проходит, и это пройдет. Станет легче, наверняка... Я прекрасно знаю, что все эти поддерживающие слова такие никчемные... просто желаю тебе меньше слез и грусти!*

Как показывают наши наблюдения, возможна и контаминация различных тактик.

Нельзя не отметить, что в нашем материале встретились пожелания,

написанные в период дружеских конфликтов. Их, конечно, не так много, но в них делается упор на верность в дружбе: (ироничное) *Пусть друзья появятся только преданные и по душе; И, главное, ох...ных (мат – Е. С.) друзей тебе.*

За всеми рассмотренными тактиками в пожеланиях стоит адресант, который стремится показать себя близким человеком, единомышленником, заботливым и верным другом (**тактика самопрезентации**). Такое речевое поведение может быть совершенно искренним или, напротив, наигранным. Тем не менее, стараясь соответствовать роли друга, человек стремится быть хоть немного лучше, чем он есть, проявлять лучшие качества, а это значит, что происходит работа над собой. Таким образом, можно сказать, что жанр пожелания формирует личность; это придает его изучению социальную значимость.

Итак, даже в дружеском непринужденном общении, предполагающем свободу в использовании языка, важно эффективное применение языковых / речевых средств. Гармонизирующие тактики (тактики совета, призыва к действиям, психологической поддержки, участия, единения) способствуют бесконфликтному взаимодействию друзей, в какой-то степени программируют будущее адресата, приподнимают его личность на новую высоту, способствуют улучшению межличностных отношений и укреплению общественных идеалов в сознании молодежи, а значит, влияют на состояние общества.

Литература

- Байкулова А.Н.* Дружеское общение в парадигме обыденного общения // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2010. Вып. 4.
- Байкулова А.Н.* Неофициальное общение: подходы к его классификации и методике исследования // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия Филологические науки. 2014. № 7 (92).
- Вдовина Е. В.* Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. М., 1993.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Ранних Н.А.* Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Сиротинина О.Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
- Трофимова Н.А.* Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб., 2008.
- Формановская Н.И.* Культура общения и речевой этикет. М., 2005.

Я.С. Чайковская (Саратов)

Словообразование как художественный ресурс (на материале поэзии В.С. Высоцкого)

Научный руководитель – профессор О.И. Дмитриева

Словообразование сравнительно редко рассматривается как выразительный ресурс художественной речи по сравнению со средствами лексики и синтаксиса. В ходе лингвистического анализа текста в поле зрения исследователя чаще попадают единицы фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса.

Вместе с тем в ряду таких функций словообразования, как номинативная, конструктивная, компрессивная, выделяются также и функции стилистическая и экспрессивная [Земская 2009: 9].

В художественной речи, где эстетически значимым может стать любой языковой элемент текста, средства словообразования могут играть важную и даже текстообразующую роль. Известный пример – стихотворение М.И. Цветаевой «Расстояния, версты, мили...», где слова с префиксом рас-/раз организуют смысловую стержень текста.

Наша задача – попытаться выявить художественно значимые средства словообразования в поэтических текстах В.С. Высоцкого. Отметим, что работ, посвященных поэтике творчества этого автора немного [Иванова 1999].

Попытаемся обозначить наиболее характерные стилистические приемы использования словообразовательных единиц (словообразовательных моделей, словообразовательных типов) в поэтических текстах В. Высоцкого. Они исследовались методом сплошной выборки по двухтомному сборнику [Высоцкий 1991]. Проанализировано около 300 текстов. В статье представлены наиболее характерные примеры функционирования словообразовательных единиц в текстах поэта.

Одним из характерных стилистических приемов в использовании средств словообразования становится актуализация словообразовательного форманта, то есть словообразующей единицы, с помощью которой образовано слово. Актуализация достигается включением в контекст ряда слов, образованных по одной словообразовательной модели. Наиболее интересны в этом отношении глагольные префиксальные словообразовательные типы. Будучи исторически самостоятельным словом – древним наречием – приставка сохраняет свое значение и актуализирует его в ряду других производных слов с этим же формантом.

Рассмотрим в качестве примера строфу из стихотворения «Песня Сашки Червня»:

*Просто ставить по рублю –
Надоело, не люблю, –
Проиграю – пропылю
На коне по раю.*

Префикс про- в данном контексте реализует значение – израсходовать, истратить, утратить что-н. с помощью действия, названного мотивирующим

глаголом [РГ-80: 367]. Приставка усиливает общую семантику потери, утраты, которое передает стихотворение. В совокупности со словообразовательной единицей важную роль играет фонетическая игра с созвучием про: «*про-сто*», «*по раю*», что также направлено на усиление смысла стихотворения: боязнь потери чего-то очень значимого. Каждое произведение В.С. Высоцкого выстрадано, поэтому многие стихотворения и песни поэта пронизаны настроением страдания, утраты, бесцельности жизни (подробнее см.: [Корман 2006]). Отчетливо ощущается этот мотив именно в «Песне Сашки Червня», а слова с приставкой про- помогают усилить авторский замысел.

В стихотворении «Набат» актуализация форманта по- с общей семантикой выполнить действие, названное мотивирующим глаголом в течение непродолжительного времени [РГ-80: 364] создает общее настроение скоротечности жизни перед грозным лицом войны:

*Всех нас зазывали из некла –
Выпить на празднике пыли и пепла,
Потанцевать с одноглазым циклопом,
Понаблюдать за всемирным потопом.*

Ощущение быстротечности жизни соединяется с ощущением вселенской катастрофы, трагедии (подробнее см.: [Раевская 2012]). Особенно ярко подчеркивают этот смысл перифразы, употребляемые для обозначения войны: праздник пыли и пепла, всемирный потоп.

Выразительным средством становится и приставка от- в словах «*отплавать*», «*отпеть*», «*отпророчить*» в стихотворении «Я не успел»:

*Другие – знали, ведали и прочее, –
Но все они на взлете, в нужный год –
Отплавали, отпели, отпророчили...
Я не успел и прозевал свой взлет.*

Поэт пишет о своей судьбе, о быстротечности жизни и недостижимости многого из желаемого, о потерях и жертвах, которых требует творчество.

Но дополнительный смысл, передаваемый словами с приставкой от-, выявляется в сочетании с глаголами «не успел», «прозевал», которые усиливают ощущение утраты. Особенно отчетливо эта семантика обнаруживается в соотношении узуальных глаголов на от- с окказионализмом того же словообразовательного типа, который имеет значение «перестать пророчить в связи со смертью». Включение этого окказионализма в контекст усиливает ощущение безвозвратной потери.

В текстах Высоцкого часто актуализируются не только глагольные, но и именные словообразовательные модели. Пример из стихотворения «Нить Ариадны»:

*Древний герой ниточку
ту крепко держал:
И слепоту, и немоту –
все испытал;
И духоту, и черноту
жадно глотал.*

*И долго руками одну пустоту
парень хватал.*

Слова на -ота- – это адъективные производные, т.е. слова, образованные от качественных прилагательных. Они сохраняют общую семантику признака: слепой, немой, душный, черный, пустой.

Стихотворение «Нить Ариадны» совмещает в себе две сюжетные линии – «древнюю» (восходящую к мифу о Минотавре) и «современную» (лирико-философскую), которые взаимодействуют через образ нити. Сохранность нити является залогом успеха, а ее утрата рождает чувство одиночества, потерянности, безысходности. Именно благодаря духовной нити в руках герой смог преодолеть все испытания, которые представляют собой градацию ощущений: слепота, духота, чернота, пустота. Все эти лексемы являются отвлеченными существительными, каждая из которых передает общую семантику отсутствия, опустошенности, а формант -от- становится формальным выразителем отсутствия какого-либо признака – зрения (слепота), голоса (немота) и др. Восходящая градация как прием употребления существительных на -от- усиливает и значение степени преодоления всех испытаний, выпавших на долю лирического героя.

Особую стилистическую роль в тексте всегда играет окказиональное слово: всякий выход за рамки узуальных употреблений акцентирует языковой фрагмент текста. Окказиональная лексика несет свою смысловую и эстетическую нагрузку в художественной ткани целого текста и в связи с другими его единицами, поскольку текст не является механической суммой отдельных элементов: каждый реализуется лишь в отношении к другим элементам и структурному целому всего текста [Дмитриева 2012: 653].

Составитель словаря окказионализмов В.С. Высоцкого В.П. Изотов отмечает, что поэт нечасто обращался к окказиональному словотворчеству: при всей метафоричности своего поэтического языка он предпочитал традиционное словоупотребление. Словарь В.П. Изотова насчитывает 418 окказиональных слов, но сам составитель пишет, что нельзя говорить о полноте выборки, поскольку опубликованы далеко не все письма В.С. Высоцкого и другие архивные материалы [Изотов 1998]. В поле нашего анализа оказалось 35 окказиональных слова, извлеченных из текстов двухтомника поэта.

Во-первых, это прилагательные: суффиксальные – *первосортненький, вертненький*; образованные путем компрессии словосочетаний – *пустокарманный, холодноносый, стукозубый, дыбоволосый, мурашкакожанный*; приставочно-суффиксальные – *безглазый*.

Другую группу окказионализмов составляют существительные. Большинство из них образовано путем сложения основ: *баба-новатор, всадник-облако, лицедеи-скоморохи, шабашгаз, шабашэлектро, палитро-партитура, агитатор-дельфин, цветонота, инфра-ультра, тушеноши, полубразины, кошкелот, мышелот, папугай, человекотуша*.

В ряду окказиональных глаголов выделяется группа приставочных

производных с формантами от- и недо-: *отпророчить, недошутить, недораспробовать, недопригубить, недолюбить, недоспешить*.

Авторские новообразования могут реализовать в тексте разные функции: 1) номинативную, то есть позволяют обозначить особые текстовые реалии (*всадник-облако, антикоординаты*); 2) компрессивную, когда сочетание несколько слов заменяется однословной номинацией (*цветонота, шабашгаз*); 3) оценочную, то есть помогают наиболее отчетливо выразить авторское отношение (*первосортненький, дыбоволосый*) [Изотов 1998].

Примером текста, в котором употребляется сразу несколько окказиональных новообразований, является стихотворение «Тушеноши»:

*Таскали жертвы после гильотины:
Безглазны, безголовы и безгласны
И, кажется, бессутны тушеноши,
Как бы катками вмяты в суть картины.*

В данной строфе встречается сразу три окказионализма: «*безглазны*», «*бессутны*», «*тушеноши*».

«*Тушеноша*» – тот, кто носит туши убитых животных. В стихотворении также есть окказиональные синонимы этого слова: «*человекотуша*», «*полуобразина*».

«*Безглазный*» – тот, у кого отсутствуют глаза. Несмотря на наличие в языке слова «безглазый», именно с помощью окказионализма «*безглазный*» создается внутренняя рифма: безглазы – безгласы.

«*Бессутный*» – лишенный сути.

Стихотворение «Тушеноши» написано Высоцким под впечатлением от литографии «Чрево Парижа» М. Шемякина. Тот, в свою очередь, создал литографию под впечатлением от рынка в Париже, где тушеноши, то есть мясники, носили туши убитых животных. Высоцкий встраивает сложный ассоциативный ряд, соотнося тушенош с соучастниками преступления палача (подробнее см: [Брук 2015]).

Перед нами не люди, а единая человекотуша, у которой нет глаз, голов, голоса, и потому они «*безглазны, безголовы и безгласны*». Актуализирует семантику слов этой модели окказионализм «*бессутны*», то есть лишенный сути. В этих четырех случаях префикс без-/бес- имеет значение отсутствия того, что в мотивированном слове присутствует – снова наблюдается прием актуализации словообразовательной модели, в котором узуальная лексика сочетается с окказиональной.

Окказиональное словотворчество выполняет важную роль в достижении языковой выразительности средствами словообразования. Именно благодаря авторским неологизмам создаются новые значения слов, передаются те оттенки значений, которых нет в узусе, то есть в общелитературном языке.

Словообразование в поэтическом тексте может выполнять функцию выразительного ресурса, поскольку именно благодаря концентрации слов, образованных по определенной словообразовательной модели, в тексте углубляется и актуализируется смысл. Благодаря приему актуализации

словообразовательной модели отчетливо проявляется внутренняя форма слова, а также усиливается «внутренняя» рифма в стихотворении. Окказиональная лексика выражает новые значения слов, новые оттенки значений, которые отсутствуют в узуальной системе языка, что позволяет автору подчеркнуть и обозначить наиболее сложные и важные для него смыслы.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что словообразование – важный выразительный ресурс поэтической речи В.С. Высоцкого.

Литература

Брук Г. Тушеноши и Шемякин, Высоцкий, Сутин // Семь искусств. 2015. № 8.

Высоцкий В.С. Сочинения. М., 1991.

Дмитриева О.И. Словообразовательная игра как способ художественного отражения действительности // Коммуникация. Мышление. Личность. 2012.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 2009.

Иванова Л.В. Стилистические функции словообразовательных единиц в произведениях В. Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. 1999. № 3.

Изотов В.П. Окказионализмы В. С. Высоцкого. Опыт словаря. Орел, 1998.

Корман Я.И. Владимир Высоцкий: ключ к подтексту. Ростов н/Д., 2006.

Раевская М. Стихотворение «Набат»: материалы к комментированию // В поисках Высоцкого. 2014. № 12.

Русская грамматика. М., 1980 [РГ-80].

М.А. Шамаева (*Саратов*)

Структурно-семантический анализ тематической группы «Музыкальные инструменты» в современном русском языке

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы в области системных отношений в языке [Соссюр 1977; Степанов 1975; Ярцева 1990], проблематики тематической группы и лексико-семантической группы [Филин 1982; Астахина 1991; Уфимцева 1988; Алефиренко 1998]. При изучении полисемии и омонимии использовался Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [Кузнецов 1998].

Тематической сфере «Музыка» уделяли внимание многие исследователи. Диссертация Ш.Д. Самушиа посвящена русской музыкальной терминологии [Самушиа 1969], И.Н. Воробьева в середине 80-х гг. исследует музыкальную терминологию как единство трех семиотических систем [Воробьева 1986], лексико-семантический анализ названий музыкальных инструментов проводит Ж.В. Назарова [Назарова 1998]. В 1996 г. Джон Ын Джу проводит исследование, посвященное всестороннему комплексному анализу состава и взаимосвязей единиц лексико-семантического поля «музыка», определению структуры лексико-семантического поля и его роли в организации текстов соответствующей тематики [Джон Ын Джу 1996]. Предметом изучения

И.А. Радченко стали количественно-качественные изменения в лексике тематической сферы «Искусство» в русском языке на рубеже XX – XXI веков [Радченко 2002]. Н.Г. Ткаченко посвятила свое исследование историческому аспекту музыкальной терминологии [Ткаченко 1998].

В основе тематической группы, рассматриваемой в данном исследовании, лежит лексика, которая представлена в «Русском семантическом словаре» [Шведова 2002]. Лексические единицы в словаре группируются по лексико-семантическим классам, множествам и подмножествам.

Подмножество «Музыкальные инструменты» представляется шестью ветвями на первом шаге разбиения. Общепризнанная классификация музыкальных инструментов предполагает вычленение таких ветвей, соответствующих видам групп музыкальных инструментов, как «Струнные», «Духовые», «Ударные», а также «Электромузыкальные и механические». Оставшиеся две группы представляют собой общие обозначения музыкальных инструментов, а также детали и предметы, относящиеся к ним.

Впрочем, в последующем членении все элементы подобной фактически специальной классификации не смогут послужить основой разбиения, потому что в данном случае деление обусловлено собственно языковыми свойствами названий и общими языковыми характеристиками [Шведова 2002]. Каждая из ветвей, кроме двух, представляющих собой общие обозначения музыкальных инструментов, а также деталей и предметов, относящихся к ним, выступает как конечный лексико-семантический ряд и членится на два подмножества на основании семантического противопоставления: «совокупность музыкальных инструментов» — «единичный инструмент» данного типа.

Подгруппы рассматриваются в том же порядке, в котором происходит их описание в словаре Н.Ю. Шведовой.

Подгруппа «Духовые инструменты» включает 36 единиц: *аккордеон, альт, баритон, бас, баян, валторна, гармоника, гармония, гармонь, гармошка, гобой, горн, дуда, дудка, жалейка, зурна, кларнет, концертина, корнет, корнет-а-пистон, орган, рог, рожок, саксофон, свирель, сопелка, сопель, тромбон, труба, туба, фагот, фанфара, фисгармония, флейта, хромка, цевница* [Шведова 2002].

Для 4-х слов подгруппы характерно явление омонимии (*баян, гармония, горн, корнет*).

Многозначными в данной подгруппе являются 9 единиц (*альт, баритон, бас, рог, рожок, труба, туба, сопелка, фанфара*). Для ряда единиц значение музыкального инструмента является первичным (*туба, сопелка, фанфара*), для остальных значение музыкального инструмента является вторичным (*альт, баритон, бас, рог, рожок, труба*). Также в подгруппе можно выделить объединения слов с разными типами семантических отношений внутри многозначных слов. Можно выделить слова со значениями, основанными на метафорическом, метонимическом переносе, а также пограничную группу с неясным переносом.

На метафорическом переносе основаны отношения в словах *туба*, *рог*, *рожок*, *труба*. Слово *туба* имеет первичное значение музыкального инструмента, вторичное – мягкой металлической трубки для хранения вязких веществ, стоящее с пометой «специальное».

Слово *рог* имеет 5 значений. Первичным является значение выроста на голове животного, которое и послужило основой номинации музыкального инструмента, по форме напоминающего рог. В списке значений музыкальный инструмент занимает вторую позицию. Подобным образом получил своё название *рожок*, имеющий 9 различных значений, второе место среди которых занимает музыкальный инструмент.

Слово *труба* имеет 5 значений, первичным является значение длинного полого предмета круглого сечения. Духовой музыкальный инструмент по своей форме напоминает трубу для провода жидкости, пара или газа, что и стало основанием номинации.

На метонимическом переносе основаны отношения в словах *фанфара*, *альт*, *бас*, *баритон*.

Слово *фанфара* имеет первичное значение музыкального инструмента, вторичное – трубный короткий сигнал, носящий торжественный или воинственный характер. Таким образом, название инструмента стало использоваться для обозначения мелодии, исполняемой на нём.

Слово *альт* имеет 3 значения, при этом первичным является значение низкого детского или женского голоса; значение музыкального инструмента находится на третьем месте. Вероятно, вследствие сходства звучания низкого голоса и звучания инструмента последний и получил своё название. По подобной схеме было образовано название *баритона* – инструмента со средним регистром и тембром, по звучанию схожим с голосом, средним по высоте между басом и тенором. Также данный принцип номинации относится к *басу*, где значение низкого мужского голоса напоминает звучание инструмента низкого регистра. Кроме того, все три слова могут служить для обозначения певца.

Также для данных единиц характерно явление внутригрупповой омонимии. Слово *альт* может относиться к музыкальному струнному или духовому инструменту. Струнная разновидность альта еще называется альтом скрипичным и обозначает инструмент такого же устройства, что и скрипка, но несколько больших размеров, отчего звучит в более низком регистре. Духовой альт относится к семейству саксгорнов – медных духовых музыкальных инструментов с широкой мензурой. Для обозначения групп струнных и духовых инструментов используется слово *бас*. Например, духовой бас имеет такие виды, как бас-геликон, бас-туба, бас-кларнет. *Баритон* обозначает струнный смычковый музыкальный инструмент семейства виол, а также духовой инструмент, который относится к широкомензурным разновидностям трубы.

К группе слов с неясным переносом можно отнести слово *сопелка*, имеющее первичное значение музыкального инструмента и используемое также для обозначения носа (с пометой «разговорно-сниженное»).

Подгруппа «Струнные инструменты» содержит 29 единиц: *альт, арфа, балалайка, банджо, бандура, виола, виолончель, гитара, гудок, гусли, домбра, домра, кифара, клавесин, клавикорд, клавир, кобза, контрабас, лира, лютня, мандолина, пианино, рояль, скрипка, тамбур, танбур, фортепиано, цимбалы, цитра* [Шведова 2002].

Для 3-х единиц подгруппы характерно явление омонимии. Слово *гудок* обозначает не только музыкальный инструмент, но и обычный механический свисток для подачи сигналов. Слово *лира* относится к названию денежной единицы в Италии и Турции. Слово *тамбур* служит для обозначения части помещения и рода вязания.

5 слов подгруппы имеют несколько различных значений (*альт, балалайка, бандура, клавир, скрипка*). Первичное значение музыкального инструмента имеют единицы *балалайка, бандура, клавир, скрипка*, для слова *альт* данное значение является вторичным.

На метонимическом переносе основаны отношения в словах *клавир, скрипка, альт*.

У слова *клавир* вторичным значением является переложение партитуры для пения в сопровождения фортепиано.

Первичным значением слова *скрипка* является значение музыкального инструмента, вторичным – музыки, исполняемой на нем. Человека, играющего на инструменте, также можно называть данным словом, и способом номинации в данном случае служит метонимия – сходство по смежности. Существует выражение «играть первую скрипку», которое используется не только в прямом, но и переносном смысле, когда речь идет о самом главном лице в каком-либо деле.

У слова *альт* основой номинации служит сходство с низким детским или женским голосом, являющимся первичным значением в словаре.

На метафорическом переносе основаны отношения в словах *балалайка* и *бандура*.

Балалайкой кроме музыкального инструмента можно назвать болтливую человека, пустомелю. Как правило, употребляется выражение «бесструнная балалайка».

Вторичным метафорическим значением также обладает слово *бандура*. Оно используется при описании чего-либо громоздкого, несоразмерного в частях.

Подгруппа «Ударные инструменты» включает 20 единиц: *барабан, бубен, бубенцы, бунчук, гонг, кастаньеты, кимвал, колокол, колокольчик, ксилофон, литавры, ложка, набат, позвонец, тамбурин, тамтам, тарелка, тимпан, треугольник, трещотка* [Шведова 2002].

Слово *тимпан* помимо значения музыкального инструмента также может служить для обозначения внутреннего поля фронтона с украшениями в архитектуре.

Для 12-ти слов данной подгруппы характерно явление полисемии. Первичное значение музыкального инструмента имеют слова *барабан, бунчук,*

гонг, колокольчик, тамбурин, тамтам, вторичное – *колокол, ложка, набат, тарелка, треугольник, трещотка*.

На метонимическом переносе основаны отношения в словах *гонг* и *трещотка*.

Слово *гонг* помимо номинации самого музыкального инструмента может служить для обозначения звукового сигнала, который производится при ударе об этот инструмент.

Первичное значение слова *трещотка* – устройство, которое издаёт треск; вторичное – народный музыкальный инструмент, который был так назван вследствие извлечения подобных треску звуков.

Для слов *тамбурин* и *тамтам* характерна внутренняя омонимия. Первичное значение *тамбурина* – род бубна, распространённый на юге Европы, а вторичное – барабан с удлинённым корпусом, который используют на юге Франции, в Провансе. Первичное значение слова *тамтам* – разновидность гонга, вторичное – барабан, распространённый в Африке. Эти значения соответствуют двум версиям происхождения инструмента. Согласно первой у тамтама азиатские корни, согласно второй – это инструмент африканских племён.

На метафорическом переносе основаны отношения в словах *барабан, бунчук, колокольчик, колокол, набат, ложка, тарелка, треугольник*.

Слово *барабан* имеет первичное значение музыкального инструмента, вторичные – деталь механизма в виде полого цилиндра и верхняя часть здания в архитектуре, которая служит основанием купола. Сходство по форме с инструментом послужило основанием появления других значений.

Бунчук имеет первичное значение музыкального инструмента в военных оркестрах, вторичное – символ власти атаманов и гетманов. Данные предметы объединяет сходство по форме, а также наличие у обоих из них прядей из конских волос.

Слово *колокол* имеет три значения. Первичным является значение металлического конуса со стержнем, вторичными – музыкального инструмента, используемого в оркестре, и любого предмета подобной формы. Основой номинации специализированного инструмента послужил способ извлечения звука у колокола, например, церковного, и колокола оркестрового.

Слово *колокольчик* имеет вторичное значение – травянистое растение с цветками, похожими на маленькие колокола, то есть сходство по форме послужило основой номинации.

Слово *набат* имеет первичное значение сигнала тревоги, подаваемого ударами колокола при каком-либо бедствии, вторичное – войскового барабана большого размера. Поскольку звук извлекается из разных инструментов, перенос можно отнести к метафорическому.

Слово *ложка* имеет первичное значение столового прибора, вторичные – музыкального инструмента и «ложечки» (как в выражении «щемит под ложечкой», помеченном как устаревшее). Музыкальный инструмент по своему

внешнему виду практически идентичен прибору для употребления пищи.

Первичное значение слова *тарелка* – столовая посуда, а вторичное – различного рода детали, которые имеют вид плоского диска (при употреблении только во множественном числе), то есть сюда же можно отнести и музыкальный инструмент. В основу номинации было положено сходство по форме.

Слово *треугольник* имеет первичное значение геометрической фигуры, которая ограничена тремя пересекающимися прямыми, образующими три внутренних угла. Сходство по форме служит основой номинации.

Подгруппа «Электромузыкальные и механические инструменты» содержит 9 единиц: *музыкальная шкатулка, музыкальный ящик, синтезатор, шарманка, электроарфа, электрогитара, электродомра, электроорган, электроскрипка* [Шведова 2002].

Явление омонимии не характерно для слов данной подгруппы. Полисемия также не характерна для единиц подгруппы, все слова являются однозначными.

Тематическая группа «Музыкальные инструменты» включает 94 единицы, среди которых 36 относятся к подгруппе «Духовые инструменты» (38 % от общего количества единиц), 29 – к подгруппе «Струнные инструменты» (31 %), 20 – к подгруппе «Ударные инструменты» (21 %), 9 – к подгруппе «Электромузыкальные и механические инструменты» (10 %).

Омонимия мало распространена среди единиц всех подгрупп, однако число слов, имеющих омонимы, примерно одинаково среди наименований духовых и струнных инструментов (11 и 10 %, соответственно). Среди наименований ударных инструментов всего одна единица имеет омоним (5 %), среди наименований электромузыкальных и механических инструментов таких единиц нет.

Больше всего многозначных слов содержится среди названий ударных инструментов (60 %), четверть и меньше – среди духовых и струнных инструментов (25 % и 17 %). Наименования электромузыкальных и механических инструментов представляют собой однозначные единицы.

Литература

- Алефиренко Н.Ф.* Теория языка: Введение в общее языкознание. Волгоград, 1998.
- Астахина Л.Ю.* Семантические и словообразовательные аспекты изучения тематической группы // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. М., 1991.
- Воробьева И.Н.* Особенности семантики музыкальной терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Джон Ын Джун.* Лексико-семантическое поле «музык» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.
- Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
- Назарова Ж. В.* Омонимия, синонимия, антонимия музыкальных терминов. М., 1998.
- Радченко И.А.* Количественно-качественные изменения в лексике тематической сферы «Искусство» в русском языке на рубеже XX – XXI веков: По материалам словарей и газетной публицистики: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002.
- Самушиа Ш.Д.* Музыкальная терминология в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1969.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Ткаченко Н.Г. К истории музыкальной терминологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М., 1998. Вып. 5.

Уфимцева Н.В. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.

Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. М., 2002.

Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

О.И. Янковский (Саратов)

Семантическая динамика

слов с корнями *-ход-*, *-ид-* и *-шед-* в XIX-XXI вв.

Научный руководитель – профессор О.И. Дмитриева

Семантическая динамика дериватов с корнями *-ход-*, *-ид-* и *-шед-* уже рассматривалась с XI по XVIII вв. ранее [Янковский 2018]. Однако динамическая картина была бы неполной, если бы в ней не был представлен материал современного русского языка. Этот этап развития семантики в изучаемых подсистемах важен и тем, что насыщенность XIX и XX веков событиями государственного масштаба обусловила крупные изменения в семантике производных с корнями *-ход-*, *-ид-* и *-шед-*. Рассмотрим их подробнее на основе БАС, Большого толкового словаря С.А. Кузнецова и НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru/>).

В семантике дериватов изучаемых гнезд на современном этапе отмечается множество новых разновидностей движения по поверхности: лексемы, обозначающие произведение движения каким-либо образом вроде *пройтись* ‘пройти, танцуя или каким-л. другим способом’, *расхаживать*₁ ‘ходить не спеша, взад и вперёд; прогуливаться или ходить непринуждённо, с независимым видом’, *самоход* ‘самоходная машина или механизм’, *тихоход* ‘о том, кто (что) медленно идёт, движется’, *быстроходный* ‘имеющий быстрый ход (о транспортных средствах, вращающихся механизмах)’, а также цель движения – *турпоход* ‘туристический поход’, *культпоход* ‘коллективное посещение театра, музея’ и прочие. Глагол *разойтись* в третьем значении указывает на возможность / невозможность перемещения ‘дать возможность проехать, пройти друг другу при встречном движении’ (*Коридор широкий, можно свободно разойтись. На этой тропинке и двоим не разойтись*). А движение в третьем значении глагола *подойти* наделяется временными или целевыми атрибутами ‘прибыть куда-л. к какому-л. времени или с какой-л. целью’ (*К вечеру подойду!*). Отметим, что в современном русском языке образуется слово с междометным значением – это *разойдись* ‘военная команда, позволяющая покинуть строй’. Наконец, особую характеристику приобретает глагол *сойти* в значении, ставшем в современном

русском языке основным: ‘выйти на какой-л. станции, остановке (о пассажире)’ (*Мы сойдём на Невском, у рынка*).

Отдельного слова заслуживает группа дериватов со значением лица, совершающего движение. Она наследует многие лексемы, образованные в предшествующие периоды, однако отмечаются в ней и новые слова: *восходитель* ‘альпинист, совершающий, совершивший восхождение’ (также *восходительница*) и *горовосходитель*, *канатоходец* ‘цирковой артист, показывающий искусство эквилибристики на канате, натянутом в воздухе между двумя точками опоры’, *обходчик* ‘работник, совершающий регулярный обход каких-л. мест, объектов с целью осмотра, проверки, охраны’, *путеобходчик* ‘путевой обходчик’, *ходок*¹ ‘тот, кто ходит пешком (обычно много или далеко)’ и некоторые другие. Любопытно, что у слова *ходок*¹ есть и оттенок значения ‘тот, кто постоянно куда-л. ходит, посещает что-л.’ (*ходок по театрам*). Ряд лексем со значением лица теряют прямую связь с движением, но, тем не менее, не утрачивают ее окончательно: *первопроходец* (и *первопроходчик*) ‘тот, кто первый прокладывает пути в освоении чего-л. нового’, *самоходчик* ‘военнослужащий самоходной воинской части’. Интерес вызывает и слово *проходимец*, употребляемое преимущественно в разговорном стиле в значении ‘мошенник, плут, пройдоха’ (*Понаехало в город проходимцев со всего света*). Как можно заметить, это слово принадлежит гнезду *-ход-* и лишь незначительно отличается от слов *пройдоха* или *прошлец*. Выходит, что для выражения одного и того же значения в разное время и во всех трех гнездах были образованы лексемы *пройдоха* (XV–XVII вв.), *прошлец* (XVIII в.), *проходимец* (в современном русском языке). По нашему мнению, неслучайно последней стала лексема с корнем *-ход-*: именно в современном русском языке гнездо *-ход-* переживает подлинный расцвет – и в количественном смысле, и с позиции разнообразия семантики, стилистического многообразия дериватов. Кроме того, разница между *пройдохой* и *проходимцем* заключается в более негативной коннотации последнего. А объединяет все три слова семантика глагола *пройти* ‘изучить что-л.’, ‘испытать, вынести что-л.’ и ‘обойти’. Рассмотрим существительное общего рода *доходяга* ‘об изможденном, обессилившем человеке или животном’, которое также имеет косвенную связь с движением, поскольку глагол *доходить* употребляется в значении ‘достигать крайней степени проявления чего-л.’ (*доходит до истощения*), где движение заключено в усилении какого-либо признака за определенное время.

Движение предмета – одна из неотъемлемых частей кинетического фрагмента языковой картины мира на всех этапах развития языка, и в наши дни отмечаются слова, обозначающие движение каких-либо предметов: *ледоход* ‘движение льда по течению реки весной (во время таяния) и осенью (во время замерзания, перед ледоставом)’, *сойти*₃ ‘соскочить, сместиться при движении с предназначенного места’ (*Поезд сошёл с рельсов. Шина сошла с колеса*). Отметим, что в XVIII столетии слово *сойти* имело подобное, но более

ограниченное значение ‘относительно къ вещамъ намотаннымъ, навитымъ значить: сматываюсь, снимаюсь съ чего’.

Важно отметить, что в современном русском языке во многих случаях исчезают границы между движением живого и неживого. На уровне словарей наблюдается такая особенность: если раньше движение неодушевленного объекта чаще представлялось как отдельное значение (ср. *войти*₁ ‘идя, двигаясь, вступить, попасть куда-л.’ и *войти*₂ ‘проникнуть внутрь или вглубь чего-л. (о предметах, веществах)’ по Словарю русского языка XVIII в.), то в БАС и МАС это лишь оттенок значения: *выйти*₂ ‘прийти куда-л.; оказаться где-л.; появиться, показаться’ (*выйти на улицу*) и ‘показаться из земли, взойти (о растениях)’ (*вышли первые всходы*). В БТС к этому оттенку значения относится движение различных веществ (*газ вышел на улицу*). Вследствие этого, не приводя многочисленных очевидных примеров, скажем, что в современном русском языке движение в равной степени присуще всем: и человеку, и животному, и растению, и предмету. Подвижно всё, и всё совершает в целом похожие движения, что и отражает семантика дериватов изучаемых гнезд. Весьма уместно здесь вспомнить о том, что темп жизни современного человека намного быстрее, нежели он был двести-триста лет назад. Поэтому в рамках данной группы будем приводить только те значения, которые ранее не отмечались вообще или в отдельных лексемах.

К примеру, семантика выпадения осадков не встречалась в глаголе *пройти* ‘выпасть (о снеге, дожде, граде)’ (*Вчера прошёл град*). Глагол *обойти* также отражает сближение семантики движения человека и предмета в изучаемых гнездах: он употреблялся в значениях ‘пройти по всему пространству; побывать всюду, во многих местах’ и ‘подойти поочерёдно к каждому’ с XVII–XVIII вв. и относился только к живым существам. В современном русском языке отмечается формирование семантического оттенка ‘переходя из рук в руки, попасть ко всем, к каждому (о предметах)’ (*стихи поэта обошли всех*).

Обратный процесс – от движения предмета к движению человека – можно наблюдать в глаголе *выйти* в значении ‘получиться (в результате чьих-л. усилий, чьей-л. работы)’ (*Из него вышел хороший инженер. Сын вышел весь в отца*). Ещё на старорусском этапе в глаголе *выйти* фиксировалось значение ‘выйти из производства, появиться в готовом виде’, оно сохранилось и в XVIII в. Вероятно, носители современного русского языка сравнили усилия, движения, производимые для выхода товара с процессами воспитания, обучения и применили вышеупомянутую семантику к живому существу. Кстати, с производством предметов или их обработкой связано также двадцать седьмое значение вершинного глагола *идти* ‘подвергаться действию, названному существительным’ (*идти на слом, идти на переплавку, идти в чистку*).

В рамках данной группы отметим глагол *уйти*₁₆ ‘быть отправленным, отосланным по назначению’ (*Письмо ушло вчера*). Довольно интересными представляются также оттенки второго значения этого глагола, сформированные

в современном русском языке: ‘переместившись, перестать ощущаться опорой кому-, чему-л.’ (*Земля ушла из-под ног. Дно лодки ушло вниз*) и ‘исчезнуть из виду, пропасть вдаль (о неподвижных предметах, мимо которых едет, плывёт и т.п. человек)’ (*Берег ушёл в туман*). Надо сказать, что у этого значения есть ещё один оттенок, ‘отклониться от какой-л. линии, направления (о чём-л.)’ (*Стена ушла вбок. Коля ушла в сторону*). На предыдущих этапах лексема в этом значении была бы включена в группу, обозначающую движение неподвижных объектов (вроде дорог, горных хребтов, зданий), однако сегодня грань между этими группами постепенно стирается: производные с корнями *-ход-* и *-ид-* обозначают расположение не только крупных или протяженных объектов, но и сравнительно небольших. К примеру, *идти*₁₄ ‘пролегать, быть расположенным где-л., каким-л. образом; простираться’ (*Дорога идёт по полю, вниз к реке. Шрам идёт через всю щёку*), *разойтись*₁₁ ‘распространиться, охватив какое-л. пространство, расстояние, количество и т.п.’ (*Лавина разошлась по всему склону. Трещина разошлась до десяти сантиметров*), *сойтись*₂ ‘соприкоснуться, соединиться’ (*Соседние участки сошлись под углом. Брови сошлись в одну линию. Юбка не сошлась на талии*).

Тем не менее, некоторые значения и семантические оттенки, сформированные в современном русском языке, употребляются только в сочетании с наименованиями крупных неподвижных объектов: *подойти*₆ ‘располагаясь, простираясь, оказаться в непосредственной близости от чего-л. (о дороге, реке и т.п.)’ (*Река подошла прямо к огородам. Стройка подошла к границам города*), *уйти*₁₇ ‘расположиться, простереться вдаль, вширь перед кем-л.’ (*Дорога ушла вдаль. Луга ушли широкой полосой к лесу*). Отдельно рассмотрим значение ‘постепенно изменить свой вид, форму, цвет и т.п.’ (*Через минуту, зеленый цвет перешел в фиолетовый* [БАС, т. 9: 630]), которое отражает качественную динамику наблюдаемого объекта или явления, его движение в другое состояние. Наконец, завершим обзор данной группы ЛСВ глаголов *выходить*₂ ‘быть обращенным куда-л., в какую-л. сторону’ и *идти*₁₄ ‘вести куда-л., выходить (о двери, входе)’ (*Балкон выходит во двор. Дверь идёт в сад*). С одной стороны, это в некотором роде движение самого предмета, ведь дверь, окно или балкон как бы направляются в определенную сторону, идут к ней. С другой – через дверь, балкон, улицу и проч. идёт (или может «идти») взглядом, мысленно) и сам человек.

Группа слов с терминологическим значением является одной из самых крупных в изучаемых подсистемах на современном этапе. Вследствие этого мы разделяем ее на подгруппы в зависимости от области знаний, сферы использования слова или ЛСВ. Приведем пример лексем со значениями из области медицины: *босохождение* ‘хождение босиком с лечебной или профилактической целью’, *непроходимость*₂ ‘неспособность пропускать что-л. (об органах человека или животного)’ (*непроходимость кишечника, пищевода*), *проход*₃ ‘канал, часть полого органа в организме’, *проходимость*₂ ‘способность пропускать что-л. (об органах человека или животного)’, *переходить*_{2/3}

‘пробыть в состоянии беременности дольше нормального для организма срока’ (*Она переходила, все волнуются*).

Представим слова и значения, используемые спортсменами: *многоходовка* ‘комбинация из нескольких ходов (в хоккее, футболе, шахматах и т.п.)’, *скороход*₂ ‘о спортсмене, специалисте по скоростному бегу (на коньках, лыжах и т.п.)’, *проходной*₅ ‘получивший возможность достичь последней линии противника на шахматной доске’ (*проходная фигура, сильная проходная шашка*), оттенок третьего значения глагола *уйти* ‘переместиться на другое место, другую клетку при нападении фигуры противника’, а также устойчивое выражение *занять исходное положение / исходную позицию*.

Отмечаются производные с техническим значением, к примеру, *ходовой*₂ ‘связанный с действием, с ходом машины, какого-л. механизма, непосредственно выполняющий работу; рабочий’, *переходник*₁ ‘техническая деталь, позволяющая соединить, состыковать различные устройства’, *проходимость*₃ ‘способность транспортных средств преодолевать дорожные препятствия, двигаться по бездорожью’, *ходимость* ‘прочность (о шинах)’.

Ряд слов и лексических значений отражают понятия из сферы экономики и финансов: *идти*₁₉ ‘причитаться, следовать кому-л. за что-л.; выплачиваться, выдаваться (обычно регулярно, постоянно)’, *заприходовать* ‘оформив документы, считать поступившим в распоряжение предприятия, учреждения и т.п.; оприходовать’, *переходящий*₃ ‘перечисляемый, переносимый на следующий год’ (*переходящие суммы, переходящий фонд*), *оприходоваться* ‘быть записанным в приход’, *неоприходованный*₁ ‘не подвергшийся оприходованию; неучтённый’, *расход*₄ ‘графа, раздел в бухгалтерской книге для записи издержек’, *орграсходы* ‘расходы на организацию, проведение чего-л.’, *перерасход*₂ ‘то, что израсходовано сверх нормы, сверх плана’ и многие другие.

Свою подгруппу образуют термины, связанные с горным делом: *проходка* ‘разработка горных выработок’, *проходчик* ‘рабочий, производящий проходку горных выработок, туннелей и т.п.’ *горнопроходческий* ‘связанный с проходкой горных выработок’, (*горнопроходческие работы*) *ходок*₂ ‘подземная выработка, предназначенная для пешего передвижения людей’.

Многовековое развитие семантики движения зерна, роста злака имело следствием формирование собственной подгруппы слов с терминологическим значением: *всходить*₄ ‘прорастая, показаться на поверхности почвы (о посеянном)’, *всходы* ‘ростки семян, показавшиеся из земли’, *довсходовый* ‘производимый до появления всходов’, *всхожий* ‘способный к прорастанию’, *всхожесть* ‘способность к прорастанию’, *подойти*₁₁ ‘созреть, стать готовым для уборки, обработки (о хлебе, травах и т.п.)’, *выйти в трубку* ‘образовать стебель (о злаках)’.

Некоторые слова в группе слов-терминов обладают универсальным терминологическим значением, применяясь в разных профессиях. В Большом толковом словаре С.А. Кузнецова они помечены «проф.»: *вход*₃ ‘проф. место, через которое поступает, проникает что-л.’ (*Вход в легочную артерию. Вход*

газовой магистрали. Вход в трансформатор), *подход*₃ ‘совокупность способов, приёмов в рассмотрении чего-л., в воздействии на кого-, что-л. и т.п.’, *ход*₉ ‘рабочая часть машины, механизма или нижняя, ходовая часть транспортных средств, обуви’.

Семантика движения воды (и других жидкостей), представленная в значениях многих слов с изучаемыми корнями, и в современном русском языке находит выражение в лексемах и ЛСВ *войти* ‘двигаясь, перемещаясь, прибыть куда-л., оказаться в пределах чего-л.’ (*вода вошла в берега*), *войти*₃ ‘вместиться во что-л., уместиться в чём-л.’ (*в чайник вошло два литра воды*), *дойти*₃ ‘достичь какого-л. предела, уровня’ (*вода дошла до самой высокой отметки – поднялась во время наводнения до критического уровня*), *прийти*₂ ‘подойти, подступить (о воде, тумане и т.п.)’, *пройти*₅ ‘продвинуться, пробиться, просочиться и т.п. через что-л., сквозь что-л.; оказаться где-л.’ (*вода прошла в трюмы*), *уйти*₁₁ ‘перелиться через край при кипении, брожении и т.п. (о жидкости или полужидкой массе)’ (*чайник ушел*), а также ‘вобратиться, впитаться во что-л. (о жидкости)’. Надо сказать, что здесь тоже наблюдается некое сращение семантики: на предыдущих этапах движение, течение воды имело свои собственные, особые значения, а сегодня вода двигается так же, как и другие предметы, объекты и проч.

Место, по которому осуществляется движение – устойчивое объединение производных, появившееся в русском языке в XI–XIV вв., в наши дни оно представлено словами *переходник*₂ ‘составная часть стыковочной системы космического корабля, служащая для перехода космонавтов из одного корабля в другой во время космического полёта’ (*покинуть переходник*), *прихожая* ‘первое при входе в квартиру помещение, где оставляют верхнюю одежду, уличную обувь и т.п.’, *проходная* ‘специальное служебно-контрольное помещение, через которое проходят на завод, стройку, в учреждение’ (*заводская проходная*) и иными.

Несмотря на исключительную устойчивость семантики движения времени в дериватах, образованных в ранние периоды, в изучаемых гнездах на современном этапе она снова обнаруживает свою эволюцию. В современном русском языке образуются слова с семантикой развития, движения события или процесса во времени. Здесь стоит привести слова с фазисными значениями: *зайти*₈ ‘возникнуть, начаться (о разговоре, споре и т.п.)’, *обойтись*₄ ‘благополучно закончиться, уладиться’ (*Всё обошлось как нельзя лучше!*), *обойтись*₅ ‘(с отриц.) случиться, произойти без участия кого-л., наличия чего-л.’ (*не обошлось без неприятностей*), *подойти*₂ ‘приблизиться к какому-л. времени, возрасту, моменту’, а также оттенок ‘появиться вовремя, подоспеть’ (*Письмо подошло кстати*), *сойти*₇ ‘завершиться, закончиться благополучно, успешно’ (*Все экзамены сошли благополучно*). Иногда это не только движение процессов во времени, но и сезонное появление / исчезновение ягод, цветов и под.: *отойти*₁₁ прийти к концу, окончиться, миновать (*Праздники отошли. Ягоды уже отошли*), *сойти*₆ ‘пройти, окончиться (о том, что периодически

появляется, возникает)’ (*Грибы сошли. Уже нет фиалок, ландышей, давно сошли*). Движение механизма, связанное с временем, мы тоже приведем здесь: *уйти*₁₃ ‘начать показывать время большее, чем есть в действительности (о часовом механизме)’ (*Часы ушли. Будильник ушёл вперёд на пять минут*). Любопытно, что в данной группе на основе слова *прошествование*, с XVIII века имевшего семантику окончания процесса, образуется предлог *по прошествии* ‘после того, как миновало какое-л. время’ (*вернуться по прошествии года*).

Одной из наиболее многоплановых тематических групп на всех изучаемых этапах является объединение слов со значением движения человека в обществе, его взаимодействие с другими членами общества. В современном русском языке их можно классифицировать по подгруппам. Первой и наиболее известной является подгруппа слов и ЛСВ со значением движения человека по социальной лестнице: оттенок значения глагола *прийти* ‘поступить куда-л.; начать работать в какой-л. области, заниматься каким-л. делом’ (*прийти в институт, прийти в науку, прийти во флот*), *пройти*₁₁ ‘оказаться принятым, зачисленным, избранным в результате голосования, отбора и т.п.’ (*пройти в штат*), глагол *уйти*₈ ‘оставить какое-л. занятие, службу, перестать заниматься чем-л.’ (*уйти с работы, уйти из театра*) и целый ряд его оттенков ‘перейти в какое-л. новое состояние, прервав или прекратив какую-л. деятельность’ (*уйти на пенсию, уйти в отпуск*), ‘перейти к новой деятельности, оставив прежнее место работы, деятельности’ (*уйти в армию, уйти в директора*), ‘полностью прекратить какую-л. деятельность’ (*уйти от политики, уйти от научной деятельности*). К этой подгруппе можно отнести и глагол *перейти* в четвертом значении ‘занять другое, чем это было прежде, место в соревновании при подведении итогов’.

В другую подгруппу включаются слова, обозначающие действия самого человека, направленные на реализацию своих целей: *выйти*₁₀ ‘вступить в контакт с кем-, чем-л., непосредственно обратиться к кому-, чему-л.’ (*выйти на депутата, на главного инженера, на прокурора*), *дойти* ‘обращаясь поочередно куда-л., к кому-л. с просьбой, жалобой и т.п., достичь самой высокой инстанции’ (*дойти до министра*), *обойти* ‘найти возможность уклониться от исполнения чего-л., от следования чему-л.’ (*обойти закон*), *подойти* ‘своим обращением с кем-л. добиться понимания, доверия с его стороны’ (*уметь подойти к любому человеку*), *прийти*₈ ‘достичь чего-л. путём каких-л. усилий, действий’ (*прийти к власти, прийти к соглашению*).

Третьей подгруппой можно считать слова со значением движения за пределы принятых норм в общении, например, *выйти*₁₁ ‘нарушить (то, что обозначено существительным)’ (*выйти из графика, из бюджета, выйти из пределов [превысить дозволенное]*), *заходить*₂ ‘переступать обычные, принятые, допустимые границы чело-либо’ (*Варвара явно кокетничала с ним, и Самгин находил, что она заходит слишком далеко [БАС, т. 4: 1062]*), *перейти*₁₅ ‘выйти за какой-л. предел; переступить, перешагнуть’ (*перейти меру, перейти границы приличия*).

Заключая обзор семантики дериватов гнезд с корнями *-ход-*, *-ид-*, *-шед-* в современном русском языке, отметим следующие тенденции:

1. Основной характерной чертой развития семантики на современном этапе становится активный семантический рост. Глаголы расширяют свою семантическую структуру, образуют омонимические связи. Причина – дальнейшее переосмысление семантики перемещения, выражаемой словами с корнями *-ид-*, *-ход-*, *-шед-*.

2. Группа слов с терминологическим значением представлена десятками дериватов и ЛСВ.

3. Семантика заметно преобразуется, некоторые семантические группы сливаются: группа со значением движения времени и течения событий, группа движения денег становится подгруппой слов с терминологическим значением из области бухгалтерии, частично совпадают слова из групп движения живого и неживого и т.д.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.
Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. III: отъ З. до М.
Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Бархударов С.Г. Л., СПб., 1985–2011 (Сл. XVIII в.).
Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999 (МАС).
Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Гл. ред. В.И. Чернышёв, С.Г. Бархударов, А.М. Бабкин. М.; Л., 1950–1965 (БАС).
Янковский О.И. Семантическая динамика слов с корнями *-ход-*, *-ид-*, *-шед-* в XV–XVIII вв. // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. Саратов, 2018. Вып. 21. Ч. I-III.

Раздел 2

Социолингвистика

Е.А. Дреготень (*Саратов*)

Прецедентные феномены в русской литературно-разговорной речи

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

Понятие прецедентности активно изучается в современной лингвистике. Больше всего прецедентные феномены изучены на материале текстов русского литературного языка, значительно меньше это явление исследовано на материале разговорной речи. И все же интерес лингвистов к данной проблеме возрастает [Костомаров, Бурвикова 1994; Гунько 2002; Нахимова 2007]. Однако устоявшегося определения ПФ пока не существует. Впервые в научную практику термин «прецедентный текст» ввел Ю.Н. Караулов. Он называл прецедентными тексты «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216].

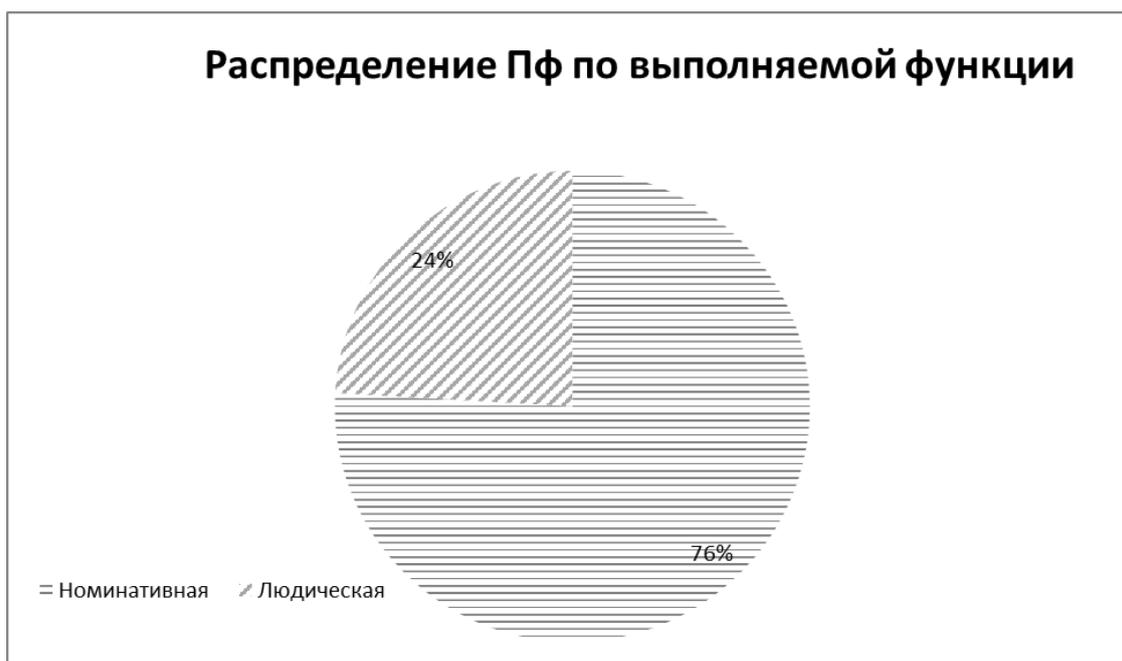
Существуют разные виды ПФ и разные типы их классификаций, в основу которых могут быть положены различные критерии: степень известности, распространенности (социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные), вербальность/невербальность, соотносимость с исходным текстом (прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные ситуации), характер источника и др.

Прецедентные феномены могут выполнять различные функции: номинативную (называть фрагмент действительности), персуазивную (использование ПФ с целью убеждения), людическую (использование ПФ как средства экспрессии) и парольную (использование ПФ с целью доказать

принадлежность отправителя речи к той же группе, что и адресат) (по Г.Г. Слышкину).

Наше исследование посвящено анализу функционирования прецедентных феноменов в русской литературно-разговорной речи, представленной в виде рассказов-воспоминаний о Москве и москвичах, записанных М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, а также в виде текстов-записей разговорной речи жителей города Саратова из фондов кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ. Всего было проработано 80 текстов, общий объем которых составил 202365 словоупотреблений. В ходе исследования в них было выделено 106 прецедентных единиц.

Нами была проведена **систематизация прецедентных феноменов по их функции** (на основе классификации Г.Г. Слышкина [Слышкин 1998, 2000]).

Преобладают ПФ, выполняющие номинативную функцию, что, очевидно, связано с тематикой общения, – информанты просто обсуждают свою жизнь, какие-то события, рассуждают на различные темы. Например:

В - Так / а композитор / не обязан быть музыкантом?

*А - Может и сочетание / быть разумное // Вот **Моцарт** / он и сочинял / и играл великолепно // (пример из [Китайгородская, Розанова 1999]).*

Достаточно частотное использование ПФ в людической функции связано со стремлением информантов «раскрасить» свою речь и развлечь слушающего. Например, *Б. А зеркало.. Наташ/ ты еще в той комнате не была// Ты посмотри/ Мы там тоже ведь кое-что переставили// Мы тумбочку поставили на шифоньер/ а получилось как антресоль/ ты обрати внимание (смех)*

А. Понятно...

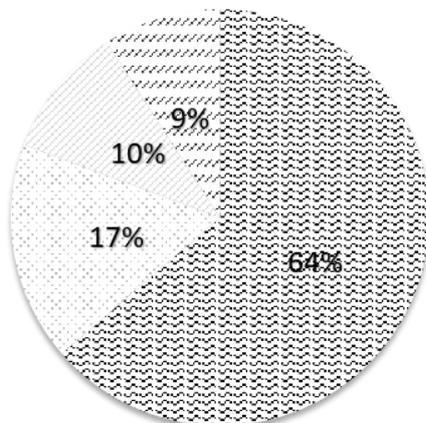
Б. Голь на выдумки хитра// (разговорная речь жителей г. Саратова).

Людическая функция, наравне с номинативной, может быть выделена

только на основе анализа контекста. Персуазивная и парольная функции не были представлены в нашем материале ни одним ПФ.

Систематизация прецедентных феноменов по их виду (на основе классификации В.В. Красных).

Виды ПФ в исследованных текстах

☞ ПИ ☞ ПВ ☞ ПТ ☞ ПС

Основную массу ПФ представляют прецедентные имена (ПИ), включающие в себя упоминания различных реально существующих (или существовавших) людей: российских политиков (*Сталин, Ленин, Хрущев* и т.п.), царей (*Александр I* и т.п.), писателей и поэтов: русских (*Чехов, Толстой, Булгаков* и т.п.) и зарубежных (*Ремарк, О'Генри* и т.п.), музыкантов и певцов (*Виргилиус Нореика, Моцарт, Бетховен*) и т.д. Также имеется значительное количество прецедентных высказываний (ПВ), а тексты (ПТ) и ситуации (ПС) представлены меньшим количеством примеров.

ПИ могут встречаться не только как отдельный вид, но и быть способом апелляции к ПС, то есть входить в ее состав. Например, *как крепостные были/ да? Хочет выпорот на конюшне/ хочет не выпорот// Как при Салтычихе//* (пример из [Китайгородская, Розанова 1999]). В данном случае ПИ употребляется в качестве символа, имеет место апелляция к дифференциальным признакам ПИ (имеется в виду символ жестокости).

К ПВ можно отнести цитаты из русских литературных произведений и песен, пословицы и поговорки. Например, Б. *Да когда меня хватало до конца сессии, сроду на последнем экзамене сажусь, даже зло берет.*

А. *Ничего, нет худа без добра. Остался-то тебе один год, и все, отучилась* (из текстов разговорной речи жителей г. Саратова).

Среди ПТ выделяются: художественные тексты, анекдоты, популярные песни. Все они встречаются либо как отсылки в виде упоминания названий («*Миллион алых роз*», «*Война и мир*»), либо воспроизводятся как целый текст или его фрагмент.

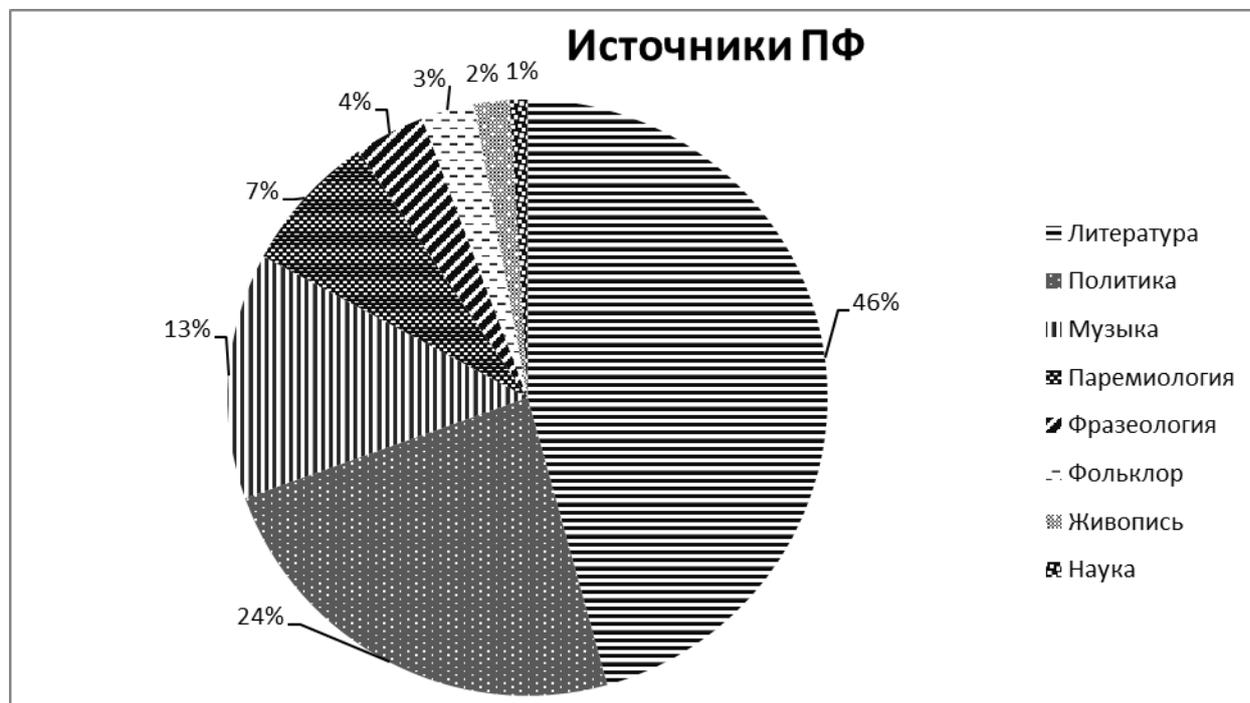
ПС представлены названиями различных исторических событий,

происходивших в нашей стране. Например, Н.: *вы что-то собирали для Москвы/ да-а?*

П.: (тихо) *да-а// да-да-да//*

Н.: *у них эти сборы/ знаешь/ как э-это самое/ как на Куликовскую битву//* (пример из [Китайгородская, Розанова 1999]).

Нами был выделен **круг источников ПФ**.

Чаще всего источником прецедентности в разговорной речи выступают литература, политика и музыка. Например, *а когда произошла Октябрьская революция/ то/ м я абсолютно не понимала/ э... на чьей я стороне//; Он обожал музыку/ вот Травиату особенно* (пример из [Китайгородская, Розанова 1999]). Скорее всего, это связано с тем, что информанты – люди образованные. Именно поэтому им знакомы различные литературные и музыкальные произведения (причем не только русские, но и зарубежные), им интересна политика, которую они часто обсуждают.

Реже в качестве источника ПФ используется паремиология (то есть пословицы и поговорки), фразеология и фольклор. Например, *Правда я рецензиям не очень/ э/ доверяю/ э/ знаете вот/ как-то сколько голов сколько/ сколько умов что ли* (разговорна речь жителей г. Саратова).

Живопись и наука становятся источником прецедентности еще реже, в основном за счёт имен известных ученых и художников, а также терминов, связанных с изобразительным искусством.

Систематизация прецедентных феноменов по степени их известности, распространенности (на основе классификации В.В. Красных [Красных 1998, 2003]).

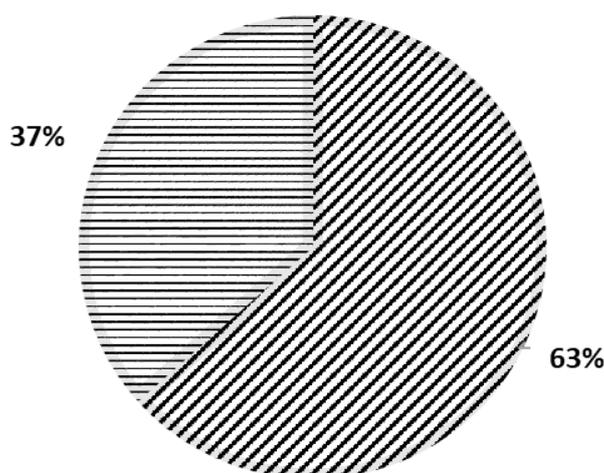
Больше всего встретилось национально-прецедентных феноменов: ПИ известных русских личностей и политиков (*Хрущев, Сталин*) писателей и

поэтов (*Булгаков, Островский, Чуковский*), названия исторических событий, происходивших в нашей стране в сравнительно недавнем прошлом (*Переворот, Февральская революция, перестройка*), произведения русской художественной литературы (*Мастер и Маргарита, Дети Арбата*).

Достаточно частотны в разговорной речи и универсально-прецедентные феномены. В основном, это ПИ, называющие русских политиков (но известных во всем мире: *Сталин, Путин* и т.п.), русских писателей (известных во всем мире: *Пушкин, Достоевский* и т.п.) и зарубежных писателей (*О'Генри, Ремарк* и т.п.), названия различных музыкальных и литературных произведений: (*Травиата, Отелло* и т.п.).

ВИДЫ ПФ ПО СТЕПЕНИ ИЗВЕСТНОСТИ

▣ Национально-прецедентные = Универсально-прецедентные

Ни одного примера автопрецедентных и социумно-прецедентных феноменов в нашем материале не встретилось.

Таким образом, основным результатом проведенного нами исследования стала классификация ПФ в текстах-записях разговорной речи по видам, функциям, степени известности, распространенности, а также по источникам возникновения. Мы выяснили, что в разговорной речи преобладают ПФ, выполняющие номинативную функцию, являющиеся в большинстве случаев ПИ, источниками которых чаще всего выступают литература, политика и музыка. Полученные данные по использованию ПФ в устной разговорной речи помогают понять, что существующая в национальном сознании система прецедентных феноменов - это важное средство постижения, представления и оценки действительности. Эта система ярко отражает национальное самосознание, а также отражает культурные ценности и нравственные идеалы народа, вписанные в идеологический контекст эпохи.

Литература

Гунько Ю.А. Особенность функционирования прецедентных высказываний в разговорной

- речи носителей языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2007.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей. М., 1999.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М., 1998.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.
- Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
- Слышкин Г.Г.* Апелляция к прецедентным текстам в дискурсе // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград, 1998.

А.Н. Жандарова (*Саратов*)

**Тематическая группа «Кухонная утварь» в диалектной речи
(на материале говора села Мезра
Вытегорского района Вологодской области)**

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

В последнее время в лингвистике активно развиваются направления, связанные с изучением этнических вариантов кодов культуры.

Среди многообразия культурных кодов (растительный, животный, соматический, зооморфный и др.) одно из важных мест в жизни человека занимает пищевой код.

Пища и все, что с ней связано (приготовление, употребление), могут многое рассказать о культуре народа [Баранникова 1967; Гончарова 2012]. «Семантика продуктов и кулинарных процессов восходит к мифологическим и религиозным представлениям. Стереотипы, связанные с едой, оказываются важным элементом межкультурных взаимодействий, в котором содержится комплекс информации о представителях другого народа» [Капкан 2016: 80].

Пищевой код культуры реализуется в пищевой традиции. Пищевая традиция состоит из нескольких элементов, неразрывно связанных между собой: а) продукты и блюда; б) кухонная утварь и инструменты; в) способы приготовления пищи; г) ритуалы трапезы. Данные компоненты предметного мира вербализуются, получая номинации, которые с течением времени изменяются. «Одним из важнейших источников изучения пищевой традиции являются народные говоры, выступающие субстратом национальной культуры» [Гынгазова, Иванцова 2016: 20].

Пищевая традиция диалекта тесно связана с повседневной жизнью народа. Непосредственно с бытовыми предметными реалиями связана лексика, называющая предметы кухонной утвари. Наименования посуды относятся к древним пластам лексики и представляют интерес для изучения, т.к. «в слове аккумулируются особенности восприятия мира, хранится и передается из

поколения в поколение исторический опыт народа, его генетическая память» [Вендина 1998: 6].

Объектом нашего исследования является лексика, называющая кухонную утварь в говоре с. Мегра Вытегорского района Вологодской области.

Источниками для изучения лексики стали аудиозаписи бесед с носителями говора, сделанные в 1976, 1989 – 1990, 2009 – 2013 гг., их текстовые расшифровки, а также собственные материалы, собранные во время диалектологической экспедиции в 2014 г.

Количество лексических единиц нашей выборки, называющих кухонную утварь, равняется 74, количество номинаций с учетом словообразовательных модификаций – 121. В проанализированных текстах отмечено 1618 словоупотреблений, называющих кухонную утварь.

Под *кухонной утварью* мы понимаем отдельные самостоятельные предметы, используемые для приготовления, хранения, подачи и приема пищи.

Эффективным способом изучения лексических единиц, называющих реалии предметного мира диалекта, является анализ соответствующих тематических групп, что позволяет проследить жизненный цикл слова, выявить причины его появления или исчезновения из словаря.

Материал, собранный нами, позволяет объединить слова и сочетания слов в единую тематическую группу (далее в работе ТГ), которую мы назвали ТГ «Кухонная утварь».

ТГ «Кухонная утварь» обладает системностью и поддается дифференциации на несколько подгрупп: «*Наименования утвари для приготовления пищи/ напитков*», «*Наименования утвари для подачи и приема пищи/ напитков*», «*Наименования утвари для хранения пищи, припасов*», «*Общие наименования посуды*».

В **первую подгруппу** вошли слова, которые называют кухонную утварь, используемую для приготовления пищи и напитков: *пест/ песток/ песточек, мутовка/ мотовка, посек, сечка, скалка/ скаука, валец/ валик «скалка», нож/ ножик, решето, сеяльница, сито, дурилаг, кренька/ кринка/ крынка», квашня/ ква'шня, багу'нька деревянная «деревянная кадка для теста/ закваски», ведро, форма/ формочка (для выпекания хлеба), чайник/ чайничек, горшок, чугунок/ чугунок, кастрюля, сковорода/ сковоро'да/ сковородня, котел, самовар, противень/ противня, коптилка, таган, помело, метла «утварь для обметания печного пода перед посадкой хлеба», ухват, крюк, мясорубка, хлебопечка, соковыжималка, совок деревянный, маслбоекка. Состав данной подгруппы иллюстрирует ситуацию приготовления пищи как процесс сложный и многоэтапный.*

Вторую подгруппу составляют наименования кухонной утвари, которая используется для подачи и приема пищи или напитков: *ложка, вилка/ виука, миска/ мизочка, чашка/ чашечка, блюдо, стакан, рюмка/ рюмочка, тарелка/ тарелочка, блюдце/ блюдечко, кружка, латочка «плошка, тарелка для приема пищи», стопочка, баландушка «тарелка для первых блюд», плошка, кара*

«широкая доска (с углублением посередине), на которой разделявают и подают на стол рыбу и мясо», *поднос*.

Третья подгруппа объединяет слова, называющие утварь для хранения, консервирования, заготовки продуктов или напитков: *бочка/ боцка, ведро/ ведерко, кадка/ кадушка, квашонка/ квашоночка, бочонок, банка, чан, бидон, бутыл, бутылка, ушат, корыто, сахарница, таз, крышка капроновая, кренька/ кринка/ крынка*.

Четвертую подгруппу составляют общие наименования кухонной утвари: *посуда, посудина/ посудинка, склянки* «стеклянные банки, бутылки».

Соотношение данных подгрупп представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Количественное соотношение подгрупп ТГ «Кухонная утварь»
в текстах говора с. Мегра**

Подгруппа	Всего наименований	%
Наименования утвари для приготовления пищи/ напитков	38	53
Наименования утвари для заготовки/ хранения/ консервирования продуктов или напитков	17	22,9
Наименования утвари для приема/ подачи пищи и напитков	16	21,6
Общие наименования кухонной утвари	3	4,05
Всего	74	100

Данные, представленные в таблице, показывают, что самой объемной является группа «Наименования утвари для приготовления пищи/ напитков»: в ее составе 38 слов (53 %). Менее многочисленными по количеству единиц являются группы «Наименования утвари для заготовки/ хранения продуктов или напитков» (17 ед.), «Наименования утвари для приема/ подачи пищи или напитков» (16 ед.). Группа «Общие наименования кухонной утвари» включает в свой состав 3 единицы (4,05 %).

Некоторые подгруппы классифицируются на несколько групп в зависимости от функционального назначения предметов, входящих в данную подгруппу.

Так, подгруппа «Наименование утвари для приготовления пищи/ напитков» включает в свой состав следующие группы:

- «наименования утвари для изменения состояния продуктов»: *пест/ песток/ песточек, мутовка/ мотовка/ мотовочка, посек, сечка, скалка/ скаука, валец/ валик, нож/ ножик, мясорубка, маслбоекка, соковыжималка*;

- «наименования утвари для просеивания/ процеживания»: *решато/ решето, сеяльница, сито, дурилаг*;

- «наименования утвари, используемой для подготовки теста к выпечке»: *кринка/ крынка/ криночка/ кренька, квашня'/квашня, квашонка/ квашоночка, багунька деревянная, ведро, форма/ формочка, ковш, совок деревянный*;

- «наименования утвари для приготовления пищи/ напитков на газовой плите/ в духовке/ в печи»: *чайник/ чайничек, горшок/ горшочек, чугунок/ чугунок, кастрюля/ кастрюль, сковородка/ скворо'да, котел, самовар, противень и др.*;

Подгруппа «Наименования утвари для приема/ подачи пищи и напитков» состоит из таких групп, как:

- «наименование утвари для приема/ подачи напитков»: *чашка, стакан, рюмка, блюдце, кружка, стопочка и др.*;

- «наименование утвари для приема/ подачи пищи»: *ложка, вилка/ виука, миска, чашка, блюдо, тарелка, латочка, баландушка, плошка*;

Подгруппа «Наименования утвари для заготовки/ хранения продуктов/ напитков» включает в свой состав следующие группы:

- «наименования утвари для заготовки/ консервирования продуктов/ напитков»: *банка, крышка капроновая, бочка/ боцка, корыто и др.*;

- «наименования утвари для хранения продуктов/ напитков»: *кринка, сахарни'ца, бутылка и др.*

Группа «Общие наименования пищи» дифференциации на более мелкие классы единиц не поддается.

Бытовая предметная лексика позволяет выявить различия в видении мира крестьянина и горожанина. Однако при некотором различии диалектная культура соприкасается с городской культурой, реалии деревенской жизни изменяются, появляются новые предметы, а вместе с ними – новые наименования, которые сосуществуют с диалектными. Так, в подгруппе «Наименования для изменения состояния продуктов» можно выделить предметы традиционной диалектной культуры: *пест, мотовка, валец, сечка*, а также предметы, активно используемые в городской культуре: *соковыжималка, мясорубка*.

Для взбивания масла, жидкого теста в диалекте используется *мотовка/ мутовка: да со сметаны/ сметану-то снимешь с банок/ день-другой про.../ покиснет мот... мотовкой намешаешь масло/ и пожалуйста/ наполощеешь на стол кладешь*.

Для раскатывания теста, «сканцев» используют *валец*, который выполняет функции *скалки* (при этом слово «скалка» также знакомо диалектоносителям): *вот сканцы это такое/знаешь/ когда тесто- то делаешь/ а потом валяют сканцы/валец// ну скалка/ да*.

Для шинкования, рубки капусты при солении жители Мегры используют *сечку*.

Для толчения продуктов диалектоносители пользуются *пестом/ пестком: а такой песточек есть/ песток есть/ в блюде натолкешь-натолкешь како тебе/ рассол сделаиш/ а потом в банку*.

Современные кухонные приборы (*соковыжималка, хлебопечка, электрический чайник, мясорубка*) становятся частью повседневности жителей Мегры: *а это [клюквенный сок] на соковыжималке вся пропущена там что густой-то вы не бойтесь/ это именно така вкуснятина/ с песочком//; вот//*

тефаль этот что-то розетка сломалась/ тефаль вон вынесенный/ как включу так синим огнем горит//; так бруснику ведь кто как делал/ кто и пропускает на мясорубке там этого делают//; а теперь печь/ хлебопечка-то вон дочь подарила/ дак в хлебопечке спечь недолго тесто.

Таким образом, слова, называющие предметы посуды и кухонной утвари, значимы в повседневной жизни диалектоносителей, что проявляется в разнообразии номинаций кухонной утвари. Состав ТГ «Кухонная утварь» позволяет говорить о лексическом богатстве мегорского говора в области словаря, связанного с пищевой традицией диалекта, о взаимовлиянии диалектной традиционной и городской культур.

Литература

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (к проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов, 1967.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Гончарова Л.И. Наименования посуды и кухонной утвари в воронежских говорах: автореф. дис...канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: продукты и блюда // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2016. № 6 (44).

Капкан М.В. Культура повседневности. Екатеринбург, 2016.

Словарь русских народных говоров. Л, 1965 – 2013.

А.А. Семёнова (Саратов)

Варьирование общенародной лексики в говоре (на материале говора села Белогорное Вольского района Саратовской области)

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

В лексическом составе говора выделяются собственно диалектная (областная) лексика, диалектно-просторечная лексика, и общенародная лексика, которая составляет основу лексического состава говоров и подвергается многообразному варьированию [Сороколетов 1968; Полный словарь... 2007].

В диалектной лексикологии вопросы о варьировании лексем и вариантах слов в различных формах национального языка являются сложными и малоизученными. К исследованиям по этой теме можно отнести работы Л.И. Баранниковой, А.И. Смирницкого, Ф.П. Филина, О.И. Блиновой и др.

И.А. Оссовецкий отмечает, что «амплитуда различий одного и того же слова в разных формах национального языка может колебаться от минимальной до значительной, особенно в семантике». Это привело некоторых исследователей к мысли о том, что «каждое слово как в пределах лексики одного говора, так и в пределах лексики литературного языка... семантически

индивидуально в том смысле, что оно объективно представляет собой сложное и в части своих компонентов неповторимое семантическое целое», отсюда «дифференциальность диалектного лексического материала по отношению к литературному языку» [Оссовецкий 1961: 8].

А.А. Камалова, Л.А. Савелова считают, что в лексическом составе диалектной речи практически каждое слово, употребляемое диалектоносителем требует пристального внимания, поскольку «степень» его диалектной специфики может быть разной [Камалова, Савелова 2007: 88].

Критерий отнесения единиц к группе диалектных вариантов общенародных слов, по О.И. Блиновой: «Диалектными вариантами общенародных слов следует считать такие лексические единицы говора, которые при совпадении с соответственной лексической единицей литературного языка, отличаются от нее отдельными элементами или формальной, или смысловой стороны в пределах, допустимых границами тождества слова, то есть это отличие или в месте ударения, или в качестве количестве отдельных фонем, или в лексико-грамматической характеристике и т. п.» [Блинова 1971: 106].

Наш материал представлял собой три текста объемом 4912 словоупотреблений, записанных от пожилых, малограмотных жителей села Белогорное Вольского района Саратовской области. Лексика общенародная представляет собой наиболее объемный пласт лексики 98,1 % (4820 словоупотреблений). В нашем материале выделяется следующие группы диалектных вариантов общенародных слов: акцентологические, фонетические, грамматические и словообразовательные. Приведем некоторые примеры.

Акцентологические варианты – варианты, отличающиеся местом ударения: *песня'ми* (пе'снями): *соберутся/ вот в поле едут и все время с **песня'ми** обеденный перерыв* – употребляется несколько раз без литературного эквивалента.

Фонетические варианты – слова, имеющие не полностью совпадающий с общенародным словом звуковой состав.

Варианты с фонетическим стяжением, обусловленным утратой интервокального «j»: *каке, каку, каки* (какие): *и фермы **каке** скота только было не знай сколько // а щас че нет ниче* – всего имеется 7 словоупотреблений, литературные эквиваленты употребляются чаще, чем диалектные.

Варианты с меной фонем: *здеся* (здесь): *я и родилася **здеся** и всю жизнь прожила / всю жизнь проработала почтальонкой смолода* – употребляется 1 раз, литературный эквивалент «здесь» употребляется 10 раз.

Варианты с исконно русскими звуковыми вариантами морфем: *церковной* (церковный) – сохранение исконно русского «о» на месте «ы» редуцированного; в литературном произношении в заударной позиции закрепилось произношение «ы»: *церковной/ у меня по папиной линии все церковны* – лексема употребляется 1 раз, литературный вариант – «церковный» в исследованном материале не представлен.

Варианты с твердым произношением фонем: *одным* (одним) – твердое произношение фонемы «д»: *вот с **одным** внуком я возилась* – употребляется 1 раз, без литературного эквивалента.

Якающие варианты: *чаво* (чего): *не по книге да?/ **чаво-чаво**?/* – употребляются и диалектный и литературный варианты.

Екающие варианты: *чово* (чего): *ну **чово** я* – употребляются и диалектный и литературный варианты.

Варианты с историко-этимологическими фонетическими рефлексам: *ростила* (растила) – этимологическое «о»: *так и **ростила** нас/ я последняя была в семье* – употребляется 1 раз, литературный вариант не употребляется «растила».

Грамматические варианты – слова, отличающиеся от литературных грамматическими характеристиками, например, падежными флексиями, родовой принадлежностью, переходностью, видовой формой, числовой формой и под.

Варианты с другими окончаниями:

- у существительных: *мусору* (мусора) – второй родительный падеж: *раньше этого **мусору-то** не было как сейчас* – употребляется 2 раза, без литературного эквивалента «мусора».

- у глаголов: *хулиганют* (хулиганят): *вот напьются только **хулиганют*** – употребляется 1 раз, литературный вариант «хулиганят» не употребляется.

- у местоимений: *мое* (мои): *ругались батюшки **мое***, употребляются и диалектные и литературные варианты.

Варианты возвратных глаголов – с постфиксом – си: *женилси* (женился): *у ней внук **женилси*** – употребляется 1 раз, литературный вариант «женился» не употребляется.

Варианты возвратных глаголов с – постфиксом – ся: *родилася* (родилась): *я и **родилася** здесь и всю жизнь прожила/ всю жизнь* – употребляется 1 раз, литературный вариант «родилась» не употребляется.

Морфонологические варианты: *окончала* (окончила) – отсутствие чередование в видовых парах: *кончить – кончать: **училась хорошо окончала** школу* – употребляется 1 раз, литературный вариант «окончила» не употребляется.

Словообразовательные варианты – слова, образованные от общенародных корней, но и с иным аффиксальным оформлением.

Суффиксальные варианты: *блинцы* (блины) – уменьшительная форма существительного блины, образованная с помощью суффикса «ц»: *все и **блинцы** там и оладьи все все все было девчонки// нет сейчас//* – употребляется 1 раз, литературные варианты «блины» или «блинчики» не употребляются.

Префиксальные варианты: *сосвататься* (посвататься) – образовано с помощью другой приставки «со» (возможно, фактором, стимулировавшим использование приставки «со» стал ее более грамматикализованный характер, более четкое выражение с ее помощью видového значения (совершенного вида) – *вообще **сосватаются**// а свадьбы-то песни как*

*хороши пели вот она у нас умерла я все надо бы записать ее песню много знала/ вот приходят сватья **сосватаются** назначают день свадьбы// а до свадьбы/ делают девичник// раньше молодежь-то по селу много/ – употребляется 1 раз, без литературного аналога.*

Итак, в группе фонетических вариантов (54 примера), грамматических – 24, словообразовательных – 8, акцентологических и морфологических по 5 примеров.

Варьирование общенародной лексики в говоре может носить не узко локализованный характер. Многие варианты общенародных слов имеют более широкое территориальное распространение и представляют варьирование, свойственное просторечию в целом, а не только отдельной диалектной системе. На этой основе можно выделить группу диалектно-просторечных вариантов общенародных слов, в которой представлены фонетические, словообразовательные и семантические варианты.

Фонетические варианты:

Разговорные упрощенные произносительные варианты: *дочк* (функциональное значение в тексте – дочка): *дочк/ я/ у меня отец-то такой/ я туда хожу и сюда хожу* – в исследованных текстах употребляется несколько раз, литературный вариант лексемы в текстах не употребляется.

Семантические варианты – слова, имеющие в диалекте и просторечии особые значения, но не омонимы, т.е. эти особые значения, имеют смысловую связь со значениями общенародного слова: *возиться* (функциональное значение в тексте – заниматься с кем-н. уделяя много внимания, проявляя излишнюю заботливость): *вот с одним внуком я **возилась** я начинаю с нем/ я иль вяжу че-нибудь а он вроде играт* – в исследованных текстах имеется 1 словоупотребление, литературный вариант в текстах не употребляется.

Словообразовательные варианты: *немножко* (функциональное значение в тексте – немного): диминутивный дериват наречия с количественным значением *то сокращенно/ я книги вот читала брала вот отсюда/ мне бабушка давал/ книги-то так как-то **немножко** посокращенно/ и все одно и то же да/ **немножко** там есть разница но это мне кажется все равно/ да/* – в исследованных текстах имеется 1 словоупотребление, литературный вариант в текстах не употребляется.

В группе диалектно-просторечных вариантов самыми многочисленными были семантические варианты – 20, среди фонетических – 18, среди словообразовательных – 4.

Большинство из представленных примеров диалектных вариантов общенародных слов употребляется один раз в речи одного диалектоносителя. Варианты диалектно-просторечных вариантов чаще употребляются более одного раза и в речи разных диалектоносителей, в обеих группах литературные аналоги данных слов почти не употребляются.

В целом, анализ лексики говора села Белогорное Вольского района Саратовской области показывает, что ее специфика связана, прежде всего, не с

употреблением диалектных слов и диалектно-просторечных лексем, а, главным образом, с варьированием общенародной лексики в говоре, а именно с ее фонетическими, грамматическими, словообразовательными или семантическими особенностями. Группа общенародной лексики составляет большую часть лексического состава и благодаря особенностям ее варьирования создается диалектная специфика речи.

Литература

- Блинова О.И.* Лексика диалекта (с точки зрения ее соотношения с формами национального языка) // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1971.
- Оссовецкий И.А.* О составлении региональных словарей // Вопросы языкознания. 1961. № 4.
- Камалова А.А., Савелова Л.А.* Лингвокультурологическое описание северной русской деревни: учеб. пособие. Архангельск, 2007.
- Сороколетов Ф.П.* Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка // Слово в русских народных говорах. Л., 1968.
- Полный словарь диалектной языковой личности / Авт.-сост. Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, К.В. Гарганеева и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск, 2007. Т. 2: И-О.

Л.И. Штыцко (*Саратов*)

Особенности функционирования сравнений в речи жителей с. Мегра Вологодской области

Научный руководитель – профессор О.Ю. Крючкова

Как показывают результаты исследования категории сравнения, сравнительные конструкции изучены достаточно подробно с точки зрения структуры, семантики, стилистических характеристик. При этом функции сравнения определены и описаны недостаточно полно, особенно на материале диалектной речи [Голева 1997]. В своей работе мы проследим особенности функционирования сравнений, реализуемых в речи носителей севернорусского говора села Мегра Вологодской области.

Материалом исследования послужил корпус текстов расшифрованной речи носителей мегрского говора. Понимая сравнение как многокомпонентную единицу (включающую в свой состав элементы со значением субъекта, объекта, основания сравнения, а также показатель сравнительных отношений), для исследования методом сплошной выборки мы отобрали 279 компаративных единиц.

Функцию языковой единицы А.В. Бондарко определяет как способность этой единицы к выполнению определенного назначения, а также результат – реализованное назначение, достигнутая в речи цель [Бондарко 1987: 8].

По мнению исследователей, функции образных лексических единиц зависят от ряда факторов. Для определения функций категории сравнения ключевыми моментами являются: 1) коммуникативная цель говорящего; 2) специфика семантики объекта сравнения; 3) особенности контекстного окружения компаративной единицы [Юрина 1999: 48; Волкова 2004: 8].

В соответствии с этими положениями мы установили, что в говоре села Мегра сравнения реализуются в двух основных функциях – информативной и экспрессивной.

Информативная функция сравнения реализуется в тех случаях, когда необходимо дать более точное, подробное описание предмета. Как одна из наиболее древнейших форм мышления, сравнение конкретизирует образ за счет формально выраженного объекта сравнения. Выполняя эту функцию, сравнения выступают в роли источника объективной информации. Они употребляются в нейтральном контексте и не содержат в своей семантике экспрессивные элементы.

Экспрессивная функция сравнения осуществляется для выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету речи. Эта функция способствует яркой образности и выразительности высказывания за счет неожиданных сопоставлений далеких в семантическом плане понятий. В семантике или контекстном окружении сравнений, реализующихся в этой функции, содержатся экспрессивные элементы. Содержание этой функции достаточно разнообразно. Она может быть представлена в трех вариантах – усилительном, эмоционально-оценочном, эмоционально-усилительном. А шкала эмоциональных оттенков может варьироваться от одобрения до пренебрежения [Волкова 2004: 8].

При подробном обращении к рассмотрению факторов, позволяющих определить функциональный тип компаративного оборота, можем отметить следующие особенности.

Носитель говора, используя в своей речи сравнение, стремится достичь двух целей:

1) Донести до адресата объективную информацию, позволяющую составить представление об обсуждаемом незнакомом предмете или явлении, с помощью хорошо известного и понятного всем носителям языка образа. В этом случае сравнение реализуется в информативной функции:

автиолка [ихтиоловая мазь]? а что это?

это такая/ как солидол автиолка черная;

а что такое побойник?

побойник/ это у старух было// а такие вроде шапочки;

2) Выразить индивидуальное или общепринятое оценочное отношение к предмету речи. В речи информанта для реализации этой цели служит экспрессивная функция:

я потом прихожу уж три часа/ на мост/ на гулянку// говорят/ а жених-то твой бегал вот тогда как сумасшедший;

вспоминаем сейчас хорошее// все равно ты [о матери] нас тогда ругала/ и сейчас ругаешь// и все равно ты работать заставляешь/ и/ как папа Карло.

Немаловажную роль при определении функции компаратива играет семантика объекта сравнения. Если значение объекта сравнения не отмечено каким-либо коннотативным компонентом, то компаративная единица выполняет

информативную функцию:

а глубокий погреб раньше делали?

ну как кладовку!// значит/ под полом были погреба;

стлали постельник/ а одеяло вот такое было/ это/ как вот этот/ как половик такие одеяля [одеяла] были.

Наличие эмоционально окрашенного элемента в значении образа сравнения позволяет говорить о реализации экспрессивной функции языковой единицы:

ой!// а раньше бывало почтальоны ой! // как этот верблюд нагрузился [нагрузишься];

идешь-идешь/ ложись/ хоть лужа хоть что ложись/ не было чтоб ходить// другой раз придешь/ как черт весь в грязи.

Разграничить информативную и экспрессивную функции сравнения позволяет контекст, сопровождающий компаративную единицу в речи диалектоносителя. Сравнение может быть отмечено в нейтральном и экспрессивном контекстах. Для нейтрального контекста не характерны какие-либо специфические показатели экспрессивности речевой единицы. В рамках компаративного оборота сопоставляются однородные понятия одного семантического плана:

творог делали/ сначала молоко поставишь/ оно закиснет/ это станет/ как кефир;

Экспрессивный контекст содержит различные эмоционально-оценочные средства выражения субъективного отношения говорящего к действительности:

- эмоционально-экспрессивные суффиксы (уменьшительные, увеличительные и пр.):

мы всю крапивам обклали [крапивой обложили]/ под низ-то наложили/ вот/ под гроб туда/ крапивой везде/ она [покойная] как живенькая была/ тока немножко губы посинели;

я в Кему приехала/ меня поразила там их народность/ вот такая невысокая/ поголовно все были светловолосые/ светлоголубоглазые и очень низкорослые/ и я среди них ходила как великаниша какая-то;

- слова с экспрессивной семантикой:

в больнице валялась сахар-то я была полная така... боле... [болела] а сейчас как глист ходячий труп!// даже стыдно;

- лексические повторы:

ольшина-то вот/ дерево-то// вот и все/ не видно там деревни/ там нет сколько домов/ а не видно/ и год от году они так выше-выше небес;

- интонационное выделение:

а, кстати, хотите, давайте мы вас сфотографируем, потом можем вам прислать фотографии?

ой!// не!// рожка как у разбойников/ поглядите!

Количественный анализ сравнений показал, что единиц, выражающих экспрессивную функцию, в материале оказалось 71 употребление (что

составило 25% сравнений в анализируемой выборке). Сравнений, реализующих информативную функцию, зафиксировано практически в три раза больше – 208 употреблений (т.е. 75% сравнений в анализируемой выборке).

Следовательно, для носителей говора с. Мегра характерна тенденция использования сравнения в речи для уточнения, конкретизации своих мыслей при передаче новой информации собеседнику. Выражение эмоционально-оценочного отношения к предмету речи с помощью сравнений для информантов оказывается менее значимым.

Сравнения в информативной функции обычно включаются в повествование в том случае, когда речь идет:

- о предметах обихода (*диванов мы не видали// мягкой постели у нас не было // а одеялья [одеяла] были/ тоже ткали// как дорожки-то тканые*);

- о продуктах (*ну в печи суп вкуснее/ чем на плите// в печи он постоит/ пропарится/ и вкуснее/ чем на газу сваренный*);

- о животном и растительном мире, встречающемся в данной местности (*да столько малины было!// приехали первый раз вот такие это.../ свежие кусточки/ и вот такая горка/ вот так встали и не знам [знаем] как брать/ все красное; кряква утка тоже это размер побольше*);

- о значимых событиях (*когда вот по-пластунски ползать дак предупредит/ что одевайтесь похуже/ что некоторые и в белых ведь платьях придут дак; самолеты летали в одно и то же время/ как по расписанию/ как обед/ они летят уже*);

- о традициях (*ложки наливали против Крещения/ водой/ на улице оставляли// вот если ложка замерзнет ямой/ значит умрешь; не поблагодарила хозяина/ надо благодарить// а мы теперь попросту потому что все забылось/ это ведь все надо сразу как раньше/ все верили*).

Экспрессивная функция сравнения выходит на первый план, прежде всего, тогда, когда необходима оценка внешнего вида, поведения, состояния субъекта речи, характеристика личности. Выражая свою позицию, информанты оперируют сравнениями в экспрессивной функции при самохарактеристике, описании родственников, а также сторонних лиц, каким-либо образом привлечших внимание говорящего. Рассказывая о себе, диалектоноситель, как правило, использует оценку, имеющую оттенок ироничности либо пренебрежительности:

дедушка на плéчах поволочит потаскае [потаскает]... как кошель/ и вот/ вот такой любили меня;

я знаю/ только я не помню ничего/ как глупый человек теперь я стала.

Таким образом, анализируемый диалектный материал показал, что сравнения в речи жителей с. Мегра реализуются в двух основных функциях – информативной и экспрессивной. Тематика повествования задает функцию, в которой используются компаративные единицы: в тематических фрагментах, описывающих внешний мир человека, среду его обитания, используются чаще сравнения, выполняющие информативную функцию; темы, связанные с

характеристикой людей, в том числе самохарактеристикой, межличностным взаимодействием, обсуждаются при помощи сравнений, реализующих экспрессивную функцию. Количественное соотношение исследуемых единиц свидетельствует о том, что носители говора склонны скорее использовать сравнения при передаче новой, незнакомой адресату информации, нежели при выражении субъективной оценки в отношении обсуждаемого предмета речи.

Литература

- Бондарко А.В.* Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Волкова Т.Ф.* Сравнения в речи диалектной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
- Голева Н.М.* Сравнение в детской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1997.
- Харченко В.К.* Функции метафоры. Воронеж, 1991.
- Юрина Е.А.* Образное слово в системе диалекта (функциональный аспект) // Диалектологические и историко-лингвистические проблемы. Омск, 1999.

Раздел 3

Языковая картина мира

Т.К. Ганова (Саратов)

Бог, США и афроамериканская культура в текстах рэп-исполнителя Кендрика Ламара

Научный руководитель – доцент О.Н. Дубровская

В последние годы рэп стал частью современной молодежной культуры, поэтому изучение текстов рэп-исполнителей представляется актуальным. В США одним из наиболее известных рэп-исполнителей является Кендрик Ламар.

Кендрик Ламар принадлежит к осознанному (сознательному) хип-хопу (англ. *Conscious hip-hop*). Тексты этого жанра носят остросоциальный и антиконфликтный характер. К числу тематик треков жанра относят религию, культуру и политику. Также представители осознанного рэпа акцентируются на окружающем их социальном контексте. Первой работой в этом жанре является сингл исполнителя *Grandmaster Flash* «*The Message*», выпущенный в 1982 году [см.: Осознанный хип-хоп]. Со временем рэп становится культурным и социальным инструментом в хип-хоп культуре, используемым с целью воздействия на общество.

Творчество рэп-исполнителя афроцентрично. Целью афроцентризма становятся восстановление и реабилитация негроидной расы, ориентация на африканскую культуру, абсолютизация ее ценностей [Юсова].

В своих текстах Кендрик Ламар, начиная с первого альбома *Section.80* и заканчивая последним альбомом *DAMN*, фиксирует картину мира среднестатистического афроамериканца, недовольного социокультурными особенностями среды, в которой он живет, и стремящегося познать Бога. Лучше всего ему это удается через нарратив, например альбом *Good kid, m.A.A.d. city* (2012) представляет собой вымышленную автобиографию, в которой каждый текст является частью целой продуманной истории [Rocha 2017]. Лирический герой рэп-текста, как правило, близок автору, очень часто сливается с ним. Альбом показывает процесс становления подростка-

афроамериканца в обезумевшем от наркотиков и криминала городе.

На лексическом уровне исполнитель чаще всего пользуется такими тропами, как метафора, сравнение, эпитеты, олицетворение для создания художественного образа и достижения большей выразительности текста. Например, в тексте *Swimming Pools*, представленном в альбоме *Good kid, m.A.A.d. city*, бассейн, наполненный ликером, в который ныряет лирический герой, становится метафорой свободы. Для афроамериканцев алкоголь – способ убежать от опостылевшей действительности. Первые строки текста создают гипнотический ритм. Последовательность действий на вечеринке выстраивается с помощью ряда глаголов. На фонетическом уровне автор использует аллитерацию и повтор. Каждая строка заканчивается *drank* (выпил):

Pour up, drank, head shot, drank,

Sit down, drank, stand up, drank,

Pass out, drank, wake up, drank,

Faded, drank, faded, drank («Swimming pools») [Kendrick Lamar.

Далее тексты цитируются по указанному электронному ресурсу].

В тексте *Wesley's Theory* (альбом *To Pimp a Butterfly*) представлен звуковой фрагмент из песни ямайского певца Бориса Гардинера «*Every n****r is a star*». В данном тексте Кендрик Ламар утверждает, что любой человек с черным цветом кожи рожден звездой, его ценность не определяют ни деньги, ни богатство, его личность ценна по праву рождения. Рэпер использует развернутую метафору для того, чтобы представить, как бабочка вырывается из кокона к жизни. Этот процесс сравнивается с зарождением новой рэп-звезды, а также отсылает к излюбленной теме автора - столкновение афроамериканца с тяжелыми обстоятельствами:

When the four corners of this cocoon collide

You'll slip through the cracks hopin' that you'll survive

Gather you wit, take a deep look inside («Wesley's Theory»).

Путем лингвопрагматического анализа рэп-текстов Е.С. Гриценко и Л.Г. Дуняшева выявили, что наиболее распространенным стилистическим средством, используемым исполнителями в текстах песен, являются аллюзии [Гриценко, Дуняшева 2013]. В названии самого текста присутствует аллюзия на голливудского актера Уэсли Снайпса. Он был на три года отправлен в тюрьму за уклонение от уплаты налогов. Его пример Кендрик использует для иллюстрации того, как индустрия развлечений и социальная система эксплуатирует всех без исключения черных артистов. Автор часто использует аллюзии на место рождения и жизни, город Комптон. Также аллюзии на культовые фигуры в музыке, чтобы дать возможность слушателям лучше понять ту атмосферу, в которой живет хип-хоп исполнитель, а также его *background*.

Альбом «*To Pimp a Butterfly*» (2015) воззвал к национальной гордости и идентичности черной Америки. Текст *Alright*, представленный в альбоме, – гимн-протест 2015 г. против расизма, против злоупотребления властью полицией и несправедливости. Припев текста *Alright* построен на параллельных конструкциях и повторах. Он становится мантрой черного населения США,

обладающей исцеляющим эффектом:

*N***a, we gon' be alright*

Do you hear me, do you feel me? We gon' be alright («Alright»).

На протяжении текста рассказывается о нелегкой жизни афроамериканца. Только обезболивающие могут погрузить его в сумерки (метафора сна, отдыха), его сон ярко освещают сотенные купюры (*Benjamin*) и красивые девушки:

Painkillers only put me in the twilight,

*Where pretty p***y and Benjamin is highlight.*

В тексте полиция олицетворяет несправедливость государства; по мнению героя, полиция намеренно идет на убийство афроамериканцев на улицах:

And we hate po-po,

*Wanna kill us dead in the street for sure, n***a!*

Жизнь автора текста также осложняется борьбой с пороками. В тексте представлен контраст двух могущественных начал: *Lucy* (сокращение от *Lucifer*, рус. Люцифер, сатана) и его злые дела не дают герою покоя, а Иисус Назарянин (доброе начало), по представлениям героя, обладает силой спасения.

В кульминационной части текста Ламар стоит на коленях у двери проповедника с пистолетом в руке, настал момент раскаяния, за которым автор опять повторяет свою мантру:

I'm at the preacher's door,

My knees getting weak and my gun might blow,

But we gon' be alright

В концептуальном альбоме *DAMN* в первом из 14 треков рассказывается притча о слепой старушке, олицетворяющей карающую руку Бога. Действие происходит на улице, лирический герой замечает пожилую женщину, которая выглядит расстроенной, весь ее облик подсказывает, что она что-то потеряла. Лирический герой, ничего не подозревая, предлагает ей руку помощи, пользуясь британской формулой вежливости:

Hello, ma'am, can I be of any assistance?

It seems to me that you have lost something

I would like to help you find it

Старушка с готовностью отвечает:

Oh yes, you have lost something.

You've lost...your life («Blood»).

Затем раздается оружейный выстрел. Лирический герой умирает в первом же треке альбома. Здесь используется эффект обманутого ожидания, так что убийство и его причина вызывают повышенный интерес слушателя.

Альбом построен на контрасте двух понятий *wickedness* / *weakness* (порочность/слабость). В этом тексте Бог является беспристрастным судьей, наказавшим грешника за его пороки (*wickedness*), при этом слушателя, словно подталкивают на то, чтобы он сам заполнил список возможных пороков. Следовательно, список от слушателя к слушателю будет варьироваться, так как каждый, вероятнее всего, обратится к интроспекции и вспомнит свои собственные проступки.

В последнем треке также происходит убийство лирического героя.

У альбома кольцевая композиция: если прослушивать его с 1 по 14 трек, причиной смерти окажутся злодеяния, если с 14 по 1 – человеческая слабость, безвольность. Главное амплуа Бога в альбоме – справедливый и неподкупный судья.

Текст XXX является прямым обращением и к Америке, и к Богу, к двум сопоставляемым неконтролируемым силам, которые остаются глухими к просьбам о мире и помощи.

Великий американский флаг, сложенный и протасенный со взрывчаткой, становится метафорой американского общества, раздираемого внутренними противоречиями:

The great American flag is wrapped and dragged with explosives.

Особый интерес вызывает использование в текстах рэп-дискурса прецедентных имен как частного случая интертекстуальности. Как утверждает А.А. Колесников, употребление автором в тексте того или иного прецедентного имени связано с субъективной оценкой исполнителя обсуждаемого феномена, которая сформировалась под воздействием ценностей, значимых для определенной культуры [Колесников 2014]. О разрухе в стране рэп-исполнитель с издевкой сообщает Деве Марии, Иисусу и Иосифу, которые выступают олицетворением высших сил, предлагая возрадоваться. Бог в глазах Ламара остается безучастным.

Один из персонажей в тексте, афроамериканец, становится самостоятельной движущей силой, он вынужден вступить в бой с реальностью.

Автор сравнивает человека с черной кожей с бесстрашным дикарем, способным пройти через любые трудности для достижения цели. Он вступает в битву, рэпер заранее уверен в его победе:

*Throw a steak off the ark
To a pool fool of sharks, he'll take it
Leave him in the wilderness
With a sworn nemesis, he'll make it*

Другой персонаж в тексте – мальчик Джонни, по-своему пробивающий себе дорогу в жизни. Он не заинтересован в получении образования, а уже через несколько строк он становится убийцей. Его судьба заключена в четырех строчках, каждая из которых начинается с анафорического повтора его имени:

*Johnny don't wanna go to school no mo', no mo'
Johnny said books ain't cool no mo'
Johnny wanna be a rapper like his big cousin,
Johnny caught a body yesterday out hustlin' («XXX»).*

Рэп-исполнитель в этом тексте называет себя *New Kung Fu Kenny* (Новый Кунг-фу Кенни), в очередной раз подчеркнув свой воинственный настрой, ставя себя в один ряд с главными героями своих текстов, всепреодолевающими афроамериканцами. Это новое альтер-эго исполнителя, сосредоточенного на познании себя, обращающегося к эзотерической природе боевого искусства кунг-фу.

В другом тексте, *DNA*, Ламар использует метафору «рожденный в утробе зверя» (*born inside the beast*) («DNA»), которая обозначает то, что он с самого

рождения лишен свободы, заперт в своем городе, ограничен социальной системой. Исполнитель называет себя солдатом, который вынужден бороться с несправедливостью (*soldier's DNA*).

Таким образом, следует сделать вывод, что темы Бога, страны (США) и жизни афроамериканцев являются центральными в творчестве исполнителя. В текстах рэпера Бог предстает неподкупным и справедливым судьей, который спешит совершить свой суд над каждым оступившимся. Он чаще всего остается глухим к молитвам верующих, однако Кендрик Ламар возлагает на него все свои надежды, призывая своих слушателей к смирению перед ним. Свою страну, США, Ламар обвиняет в расизме и неспособности жить согласно провозглашенным принципам демократии. Он занимает активную гражданскую позицию и берет на себя задачу поднятия значимости афроамериканской культуры на территории США. Афроамериканец в текстах Кендрика Ламара предстает сильным и выносливым, борющимся за свои права.

Литература

Kendrick Lamar [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://genius.com/artists/Kendrick-lamar>. Дата обращения 20.11.2018.

Rocha Diego A. Kendrick Lamar and Hip-Hop as a Medium for Social Change // Student Publications. 545. Gettysburg, 2017.

Гриценко Е.С., Дуняшева Л.Г. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44).

Колесников А.А. Особенности использования прецедентных имен в рэп-дискурсе // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5.

Осознанный хип-хоп // Википедия Свободная Энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Осознанный_хип-хоп. Дата обращения 20.11.2018.

Юсова Л. Афроцентризм // Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/AFROTSENTRIZM.html>. Дата обращения: 20.11.2018.

М.В. Дудник (*Саратов*)

**Лингвокультурный типаж «лишний человек»
в русской языковой картине мира XIX – XX века
(на материале публицистических текстов
Национального корпуса русского языка)**

Научный руководитель – доцент Ю.В. Каменская

Существует ряд смежных понятий, схожих с определением «лингвокультурный типаж», в частности «языковая личность», «коммуникативная личность» и «речевой портрет личности».

В лингвокультурологии существует несколько отличительных особенностей лингвокультурного типажа от данных смежных понятий [Карасик 2002; Маслова 2001; Ярмахова 2005]. Во-первых, набор лингвокультурных типажей не имеет ограничений, в отличие от тех смежных понятий, появление

которых обусловлено историческим развитием общества и культуры. Во-вторых, лингвокультурный типаж одновременно отражает культурно-диагностическую значимость типизируемой личности для понимания соответствующей культуры (культурно обусловлен) и акцентирует внимание на изучении этой личности с позиций лингвистики, в отличие от составляющих его терминов, которые описывает какую-то определенную его сторону [Дмитриева 2007].

Одним из ярких примеров лингвокультурного типажа в русской культуре является понятие «лишний человек». Чтобы проследить трансформацию этого типажа, мы опираемся на выборку публицистических текстов XIX и XX веков Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Для поиска в корпусе НКРЯ использовались такие комбинации как: *лишн* чел** и *лишн* люд**. Количество публицистических текстов в корпусе, в которых фиксируются данные словоформы в XIX и XX веках, приравнивается к 179.

Анализ лингвокультурного типажа «лишний человек» мы начинаем с XIX века, так как именно этот временной период характеризуется появлением данного феномена. Содержание лингвокультурного типажа «лишний человек» выявлялось нами в процессе анализа как высказываний персонажей о самих себе, так и суждений о них других персонажей.

Анализ материала показывает, что в публицистике определение «лишнего человека» амбивалентно. С одной стороны, типуажу «лишний человек» свойственны такие эксплицитные концептуальные признаки как *непреклонная личная сила, готовность к самопожертвованию, доброе и нежное сердце*:

У тех («лишних людей») все-таки есть внутри что-то такое, что они считают своим достоянием, чем дорожат, чем воображают себя серьезно проникнутыми [Н.А. Добролюбов. Темное царство (1859)];

Вообще, скудность, сухость, обделенность дарами природы точно представлялись Тургеневу необходимыми спутниками или даже условиями непреклонной личной силы [Н.К. Михайловский. О Тургеневе (1883)].

С другой стороны, «лишний человек» характеризуется наличием таких концептуальных признаков, как *бесхарактерность, меланхоличность, неспособность к серьезному развитию*. Ничто не может проникнуть в глубину его сознания, ничто не является важным:

От скуки они смеялись и для разнообразия принимались плакать. Это – неудачники, в большинстве неврастеники и нытики, «лишние люди», которые все уже испробовали, чтобы добыть кусок хлеба, выбились из сил, которых у них так мало, и в конце концов махнули рукой, потому что не «никакого способу» и не проживешь «никаким родом» [А.П. Чехов. Остров Сахалин (1893-1895)];

Какими бы симпатичными чертами ни рисовали «лишнего человека» – все же явление болезненное, а не нормальное [М.Е. Салтыков-Щедрин. Напрасные опасения (По поводу современной беллетристики) (1868-1883)].

В публицистических текстах второй половины XIX века появляется новый тип «лишнего человека» – беззаботный, ленивый, ничем не интересующийся. Концептуализация этой вариации типажа «лишний человек»

осуществляется посредством обращения к персонажу романа Гончарова – Илье Ильичу Обломову. Обломов осознается как герой, сопоставимый с «лишними людьми» (прежде всего по концептуальным признакам *безвольность, отсутствие деятельности*), но, в то же время не включается в число репрезентантов данного типажа. Такие концептуальные признаки, как спокойствие, доброта и безделье, отличают Обломова и не позволяют признать его представителем типажа «лишний человек»:

А Илья Ильич Обломов, появившийся в то же время, окончательно и резко объяснил всей русской публике, что теперь человеку бессильному и безвольному лучше уж и не смешить людей, лучше лежать на своем диване, нежели бегать, суетиться, шуметь, рассуждать и переливать из пустого в порожнее целые годы и десятки лет. Прочитавши Обломова, публика поняла его родство с интересными личностями «лишних людей» и сообразила, что эти люди теперь уж действительно лишние и что от них толку ровно столько же, сколько и от добрейшего Ильи Ильича [Н.А. Добролюбов. Когда же придет настоящий день? (1860)];

Давно уже замечено, что все герои замечательнейших русских повестей и романов, страдают оттого, что не видят цели в жизни и не находят себе приличной деятельности. Вследствие того они чувствуют скуку и отвращение от всякого дела, в чем представляют разительное сходство с Обломовым... Онегин, как Обломов, оставляет общество, затем, что его Измены утомить успели, Друзья и дружба надоели. И вот он занялся писаньем [Н.А. Добролюбов. Что такое обломовщина? (1859)].

Важной особенностью лингвокультурного типажа «лишний человек» является его динамическая природа: тот пучок концептуальных признаков, которые характеризуют этот типаж, обусловлен многими внешними факторами. Например, становление «лишних людей» берет свое начало из детства героев. Воспитанием детерминированы истоки тех концептуальных признаков, которые будут присущи уже взрослому «лишнему человеку» - *безволие, леность, безразличие*.

Резко отрицательная оценка в публицистических текстах мало прослеживается. В основном, отмечается, что «лишние люди» выращивают чувство самобичевания в тепличных для себя условиях и позже берегут их для собственного удобства:

Они должны сказать: мы – лишние люди, нас нельзя пристроить ни к какому делу, но если бы нас иначе воспитывали в детстве и иначе направляли в молодости, мы, может быть, не обременяли бы собою земли и не относились к копителям неба и к чужеядным растениям [Д.И. Писарев. Писемский, Тургенев и Гончаров (1861)];

Все эти «лишние люди», так меланхолически сетовавшие на свою ненужность, куда ничто не препятствовало им услаждать себя этими сетованиями, оказались, как только время предъявило некоторые притязания на их досуг, такими преестественными зверобоями, что сразу сделалось ясно,

что способность эта только спала в них, окончательно же никогда не умирала [М.Е. Салтыков-Щедрин. Напрасные опасения (По поводу современной беллетристики) (1868-1883)].

Аллюзивные связи «лишнего человека» и других персонажей русской и мировой литературы, в сущности, приводят к одному выводу – «лишние люди» социально и психологически не являются чем-то необыкновенным. Формированию типажа «лишний человек» способствуют, прежде всего, погружение в определенный социокультурный контекст. Влияние внешних условий может нивелировать все основные концептуальные признаки:

Вставьте «лишнего человека» в обстановку русской революции, и получится Нежданов; придайте ему глубины и высоты и вдвиньте в обстановку средневекового искреннего ученого – получится Фауст; сохраняя ту глубину и высоту, поставьте перед ним практическую задачу кровной мести – выйдет Гамлет [Н.К. Михайловский. О Тургеневе (1883)];

Таким образом, Лишнего человека сменял Пасынков, Пасынкова – Рудин, Рудина – Лаврецкий. Каждое из этих лиц было смелее и полнее предыдущих, но сущность, основа их характера и всего их существования была одна и та же [Н.А. Добролюбов. Когда же придет настоящий день?» (1860)].

В публицистических текстах XX века прослеживается отсутствие новых репрезентаций понятия «лишний человек». В текстах широко представлены те концептуальные признаки, которые были выявлены нами в XIX веке: наличие внутренней личной силы и элемента самооправдания.

Человек должен быть верующим», — и разочарованный «лишний человек», которому под стать было пустить себе пулю в лоб, находит сразу в этой философии достаточное оправдание пошлости, оправдание своего зоологического существования [В.В. Воровский. Лишние люди (1905)];

И все же иные его (Чехова) лишние в основном направлении и настроении своего духа выше полезных. Они погружены в неделание потому, что не спешат воспользоваться жизнью; они созерцают, они думают о ней, они чувствуют ее и тихо приближаются к ее фактическому содержанию... [Ю.И. Айхенвальд. Чехов (1910)].

Прослеживается также линия сопоставления представителей «лишних людей» с другими литературными персонажами, например, с Обломовым. Но по сравнению с текстами XIX века, в XX веке предпочтение отдается именно «лишним людям», а не Обломову.

В Онегине и Бельтове, даже в Райском, в лиших людях Тургенева и Чехова обломовские черты одухотворены, и там они более глубоки, живут всецело во внутреннем мире или не проступают так грубо наружу, как у Ильи Ильича. Там гораздо идеальнее страх перед жизнью, которая «трогает, везде достает» [Ю.И. Айхенвальд. Гончаров (1910)].

Одним из важных концептуальных признаков «лишнего человека» наряду с самоидентификацией продолжает оставаться элемент самоанализа и самобичевания:

Я остро ощущал и переживал лишь случаи несправедливости (да и то внутренне, про себя), причем гораздо болезненнее, когда они касались других. Такой тип поведения я выработал для себя отчасти вследствие воспитания в семье, отчасти же как самозащитную реакцию в тех условиях, в каких я оказался. Я был одиноким, не имел опоры в семье, к тому же лишенный социальных амбиций, не имел никакой склонности к доминированию над другими [А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988-1998)];

И этот «здоровый, сильный», но лишний человек такими мрачными красками рисует свое душевное состояние: «С тяжелой головой, с ленивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу?» [В.В. Воровский. Лишние люди (1905)].

Основная проблема нереализованности «лишнего человека» как личности лежит в его духовной оторванности от народа. В его душе нет гармонии с миром, с природой, с Богом. Скорбная тоска «лишнего человека» заставляет винить во всех бедах и несчастьях, случившихся с ним, только самого себя.

Вымирающий, неспособный к жизни «лишний человек» оказывается обезоруженным перед реалиями окружающего мира. Свое равнодушие к миру он искупил своим страданием:

Основная психологическая черта «лишних людей» – это разлад сознания и воли. Эта черта характерна для представителей всякого отмирающего, сходящего со сцены общественного течения [В.В. Воровский. Лишние люди (1905)];

Ничто во мне еще не горело. Найдет что-нибудь, потревожит и тлеет помаленьку дальше. Никогда мои чувства не знают вершин: мешает что-то, а что - не знаю [А.И. Батюто. Дневник (1937)];

Наивные и бескорыстные, лишние люди Чехова ушли от суеты, «не размахивают руками и бросили в колодезь ключи от хозяйства» – эти ключи, из-за которых умирает не один скупой рыцарь жизни [Ю.И. Айхенвальд. Чехов (1910)].

Не имея веры, воли и желаний к жизни, «лишние люди» обладают нравственной слабостью. Их однообразная реакция на явления окружающей действительности характеризуют их как окостенелых, ни к чему не способных человеческих существ:

Они обречены на жалкое существование, на бесплодную борьбу с опошлевшей и опустившейся средой. Идеалы их ничтожны, сил для борьбы у них мало, – ведь это элементы, которые остались после ухода лучших сил, – и вот, после недолгих усилий, надрываются, разочаровываются, обессиливаются. Погрузиться в чисто зоологическое существование, как большинство их собратьев, они не могут: сознание болезненно работает и казнит их; бороться дальше не хватает энергии, и они становятся «лишними людьми» [В.В. Воровский. Лишние люди (1905)].

Анализ динамики частоты употребления понятия «лишний человек» в публицистических текстах на базе НКРЯ, мы пришли к следующим выводам:

- в публицистических текстах XIX века формируются первичные концептуальные признаки лингвокультурного типажа «лишнего человека»;
- XX век характеризуется отсутствием новых репрезентаций «лишних людей», в публицистических текстах используются аллюзии на данное понятие;
- «лишний человек» как лингвокультурный феномен в XX веке исследуется глубже и детальней, с привлечением социальных и исторических фактов, в отличие от XIX века;
- объем текстов в XIX веке значительно больше, чем публицистика XX века, поскольку именно в XIX веке происходило формирование лингвокультурного типажа «лишний человек».

Литература

- Дмитриева О.А.* Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. Волгоград, 2007.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие. М., 2001.
- Ярмахова Е.А.* Лингвокультурный типаж «английский чудак»: автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

Я.Д. Дуненкова (*Саратов*)

Анализ ФЕ английского языка тематической группы «хорошее самочувствие»

Научный руководитель – доцент И.Г. Вразнова

Фразеология – одно из самых ярких, необычных, культурно значимых и национально специфичных средств языка. Фразеологизмы способны выражать особенности того или иного языка, а также мироощущение, менталитет, национальный характер носителей данного языка. Предметом фразеологии как раздела языкознания является исследование природы фразеологизмов, их признаков, выявление закономерностей, возникновения и функционирования их в речи.

Одним из актуальных в данное время является лингвокультурологический подход к изучению фразеологии, в рамках которого фразеологические явления и единицы исследуются на фоне языковой картины мира как «выразители особой национальной ментальности».

Термин «языковая картина мира» знаменателен для лингвистики и имеет много определений: «совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» [Маслова 2001: 103]; «зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности» [Яковлева 1998: 43].

Фразеологизмы являются необходимым компонентом языковой картины мира, которое несет информацию о представлении людей о мире. Фразеологизмы возникают в различных языках на основе образного

представления действительности, которое отображает духовный и исторический опыт носителей данного языка, связанный с культурными традициями. Система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка является «нишей» для мировидения, и связана с материальной, социальной и духовной культурой данного языкового коллектива, и поэтому фразеологизмы свидетельствуют о его культурно-национальном опыте и традициях.

Многие лингвисты отмечают антропоцентрический характер фразеологии. Почти все проявления жизни человека – его рождение и смерть, особенности характера, возраста, внешнего облика, умственной деятельности, профессиональные качества и т. д. – находят отражение во фразеологии любого языка. И, безусловно, все это нашло отражение в языке: появилось большое количество фразеологических единиц, выражающих различные состояния человека, в том числе и хорошее самочувствие. В центре внимания нашего сообщения – анализ ФЕ английского языка тематической группы «хорошее самочувствие» с точки зрения их семантики (на материале электронной версии Cambridge Idioms Dictionary и словаря А.В. Кунина [Кунин 1984]). Анализ ФЕ тематической группы «хорошее самочувствие» показал, что в английском языке прослеживаются основные семантические модели фразеобразования, в основе которых лежат регулярные метафорические и метонимические переносы.

Одной из продуктивных метафор при фразеобразовании является зооморфная метафора, при этом здоровье человека сравнивается со здоровьем какого-либо животного, которое ассоциируется с силой, выносливостью и т.д. В английской лингвокультуре такими животными являются бык, лошадь, например, *as strong as a horse/ox*. Это является достаточно универсальным явлением (сравним с русскими фразеологизмами *здоров как бык* или *работает как лошадь*). Однако в английском языке также присутствуют и другие фразеологизмы, не имеющие полных эквивалентов в русском языке, например, *there is life in the old dog yet* (*есть еще порох в пороховницах*), *bright-eyed and bushy-tailed* (*хвост трубой* – здесь мы тоже видим сравнение с собакой), *quite the spring chicken* (*свежа как весенний цыпленок*). К этой же группе фразеологизмов следует отнести идиому *to have nine lives like a cat* (*живуч как кошка*), которая появляется в шекспировской пьесе «Ромео и Джульетта», происхождение которой, однако, представляется намного более древним.

К другим метафорам, продуктивным при фразеобразовании в рамках тематической группы «хорошее самочувствие» в английском языке, относится одна из архетипических метафор, описываемая многими лингвистами, а именно модель *more is up, up is better* (т.е. *выше – больше и выше – лучше*). В рамках этой модели для метафорического наименования хорошего состояния человека используются лексемы, семантика которых указывает на более высокое положение в пространстве, как правило, относительно каких-либо других предметов, например, *to feel above par* (*прекрасно себя чувствовать*), *feel on top of the world* (*прекрасно себя чувствовать*), *at the very height of his power* (*в расцвете сил*). Отдельно можно отметить группу фразеологизмов,

обозначающих хорошее психологическое состояние, например, *over the moon* (на 7 небе от счастья), *to be in high spirits* (в хорошем расположении духа). И для сравнения, плохое самочувствие ассоциируется с более или самым низким в пространстве положением. Например, *to go down with the disease* (болезнь валит с ног), *come down with something* (слечь), *to look run down* (валиться с ног от усталости).

Продолжая тему пространственных метафор, следует отметить, что в английской лингвокультуре, что, впрочем, является достаточно универсальным, хорошее самочувствие человека ассоциируется с его способностью, во-первых, оставаться в вертикальном положении, т.е. оставаться на ногах, например, *to regain one's feet*, *to get back on one's feet* (встать на ноги).

Следующая группа фразеологизмов, которая также достаточно частотна в английском языке, представляет собой комплекс идиом, семантика которых построена на метафоре целостности. Так, нарушение подобной целостности какой-либо конструкции или механизма устойчиво ассоциируются в английском языке с плохим самочувствием, например, *to go to pieces*, *to fall apart* (разваливаться на части). И напротив, целостность и сохранность чего-то через метафорическое переосмысление обозначает нормальное, хорошее самочувствие, например, *in one piece* или *to be with a whole skin* (цел и невредим).

Несомненно, неотъемлемой частью здоровья и хорошего самочувствия является психологическая уравновешенность и способность к здравому мышлению. Здесь интересными представляются следующие особенности английских фразеологизмов.

Способность здраво рассуждать ассоциируется в английской фразеологии с такими когнитивными признаками центральных лексем фразеологических единиц, как свет, скорость, яркость, например, *bright as a button* (проницательный), *to have a quick wit* (обладать острым умом), *a brilliant mind* (выдающийся ум).

Наиболее интересной для семантического анализа, на наш взгляд, представляется группа фразеологизмов, в которой способность к здравому суждению либо пониманию чего-то ассоциируется с нахождением человека в нужном месте, например, *all there* (*having all of one's wits, intelligence, or mental competence intact*), что означает *быстро соображать*. Для сравнения: *not quite all there* (*think slowly because of low intelligence, illness, drugs*), что означает *туго соображать*.

При этом интересным представляется наблюдение, что чаще всего место, ассоциируемое со способностью соображать, это место близкое и знакомое человеку, например, *is anybody home?* (с головой все в порядке?), и наоборот, *to be all abroad* (не разбираться в чем-то).

Схожую метафору мы видим и в следующих примерах: *to be going around the circles* (вертеться в голове), *to be all abroad* (не разбираться в чем-то), *to come to one's senses* (взяться за ум), *to go out of the senses* (выжить из ума).

Таким образом, анализ метафор, лежащих в основе семантики

фразеологизмов тематической группы «хорошее самочувствие», позволяет сделать определенные выводы о некоторых культурно-специфических особенностях фразеологической номинации здорового человека в английском языке, в частности, что хорошее самочувствие устойчиво ассоциируется с силой, выносливостью, высоким положением в пространстве, способностью оставаться в вертикальном положении, целостностью и способностью к здравому суждению.

Литература

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М., 2001.

Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3.

А.А. Кульгина (*Саратов*)

Образ сознания «Смерть» в различных языках и культурах

Научный руководитель – доцент Е.В. Старостина

Смерть – одно из ключевых понятий человеческого бытия и, вместе с тем, его закономерный финал, о котором каждый из нас хотя бы однажды задумывался. Каждому, вне зависимости от языка, на котором он говорит, места, где он живет, и убеждений, которых он придерживается, приходится в какой-то момент столкнуться со смертью. Перед смертью все равны. Значит, мы, люди всего мира, вероятно, воспринимаем смерть схожим образом. С другой стороны, каждый человек вырос в том или ином культурном окружении, которое наложило определенный отпечаток на то, какими глазами он смотрит на мир и сквозь призму чего пропускает понятия и явления, из которых этот мир складывается. Значит, даже такое общечеловеческое понятие, как смерть, вероятно, принимает разные оттенки в контексте разных культур.

Нами была проведена целая серия исследований, посвященных изучению образа сознания «Смерть» в различных языках и культурах. Главная цель нашей работы заключалась в поиске ответов на следующие вопросы:

- Можно ли считать, что фреймовая структура образа сознания «Смерть» имеет фиксированный набор слотов, необходимый и достаточный для описания данного образа сознания в языковой картине мира (далее – ЯКМ)?

- Существуют ли некие универсальные элементы исследуемого образа сознания, которые будут появляться в соответствующем фрейме вне зависимости от того, к какой культуре принадлежат испытуемые и на каком языке они говорят?

- Наконец, можно ли составить универсальную схему восприятия смерти, которая органично вписалась бы в любую ЯКМ?

Итак, в данной статье нам хотелось бы обобщить сделанные нами

наблюдения и подвести некоторые итоги.

Прежде, чем мы перейдем непосредственно к обсуждению результатов нашей работы, хотелось бы сделать одну важную оговорку. По мере привлечения нового материала изначальная структура фрейма «Смерть» несколько раз дополнялась и уточнялась, пока, наконец, выделенный нами набор слотов не охватил все возможные аспекты восприятия изучаемого явления. Разумеется, старый материал впоследствии был переосмыслен с точки зрения окончательной структуры, и именно переосмысленные данные мы будем приводить в тексте настоящей статьи. Однако новые данные могут иметь некоторые расхождения с данными, представленными в более ранних статьях.

Теперь можно приступить к обсуждению наших наблюдений. В первую очередь, отметим, что смерть – это явление, восприятие которого действительно сильно подвластно культурному влиянию. Уже в ЯКМ русскоязычных детей младшего школьного возраста слот «Компоненты культуры» находится на втором месте, уступая самому актуальному слоту («Оппозиты») всего на 3,85%. Несмотря на то, что впоследствии у школьников данный слот выходит по актуальности на первое место, у взрослых русскоязычных испытуемых он стабильно находится вторым месте, что подтверждается на материале двух словарей: РАС и САС. Еще любопытнее это наблюдение становится, если учесть, что между экспериментами, которые сопровождали подготовку этих словарей, прошло целых десять лет: материал для РАС собирался в 1988-1990 гг., а для САС – в 1998-1999 гг. Получается, что влияние культуры на восприятие смерти настолько сильно, что, укоренившись в сознании в далеком детстве, оно не ослабляется и с возрастом, приспособливаясь к актуальному культурному климату, состояние которого можно проследить в реакциях, входящих в подслот «Компоненты культуры» (более подробно в контексте украинской ЯКМ см.: [Кульгина (в печати)]).

Поскольку «смерть» относится к общечеловеческим понятиям, диахронические исследования данного образа сознания приобретают особое значение: они позволяют проследить, какие особенности восприятия закладываются уже с детства, а какие проявляются лишь с возрастом. В частности, усвоение оппозиции «смерть – жизнь» происходит, по-видимому, задолго до того, как ребенок идет в первый класс: реакция *жизнь* (23) является самой частотной уже у учеников 1–4 классов и остается таковой (61 в РАС и 88 в САС) и в дальнейшем. А вот такая типичная для русского сознания метафора, как «смерть – это живое существо», отражения в ЯКМ школьников не находит (за исключением нескольких реакций, данных учениками 5–6 и 7–8 классов). Это весьма любопытно, потому как персонификация смерти находит отражение в том числе и во включенной в школьную программу классической литературе: например, «...и смерть пришла, и жизнь прошла как будто псу под хвост» у И.А. Бродского или «Смерть придвинулась украдкой...» у А.Т. Твардовского. Интересно также и то, как на восприятии смерти отражаются особенности детской психики. С одной стороны, дети многое принимают близко к сердцу, и поэтому в реакциях

школьников присутствуют персонализированные реакции (например, *дедули, друга, Дина*). С другой стороны, дети проявляют гораздо большую чувствительность к окружающему миру, и поэтому среди их реакций можно встретить и такие: *волку, кошки, медведя, птички*. С возрастом, однако, эти особенности восприятия исчезают, и вошедшие в слот «Участник событий» реакции взрослых испытуемых оказываются более абстрактными (более подробно об исследовании ЯКМ школьников см.: [Кульгина 2017а]).

Можно предположить, что чем старше становится человек, тем большую стереотипность приобретает его восприятие смерти, однако это не так: и у школьников, и у взрослых русскоязычных испытуемых число неединичных реакций приблизительно равно 1/3 от общего числа различных реакций. Кое-что, однако, объединяет и детей, и взрослых: среди реакций всех русскоязычных испытуемых подавляющее большинство составляют негативно окрашенные реакции, иллюстрирующие преимущественно страх перед смертью.

Еще одним важным наблюдением является то, что с возрастом значительно стабилизируется структура самого фрейма: если школьникам разных возрастов необходим разный (и, к тому же, неполный) набор слотов для описания смерти, то в ЯКМ взрослых испытуемых реализуются все аспекты восприятия изучаемого явления.

Таким образом, фреймовая структура образа сознания «Смерть» состоит из следующих десяти слотов: «Дефиниция», «Описание», «Оппозиты», «Глагольные реакции» (распадается на два подслота: «Персонификация» и «Действия, совершаемые человеком»), «Пространство и время» (распадается на два подслота: «Локализация во времени» и «Локализация в пространстве»), «Компоненты культуры» (распадается на два подслота: «Культурный прецедент» и «Ритуализация смерти»), «Эмоциональный компонент» (распадается на три подслота: «Чувства, эмоции, их проявления», «Диалогические реакции», «Реакции-синтагмы»), «Причинно-следственный компонент», «Атрибуты», «Участник событий». Несмотря на то, что в фрейме могут присутствовать не все выделенные нами слоты и подслоты (как, например, в случае со слотом «Описание» в ЯКМ учеников 9–11 классов), мы считаем такой набор необходимым и достаточным для описания смерти, поскольку в результате его использования мы получаем детальную структуру исследуемого явления и малый асемантический остаток (процент не поддавшихся классификации реакций в фреймах, отображающих и ЯКМ школьников, и ЯКМ взрослых русскоязычных испытуемых, лежит в пределах 0,64 – 5,13 %).

Еще одна тенденция, сохраняющая свою актуальность даже по прошествии десяти лет, – значительное расширение состава некоторых слотов, происходящее по той причине, что с возрастом знания человека о мире существенно углубляются. Наиболее показательной иллюстрацией здесь служит слот «Причинно-следственный компонент», обладающий в ЯКМ взрослых русскоговорящих испытуемых куда большим – а порой и куда более интересным (как, например, в случае с такими реакциями, как *лежавым от ножа, на ходу, под*

балконом, во имя любви (2), не сдал экзамен и т.д.) – разнообразием, что, однако, не означает повышения степени его актуальности.

Однако кое-какие изменения в восприятии смерти за целое десятилетие все же произошли. Наиболее значимое из них касается слота «Участник событий» и имеет под собой историческую основу. В фрейме, структурирующем материал из РАС, можно найти следующие реакции: *фашистам (9), захватчикам (3), вождя (2), еврея, коммуниста, Сталина, шпион*. Очевидно, что соответствующие исторические события оставили в русской душе неизгладимый отпечаток и на момент проведения эксперимента не были еще затемнены другими общественными потрясениями. Спустя десять лет подобные реакции почти полностью исчезают: единственным исключением является единичная реакция *фашистам*. По сути, мы наблюдаем деактуализацию целого культурного пласта, что могло бы стать интересной темой для дальнейших исследований.

Проследив динамику фрейма «Смерть» в ЯКМ носителей русского языка, мы решили обратиться к другим культурам с целью установления универсальности исследуемого образа сознания (подробнее об этом исследовании см.: [Кульгина 2018]). Выяснилось, что описанные выше тенденции, судя по всему, являются общими для всех славян, поскольку фреймы для украинского, белорусского и болгарского языков получились в целом очень похожими. Поэтому нам хотелось бы сконцентрироваться на обнаруженных различиях. Наиболее любопытным является тот факт, что в ЯКМ носителей украинского языка оппозиция «смерть – жизнь» обладает куда меньшей выраженностью, чем в ЯКМ других культур: имея абсолютную частоту 19, реакция *життя* оказывается в ассоциативном поле (далее – АП) лишь на четвертом месте. Интересно, что если обратиться к слову *життя* как к стимулу, то и в этом АП *смерть (30)* окажется по частотности лишь на втором месте. Получается, что более важным аспектом для украинцев оказывается сам факт конечности человеческого существования (потому как на первом месте в качестве реакции на *смерть* оказывается *кінець (26)*).

Кроме того, представителям других славянских народов свойственно, в отличие от русских, не только резко негативное восприятие смерти, но и выделение в ней чего-то хорошего. Это выражается в таких реакциях, как *пачатак (2), полегшення, красива, свобода (3), дава смисъл на живота и т.д.*

Еще одним важным этапом нашей работы стало изучение образа смерти в ЯКМ носителей британской и американской версий английского языка (подробнее об этом исследовании см.: [Кульгина 2017б]). Выяснилось, что здесь восприятию смерти свойственны те же тенденции, что и в случае со славянскими языками. Мы можем видеть *LIFE* как самую частотную реакцию (19 и 35 для EAT и USFANT, соответственно), большое количество негативно окрашенных реакций и приблизительно то же соотношение слотов по их объему и актуальности (например, как в ЯКМ славян, так и в ЯКМ англоговорящих испытуемых среди наименее актуальных оказались следующие слоты: «Причинно-следственный компонент», «Пространство и время», «Атрибуты» и «Глагольные реакции»).

Однако, ввиду специфики использованных словарей, мы все еще не обладаем достаточно полной картиной (при составлении ЕАТ каждый стимул предъявлялся в ходе эксперимента всего ста испытуемым, что, безусловно, слишком мало, чтобы говорить о должной репрезентативности; при составлении же USFANT не учитывались единичные реакции, которые, на наш взгляд, также представляют ценность для исследователя), поэтому мы считаем оправданным проведение в дальнейшем собственного эксперимента с целью уточнения данных.

На последнем этапе исследования мы занялись составлением универсальной схемы восприятия смерти. Для этого мы провели пословное сопоставление реакций между всеми получившимися фреймами, чтобы выделить среди них универсальные элементы. В таблице ниже можно увидеть отобранные нами реакции и их частотность для каждой группы испытуемых. Важно подчеркнуть, что все формы глагола *умереть* в фреймах, отображающих ЯКМ русскоязычных испытуемых, мы условились в рамках нашей схемы считать одной реакцией (так же, как и, к примеру, все родовые формы слова *черный*), поскольку это – части одной и той же парадигмы. Универсальная схема в нашем понимании содержит не столько конкретные реакции (словоформы), сколько леммы, поэтому мы решили, что такое исследовательское решение полностью оправдано. Этими же соображениями мы руководствовались, когда рассчитывали среднюю относительную частоту реакций *страх* и *ужас*. Дело в том, что слово *DREAD*, как и слово *HORROR* одинаково корректно переводится и как «страх», и как «ужас», поэтому, принимая во внимание, что каждое из них встретилось лишь в одном словаре (USFANT и ЕАТ, соответственно), мы при подсчете средней относительной частоты $Freq_m$ учли оба возможных перевода (в табл. 1 это обозначено знаком *).

Таблица 1

Универсальные элементы АП смерть

Реакция	АСШС				РАС	САС				ЕАТ	USFANT
<i>жизнь</i> (LIFE)	23	34	40	27	66	89	43	22	61	19	35
<i>похороны</i> (FUNERAL)	1	1	5	4	1	2	7	4	4	1	2
<i>страх</i> (DREAD, HORROR)	2	2	3	3	18	14	8	6	10	2	2*
<i>ужас</i> (DREAD, HORROR)	1	4	6	3	12	11	9	8	7	2*	2
<i>умереть</i> (DIE)	8	10	9	5	1	3	2	3	2	2	10
<i>черный</i> (BLACK)	1	1	1	1	6	6	8	18	24	4	2

Примечание. Для АСШС частота реакций указана в следующем порядке: «1–4 класс» – «5–6 класс» – «7–8 класс» – «9–11 класс». Для САС частота реакций указана в следующем порядке: «русский язык» – «белорусский язык» – «украинский язык» – «болгарский язык».

При упорядочивании выделенных нами универсальных реакций мы пользовались следующим принципом: чем выше средняя относительная частота реакции, тем более актуальным элементом исследуемого образа сознания эта реакция является и, следовательно, тем более высокий ранг в универсальной схеме ей присваивается. Среднюю относительную частоту реакции $Freq_m$ мы вычисляли по принципу нахождения среднего арифметического по следующей схеме:

$$Freq_m = \frac{a_1 + \dots + a_x}{x},$$

где x – число составленных нами фреймов, а $a_1 \dots a_x$ – относительная частота реакции для каждого фрейма.

Итак, следуя описанному выше принципу, мы получили следующую схему образа сознания «Смерть» (см. табл. 2).

Таблица 2

Универсальная схема образа сознания «Смерть»

Ранг	Элемент	$Freq_m$
1	<i>жизнь</i>	14,19%
2	<i>умереть</i>	2,54%
3	<i>черный</i>	1,7%
4	<i>ужас</i>	1,67%
5	<i>страх</i>	1,65%
6	<i>похороны</i>	1,03%

Интересно, что все вошедшие в эту схему элементы выстроились в том же самом порядке, в котором они были расположены в аналогичной схеме, составленной нами только на материале САС [Кульгина 2018: 28-29], что дает все основания считать, что предложенная нами на данном этапе исследований схема действительно имеет право называться универсальной.

Итак, в ходе серии исследований нам удалось определить необходимый и достаточный набор слотов в структуре соответствующего фрейма, а также построить универсальную схему восприятия данного явления, которая, как выяснилось, ведет себя одинаково даже при разном наборе исходных фреймов.

Литература

- EAT – Kiss G.R., Armstrong C.A., Milroy R. Edinburgh Associative Thesaurus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eat.rl.ac.uk/>. Дата обращения: 25.03.2018.
- USFANT – Nelson D.L., McEvoy C.L., Schreiber T.A. The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://w3.usf.edu/FreeAssociation/>. Дата обращения: 25.03.2018.
- АСШС – Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартынов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – IX классов. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Саратов, 2011.
- Кульгина А.А. Ассоциативное поле «Смерть» как отражение культурных стереотипов в сознании школьников // Этнокультурная динамика русского языка. Старый Оскол, 2017а.
- Кульгина А.А. К вопросу о базовых элементах ассоциативного поля «Смерть» (на материале русского и английского языков) // Личность – Язык – Культура: Материалы VI Междунар. научно-практ. конф., Саратов, 22-24 ноября. Саратов, 2017б.
- Кульгина А.А. Образ сознания «Смерть» в языковой картине мира носителей славянских языков: курсовая работа. Саратов, 2018.

Кульгина А.А. Прецедентные феномены, формирующие представления о смерти в языковой картине мира носителей украинского языка (на материале «Славянского ассоциативного словаря») // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты: Сборник материалов всероссийской студенческой научно-практической конференции (в печати). РАС – Караулов Ю.Н., Черкасова, Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. М., 2002.

САС – Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004.

А.В. Филатова (*Саратов*)

**Образование в жестких рамках:
метафорическая репрезентация сферы образования
в современных американских и британских СМИ**

Научный руководитель – доцент И.Г. Вражнова

Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живем» рассматривают метафору как когнитивную структуру, которая определяет наше мышление [Лакофф, Джонсон 2004]. При этом метафорическое мышление, по их мнению, закреплено в нашем сознании. Наша обыденная система мышления, в рамках которой мы действуем, метафорична по своей сути.

По мнению Золтана Ковежича, метафора не только структурирует мышление и язык, является неотъемлемой частью культуры, выступает результатом работы нейронов головного мозга, где и происходит зарождение метафорической мысли, что было отражено в труде «Metaphor. A practical introduction» [Kovecses 2012].

Рэймонд Гиббс в своей работе «Metaphor Wars» [Gibbs 2017] пишет о том, что теория концептуальной метафоры отображает не только схематические соответствия, установленные сферой-целью и сферой-источником, но и является взаимодвижением всех аспектов связи человека с миром: метафора, по его мнению, является не только лингвистическим явлением, но включает в себя культурную, социальную, а также психологическую сторону.

Многие лингвисты отмечают активность использования метафоры в медийном дискурсе. При этом отмечается, что существуют определенные тематические области, где метафора демонстрирует особо высокую частотность. Как правило, к таким тематическим областям относятся социально значимые сферы, имеющие большое значение для общества в целом и для каждого человека в частности. Одной из таких сфер, несомненно, является образование.

К сферам-источникам, которые демонстрируют высокий метафорический потенциал при характеристике сферы образования в американских и британских СМИ, относятся следующие: война, движение, рынок и капитал, дорога/путь, растения и механизмы. Однако в данной статье нам бы хотелось

подробнее остановиться на комплексе метафорических выражений, в рамках которого образование и его элементы метафорически представляются как сфера, оказывающаяся в жестоких границах, наложенных на нее различного рода ограничениями как внутреннего, так и внешнего характера. Эти ограничения могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на рассматриваемую область социальной жизни, так как с одной стороны, способствуют развитию в данной сфере, а с другой создают определенные ограничения.

Семантическим центром метафоры в этом примере является лексема *trap*, метафорическое употребление которой указывает на некоторые ограничения для одной из групп студентов.

Today, state educational choice programs are helping students with disabilities, those who would otherwise be trapped in failing public schools, students from the foster-care system, military dependents, students whose parents were killed in the line of duty, and students residing on Indian Reservations. (The Independent, 08.12.2017).

В данном примере мы видим указание на то, что ограничений и рамок для особенных учеников частных школ можно избежать, реализуя социальные программы по поддержке таких учеников. Первичное значение лексемы *to trap* определяется в словаре Oxford English Dictionary как «catch (an animal) in a trap», что дает основу для концептуального признака переноса – лишение свободы. Если учесть, что частные школы в Великобритании – это привилегированные закрытые школы с постоянным проживанием на их территории, то ограничение в чем-либо даже там – означает лишение особенных детей прав на нормальное существование, что придает ключевой лексеме *trapped* еще более яркую оценочность и определенный символизм.

Еще более ярко выраженную отрицательную оценку имеет метафорическое выражение в следующем примере, так как лексема *to coop* относится к тематической сфере «тюрьма».

The kids aren't cooped up in a classroom while the sun shines. (The Mirror, 18.04.2016).

Первичное значение лексемы *cooped up* определяется в словаре Oxford English Dictionary как «confine in a small space», словарь Cambridge English Dictionary включает эту лексему в тезаурус по теме «заключение в тюрьму». Таким образом, в данном примере школьники метафорически представлены своего рода узниками учебного процесса. Как преступники ассоциируют свободу с простором, который возможен только при выходе из тюремной камеры, так и для школьников выход за пределы учебного заведения ассоциируется с обретением свободы.

Если в предыдущих примерах определенные ограничения касаются учеников, то в данном примере речь идет уже об учителях. Здесь ключевая лексема *trap* указывает на ограничение определенным объектом, а именно классной комнатой, где учитель чувствует себя узником из-за большой рабочей нагрузки.

Instead of spending time with my family, I was trapped in my office, correcting the same spelling mistakes and spliced commas on each and every paper, the pain in my back building as I sat hunched over the desk for five, six, seven hours at a time. (The Guardian, 03.02.2018).

Здесь акцентируется внимание на рутинности профессии учителя, на монотонности выполняемой работы каждый день и отсутствия поощрения со стороны директора школы за тяжелый труд. Из-за очень плотного графика учителя лишаются личного времени, они вынуждены отдавать все силы и перерабатывать часы за проверкой школьных заданий. Классная комната превращается в камеру заточения, из которой невозможно выйти, не проверив все задания, что предписывается политикой школы. Учителя, в страхе потерять место, вынуждены подчиняться. Первичное значение лексемы *trap*, рассмотренное в предыдущем примере, приобретает сходный метафорический перенос в данном предложении, однако, охватывает более широкий круг лиц: всех учителей.

Часто в англоязычном публицистическом тексте, посвященном различным аспектам образования, метафора ограничения появляется при характеристике определенных рамок, накладываемых на отдельные аспекты образовательного процесса.

The song «School Days» famously encapsulated primary education as «reading and 'riting and 'rithmetic» 110 years ago, acknowledging a widely understood truth about public schools: literacy is one of the most important, if not the most important, skill that they should impart to students. (Los Angeles Times, 26.12.2017).

В этом примере ключевая лексема *encapsulated* в первичном значении указывает на ограничение чего-либо, лишение чего-то необходимого: «enclose something in or as if in a capsule», что дает основу для концептуального признака переноса – ограждение от внешнего мира. С помощью этой метафоры представлено уменьшение количества основных предметов в начальной школе и доведения их до минимума. По мнению американских методистов начальной школы, эти ключевые дисциплины помогают развить необходимые навыки у детей для перехода в среднюю школу. Несмотря на то, что круг предметов не ограничивается только тремя: чтением, письмом и счетом, они являются основой и фундаментом, понимание которых помогает освоению других предметов.

Следующий пример иллюстрируют достаточно частотное употребление лексем, связанных с определением некоторых рамок и границ, в контексте описания финансовой стороны образовательного процесса.

The announced funding will be ring-fenced – spent only on colleges delivering the 15 technical routes the government is championing, dubbed “T-levels”. (The Guardian, 08.03.2017).

В данном примере описывается резкое сокращение денежных средств и указывается на то, что только те колледжи, которые включают 15 направлений подготовки, курсов для развития технических навыков с последующей сдачей экзамена T-Level, будут финансироваться в полной мере. Из контекста неясно, как

много колледжей смогут соответствовать этому критерию. Первичное значение лексемы *ring-fence* определяется в словаре Oxford English Dictionary как «enclose (a piece of land) with a ring fence», что дает основу для концептуального признака переноса – ограничение чем-либо. Это первичное значение и совокупности с метафорическим значением позволяет говорить о том, что деньги этого фонда будут сохранены только для школ, соответствующих требованиям.

The project had been held in limbo as the recent state budget process dragged on. The BET had made release of the money contingent on promised state reimbursement being official. (Greenwich Time, 01.11.2017).

В последнем примере идет речь о приостановке проекта из-за неопределенной ситуации с бюджетными средствами. Первичное значение лексемы *limbo* определяется в словаре Collins English Dictionary как «a prison or confinement», что дает основу для концептуального признака переноса – ограничение или лишение свободы. Кроме того, словарь Oxford English Dictionary также фиксирует значение «a state of neglect or oblivion». Таким образом, в рамках данного метафорического выражения актуализируются, с одной стороны, концептуальные признаки ограничения, с другой стороны – забвения и запустения.

Таким образом, наиболее частотными сферами-источниками при метафорической репрезентации каких-либо ограничений, связанных с осуществлением образовательного процесса, являются «охота», «тюремное заключение», «быт». Относительная частотность метафор с перечисленными сферами-источниками объясняется, на наш взгляд, большим количеством регуляторов, накладываемых на изучаемую сферу участниками образовательного процесса и обществом в целом.

Литература

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Gibbs, R. Metaphor wars. Cambridge, 2017.

Kovecses Z. Metaphor. A practical introduction. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://epdf.tips/metaphor-a-practical-introduction-second-edition.html> Загл. с экрана. Дата обращения: 15.02.2018.

У.А. Шакирова (Саратов)

Национально-культурные особенности полисемичной субстантивной региональной лексики французского, испанского и русского языков

Научный руководитель – профессор В.Т. Клоков

Выбор темы исследования обусловлен тем, что полисемия на региональном уровне языка представляется сегодня одним из интереснейших и недостаточно изученных когнитивных механизмов человеческого мышления, языка и речи.

Межъязыковое сравнение многозначных лексем дает возможность обнаружить сходства и несходства в образовании различных моделей полисемии (метафорических, метонимических), раскрывает особенности видения мира, понятийного мышления, словесного творчества разных лингвокультурных общностей.

В структуре многозначного слова фиксируется динамика семантического развития, причем в большей степени, ее отражают языковая метафора и метонимия.

Метафоризация является универсальным средством пополнения лексикона. Главным ее параметром, как подчеркивает В.Н. Телия, является антропометричность, которая выражается в том, что выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для него по своему образу и подобию или же по пространственно-воспринимаемым объектам [Телия 1988: 182].

Анализ многозначных существительных предполагает установление семантических связей между значениями полисемантических слов, а также характеристику видов этих связей, употребление количественного состава значений, образующих многозначное слово и представление многозначного слова как системно организованного множества взаимосвязанных и взаимодействующих вариантов. Значения многозначных слов объединены концептуальными содержательными связями, основными типами которых являются метафорические и метонимические.

В настоящей статье приведен анализ корпуса региональных французских, испанских и русских полисемичных существительных, репрезентирующих 3 семантических поля:

- 1) человек в его отношениях с другими людьми,
- 2) черты характера и поведения человека,
- 3) интеллект.

Данный корпус был составлен путем сплошной выборки из словарей регионализмов: французского языка [Rézeau 2001; Клоков 2012], испанского языка [Fitch 2012; Grosschmid, Echegoyen 1998]), русского языка [Ливинская, Матвеев 2016; Зотов 2010].

Регионализмами являются некоторые произносительные, грамматические и лексико-семантические черты, оставшиеся от диалектов. Это распространенные в определенном регионе слова, обозначающие понятия, связанные по своему происхождению с этим регионом и не присущие другим территориям, используемые жителями вне зависимости от социальных факторов в устной форме, а также в художественной литературе и региональных СМИ. Также отметим, что к регионализмам можно отнести слова и выражения внутри одного национального варианта языка, но бытующие в различных регионах на территории распространения этого варианта – в одном конкретном городе, в нескольких провинциях и автономных областях.

В семантическом поле «человек в его отношениях с другими людьми»

особо выделяется группа слов, характеризующая негативные качества человека, злость и агрессию.

Так, в Провансе и Марселе злую и неприятную женщину именуют региональным словом *sartan* (основное значение регионализма – сковорода, метафоризация происходит на основе сопоставления нагара на сковороде и характера человека).

На территории коммуны Ла-Тест-де-Бюш злую женщину называют *tonine* (основное значение регионализма *tonine* – девочка).

В Архангельске региональное существительное *живодер* описывает злого и жестокого человека (основное значение – профессиональный забойщик скота).

Также агрессивного человека в Республике Марий Эл обозначает существительное *бургоз* (производное значение – надоедливый, докучливый человек). Слово имеет тюркское происхождение с первоначальным значением «бык», «вести себя как молодой бычок».

В Каталонии конфликтного и агрессивного человека называют *charnego*. Слово произошло от гасконского *charnègo* «охотничья собака».

В семантическом поле «Черты характера и поведения человека» выделяем группу слов, характеризующих бесхарактерного человека.

К данной группе относятся французские регионализмы *aricandier* (Ile-de-France, Yvelines, Champagne), основное значение которого – мелкий крестьянин), *magnin* (Bourgogne, Provence, Saône-et-Loire, Côte-d'Or, Lorraine, Franche-Comté, Haute-Savoie), производные значения которого «жестянщик», «мастер на все руки».

Во французском языке существует еще один регионализм *panosse* (Mâcon, Doubs, Haut-Jura, Velay, Vosges, Saône-et-Loire) «тряпка», приобретающий в результате метафоры значение «бесхарактерный человек, тряпка».

В Архангельске бесхарактерного человека называют *ханурик* (производное значение – пьяница) и *ханыга* (производное значение – попрошайка).

В испанской провинции Алава для обозначения бесхарактерного человека служит регионализм *ful* (основное значение – предмет плохого качества) и *pelota* (производное значение – похвала, лесть).

В семантическом поле «Черты характера и поведения человека» выделяем группу слов, характеризующих болтливую человека.

В регионе Северные Альпы болтливую женщину называют *margot* (основное значение – сорока).

В Якутии болтливую человека называют *базан* (производное значение – плакса) и *баюн* (производное значение – дикий олень).

В Саламанке сплетника называют регионализмом *maruja* (основное значение – домохозяйка).

В семантическом поле «интеллект» обратим внимание на существительные, обозначающие глупого человека.

Во французском языке регионализм *foutraud* (Gaga, Forez, Pilat, Dauphiné)

обозначает неумного человека (производное значение – яростный человек).

В Республике Марий Эл глупого человека называют региональным словом *чарема* (основное значение – человек из сельской местности), в Архангельске – *чурбан* (производное значение – бесчувственный человек).

В испанском языке данная группа представлена существительными *chotas* (основное значение – шутник), *fregona* (основное значение – швабра).

Таким образом, сопоставительно-типологическое изучение полисемии на материале разных языков в их региональном разрезе в рамках конкретного семантического поля позволило эксплицировать семантические связи исследуемого поля с другими в лексико-семантической системе языка.

Так, из анализа существительных поля «человек в его отношениях с другими людьми (злость/агрессия)» видно, что оно связано с полями предметы, профессии. Поле «Черты характера и поведения человека» связано с полями предметы, профессии, абстрактные понятия, социально-общественная значимость человека, животные, деятельность, предметы.

Поле «интеллект» связано с полями характеристика человека, предметы.

Данные реалии входят в систему ценностей французской, испанской, русской лингвокультурной парадигмы и, становясь культурным кодом, отражаются в языковой картине мира. Выявление различий в исследуемых языках свидетельствует о разнообразии метафорического сознания языковых общностей.

Литература

- Fitch R.* Diccionario de coloquialismos y términos dialectales del español. Madrid, 2011.
Grosschmid P., Echegoyen C. Diccionario de regionalismos de la lengua Española. Barcelona, 1998.
Rézeau P. Dictionnaire des régionalismes de France. Géographie et histoire d'un patrimoine linguistique, Bruxelles, 2001.
Зотов Г. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России. Магадан, 2010.
Клоков В.Т. Словарь регионализмов французского языка Франции. Саратов, 2012.
Ливинская И., Матвеев А. Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска. Новосибирск, 2016.
Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988.

Ю.С. Ященина (*Саратов*)

Развернутое словосочетание как структурный тип контекстных актуализаторов значения фразеологизма

Научный руководитель – доцент Т.И. Борисова

В настоящее время в лингвистике фразеологические единицы (далее ФЕ) активно рассматриваются с прагматической точки зрения, так как они обозначают непосредственно сами предметы и явления окружающей нас действительности и выражают отношение к ним говорящего. Так, именно в актах речевой коммуникации каждая ФЕ наполняется своим смысловым

содержанием [Кунин 2010]. Поэтому для изучения функционирования ФЕ важным является анализ контекста, в котором используется ФЕ.

В лингвистической литературе последних десятилетий существуют различные определения контекста, которые представлены оппозициями: узкий и широкий контекст, линейный и вертикальный, лингвистический и экстралингвистический контекст и др. Наиболее узкое понимание контекста ограничивается ближайшим окружением той единицы высказывания, к которой применяется определенное правило. Г.В. Колшанский различает следующие типы контекста: микроконтекст (грамматический контекст) – в пределах предложения, макроконтекст – в пределах абзаца или диалогического единства, текстовый, тематический контекст, который может совпадать с объемом всего произведения в целом [Колшанский 2011]. С. И. Походня называет текстовый контекст мегаконтекстом [Походня 1989].

Одной из первых вводит принцип контекстологического анализа ФЕ Н.Н. Амосова и предлагает следующее определение контекста: «сочетание семантически реализуемого слова (т.е. слова, относительно реализации значения которого контекст вычленяется) с указательным минимумом (т.е. элементом речевой цепи, несущим требуемое семантическое указание)» [Амосова 1963: 28].

Вслед за Д.Э. Розенталем мы рассматриваем контекст как «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи (текста), дающий возможность точно установить значение отдельного входящего в него слова или предложения» и «условия употребления данной языковой единицы в речи (языковое окружение, ситуация речевого общения)» [Розенталь 2003]. Любое высказывание может быть правильно интерпретировано лишь в целостном контексте.

Необходимо подчеркнуть, что при рассмотрении функционирования фразеологических единиц в живых актах коммуникации, полная реализация значения ФЕ также происходит только в контексте, так как «контекст выступает не как спорадическое и факультативное явление в коммуникации, а как глобальный феномен, пронизывающий все единицы и уровни языка» [Колшанский 2011: 21].

Фразеологический оборот – это фиксированная языковая единица с завершенной структурой, включающая в свой состав несколько смысловых компонентов, которые определяют его семантическое значение [Чернышева 1970]. Как отмечает автор, ФЕ не производятся в актах коммуникации, а создаются сразу в готовом виде как единое смысловое образование, поэтому в качестве главного признака ФЕ выступает воспроизводимость. Для фразеологизмов характерна воспроизводимость их в готовом виде с закрепленным и строго фиксированным целостным значением, составом и структурой. Значение ФЕ не зависит от отдельных компонентов, входящих в его состав, им присуще переосмысленное индивидуальное значение, кроме того, функция, выполняемая ФЕ в контексте, не меняется, он способствует

раскрытию модального потенциала, который присущ им на уровне словарной нормы. Фигурируя в контексте, ФЕ способны менять свои узуальные модальные характеристики посредством воздействия актуализирующих элементов на их значение. В условиях контекста более полно раскрывается модальный потенциал значения фразеологизма [Колшанский 2011]. Следовательно, ФЕ и контекст взаимосвязаны.

Использование ФЕ в акте речевой коммуникации представляет собой процесс реализации ее значения. Употребление ФЕ в контексте сопровождается соотношением ее семантики со значением других языковых элементов, объединенных одной общей языковой ситуацией. Семантически актуализированная фразеологическая единица, с учетом ее смыслового воздействия на контекст и конкретизации контекстом значения фразеологизма, способна семантически ориентировать смысловое содержание высказывания в различных направлениях, которые тем более отчетливы, чем более полно развертывание значения фразеологических единиц [Данченко 2009]. Для актуализации значения фразеологизма необходимы такие актуализирующие элементы в языковом контексте, которые располагаются вместе с фразеологизмом в лингвистических контекстах разного объема. В стилистике немецкого языка выделяются следующие разновидности контекста: мини-контексты, развернутые контексты и макро-контексты [Брандес 2004]. Под мини-контекстами принято понимать сложное слово, словосочетание и предложение, развернутыми контекстами служат сочетания предложений, абзацев и сочетаний абзацев, завершенный текст любого объема, включая пословицы и поговорки – это макро-контекст [Наер 2006]. Становясь элементами текста, ФЕ находятся в окружении лексических единиц, которые выступают как их актуализаторы [Кунин 2010]. Актуализирующие элементы рассматриваются с разных позиций, в том числе и с точки зрения их структуры. Существуют следующие структурные группы актуализирующих элементов (или актуализаторов), которые могут быть представлены словом, словосочетанием или предложением.

В настоящей статье анализируются контекстные актуализаторы структурной группы «развернутое словосочетание», выраженные словосочетанием и предложением. Материалом исследования послужили две группы ФЕ с национально-культурным компонентом семантики «Оружие», в которых первая подгруппа фразеологизмов, отражающих исторические реалии из жизни Германии и вторая подгруппа, представленная ФЕ без использования лексического архаизма или историзма и особенности их контекстной реализации в текстах немецкоязычной прессы (анализировались публикации с интернет-сайтов <https://www.pressebox.de/>; <https://de.sputniknews.com/>; <https://www.welt.de/>; <https://www.svz.de/>).

Наиболее сложно выявить смысл, значение фразеологизмов, с выраженным исторически обусловленным компонентом в составе, представленным историзмом, например, *die Lanze* (копье, пика), *der Harnisch*

(броня, доспехи), *die Lunte* (фитиль), *das Pulverfaß* (бочка с порохом) и утратившим какое-либо значение для носителей современного немецкого языка. Поэтому для фразеологизмов, в составе которых есть архаизм или историзм, важно знание их носителями языка, то есть ФЕ должна быть знакома, кроме того они нуждаются в большей активности контекстных актуализаторов, в отличие от фразеологизмов второй группы, для которых характерна метафоричность и высокая степень выразительности и для семантизации которых необходимы актуализирующие элементы в контексте.

Рассмотрим факты употребления первой подгруппы фразеологизмов.

В приводимом ниже отрывке текста содержится информация о том, что более 2600 предпринимателей в Германии подписали «Хартию разнообразия», встречается ФЕ *für jmdn. eine Lanze brechen* – (вступить за кого – л., за что – л., встать на защиту кого-л., чего-л.): «*Deutscher Diversity Tag: eine Lanze brechen für mehr Vielfalt. Franz & Wach unterschreibt Charta. Mehr als 2.600 Unternehmer in Deutschland haben die Charta der Vielfalt bereits unterzeichnet. Sie begreifen Vielfalt als Teil der Unternehmenskultur und sehen darin positive Impulse für die Arbeitsatmosphäre... Die Charta der Vielfalt soll die Wertschätzung und Einbeziehung von Vielfalt in der Unternehmenskultur in Deutschland voranbringen. Schirmherrin der Unternehmensinitiative ist Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel.*»

Актуализаторами, реализующими функцию указания на значение ФЕ *für jmdn. eine Lanze brechen* выступают развернутые словосочетания *haben die Charta der Vielfalt bereits unterzeichnet* (подписали «Хартию многообразия»), *sie sehen darin positive Impulse für die Arbeitsatmosphäre* (они отмечают положительный импульсы для рабочей атмосферы) и *Schirmherrin der Unternehmensinitiative* (покровительница инициативы корпораций).

В тексте газетной статьи для описания реакции Турции на вооруженную поддержку со стороны США Сирии появляется ФЕ *jmdn. in Harnisch bringen* – (букв. поместить кого-л. в доспехи; приводить в бешенство (в ярость) кого – л.): *Die einseitigen Handlungen der USA in Syrien haben die Türkei in Harnisch gebracht.... Am vergangenen Samstagmittag hatte der türkische Generalstab die Operation «Olivenzweig» gegen kurdische Stellungen im syrischen Afrin eingeleitet. Behördlichen Angaben zufolge nahmen daran insgesamt 72 Kampffjets teil. Es seien 108 Ziele getroffen worden. Später kündigte der türkische Premierminister Binali Yildirim eine mögliche Bodenoperation in Afrin am Sonntag an. Ankara hat Washington mehrmals für dessen militärische Hilfe an die kurdischen Volksverteidigungseinheiten YPG heftig kritisiert...*

Элементами контекста, направленными на актуализацию значения ФЕ *jmdn. in Harnisch bringen*, стали предложения и словосочетания:

hatte die Operation «Olivenzweig» gegen kurdische Stellungen im syrischen Afrin eingeleitet (проведенная операция «Оливковая ветвь» против курдских позиций в сирийском Африне);

daran nahmen insgesamt 72 Kampffjets teil (было задействовано 72 реактивных истребителя);

Es seien 108 Ziele getroffen worden (поражено 108 целей);
eine mögliche Bodenoperation in Afrin am Sonntag (возможная наземная операция в Африне в воскресенье);

mehrmals für militärische Hilfe heftig kritisieren (многократно подвергаться резкой критике за вооруженную помощь).

Рассмотрим контекстную реализацию ФЕ *die Lunte ans Pulverfaß legen* – (перен. подлить масла в огонь) в статье о провозглашении Дональдом Трампом Иерусалима столицей Израиля: *Trump legt mit Jerusalem die Lunte an das Pulverfass Nahost. Die Folgen sind gewaltig. Die Kritik ist es nicht minder, aber Trump zieht durch: Der US-Präsident verkündet, dass sein Land Jerusalem als Hauptstadt Israels anerkennen wird. Politischer Sprengstoff für Nahost. Und für den Friedensprozess... Seit der Staatsgründung Israels hat jeder US-Präsident die Anerkennung Jerusalems sorgsam vermieden - aus vielen Gründen. Trump wird ein politisches Erbeben im Nahen Osten auslösen.*

Актуализация значения ФЕ *die Lunte ans Pulverfaß legen* осуществляется за счет таких элементов контекста, указывающих на значение ФЕ, как:

Die Folgen sind gewaltig (последствия ужасны);

Der US-Präsident verkündet, dass sein Land Jerusalem als Hauptstadt Israels anerkennen wird. (Президент США объявил, что США признает Иерусалим столицей Израиля);

die US-Botschaft soll von Tel Aviv nach Jerusalem verlegt werden (посольство США должно быть перенесено из Тель-Авива в Иерусалим);

ein politisches Erbeben im Nahen Osten auslösen (вызвать «политическое землетрясение» на Ближнем Востоке).

В тексте статьи также присутствует и контекстуальный синоним рассматриваемой ФЕ – словосочетание *politischer Sprengstoff für Nahost* («политическая взрывчатка» для Ближнего Востока).

Вторая подгруппа ФЕ без использования лексического архаизма или историзма представлена в работе одним фактом употребления. В приведенном ниже контексте для описания пожара в Калифорнии в 2017 г., автор в качестве заголовка к статье использует ФЕ *wie eine Bombe eingeschlagen* – (разг. как бомба разорваться; производить впечатление разорвавшейся бомбы): *Wie eine Bombe eingeschlagen hätte. Was viele Kalifornier bei der Rückkehr in die Brandgebiete vorfinden, ist ein Schreckensszenario. Brad Hoffman steht vor dem Nichts, doch seinen Humor hat er noch nicht verloren... Dabei blickt er auf eine graue Mondlandschaft aus verbogenem Metall, Aschebergen und verkohlten Holzbalken. „Es ist schwer, überhaupt noch etwas zu erkennen“, meint der Hobby-Musiker. Ein Paar war nicht zuhause, als die Feuerwalze in der Nacht zum Montag die Nachbarschaft am Rande der Kleinstadt Santa Rosa überrollte. Erst am Dienstag können sie sich ein Bild von der totalen Verwüstung machen. Soweit der Blick reicht ist das Coffey-Park-Viertel mit Hunderten Häusern dem Erdboden gleichgemacht.*

Полностью раскрывают значение фразеологического сравнения *wie eine Bombe eingeschlagen* актуализирующие значение ФЕ элементы, описывающие

последствия пожара *ein Schreckensszenario* (кошмарный сценарий), *vor dem Nichts stehen* (стоять перед пустотой), *eine graue Mondlandschaft aus verbogenem Metall, Aschebergen und verkohlten Holzbalken* (серый лунный пейзаж с изогнутым металлом, горами пепла и обугленными деревянными балками); *Es ist schwer, überhaupt noch etwas zu erkennen* (сложно что-либо узнать); *die Feuerwalze überrollte die Nachbarschaft am Rande der Kleinstadt Santa Rosa* (огненный вал уничтожил окрестности на окраине маленького городка Санта-Роза); *ein Bild von der totalen Verwüstung* (картина полного разрушения); *das Coffey-Park-Viertel ist mit Hunderten Häusern dem Erdboden gleichgemacht* (квартал Кофи-парк с сотнями домов сравнялся с землей.).

Рассмотренные в ходе анализа факты употребления двух подгрупп фразеологизмов позволяют сделать вывод, что ФЕ, входящие в названные выше группы, активно используются в современном немецком языке.

Рассмотрение особенностей функционирования ФЕ в тексте позволяет сделать вывод о том, что контекст обуславливает выбор той или иной ФЕ, раскрывает ее семантику и играет важную роль при идентификации значения ФЕ.

Литература

- Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1983.
Данченко Н.Н. Варьирование компонента фразеологизма в языке и речи // Контекстуально обусловленная вариативность единиц языка / под ред. В.И. Агамджановой. Рига, 2009.
Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 2011.
Кунин А.В. Фразеологические единицы и контекст // Иностранные языки в школе. 2010. № 5.
Наер Н.М. Стилистика немецкого языка. М., 2006.
Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев, 1989.
Розенталь Д.Э. Словарь лингвистических терминов. М., 2003.
Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Крючкова О.Ю.</i> Валентин Евсеевич Гольдин: жизнь – университет – лингвистика.....	3
<i>Воздвиженская А.В.</i> «Выходы» гиперо-гипонимических систем в составе ассоциативного поля.....	14

ЧАСТЬ I

Раздел 1. Проблематика и поэтика художественного текста: идеи, мотивы, образы

<i>Александров С.С.</i> Мотив чуда в «Повести о взятии Смоленска Иваном Грозным».....	18
<i>Тарасова Е.А.</i> Раневская.....	21
<i>Ковалева А.С.</i> Шарлотта Ивановна как трагифарсовый парадокс чеховской комедии.....	26
<i>Джмилъ Л.В.</i> Поэтическая ономастика повести Л.Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского».....	31
<i>Нестеренко Г.П.</i> Функции паронимической аттракции в сборнике М. Цветаевой «После России».....	34
<i>Щербинина М.Е.</i> «Дорога никуда» А.С. Грина: роль случая в структуре романного повествования.....	39
<i>Шевцова В.Г.</i> Приемы диалогизации монологического повествования в романе В.А. Каверина «Открытая книга».....	43
<i>Романов А.А.</i> Пространственно-временной код в лирике Е. Шварц.....	49
<i>Тишина Е.Д.</i> Образ трикстера в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки».....	53
<i>Баронина Т.А.</i> Перифраза во внутреннем монологе.....	57
<i>Коротина А.А.</i> Жанровый анализ мотива эсхатологической катастрофы.....	60
<i>Магомедов О.Г.</i> Даргинские народные варианты сюжета «Чудесные дети» («Поющее дерево и птица-говорунья») по печатным источникам и варианту из личного архива. Сопоставительный анализ.....	65

Раздел 2. Проблемы литературного диалога

Рясов Д.Л. Н.В. Гоголь и Ф.А. Моллер: история взаимоотношений.... 68

Раздел 3. Теория. Эстетика. Критика. Художественная рецепция

Филина А.С. Повесть М.М. Зощенко «Перед восходом солнца» в журнале «Октябрь»: журнальная история 1943 – 1946 гг..... 72

Сягина Е.И. Творчество А. И. Солженицына в литературно-критических статьях Андрея Немзера (на материале газеты «Сегодня»)..... 77

Нарбикова Э.Ф. Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы..... 81

ЧАСТЬ II

Раздел 1. История, теория и практика журналистики

Волоконская Т.А. Вопросы медиакритики на страницах еженедельника «Пчела»..... 84

Шкрёба В.В. Трэвел-журналистика Дмитрия Крылова..... 89

Раздел 2. Язык СМИ

Голубева А.В. Обновление лексико-грамматической стороны фразеологического оборота на основе заголовков статей англоязычных новостных агентств..... 93

Измайлова Е.В. Неудачные заголовки в прессе..... 96

Лебединская Е.Ю. Провокация как коммуникативная цель общения в современном медиадискурсе (на материале телепередачи Е. Додолева «Правда 24»)..... 100

Нуриева А.И. Прецедентные феномены в речи футбольного комментатора..... 103

Первакова А.В. Основные способы перевода фразеологических единиц (на примере перевода статей англоязычных СМИ, представленных на сайтах русскоязычных новостных агентств)..... 108

Рогожина Е.И. Стратегия провокации в речи участников телеинтервью (на материале телевизионных программ «Познер», «Собчак живьем»)..... 112

ЧАСТЬ III

Раздел 1. Лексика и семантика

<i>Афанасьев И.А.</i> Концептуальная оппозиция «свой–чужой» на материале онимов старославянского языка.....	118
<i>Бабенкова М.С.</i> Жанр интернет-комментария: реакция пользователей по поводу нарушения языковых норм.....	123
<i>Гасанова Ш.М.к.</i> Общественно-политическая лексика и проблематика ее перевода с немецкого языка на русский.....	126
<i>Гераничева Е.В.</i> Особенности речи врача-педиатра.....	129
<i>Дегальцева А.В.</i> Словообразовательные особенности наречий образа действия в разговорной речи.....	134
<i>Ефремова Л.С.</i> IT-терминология как основа формирования особенностей жанра «киберпанк» (на материале романов В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» и Н. Стивенсона «Вирус “Reamde”».).....	138
<i>Канаева В.М.</i> Средства суггестии в стоматологическом дискурсе.....	143
<i>Лебеда С.А.</i> Влияние композиционного построения и элементов сильной позиции на создание сюжетной напряженности в романе Дж.Дивера «The Bone Collector».....	146
<i>Лукьянова А.А.</i> Развитие семантики слова <i>троллить</i> в современном русском языке.....	151
<i>Незнаева О.С.</i> Структура прецедентного имени в русском языковом сознании студентов (на примере ПИ из вселенной «Гарри Поттер»).....	153
<i>Орлова Д.Г.</i> Динамика неологизации подсистемы русских суффиксальных глаголов.....	158
<i>Пантеева К.В.</i> Косвенная оценка как часть непрямой коммуникации: проблема интерпретации.....	163
<i>Пономарева К.С.</i> Наименование лиц в детской речи: словообразовательный аспект.....	166
<i>Сидорова Е.Н.</i> Пожелание как один из жанров дружеской интернет-коммуникации.....	170
<i>Чайковская Я.С.</i> Словообразование как художественный ресурс (на материале поэзии В.С. Высоцкого).....	176
<i>Шамаева М.А.</i> Структурно-семантический анализ тематической группы «Музыкальные инструменты» в современном русском языке.....	
<i>Янковский О.И.</i> Семантическая динамика слов с корнями <i>-ход-</i> , <i>-ид-</i> и <i>-шед-</i> в XIX-XXI вв.....	186

Раздел 2. Социолингвистика

<i>Древогень Е.А.</i> Прецедентные феномены в русской литературно-разговорной речи.....	194
<i>Жандарова А.Н.</i> Тематическая группа «Кухонная утварь» в диалектной речи (на материале говора села Мегра Вытегорского района Вологодской области).....	199
<i>Семёнова А.А.</i> Варьирование общенародной лексики в говоре (на материале говора села Белогорное Вольского района Саратовской области).....	203
<i>Штыцко Л.И.</i> Особенности функционирования сравнений в речи жителей с. Мегра Вологодской области.....	207

Раздел 3. Языковая картина мира

<i>Ганова Т.К.</i> Бог, США и афроамериканская культура в текстах рэп-исполнителя Кендрика Ламара.....	211
<i>Дудник М.В.</i> Лингвокультурный типаж «лишний человек» в русской языковой картине мира XIX – XX века (на материале публицистических текстов Национального корпуса русского языка)	216
<i>Дуненкова Я.Д.</i> Анализ ФЕ английского языка тематической группы «хорошее самочувствие».....	221
<i>Кульгина А.А.</i> Образ сознания «Смерть» в различных языках и культурах.....	224
<i>Филатова А.В.</i> Образование в жестких рамках: метафорическая репрезентация сферы образования в современных американских и британских СМИ.....	230
<i>Шакирова У.А.</i> Национально-культурные особенности полисемичной субстантивной региональной лексики французского, испанского и русского языков.....	233
<i>Яценина Ю.С.</i> Развернутое словосочетание как структурный тип контекстных актуализаторов значения фразеологизма.....	236

Научное издание

Филологические этюды

Сборник научных статей молодых ученых

Выпуск 22

Часть I–III

Оригинал-макет подготовлен *Г.М. Алтынбаевой*

Подписано в печать 08.04.2019 г. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 15,4. Тираж 100 экз.
